

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор филологических наук, доцент *Е. В. Шелестюк*

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент *А. А. Селютин*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиопулос**, PhD, Университет Пелопонесский, Триполи, Греция, главный редактор научного журнала PAPYRI & DELTI (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **И. В. Глухова**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, утвержденный
ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:

экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 350

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru

(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения
авторов публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректурa *Е. В. Южаковой*
Верстка *Е. В. Южаковой*

Подписано в печать 15.11.21.
Выход в свет 22.11.21.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 24,5.
Уч.-изд. л. 21,1.

Тираж 500 экз. Заказ 483.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576

Philology Sciences

Issue 126

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive secretary

A.A. Selyutin, Candidate of Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

V.I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **N.N. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G.R. Derzhavin, Russia); **A.V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A.B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France); **N.L. Khudyakova**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **A.N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of RAS, Russia); **P. Eliopoulos**, PhD, University of Peloponnese, Editor-in-chief of the Scientific Journal "PAPYRI & DELTI" (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor, Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **T.A. Borisenko**, Candidate of Philology, Deputy Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **G.K. Valeev**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **T.A. Vorontsova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **I.V. Glukhova**, Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Chelyabinsk); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.Yu. Dvinina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **L.A. Mesenyashina**, Doctor of Pedagogy, Professor (Chelyabinsk); **A.A. Mironova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **L.A. Nefedova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **N.S. Olizko**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **A.I. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **A.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: Ulrich's Periodical Directory; EBSCO's research collections.

**The journal is published
12 times per year**

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
of. 350, 129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philology Sciences"
editorial office's address:
162v Pobedy pr.,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Tel.: +7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in catalogue "Russian Press"

Proofreader *E.V. Yuzhakova*
Imposition by *E.V. Yuzhakova*

Passed for printing 15.11.21.
Date of publication 22.11.21.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 24.5.
Ac.-publ. sh. 21,1.
Circulation 500 copies.
Order 483. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Аль-Кадим М.</i> Функционирование прецедентного имени в средствах массовой коммуникации (на примере иракских газет)	7
<i>Балашова Д. Ю.</i> Исследовательский корпус текстов в рамках тематической сферы «Компьютерные технологии»: жанровый и лингвокогнитивный анализ	13
<i>Березовская Я. Л., Жуйди Лю</i> Артикуляторно-акустическая характеристика звуков при обучении русскому языку как иностранному носителей китайского языка	20
<i>Большак А. В., Волошина К. С.</i> К вопросу о подходах к переводу поэзии	27
<i>Бурмистрова Л. В.</i> Интернет-мемы в образовательном процессе (на примере изучения английского языка).	34
<i>Волков В. В.</i> Постчеловечество, апокалипсис и метанойя: лингвоментальная энантиосемия и варианты возможного будущего.	40
<i>Воронцова Т. А.</i> Бытовой дискурс в сети Интернет	48
<i>Гарифуллина А. В., Шелестюк Е. В.</i> История развития эколлингвистики: зарубежный и отечественный опыт	53
<i>Голованова Е. И.</i> Об индивидуальном научном стиле В. З. Демьянкова	63
<i>Дубровченко Е. М.</i> Трансформация коммуникативной дистанции в приватном общении	69
<i>Цзян Ино</i> Перцептивные характеристики русских гласных в сочетании с мягкими согласными в сопоставлении с китайскими звуками	76
<i>Малькова Я. В.</i> К семантико-мотивационной интерпретации русской диалектной лексики со значением неприязни, вражды (озорочье, подсевуха, зуб грызть)	83
<i>Минина Е. И.</i> Основные характеристики киберспортивной лексики	89
<i>Морозова А. А.</i> Речевой портрет голосового помощника «Алиса».	95
<i>Новикова В. П., Баландина И. Д., Селютин Ал. А.</i> Проблемы образования через призму мемов	101
<i>Олизько Н. С., Ширяева А. С.</i> Реализация значений конституэнтов формы прошедшего перфекта	110
<i>Питина С. А., Таскаева А. В.</i> Названия памятных объектов Челябинской области как составляющая героической парадигмы	120
<i>Попова Л. В.</i> Правда–справедливость и закон в русской языковой картине мира: диахронический аспект.	128
<i>Гиридхар Рао</i> Лингвистическое разнообразие, образование и демократия в Индии: перспективы и проблемы.	135

<i>Сайфиева А. А.</i> Восточная военная лексика в русских деловых документах XVII века	142
<i>Салеева Е. М.</i> Морфологическая, синтаксическая и дискурсивная вариативность предлогов.	149
<i>Салимова Р. М.</i> Бинарная оппозиция «свой — чужой» (на примере британского медиапространства)	158
<i>Лю Син, Чжан Сяолин</i> К вопросу об исследованиях невербальной коммуникации в китайской русистике	164
<i>Смирнова В. Н.</i> Жанровые нарушения машинного перевода технической инструкции	171
<i>Старыгина Н. Ф.</i> Модифицирующая семантика реквизитарной информации в туристическом рекламном объявлении.	178
<i>Тилова Г. А.</i> Синонимия лесоводческих терминов (на примере немецкого, русского и узбекского языков)	184
<i>Фалеева А. В.</i> Отражение лексико-семантических особенностей скрытого смысла коллоквиализмов-зоонимов в лексикографических источниках	192
<i>Инь Цзысюань</i> Структура описания достопримечательностей в русско-и китайскоязычном туристическом дискурсе (на примере описания Великой Китайской стены)	200
<i>Шер Д. К.</i> Применение качественных методов для выделения релевантных экстралингвистических факторов речевого воздействия	206

CONTENTS

<i>AL-Kadhim M.</i> Functioning of a precedent name in the mass media (on the example of Iraqi newspapers)	7
<i>Balashova D. Yu.</i> The research text corpus in the thematic sphere “computer technologies”: genre and linguocognitive analysis.	13
<i>Berezovskaia Ia. L., Ruidi Liu</i> Articulatory-acoustic characteristics of sounds when teaching Russian as a foreign language to Chinese native speakers.	20
<i>Bolshak A. V., Voloshina K. S.</i> Approaches to the issue of poetry translation	27
<i>Burmistrova L. V.</i> Internet meme in the educational process (in terms of learning the English language).	34
<i>Volkov V. V.</i> Posthumanity, apocalypse, and metanoia: linguomental enantiosemy and the options for a possible future.	40
<i>Vorontsova T. A.</i> Everyday discourse on the Internet.	48
<i>Garifullina A. V., Shelestuk E. V.</i> The history of ecolinguistics: foreign and local experience	53
<i>Golovanova E. I.</i> On the individual scientific style of V. Z. Demyankov.	63
<i>Dubrovchenko E. M.</i> The transformation of communicative distance in private communication.	69
<i>Jiang Yinuo</i> Perceptual characteristics of Russian vowels after soft consonants vs Chinese diphthongs	76
<i>Malkova Ya. V.</i> On the semantic and motivational interpretation of Russian dialectal vocabulary with “dislike, enmity” meaning (ozorochie, podsevukha, zub gryzt)	83
<i>Minina E. I.</i> Main characteristics of esports vocabulary	89
<i>Morozova A. A.</i> Speech portrait of voice assistant “Alice”.	95
<i>Novikova V. P., Balandina I. D., Selyutin Al. A.</i> Problems of education through the lens of memes.	101
<i>Olizko N. S., Shiryaeva A. S.</i> The implementation of the past perfect form meanings	110
<i>Pitina S. A., Taskaeva A. V.</i> Regional names of commemorative objects of Chelyabinsk region as part of heroic paradigm	120
<i>Popova L. V.</i> Truth — justness and law in the Russian language picture of the world: diachronic aspect	128
<i>Rao A. Giridhar</i> Linguistic Diversity, Education, and Democracy in India: Prospects and Challenges	135
<i>Sayfiyeva A. A.</i> Eastern military vocabulary in Russian business documents of the 17th century	142

Saleeva E. M. Morphological, syntactic and discursive variation of the prepositions	149
Salimova R. M. The binary opposition “own” — “alien” as illustrated by British media sphere	158
Liu Xing, Zhang Xiaoling On the research of nonverbal communication in Russian studies in China	164
Smirnova V. N. Genre mistakes of computer-based translation of the technical instruction	171
Starygina N. F. Modifying semantics of requisite information in the tourist advertisement.	178
Tilovova G. A. Synonymy of forestry terms (exemplified by the German, Russian and Uzbek languages)	184
Faleyeva A. V. Reflection of the lexical and semantic features of the hidden meaning of colloquialisms-zoonyms in lexicographic sources	192
Yin Zixuan The structure of sights description in the Russian and Chinese discourses (on the example of the description of the Great Wall of China)	200
Sher D. K. Implementing qualitative methods in the identification of relevant extralinguistic factors of speech influence	206

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ИМЕНИ В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ КОММУНИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ ИРАКСКИХ ГАЗЕТ)

М. Аль-Кадим

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия;
Министерство образования Республики Ирак, Багдад, Ирак*

Статья посвящена актуальной проблеме изучения прецедентных феноменов в текстах иракских газет. Проанализированы различные определения понятия прецедентный феномен, выявлены его наиболее важные признаки. Обобщен опыт предыдущих исследований прецедентных феноменов, выполненный известными российскими учеными. Описаны результаты эксперимента, направленного на выявление особенностей функционирования одного из видов прецедентных феноменов — прецедентного имени. В эксперименте участвовали носители арабского языка, которые выделили наиболее значимые для арабской культуры имена, известные всем ее носителям. Поскольку арабская культура не является однородной, были опрошены представители разных арабских стран: Ирака, Сирии, Йемена, Египта, Иордании. Всего опрошено 25 респондентов в возрасте от 20 до 45 лет. Был определен список из 63 прецедентных имен арабской культуры, проанализированы источники и приведены примеры их употребления в иракских газетах.

Ключевые слова: *прецедентные феномены, прецедентное имя, арабская культура, иракские газеты.*

Актуальность данного исследования обусловлена усилением интереса к другим странам и культурам, возможностью находить актуальную информацию в СМИ на разных языках, стремлением не только к изучению языка, но и культуры. Знание культурно значимых единиц, к которым относятся в том числе прецедентные феномены, особенно важно при изучении статей в СМИ, поскольку их авторы часто используют прецедентные феномены для того, чтобы вызвать нужные эмоции и передать в краткой форме важную информацию.

О прецедентных феноменах впервые упомянул Ю. Н. Караулов в своем выступлении «Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности» в 1986 году на «VI Международном конгрессе преподавателей русского языка и литературы». Сам ученый считал, что прецедентные феномены — «это феномены, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников, и современников, и наконец такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [9. С. 216]. Большинство ученых, исследующих прецедентные феномены, также в качестве основополагающего признака называют их общеупотребительность и узнаваемость всеми

членами общества. Так, Д. Б. Гудков определяет прецедентные феномены как единицы, которые «знакомы большинству лингвокультурного сообщества, хранятся в коллективной памяти этого сообщества и регулярно актуализируются в речи» [4. С. 102]. В. В. Красных определяет прецедентные феномены как «основные (ядерные) элементы когнитивной базы, представляющей собой совокупность знаний и представлений всех говорящих на данном языке» [11. С. 65]. Н. В. Смыкунова считает, что «прецедентные феномены — это единицы дискурса, регулярно возобновляемые в речи, известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества, имеющие общий минимизированный, коннотативно окрашенный инвариант восприятия, обращение к которому понятно без дополнительной расшифровки» [14. С. 52].

Изучению прецедентных феноменов посвящено большое количество работ, на сегодняшний день выявлены их типы с точки зрения состава, источников, степени прецедентности. Большинство исследователей полагает, что прецедентными являются только те феномены, к которым представители соответствующей культуры регулярно обращаются в различные эпохи и которые имеют устойчивую связь с ценностной картиной мира, ясно осознаваемой представителями данной культуры (Л. И. Гришаева, Д. Б. Гудков, В. В. Красных, Ю. Е. Прохоров, Г. Г. Слышкин и др.).

Ученые по-разному выделяют основные характеристики прецедентных феноменов, но в целом можно отметить следующие важнейшие их признаки: производность, стереотипность (повторяемость, узнаваемость), отсылочность, репрезентативность. Общность подходов в этом вопросе можно заметить в работах Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, Ю. Е. Прохорова и др.

Таким образом, большинство ученых считают, что прецедентный феномен — это слово, словосочетание, предложение или текст, которые связаны с культурными фактами, известными всем носителям языка и регулярно воспроизводимыми в речи. Опираясь на определение Е. Ю. Прохорова, под прецедентным феноменом мы понимаем «продукт речемыслительной деятельности», знакомый «любому среднему члену лингвокультурного сообщества»; при этом «обращение к нему многократно возобновляется в процессе коммуникации» через связанные с этим феноменом «высказывания и символы» [12. С. 151].

В данной статье мы рассмотрим один из видов прецедентных феноменов — *прецедентное имя*,

которое является именем собственным и связано с реальным или мифическим лицом, служащим символом тех или иных культурно значимых характеристик, в сознании носителей данной культуры. Прецедентное имя часто связано с прецедентным текстом или прецедентной ситуацией.

Нами проведено исследование, в ходе которого методом экспертной оценки были выявлены прецедентные имена, наиболее важные в арабской культуре, известные всем ее носителям. Поскольку арабская культура не является однородной, были опрошены представители разных арабских стран: Ирака, Сирии, Йемена, Египта, Иордании. Всего опрошено 25 респондентов в возрасте от 20 до 45 лет. Им было дано задание написать самые важные имена в арабской культуре. Участники эксперимента писали на арабском языке, который является для них родным.

В результате был выявлен список из 63 прецедентных имен арабской культуры, наиболее актуальных для современных носителей арабского языка, самые частотные из которых представлены в таблице 1.

Таблица 1

Прецедентные имена в арабской культуре

Номер	Имя	Частотность	Источник
1	Мухаммад Посланник Аллаха (دمحم لوسرل)	24	Коран (религия)
2	аль-Мутанаби (يبنتما)	14	Известный арабский поэт; книги о нем: Абдул Малик аль-Таалаби «Книга Абу ат-Тайиб аль-Мутанаби. Что у него есть и что это такое», Абдель Азиз Десуки «В мире аль-Мутанаби» (история)
4	Али ибн Аби Талиб (عبلاط يبا نبا يلع)	12	Арабский политический и общественный деятель; книги о нем: Таха Хуссен «Великая борьба» (история) Мухаммад ибн Якуб аль-Кулайни «Аль-Кафи» (религия)
5	Кайс ибн аль-Малух (حولملا نبا سيق)	11	Известный поэт; книги о нем: Омар Фарук Аль-Табаа «Объяснение Книги Имру Аль Кайса» (история)
6	Абу Баقر (ضر ركب وبأ)	9	Сподвижник пророка Мухаммада; книги о нем: Муслим Ибн Аль-Хаджадж «Сахих Муслим» (религия); Абу-Фарадж аль-Джавзи «Лучшее из лучшего» (история)
7	Ибн аль-Хайсам (مئي هلا نبا)	9	Арабский ученый; книги о нем: Ахмед Камаль Заки «Арабские флаги» (история)
8	Джабир ибн Хайян (ناي ح نبا ربا)	9	Арабский алхимик, врач, ученый; книги о нем: Заки Нагиб Махмуд «Арабские флаги» (история)
11	Аль-Джахиз (ظح اءلا)	8	Арабский писатель, богослов; книги о нем: Ахмед Камаль Заки «Арабские флаги»
12	Осман Ибн Аффан (ضر نافع نبا نامثع)	8	Сподвижник пророка Мухаммада; книги о нем: Абдул Рахман Рафат Паша «Картинки из жизни товарищей» (история)

Окончание таблицы 1

Номер	Имя	Частотность	Источник
13	Авиценна (انيس نبا)	7	Арабский врач, ученый; книги о нем: Аббас Махмуд Аль-Аккад «Авиценна» (история)
14	Омар Ибн Хаттаб (رمح ضرر باطخا نبا)	7	Арабский политический и военный деятель, сподвижник пророка Мухаммада; книги о нем: Муслим Ибн Аль-Хаджадж «Бухари»; Мухаммад бин Исмаил аль-Бухари «Сахихи муслим» (религия)
15	Али-Баба (اباب يلع)	6	Собрание сказок и новелл «Тысяча и одна ночь» (литература)
16	Юсуф (فسوي)	4	Коран (религия)

Источники прецедентных имен в мировой культуре могут быть различными, но в арабской культуре, как показало исследование, большинство прецедентных имен связаны с историей страны и религией (Кораном). Среди исторических книг также можно выделить *ي راخبالا حي حص* («Бухари», полное название «Сахих аль-Бухари»), в которой средневековым богословом Мухаммадом аль-Бухари (810—870) были собраны предания о пророке Мухаммаде, которые до этого времени передавались только в устной форме.

Большинство историй, связанных с прецедентными именами, передается в кругу семьи из уст в уста, поэтому сложно точно определить источник. Например, Мухаммад Посланник Аллаха — один из самых почитаемых пророков Аллаха, жизнь которого была полна чудесных происшествий. Его прозвали «Аль-Садик аль-Амин» за его честность и искренность. Он был щедрым и скромным, уважал старших и сочувствовал молодежи. Он заложил фундамент и основные правила для построения цивилизованного исламского общества, используя наиболее важные тексты и учения, которые были принесены Священным Кораном, а также призывал к равенству всех людей, в частности, к равенству между мужчинами и женщинами во всех правах. Мухаммад призывал помогать вдовам и сиротам, помогать пожилым людям, не причинять вреда ближнему, не красть деньги, любить людей. Кроме того, он проповедовал уважение к родителям и раздачу денег бедным.

Абу Бакр ас-Сиддик был первым из мужчин, принявших Ислам, первым правильно руководил халифами и участвовал во всех битвах, которые Пророк Мухаммед вел с начала исламского призыва. В современной арабской культуре это имя олицетворяет верность Богу и мужество.

Джабир бин Хайян был известен как суфий за свой аскетизм, он является мусульманским уче-

ным, преуспевшим во многих научных областях, наиболее важными из них являются: химия, инженерия, астрономия, философия и медицина. Это имя вспоминают, когда нужно сказать о высокой культуре человека и об его обширных знаниях.

Аль-Хорезми — мусульманский ученый, родился в 780 году нашей эры, его зовут Мухаммад ибн Муса аль-Хорезми, и его происхождение восходит к Персии. Его науки и знания были разделены на несколько областей, в том числе астрономия, математика, алгебра и география, которые были известны во время периода Аббасидского халифата. Он был одним из исследователей в так называемом Доме мудрости в Багдаде и внес большой вклад в развитие науки, особенно алгебры и математики. Его именем называют умных людей, у которых есть достижения в математике.

Прецедентные имена, как и все прецедентные феномены, могут служить для того, чтобы выразить отношение говорящего к ситуации, вызвав в памяти адресата хорошо знакомую ситуацию, с которой связаны определенные оценки, эмоции, которая выражает ценности, общие для автора и читателя.

Арабские прецедентные имена являются востребованными в публицистике, поскольку они создают экспрессивный текст, насыщенный образами, аллюзиями к общеизвестным фактам.

Например, в популярной иракской газете «*حابص*» («Новое утро») в статье Хусейн аль-Шаммари «*ثري شأتل او ةي عي بطتل*» («Нормализация и виза») употребляется прецедентное имя *فسوي* (Юсуф):

«*ما يمر به اليوم عراقنا العظيم من ظلم وحيث وغبن اقرب الناس اليه اشقائه العرب ملفت للانتظار ومستهجن من كل المتابعين العرب وغيرهم.. وكان قضيتنا تشبه قصة النبي يوسف وكيف تامر عليه اخوته ووضعوه في غياهب الجب حسدا لمكانته بين اخوته. واليوم يحاول البعض من الاشقاء العرب ونبقى نصر على كلمة اشقاء كون كان ومازال وسيدقى بلدنا قبلة للعرب على الرغم من لوم البعض لنا بان بلدنا لن يمد جسور المحبة والاخوة والالفة بين اشقائه*»

لاسيما بعد عام ٢٠٠٢ ولكننا حاولنا مرارا وتكرارا من ردم تلك الفجوة («То, что наш великий Ирак столкнулся с несправедливостью по отношению к самым близким к нему людям, его арабским братьям, привлекает внимание и осуждается всеми арабскими и другими наблюдателями... Наш случай был похож на историю с Пророком Юсуфом и тем, что сделали с ним братья, попавшие в бездну зависти к его положению. Сегодня некоторые из арабских братьев, и мы по-прежнему настаиваем на слове „братьев“, потому что это было и остается, пытаются разрушить единство и пересмотреть значение Ирака для арабов. Несмотря на то, что некоторые обвиняют нас в том, что наша страна не наводит мосты любви, братства и близости между своими братьями, особенно после 2003 года, но мы снова и снова пытаемся преодолеть этот разрыв теми или иными способами...») (<http://newsabah.com/newspaper/248682>).

Здесь проводится связь положения Ирака и судьбой Пророка Юсуфа, с которым поступили жестоко родные братья из-за зависти к его особому положению.

Сура «Юсуф» («فسوي») является частью Корана. Сура повествует о жизни пророка Юсуфа. Неравная любовь родителей к детям может порождать вражду между ними. Это возбуждает зависть, которая и произошла с братьями Юсуфа. Именно такое чувство сподвигло их бросить брата в глубокий колодец. Но Всевышний спас мальчика. Таким образом, имя Юсуф вызывает в сознании носителей арабской культуры представление о необыкновенном, избранном человеке, пострадавшем от зависти близких ему людей.

Автор статьи считает, что некоторые арабские страны также ведут себя враждебно по отношению к Ираку, потому что они хотят, чтобы не было его особого положения в арабском мире. Отметим, что полностью понять смысл данной статьи можно только если знать эту историю. К тому же любой прецедентный феномен вызывает определенные эмоции у читателей.

В другой статье под названием «Телефонный звонок по воздуху» ее автор, Мишааль Аль-Судайри, использует прецедентное имя, чтобы пояснить свою позицию относительно стихов современного поэта Машари, написавшего стихи о коронавирусе:

يضع الكاتب من خلال مقالته مقارنة بسيطة يسرد فيها ما حدث لشاعر كبير معروف اسمه المتنبي بعدما هجى في احدى قصائده ((الفارس الاسدي (ضبة)) بأبيات ساخرة وكانت تلك الابيات الركيكة سببا في موت اعظم شاعر عربي العصور انجيتة وهذا قد يحدث للشاعر المشاري بعدما تحدث في قصيدته عن

فايروس كورونا وقد يلاقي نفس مصير المتنبي وهو الموت ومن خلال المقارنه يشبه الشاعر المشاري بالمتنبي وفايروس كورونا بالفارس الاسدي (ضبة) الذي قتل المتنبي

«В этой поспешности я сравниваю корону с туманом, а Мишари — с Аль-Мутанаби. Пройдя через это алфавитное поле, я хочу, чтобы судьба моего коллеги не была похожа на судьбу Аль-Мутанабби, а я напоминаю ему, что Бог может вложить свой секрет в самых слабых из своих созданий» (2020. 28 мая, вып. № 15157. <https://is.gd/Y2iNGD>).

Чтобы понять мысль автора, нужно знать творчество Аль-Мутанабби, известного арабского поэта. В статье автор сравнивает ситуацию, описанную Аль-Мутанабби в одном из его иронических стихотворений («Рыцарь-лев (Даба)»). Автор статьи хочет сказать, что участь Аль-Мутанабби (смерть) не постигнет его коллегу Аль-Мишари, как это произошло в ситуации, описанной в стихах великого поэта. При этом современный поэт Аль-Мишари уподобляется Аль-Мутанабби, а коронавирус сравнивается с рыцарем-львом (Даба), убившим Аль-Мутанабби.

В современном арабском мире процесс формирования смыслового содержания прецедентных имен связан с основными цивилизационными факторами — религиозной культурой и системой семейного и школьного образования. Часть прецедентных имен включены в общечеловеческую культуру. Например, Али-Баба связан со сказкой «Али-Баба и сорок разбойников», известной во всем мире. Имя Авиценны связано с медициной. Известность и распространенность этих имен подтверждается данными поисковых систем в интернете (при запросе в системе Яндекс имени Али-Баба нашлось 8 миллионов результатов, Авиценна — 18 миллионов) и в Корпусе русского языка: Авиценна — 44 документа, 84 вхождения.

Функционирование прецедентных имен в текстах газет связано с желанием авторов более ярко и убедительно воздействовать на читателя, поскольку прецедентные феномены не просто называют какое-то явление, они дают ему экспрессивную характеристику. Используя имя, которое известно каждому читателю, автор актуализирует не только знания читателя о данном феномене, но и те эмоции и оценки, которые связаны с ним. Кроме того, так устанавливается контакт с читателем, поскольку подчеркивается общность культурного фона автора и его адресата. Особенностью функционирования прецедентных имен в текстах иракских СМИ является их тесная связь с религиозной и исторической сферами.

Список литературы

1. Ворожцова О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 года: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. 215 с.
2. Гришаева Л. И. Арминий, Барбаросса, ведьмы с Брокена и другие: немецкий язык и культура через призму немецких прецедентных текстов. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1998. 147 с.
3. Гудков Д. Б. [и др.] Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник Московского университета. 1997. № 4. С. 106–118.
4. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М.: Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
5. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
6. Денисова Г. В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М.: Азбуковник, 2003. 298 с.
7. Земская Е. А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // Поэтика. Сти-листика. Язык и культура. М., 1996. С. 157–168.
8. Караулов Ю. Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М.: Наука, 1986. С. 105–126.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд. группа URSS, 2003. 264 с.
10. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? Человек. Сознание. Комму-никация. М.: Диалог-МГУ, 1998. 352 с.
11. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева И. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Фило-логия. 1997. № 3. С. 62–74.
12. Прохоров Ю. В. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2016. 224 с.
13. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в созна-нии и дискурсе. М.: Академия, 2000. 128 с.
14. Смыкунова Н. В. Прецедентные феномены в речевом общении русской языковой личности и про-цессе обучения русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 19 с.

Сведения об авторе

Мохаммед Аль-Кадим — аспирант кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государ-ственного университета, Челябинск, Россия; сотрудник Министерства образования Республики Ирак, Багдад, Ирак. moh.rossy@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 7–12.*

FUNCTIONING OF A PRECEDENT NAME IN THE MASS MEDIA (ON THE EXAMPLE OF IRAQI NEWSPAPERS)

M. AL-Kadhim

*South Ural State University, Chelyabinsk, Russia;
Ministry of Education of the Republic of Iraq, Baghdad, Iraq. moh.rossy@yahoo.com*

The article is devoted to the topical problem of studying precedent phenomena in the texts of Iraqi news- papers. Various definitions of the concept of precedent phenomenon are analyzed, its most important features are identified. The experience of previous studies of precedent phenomena, carried out by well-known Rus- sian scientists, is summarized. The article describes the results of an experiment aimed at identifying the fea- tures of the functioning of one of the types of precedent phenomenon — the precedent name. The experiment involved native speakers of the Arabic language, who identified the most significant names for the Arab cul- ture, known to all its speakers. Since the Arab culture is not homogeneous, representatives of different Arab countries were interviewed: Iraq, Syria, Yemen, Egypt, Jordan. A total of 25 respondents aged 20 to 45 were interviewed. A list of the precedent names of the Arab culture of 63 precedent names was identified, the sources were analyzed and examples of their use in Iraqi newspapers were given.

Keywords: *precedent phenomena, precedent name, Arab culture, Iraqi newspapers.*

References

1. Vorozhcova O. A. (2007) Lingvisticheskoe issledovanie precedentnyh fenomenov v diskurse rossijskih i amerikanskih prezidentskih vyborov 2004 goda [A linguistic study of precedent phenomena in the discourse of the 2004 Russian and American presidential elections/ Thesis]. Ekaterinburg. 215 p. [in Russ.].
2. Grishaeva L. I. (1998) Arminij, Barbarossa, ved'my s Brokena i drugie: nemeckij jazyk i kul'tura cherez prizmu nemeckih precedentnyh tekstov [Arminius, Barbarossa, witches from Brocken and others: German language and culture through the prism of German precedent texts]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t. 147 p. [in Russ.].
3. Gudkov D. B. [et al.] (1997) *Vestnik Moskovskogo universitetata*, no 4, pp.106—118 [in Russ.].
4. Gudkov D. B. (1999) Precedentnoe imja i problemy precedentnosti [Use case name and precedent problems]. Moscow, Izd-vo MGU. 152 p. [in Russ.].
5. Gudkov D. B. (2003) Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii [Theory and practice of intercultural communication]. Moscow, Gnozis. 288 p. [in Russ.].
6. Denisova G. V. (2003) V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod [In the world of intertext: language, memory, translation]. Moscow. 298 p. [in Russ.].
7. Zemskaja E. A. (1996) Citaciya i vidy ee transformacii v zagolovkah sovremennyh gazet [Citation and types of its transformation in the headlines of modern newspapers]. Pojetika. Stilistika. Jazyk i kul'tura [Poetics. Stylistics. Language and culture]. Pp. 157—168 [in Russ.].
8. Karaulov Ju. N. (1986) Rol' precedentnyh tekstov v strukture i funkcionirovanii yazykovej lichnosti [The role of precedent texts in the structure and functioning of a linguistic personality]. Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury [Scientific traditions and new directions in teaching Russian language and literature]. Moscow. Pp. 105—126 [in Russ.].
9. Karaulov Ju. N. (2003) Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic personality]. Moscow, Editorial URSS. 264 p. [in Russ.].
10. Krasnyh V. V. (1998) Virtual'naja real'nost' ili real'naja virtual'nost'? Chelovek. Soznanie. Kommunikacija [Virtual reality or real virtuality? Human. Consciousness. Communication]. Moscow, Dialog-MGU. 352 p. [in Russ.].
11. Krasnyh V. V., Gudkov D. B., Zaharenko I. V., Bagaeva I. V. (1997) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 62—74. [in Russ.].
12. Prohorov Ju. V. (2016) Dejstvitel'nost'. Tekst. Diskurs [Reality. Text. Discourse]. Moscow, Flinta, 224 p. [in Russ.].
13. Slyshkin G. G. (2000) Ot teksta k simvoly: lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov v soznanii i diskurse [From text to symbol: linguocultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse]. Moscow, Akademija. 128 p. [in Russ.].
14. Smykunova N. V. Precedentnye fenomeny v rechevom obshhenii russkoj jazykovej lichnosti i processe obuchenija russkomu jazyku kak inostrannomu [Precedent Phenomena in Speech Communication of a Russian Language Personality and the Process of Teaching Russian as a Foreign Language. Abstract of thesis]. Moscow, 2003. 19 p. [in Russ.].

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ КОРПУС ТЕКСТОВ В РАМКАХ ТЕМАТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»: ЖАНРОВЫЙ И ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Д. Ю. Балашова

*Профессионально-педагогический колледж Саратовского государственного
технического университета имени Гагарина Ю. А., Саратов, Россия*

Статья посвящена анализу жанрового состава оригинального исследовательского корпуса текстов в рамках тематической сферы «Компьютерные технологии». Автор анализирует связь дискурса и жанра в языке и коммуникации, описывает развитие теории речевых жанров в современной лингвистике, а также изучает научно-технический текст с дискурсивных позиций. В исследуемом корпусе текстов объёмом на 143 037 словоупотреблений выделяются такие базовые тематические блоки, как «База данных / Database», «Технологии / Technologies» и «Патенты и инструкции / Patents & Instructions». Проведённый анализ текстов, принадлежащих тому или иному тематическому блоку, позволяет определить семантические и структурно-синтаксические характеристики последнего. Автор предпринял попытку описать языковые особенности текстов разных жанров, а также определить набор высокочастотных лексических единиц в выделенных тематических блоках. Таким образом, жанровый, статистический и семантико-когнитивный анализ электронного корпуса текстов даёт возможность получить данные об организации тематической сферы «Компьютерные технологии» в языке и современной коммуникации.

Ключевые слова: корпус, тематический блок, жанр, тематическая сфера, дискурс.

Введение

Изучение жанров является одной из ключевых проблем современной лингвистики. С появлением электронных корпусов исследователи получили возможность проводить масштабные жанровые исследования в рамках современной коммуникации. *Актуальность* данной работы обусловлена, таким образом, следующими факторами: во-первых, отсутствием целостного подхода к изучению лингвокультурной специфики, лексико-семантической и когнитивной организации крупных тематических сфер и областей, принадлежащих области современной коммуникации; во-вторых, необходимостью разработки новых подходов к корпусному анализу как самостоятельному направлению в ряду лингвистических дисциплин и создания комплексной методики лингвокогнитивного и жанрового моделирования тематических сфер; в-третьих, неуклонно возрастающим исследовательским интересом к возможностям электронного корпуса текста как в плане методики преподавания лингвистических дисциплин, так и в плане изучения языковых структур. В целом можно сделать вывод, что актуальность данной работы породило взаимодействие проблем общетеоретического и методологического характера.

Целью настоящего исследования является анализ жанрового состава исследовательского корпуса текстов, принадлежащих тематической сфере «Компьютерные технологии». Достижение поставленной цели требует решения следующих задач:

- 1) изучение теоретических проблем современной жанрологии и дискурсологии;
- 2) теоретическое исследование научно-технического текста как дискурсивной единицы;
- 3) создание исследовательского корпуса текстов на 143 037 словоупотреблений в рамках тематической сферы «Компьютерные технологии»;
- 4) жанровый и лексико-семантический анализ корпусных текстов.

Гипотеза, положенная в основу исследования, состоит в том, что тематическая сфера «Компьютерные технологии», являясь значимым сегментом современной коммуникации, принадлежит научно-техническому дискурсу и может быть изучена на материале исследовательского электронного корпуса текстов с применением корпусных технологий.

Методами исследования являются такие виды лингвистического анализа, как семантический, контекстуальный, лексико-грамматический, а также автоматизированные приёмы статистической

обработки текста с помощью компьютерной программы конкорданса AntConc.

Исследовательский корпус из 136 текстов был составлен методом выборки из различных источников сети Интернет. Жанровый и тематический анализ корпуса позволил разделить его на крупные тематические блоки. С помощью инструментария программы AntConc были выделены ключевые слова в каждом тематическом блоке (программа загружает несколько десятков текстов одновременно, проводит их статистическую обработку и выделяет ключевые слова с указанием частоты их употреблений).

Проблему жанров речи одним из первых поставил М. М. Бахтин. Он считал «речевой жанр категорией, которая позволяет связывать социальную реальность с реальностью языковой» [1. С. 386]. М. М. Бахтин полагал, что речевые жанры — это «относительно устойчивые, композиционные и стилистические типы высказывания», «типичные модели построения речевого целого» [1. С. 340]. Термин «субжанр» был введен К. Ф. Седовым и обозначал жанровые формы, представляющие собой одноактовые высказывания. «Это минимальные единицы типологии речевых жанров, равные одному речевому акту и выступающие в виде тактик, основное предназначение которых менять сюжетные повороты в развитии интеракции. А речевые формы, которые объединяют в своем составе несколько жанров, получили название «гипержанров» [12. С. 35—37].

В 1960—70-е гг. приоритетными являлись исследования лингвопрагматического и социолингвистического характера [2], а в терминологическом аппарате лингвистики появляются понятия «дискурс» и «дискурс-анализ». Ю. Хабермас считается основоположником современной дискурсологии. Под *дискурсом* исследователь понимал речевую коммуникацию, ориентированную на «рациональное критическое рассмотрение норм и ценностей, а также правил социальной жизни» [8. С. 12]. С позиций французской лингвистической школы, ярким представителем которой считался Э. Бенвенист, дискурс — это «речь, присваиваемая говорящим, в противоположность повествованию, которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта повествования» [13. С. 17].

Научно-технический текст как структурная единица дискурса

Исследования в области научно-технического дискурса ведутся учеными сравнительно недавно.

А. В. Дуброва считает, что научно-технический дискурс — «это тип дискурса, используемый наукой для изложения и описания новых открытий, теорий, гипотез, учений, для анализа и представления технологий» [4. С. 115]. Минимальной структурной единицей научно-технического дискурса, на наш взгляд, является научный текст. Представляется возможным выделить такие особенности научно-технического текста, «как его информативность; логичность, то есть строгую последовательность и четкую связь между основной идеей и деталями; точность и объективность; ясность и понятность; аргументированность изложения» [6. С. 35—36]. Е. А. Мякишева считает, что научно-техническим текстам свойственна «насыщенность узкоспециальными и общенаучными терминами, в связи с их точностью и информативностью. Значительно развита специальная общетехническая лексика — слова и словосочетания, не являющиеся терминами, могут представлять собой всевозможные производные от терминов» [9. С. 14]. «Содержательно-смысловая структура научного текста является коммуникативно-прагматической по своей сути, то есть она представляет собой сложное единство, состоящее из двух типов смыслового содержания: коммуникативно-информационного и прагматического содержания текста» [7. С. 80]. А. А. Стрельцов считает, что «основной стилистической чертой научного текста является точное и четкое изображение материала при почти полном отсутствии тех выразительных элементов, которые придают речи эмоциональную насыщенность. Главный упор делается на логической, а не эмоционально-чувствительной стороне излагаемого. Эмоциональные языковые элементы не играют решающей роли, однако в ней присутствует элемент образности, и в целом экспрессивности» [11. С. 7].

Исследователи отмечают, что научно-технический текст — «это информативный текст. Он создается одним или несколькими авторами. Основной коммуникативной функцией научно-технического текста является описание предметов и явлений. Во всех видах научного текста преобладает когнитивная информация. Когнитивной или познавательной информацией называют объективные сведения о внешнем мире» [11. С. 6]. В целом отметим, что научно-технический дискурс — «это тип дискурса, используемый наукой и технологией для изложения и написания новых технологий. Имея основной целью передачу подобного типа информации, научно-технический

дискурс характеризуется как источник извлечения непосредственной полезной информации, лишаясь при этом поэтичности, образности изложения и какой-либо эмоциональности [4. С. 115]. Как правило, научно-технические тексты содержат языковые средства, которые используются в конкретной предметной области. Отметим, что научно-технический дискурс может включать в себя большое количество тематических сфер: компьютерные технологии, интернет, носители информации, технические устройства и проч.

Традиционная лингвистика чётко разграничивает понятия «тематическая группа» и «тематическое поле». Так, Н. М. Шанский считает, что в «тематическую группу лексики могут входить лексемы различных частей речи, которые объединены классификациями реалий, но не лексико-семантических связей» [15. С. 209]. Так, тематическая сфера «Компьютерные технологии» может содержать такие тематические группы, как «нейронные сети», «устройства», «программирование», «интернет» и др. Исследователь Ф. П. Филин полагает: «если заменить одну лексему в рамках тематической группы на другую лексему, то это не приведет к изменению лексического значения всей группы. Это говорит о том, что семантические связи отсутствуют между лексемами в таком объединении» [14. С. 231—232]. Длительное время считалось, что системных языковых связей в полях не существует, а понятия «тематическое поле» и «семантическое поле» идентичны [5. С. 67]. О. Б. Пылаева предлагает несколько иное понимание тематического поля и выделяет следующие его характеристики: 1) тематическая классификация характерна для имён существительных, в которых превалирует денотативное содержание; 2) тематическое поле относится к единой предметной области, причём особую роль играют экстралингвистические факторы; 3) члены единого тематического поля могут иметь разные семантические значения [10. С. 12—13].

Материал и метод исследования

Первый большой корпус данных на английском языке, состоявший из одного миллиона слов, начал составляться в Университетском колледже Лондона в 1960-е гг. Он назывался «Survey of English Usage», а руководил им Р. Кверк. В состав корпуса входило 200 устных и письменных текстов, каждый из которых содержал 5000 слов. Позднее Йэн Свартвик из Лундского университета создал электронную версию собранного ма-

териала, и она получила название “London-Lund Corpus of Spoken English” [13. С. 57].

Современные корпусные технологии позволяют изучать самые разнообразные жанры в структуре современной коммуникации, но, как справедливо указывают В. В. Дементьев и Н. Б. Степанова, «разработанной корпусной методики для решения речевых проблем лингвистики пока нет» [3. С. 57].

Исследуемая в данной статье тематическая сфера «Компьютерные технологии» входит в научно-технический дискурс. Нами был составлен исследовательский корпус, общий объём словоупотреблений которого, по данным статистики программы Word, составляет 143 037. С позиций современной корпусной лингвистики репрезентативность корпуса оценивается с содержательной и количественной точек зрения. В количественном аспекте значимо, прежде всего, количество словоупотреблений. Считается, что специализированные корпуса подъязыка (собранный нами корпус технических текстов принадлежит данному виду корпусов) должны содержать не менее 100 тысяч словоупотреблений.

Корпус, на материале которого проведено данное исследование, был собран методом выборки текстов из сети Интернет. В корпус входят статьи из технических онлайн-журналов: Journal of Artificial Intelligence Research, MDPI Technologies, International Journal of New Technology and Research (статьи авторов из Индии, Японии, Германии, Китая и Франции), Word Patent Information journal. Корпус разделен на такие крупные тематические блоки, как «База данных/Database», «Технологии/Technologies» и «Патенты и инструкции / Patents & Instructions». Мы представим анализ лексико-семантического состава и структурно-синтаксических частотных конструкций указанных тематических блоков, позволяющий выделить в семантической структуре лексических единиц дискурсивные индикаторы. С этой целью будет применена группа приёмов интерпретативного, контекстуального и структурно-семантического анализа в совокупности с методом количественного подсчёта и когнитивно-дискурсивным анализом.

Результаты исследования

Анализ показал, что блок *Database* составляют тексты по описанию баз данных и их схем. К ключевым словам указанного тематического блока, выборка которых получена с помощью

компьютерной программы управления корпусом AntConc¹, относятся лексемы *database* (256), *computer* (215), *software* (132), *relational* (118), *number* (104), *function* (83), *memory* (80), *process* (218), *select* (127), *command* (126). В блоке *Database* преобладают имена существительные, так как он содержит большое количество схем баз данных, а глаголы часто объединены общей семой «обработка информации»: *provide data, enroll data, save data*. Данный блок состоит из 42 текстов, из которых 21 текст по базе данных, 13 текстов со схемами баз данных и 8 текстов, содержащих таблицы с пошаговыми вычислениями.

Для блока *Database* характерны:

- 1) усилительные конструкции (*do perform*);
- 2) глаголы будущего времени (*will, will lead to update*);
- 3) предложения с неопределенно-личным подлежащим типа *one* (*one of the basic structure, one of the rule, it is critical to keep oneself updated*);
- 4) безличные предложения с формальным подлежащим *it* (*It would be helpful to use appropriate graphics; It is the best if you can format your cover letter so it fits on one page*);
- 5) модальные глаголы (*need, should, may*);
- 6) наличие сложных составных союзов и союзных слов (*both/and, either/or, moreover*);
- 7) группа глаголов умственной деятельности, которые относятся к классу *Stative verbs* (*to keep in mind, note*);
- 8) преобладание глаголов в форме настоящего времени (*need to add, describe sections*);
- 9) предложения с порядковыми числительными, выполняющими функцию структурирования контекста (*first enter your desire column, then simply cut the text from app whatever application, secondly write a cover letter, secondly find basic resources*);
- 10) вводные конструкции в начале предложения с функцией логической организации текста (*in addition, lately*).

Блок *Technologies* представляет собой набор научных статей о новейших технологиях: примеры приложений для изучения компьютерных технологий, описание приложений для мобильных телефонов, а также технологий в области искус-

ственного интеллекта и др. Данный блок состоит из 69 текстов. К ключевым словам тематического блока *Technologies* относятся такие лексемы, как *model* (174), *object* (16), *robot* (199), *email* (137), *software* (132), *select* (127). В указанном тематическом блоке есть большое количество вводных слов, союзов и союзных слов, позволяющих сделать технические тексты более доступными, поскольку статьи принадлежат широкому кругу читателей. Так, например, высокочастотными являются такие союзы и союзные слова, как *however* (119), *often* (81), *whether* (71), *before* (60), *which* (919).

Анализ текстов, принадлежащих тематическому блоку *Technologies*, позволил выявить следующие его лексико-семантические и структурно-синтаксические характеристики:

- 1) наличие усилительной конструкции *it is*, а также её формы в прошедшем времени, часто употребляющейся с целью объяснения процесса использования (*it is similar to the Record conversion methodology*);
- 2) частое употребление глаголов в форме будущего времени (*will, will have to, will apply*);
- 3) использование предложений с неопределенно-личным подлежащим *one*;
- 4) наличие безличных предложений с формальным подлежащим (*it is also provided, it seems, this also needs to...*);
- 5) наличие сложного дополнения (*complex object*), а также большого числа модальных глаголов (*need, should, may*);
- 6) наличие составных союзов и союзных слов (*as well as, not only...but, the former/the latter*);
- 7) употребление глаголов, выражающих умственную деятельность и относящихся к классу *Stative verbs* (*recognize, realize*);
- 8) глаголы в настоящем времени появляются реже, чем в других блоках (*provide database, save the file*);
- 9) употребление в предложениях порядковых числительных *first, second, third, fourth, fifth*, описывающих каждый этап загрузок новых приложений, а также пошаговые инструкции эксплуатации приборов и техники (*Firstly, use a readable font in a 10 or 12 point size in your emails. Secondly, send job search-related emails from a professional email address. Finally, don't forget to include a Subject Line in your email*);

10) вводные конструкции в начале предложения с логической функцией организации текста (*therefore, meanwhile, from here, typically, in the above*).

¹ AntConc — мультиплатформная компьютерная программа корпус-менеджер, предназначенная для обработки корпусов текстов. С помощью данной программы можно производить поиск и подсчет ключевых слов текста, анализировать частотность и контекст употребления словоформ, словосочетаний и морфем.

Блок *Patents & Instructions* включает 25 текстов, представляющих собой инструкции для написания программного кода (10 текстов), а также статьи о тех или иных патентах, изобретениях и патентоспособности в различных странах (15 текстов). Кроме того, данный тематический блок составляют различного рода инструкции: схемы программирования, пошаговые действия пользователя при использовании прибора или технологии. Тексты указанных поджанров имеют меньше вводных слов, более лаконичны и нередко напоминают четкие инструкции: *First enter your desired column width in the appropriate box (again, I suggest no more than 50). Then simply cut the text from whatever application you are using and past it into the text field, or compose the text directly in the text field. If there is need to restart (like pasting the wrong text), click the ~Clear Text~ button to clear the text and start again.*

Ключевыми словами данного блока являются лексемы *information* (180), *language* (159), *application* (114), *company* (85), *available* (87), *approach* (70), *process* (218), *action* (117), *security* (106), *group* (90). Союзов, предлогов и вводных слов в данном блоке значительно меньше, поскольку патенты и инструкции в основном состоят из простых односоставных предложений, тогда как авторские статьи содержат большое количество сложных предложений с союзными словами и вводными конструкциями.

Таким образом, тематический блок *Patents & Instructions* характеризуют следующие структурно-синтаксические особенности:

1) сложные предложения с придаточными условиями, реализующие демонстрационную функцию использования новых технологий: *If you forget to include one, your message probably isn't even going to get opened; If you do not have the contact person's name, simply address your email; If needed, an attorney would be happy to help, if you've decided that someone is infringing on your product and IP;*

2) глаголы в форме будущего времени (*will, will use, will help*);

3) безличные предложения с формальным подлежащим (*it is...it is also provided, it seems, this also need to..., it is better, there is/are*). Например: *It is in those countries that the claims need to be drafted carefully, it is more costly and time-consuming to acquire than a plant patent;*

4) наличие сложного дополнения в предложениях;

5) модальные глаголы долженствования (*need, should, may, must, can*);

6) модальные глаголы категории вероятности (*can, may, might*);

7) союзы и союзные слова с функцией экспликации контекста (*such as, for instance, further out, such that, in addition, in the case of*);

8) употребление глаголов, выражающих ответственную деятельность и принадлежащих классу Stative verbs (*notice, understand, consider, mean*);

9) низкая частота употребления глаголов в настоящем времени по сравнению с двумя другими тематическими блоками;

10) союзы и союзные слова, выраженные порядковыми числительными, с функцией организации контекста (*firstly you need update, secondly refresh memory*);

11) вводные конструкции в начале предложения с функцией структурирования текста (*from here on out, for example, while*);

12) наличие придаточных условия с союзом *if* (*if the variety carries benefits, do they justify the premium cost of the royalty and the new product development and marketing processes? If you need assistance with a software patent, Internet technology or computer device send me an e-mail*).

Выводы

В заключение можно сделать вывод, что выделенные тематические блоки имеют принципиальные лексические и структурно-синтаксические отличия. Так, для блока *Technologies* характерны единицы *robot, email, software*, составляющие его лексическое ядро, а для блока *Database* — лексемы *database* и *computer*. Ядро блока *Patents & Instructions* состоит из лексем *information, language, application*. Тексты всех трёх блоков содержат большое количество модальных глаголов (*can, may, might, need, should, must*) и глаголов в форме будущего времени (*shall, will, would*). Однако в каждом блоке можно наблюдать характерные синтаксические конструкции. Например, в блоке *Patents & Instructions* (содержит 25 текстов) преобладают сложные предложения с придаточными условиями. Подобный тип предложений структурирует инструкцию, обозначая поэтапные шаги пользователя. Для тематического блока *Database* (содержит 42 текста) характерны глагольные формы настоящих времен английского языка (Present Simple, Present Continuous, Present Perfect). Блоку *Technologies* свойственна усилительная конструкция *it is / it was*, употребляющаяся с целью

объяснения процесса использования того или иного технического продукта (из 69 текстов, составляющих данный блок, 54 текста содержат указанную конструкцию).

Составленный нами исследовательский корпус технических текстов в рамках тематической сферы «Компьютерные технологии» имеет не только сложную жанровую организацию (базы данных и схемы, научные статьи, описания приложений, различного рода инструкции и патен-

ты), но и специфичную лексико-семантическую и синтаксическую структуру. Проведённый анализ показывает, что каждый тематический блок обладает как общими, так и специфичными характеристиками. Таким образом, жанровый, статистический и семантико-когнитивный анализ электронного корпуса текстов даёт возможность получить данные об организации тематической сферы «Компьютерные технологии» в языке и современной коммуникации.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. 541 с.
2. Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М.: НЛЮ, 1995. 45 с.
3. Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусные методы в исследовании речевых жанров: проблема ключевых фраз // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 20. № 3. С. 57—76.
4. Дуброва А. В. Научно-технический дискурс и перевод (на материале английского и испанского языков) // Язык и дискурс: лингвистические, методические и социально-гуманитарные исследования. М.: МГПУ, 2017. С. 114—123.
5. Караулов Ю. Н. Структура лексико-семантического поля // Филологические науки. 1972. № 1. С. 57—68.
6. Крапивкина О. А., Мусохранова А. А. Лингво-прагматические аспекты перевода научно-технических текстов // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 8. С. 34—37.
7. Крижановская Е. М. О стереотипности компонентов коммуникативно-прагматической структуры научного текста // Текст: стереотип и творчество. Пермь, 1998. С. 77—84.
8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 275 с.
9. Мякишева Е. А. Стилистические особенности научно-технического текста // Гуманитарные научные исследования. 2018. № 5. URL: <https://human.snauka.ru/2018/05/25006> (дата обращения 12.04.2021).
10. Пылаева О. Б. Лакунарность лексико-семантического поля «Природа» на материале русского и эвенкийского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Кемерово, 2002. 21 с.
11. Стрельцов А. А. Научно-технические тексты: от понимания к переводу. Ростов-на-Дону: Феникс, 2012. 398 с.
12. Седов К. Ф. Жанр и коммуникативная компетенция // Хорошая речь. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. С. 35—37.
13. Толстова Т. В. Жанр и корпус: современные подходы к изучению и преподаванию языка. Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2018. 207 с.
14. Филин Ф. П. Очерки по истории языкознания. М.: Наука, 1982. 336 с.
15. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. 4-е изд., доп. М.: Либроком, 2009. 305 с.

Сведения об авторе

Балашова Дарья Юрьевна — преподаватель английского языка Профессионально-педагогического колледжа Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю. А., Саратов, Россия, ORCID: 0000-0002-1129-7009. balashovadarya@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 13—19.

THE RESEARCH TEXT CORPUS IN THE THEMATIC SPHERE “COMPUTER TECHNOLOGIES”: GENRE AND LINGUOCOGNITIVE ANALYSIS

D. Yu. Balashova

*Vocational Pedagogical College of the Saratov State Technical University named after Yu. A. Gagarin,
Saratov, Russia. balashovadarya@yandex.ru*

The article is devoted to the analysis of the genre composition of the research text corpus within the framework of the thematic sphere “Computer technologies”. The author analyzes the correlation of discourse and genre in language and communication, describes the development of the speech genres’ theory in modern linguistics as well as studies scientific and technical texts from discourse theory perspective. In 143 037 words research corpus under study there are such basic thematic domains as “Database”, “Technologies” and “Patents & Instructions”. The conducted analysis of the texts belonging to this or that thematic domain, allows to determine semantic, structural and syntactic characteristics of the latter. The author made an attempt to describe the linguistic features of the texts belonging to different genres as well as to determine a set of high-frequency lexical units in the above-mentioned thematic domains. So genre, statistic, semantic and cognitive analysis of electronic text corpus allows to represent the thematic sphere “Computer technologies” in language and modern communication.

Keywords: *corpus, thematic domain, genre, thematic sphere, discourse.*

References

1. Bakhtin M. M. (1986) Literaturno-kriticheskiye stat’ji [Literary critical articles]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura. 541 p. [in Russ.].
2. Gasparov M. L. (1995) Izbrannye stat’ji [Selected articles]. Moscow, NLO. 45 p. [in Russ.].
3. Demytyev V. V., Stepanova N. B. (2016) *Vestnik RUDN. Seriya: Linguistica*, vol. 20, no. 3, pp. 57—76 [in Russ.].
4. Dubrova A. V. (2017) *Yazyk i diskurs: lingvisticheskiye, metodicheskiye i social’no-gumanitarnye issledovaniya*, pp. 114—123 [in Russ.].
5. Karaulov Yu. N. (1972) *Philologicheskie nauki*, no. 1, pp. 57—68 [in Russ.].
6. Krapivkina O. A., Mysokhranova A. A. (2014) *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 8, pp. 34—37 [in Russ.].
7. Krizhanovskaya E. M. (1998) *Text: stereotip i tvorchestvo*, pp. 77—84 [in Russ.].
8. Makarov M. L. (2003) *Osnovy teorii diskursa* [The foundations of discourse theory]. Moscow, Gnozis. 275 p. [in Russ.].
9. Myakicheva E. A. (2018) *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 5, available at <https://human.snauka.ru/2018/05/25006> (accessed 12.04.2021) [in Russ.].
10. Pylaeva O. B. (2002) *Lakunarnost’ leksiko-semanticheskogo polya «Priroda» na materiale russkogo i evenkiyskogo yazykov* [Lacunarity of the lexical-semantic field “Nature” on the material of the Russian and Evenk languages. Thesis]. Kemerovo. 21 p. [in Russ.].
11. Strel’tsov A. A. (2012) *Nauchno-tehnicheskiye teksty: ot ponimaniya k perevodu* [Scientific and technical texts: from understanding to translation]. Rostov n/D, Feniks. 398 p. [in Russ.].
12. Sedov K. F. (2001) *Khoroshaya rech.* Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta. Pp. 35—37 [in Russ.].
13. Tolstova T. V. (2018) *Zhanr i korpus: sovremennye podkhody k izucheniyu i prepodavaniyu yazyka* [Genre and corpus: the modern approaches to study and teaching language]. Samara, Izd-vo Samarskogo un-ta. 207 p. [in Russ.].
14. Philin F. P. (1982) *Ocherki po istorii yazykoznaniya* [The essays on linguistics’ history]. Moscow, Nauka. 336 p. [in Russ.].
15. Shanskyi N. M. (2009) *Leksikologiya sovremennogo russkogo yazyka* [Lexicology of modern Russian language]. Moscow, Librokom. 305 p. [in Russ.].

АРТИКУЛЯТОРНО-АКУСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗВУКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА В ВОСПРИЯТИИ НОСИТЕЛЯМИ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Я. Л. Березовская, Жуйди Лю

Южно-Уральский государственный университет (НИУ), Челябинск, Россия

Рассматриваются особенности восприятия гласных и согласных звуков носителями китайского языка при изучении русского языка как иностранного. На основе выявления специфики образования и произношения китайских звуков в лингводидактическом аспекте выявлен ряд трудностей, с которыми сталкиваются китайские учащиеся при изучении фонетической системы русского языка, в частности, проблемы редукации гласных звуков, произношение шипящих согласных и дрожащего звука [р], что позволит избежать интерференции и способствует выработке эффективных способов обучения русскому языку китайских учащихся.

Ключевые слова: фонетическая интерференция, гласные звуки, согласные звуки, редукация, китайский язык, русский язык как иностранный.

Владение навыками правильного произношения представляет собой необходимое условие развития коммуникативных умений [2]. Для эффективного использования русского языка иностранным учащимся важно освоить его фонетическую систему и научиться произносить русские звуки как изолированно, так и в потоке речи.

Многие иностранные студенты, в частности носители китайского языка, сталкиваются с различными трудностями в процессе развития навыков произношения. Одна из основных фонетических проблем, которую должны преодолеть иностранные студенты, состоит в том, как минимизировать влияние их родного языка. Важно предотвратить фонетическую интерференцию, возникающую в сознании учащихся и влияющую на возможный акцент в сознании слушающего. В этом аспекте решающую роль играет учет специфики образования и произношения звуков в родном и изучаемом языках, а также владение суперсегментными единицами, к которым относят тон, ритм, мелодику, тембр, интонацию и др. [1].

По замечанию М. Ли, из-за разницы в количестве и составе фонем русского и китайского языков студенты неизбежно испытывают влияние своего родного языка, когда они произносят русские слова [6]. Например, отсутствие звука [ы] в китайском языке приводит к ошибкам в русском произношении и написании слов, например, *вил* пишется как *вил*, а *забыла* — *забила*. Такие ошибки вызывают изменение словарной дефиниции и влияют на понимание. Кроме того, учебные материалы и линг-

вистические компьютерные программы, используемые для изучения русского как иностранного, не всегда удовлетворяют потребности студентов. Необходимо найти наиболее эффективный способ развить у учащихся способность правильно произносить и различать фонемы [2].

Указанные проблемы обуславливают обращение к вопросу выявления артикуляторно-акустической специфики звуков в китайском языке в сопоставлении с характеристикой гласных и согласных звуков русского языка.

В китайском языке выделяют восемь гласных звуков: [a], [o], [e], [i], [u], [ü], [ê], [er]. Гласные классифицируются в зависимости от положения языка (ряд и подъем) и формы губ: 1) по степени подъема языка выделяют гласные верхнего подъема — [i], [u], [ü]; верхне-среднего — [e], [o]; среднего — [ê], [er] и нижнего подъема — [a]; по ряду укажем гласные переднего ряда — [i], [ü], [ê]; среднего — [a] и заднего ряда — [u], [o], [e], [er]; по форме губ гласные делятся на лабиализованные звуки — [u], [o], [ü] и нелабиализованные (все остальные гласные) [4].

Далее представим анализ интерференции при произношении русских гласных звуков носителями китайского языка:

1) [a] — интерференция китайского гласного звука [a]. Произношение китайского гласного [a] более напряженное, ротовая полость раскрыта не так сильно, как при произнесении русского гласного [a]. Китайский гласный звук [a] более закрытый. Студенты не различают произношение [a]

и [э]. Некоторые представители китайских диалектов произносят комбинацию [ман] как [мэн];

2) [о] — интерференция китайского гласного звука [u], дифтонга [ou]. Специфика звуков [о] и [u] связана с ослабленным напряжением губ при произношении китайских гласных звуков;

3) [y] — интерференция китайского гласного звука [u]. По сравнению с русским гласным [y], при произношении китайского звука [u] губы не сильно вытянуты вперед. Напряжение губ значительно ослаблено в китайском языке;

4) [э] — интерференция китайского гласного звука [e]. Ошибки связаны с тем, что в китайском языке ротовая полость при произношении этого звука в большей степени закрыта, чем в русском;

5) [и] — то же произношение [i] китайского языка. [i] — звук переднего ряда, верхнего подъема, как в русских словах *видеть, сила*;

6) [ы] — в китайском языке нет соответствующего интерференционного звука [7; 8].

Отметим, что в китайском языке еще есть один гласный звук — [er]. Это гласный, при произношении которого кончик языка заворачивается вверх, чтобы средняя часть спинки языка и кончик языка работали одновременно. Кроме того, в китайском языке существуют дифтонги, состоящие из двух гласных: [au], [ai], [ua], [ue], [ou].

Одно из трудных фонетических явлений при изучении русского языка как иностранного — редукция гласных звуков.

Рассмотрим явление редукции в китайском языке.

В китайском языке редукции подвергаются звуки в слогах так называемого «легкого тона» или в безударных слогах. Каждый слог в китайском языке имеет определенный тон, но слоги в некоторых словах или предложениях иногда теряют свой первоначальный тон и становятся «легкими» и короткими. Например, *ребенок* 孩子(hái zi), *что* 什么(shén me), *хлопок* 棉花(mián hua), *место* 地方(dì fang). *Здесь* zì, *те*, *hua*, *fang* относятся к «легкому тону». Высота «легкого тона» не фиксирована из-за влияния тона предыдущего слога.

Явление редукции гласных в китайском языке также проявляется в ослаблении дифтонгов, которые в процессе произношения становятся монофтонгами. Например, в слове *дерево* 木头[mù tou] (tou — «легкий тон») в разговорном пекинском диалектном произношении наблюдаем редукцию [mù to]. При сильной степени редукции гласные звуки могут не произноситься. Например, в словосочетании *соевый творог* [tou fu] (fu — «легкий

тон») в разговорном пекинском диалектном произношении часто произносят [tou f]. Из-за большого количества территориальных диалектов в китайском языке правила произношения «легкого тона» не являются универсальными. Следовательно, редукция гласных в «легких тонах» нормативного китайского языка (путунхуа) вариативна.

Кроме того, влияние оказывает такое фонетическое явление, как аризация (добавление к концу слога или слова суффикса *-er*) и изменение тона. При аризации происходит дополнительный подъем языка в конце слога для изменения финали. Например, *点儿* произносится не как два слога [diǎn ér], а как один слог [diǎr]. Укажем основные типы аризации:

1) финалью являются [a], [o], [e], [u], [a] — добавляется «г»: *маленький кролик* 小兔儿(xiǎo tùr), *петь* 唱歌儿(chàng gēr);

2) финалью являются [i], [ü] — добавляется «er»: *курица* 小鸡儿(xiǎo jīer), *вещь* 玩意儿(wán yìer).

Следующее характерное фонетическое явление — закон изменения тона [a] 啊:

1) при произношении звука [a] 啊 изолированно, читается как [a]. Употребляется как частица в начале предложения для выражения субъективной эмоциональной окраски: *Ах, родина, мама* (祖国, 我的母亲);

2) под влиянием звуков [o], [e], [i], [u] произносится [ya]: *Ты идешь?* (你去不去啊?) Nǐ qù bú qù ya?

3) после [ao], [iao] произносится [wa]: *Этот человек такой милый* (这个人真好啊) Zhè gè rén zhēn hǎo wa.

4) после гласного [i] и аризации [er] произносится [ra]: *Торопитесь, малыши!* (孩子, 赶紧吃啊!) Háizi, gǎn jǐn chī ra! [11].

Для выявления трудностей, связанных с количественной и качественной редукцией русских гласных звуков [a] и [o] мы провели эксперимент, в котором приняли участие китайские студенты, изучающие русский язык как иностранный в Южно-Уральском государственном университете от 1 года до 5 лет. Реципиентам необходимо было произнести указанные звуки как изолированно, так и в составе лексем. В эксперименте участвовало 10 китайских студентов (5 студентов в возрасте 23 лет и 5 студенток в возрасте 25 лет) и 2 носителя русского языка. В результате эксперимента создана база данных звуковых файлов (формат *wav), содержащая 70 файлов.

Для исследования были выбраны указанные звуки в следующих словах: *жар, царь, дом* — [a],

[o] в сильной позиции; лексемы *сады*, *вода* — первое предударное положение; слова *ателье*, *огурцы* — второе предударное положение.

Эксперимент показал неразличение количественной и качественной редукции при произношении звуков [a], [o] в слабой позиции. В частности, изменение ударения в слове *ателье* на первый слог; в лексеме *дома* (в форме множественного числа) звук [Λ] в слабой позиции (первая предударная позиция) звучал как звук [a] в сильной позиции. Кроме указанных типичных ошибок отметим интерференцию при произношении лексемы *огурцы*: два человека произнесли [Λ] как дифтонг [ou].

При произношении китайскими студентами ударных слогов в словах *жар*, *царь*, *дом*, *дома*, *сады* разница между ударной и безударной позицией не является очевидной. Усиление ударения в слове также проявлялось в значительном изменении высоты тона, которое выражалось в вокализации и повышении тона при произношении, что отличает качество звука. Ошибки при произношении ударных и безударных гласных также связаны с различным напряжением органов речевого аппарата при произношении звуков в русском языке и интерференционных им гласных в китайском.

Одним из способов устранения указанных ошибок и формирования навыков произношения гласных звуков русского языка является освоение массовых открытых онлайн-курсов (далее — MOOK), в частности, «Вводно-фонетический курс для носителей китайского языка» (<https://mooc.susu.ru/moodle/course/view.php?id=2>), «Коррекционный фонетический курс для носителей китайского языка» (<https://mooc.susu.ru/moodle/course/view.php?id=4>).

Курсы содержат видеоматериалы с субтитрами на китайском языке, а также блок контрольных тестов по освоению заданных тем. Кроме того, представлены комментарии носителей китайского языка: как студентов, так и преподавателей китайских вузов, например, кандидата филологических наук, преподавателя Тяньцзиньского университета иностранных языков (КНР) Нин Хуайин. На рисунках 1 и 2 приведены примеры контрольных тестов на тему «Редукция гласных звуков» и фрагмент видеоролика по отработке речевых образцов с китайской студенткой.

Звуковое изменение речевого потока, в том числе специфика произношения гласных и согласных звуков, играет важную роль в устной речи и при чтении.

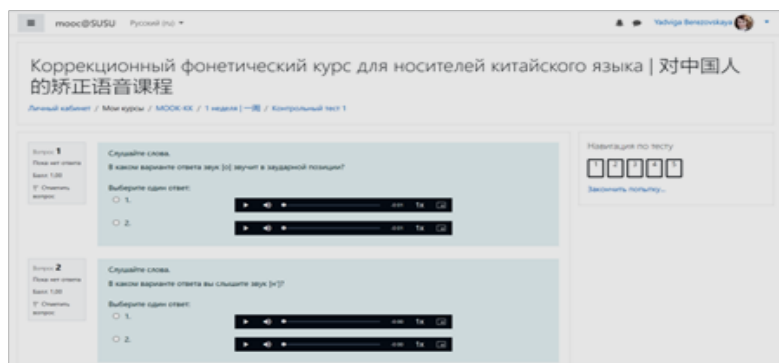

Рис. 1. Фрагмент теста MOOK «Коррекционный фонетический курс для носителей китайского языка»

Рис. 2. Фрагмент видеоролика MOOK «Коррекционный фонетический курс для носителей китайского языка»

Существуют определенные различия в правилах произношения согласных звуков в китайском и русском языках. Это приводит к тому, что русское произношение китайских студентов часто искажается из-за их родного языка, возникают непреодолимые фонетические ошибки, что влияет на эффективную коммуникацию [11].

Ввиду отсутствия таких понятий, как звонкие согласные, а также противопоставление твердых и мягких согласных, русское произношение китайских студентов требует корректировки при артикуляции звуков русского языка. Отсутствие звуков, таких как [в], [з], [р] в китайском языке и других, дало возможность найти альтернативные звуки в родном языке, но сложно дифференцировать произношение на слух звуков [в]—[у], [з]—[ж], [д]—[ж], [р]—[л], [ц]—[с], [ш]—[ч]—[ш], [ч']—[т] и др.

В китайском языке двадцать два согласных звука. Как и в русском языке, они классифицируются по месту и способу образования [10]. По месту образования согласные звуки в китайском языке делятся на губно-губные — [b], [p], [m], губно-зубные — [f], передние апикальные (кончик языка приближен к задней части верхних зубов и образует препятствие) — [z], [c], [s], средние апикальные (кончик языка приближен к верхним деснам и образует препятствие) — [d], [t], [n], [l], задние апикальные (кончик языка касается или приближен к передней части твердого неба и образует препятствие) — [zh], [ch], [sh], [r], среднеязычные: [j], [q], [x] и заднеязычные: [g], [k], [h], [ng]. По способу образования согласные в китайском языке можно разделить на взрывные — [b], [d], [g], [p], [t], [k], аффрикаты — [j], [z], [q], [c], [zh], [ch], носовые — [m], [n], [ng], боковые — [l], фрикативные — [f], [h], [x], [sh], [s], [r]. Кроме того, для китайских согласных звуков, в отличие от согласных звуков в русском языке, характерно наличие или отсутствие придыхания. При произношении придыхательных согласных наблюдается сильный воздушный поток — [c], [p], [k], [q], [t], [ch]. Ср., непридыхательные согласные — [b], [g], [j], [zh], [z]. Стоит отметить, что в китайском языке нет дифференциации согласных по звонкости-глухости (ср. с согласными звуками в русском языке).

Подобно фонетическим процессам в русском языке, явление ассимиляции и диссимиляции согласных также существует в китайской фонетике. Ассимиляция согласных обычно связана с тем, что два согласных звука меняются на одинаковые из-за взаимного влияния. Например, согласный звук [n] часто ассимилируется начальной частью слога, изменяя произношение: 人 [ren] 品 [pin] — моральные качества (人品 [rem pin]), 申[shen] 明 [ming] — заявлять (申明 [shem ming]), 面 [mian] 包 [bao] — хлеб (面包 [miam bao]). Это результат ассимиляции инициалей [p], [m] и [b] в составе иероглифов 品, 明 и 包 [5].

Рассмотрим диссимиляцию китайских согласных звуков, позволяющую избежать труднопроизносимых сочетаний: 慢 [man] 慢儿 [mar] — медленно (慢慢儿 [maimar]). В указанном слове влияние оказывает следующий носовой согласный [m]. Произношение китайского звука [n] и русского звука [н] схоже. Когда произносится русский согласный звук [н], передняя часть языка приподнята и плотно прилегает к верхней десне, образуя преграду. Воздух выходит через носовую полость, голосовые связки вибрируют. При произ-

ношении китайского согласного звука [n] задняя часть спинки языка приподнята и плотно прикреплена к верхней десне. Таким образом, они различаются положением языка во время произношения. Китайский согласный звук [m] произносится так же, как русский согласный [м] и является носовым согласным. При его произношении губы сомкнуты, и воздушный поток проходит через носовую полость, образуя звук. Однако китайский согласный [m] отличается от русского звука по продолжительности и напряженности.

Другой трудностью, вызывающей интерференцию при изучении китайцами русского языка, является произношение некоторых глухих, шипящих и других согласных:

1) китайский согласный [h] звучит аналогично русскому согласному [х]. Оба звука являются глухими согласными звуками, голосовые связки не вибрируют. Однако произношение китайского согласного [h] мягче, чем русского;

2) согласный звук [sh] в китайском языке и русский согласный [ш] имеют похожее произношение. Однако, когда произносится китайский согласный [sh], язык имеет заднее положение, образуя щель. Из-за неправильного положения кончика языка согласные [ш] и [с] не различаются: [што] — [сто]. Кончик языка должен быть приподнят при произнесении звука [ш];

3) китайский согласный звук [ch] отличается от русского [ч'] по положению и способу образования. Звук [ch] является переднеязычным переднеязычным, глухим и придыхательным согласным. Русский звук [ч'] является переднеязычным незубным, глухим и мягким согласным. Произношение русского [ч'] мягкое, а произношение китайского [ch] всегда твердое;

4) согласные [f] и [s] в китайском языке очень похожи по произношению на русские [ф] и [с]. Однако китайские звуки [f] и [s] произносятся сильнее и длиннее;

5) китайский согласный [z] образуется в том же положении, что и русский согласный звук [с]. Во время произношения кончик языка приподнимается к деснам, но не прикрепляется полностью, образуя щель. Воздушный поток выходит из щели между кончиком языка и деснами, голосовые связки вибрируют. Китайские [c] и [z] относятся к аффрикатам;

6) при произнесении звука [з] щелевой согласный блокируется в начале произношения, в результате появляется призвук [д]: зима — [d'z'има];

7) некоторые китайские согласные звуки не имеют аналогов в русском языке. Например, [j],

[q] и [x]. Произношение китайского согласного [x] аналогично русскому [с'];

8) согласный [r] в китайском языке похож на [sh] в позиции образования звуков, но их произношение отличается участием голосовых связок: согласный [sh] относится к глухому звуку, голосовые связки не работают во время произношения, согласный [r] — к звонкому. Стоит отметить, что при произношении китайского согласного звука [sh], кончик языка загибается вверх и назад больше, чем при произношении русского согласного [ш]. Когда китайские студенты произносят согласный [ж], поток воздуха слишком слабый, звук «проглатывается»: *Они [ж]ивут в городе недавно*. Из-за неправильного положения кончика языка, согласные [ж] и [з] смешиваются. Корректное произношение должно заключаться в том, что кончик языка приподнимается при произнесении звука [ж].

Эксперимент, проведенный среди китайских студентов, изучающих русский язык, показал, что при произношении лексем *ждать, желание* (звук [ж] в начале слова) звук [ж] похож на китайский звук [r]. Во время произношения слов *лежать, ложа* (звук [ж] в середине слова), ситуация другая: при анализе аудиозаписи лексемы *лежать* было обнаружено, что часть реципиентов произносили звук [ж] как [ш], а при воспроизводстве слова *ложа* [ж] звучал как звук [r]. При произношении слов *пляж, этаж* (буква «ж» в конце слова) китайские студенты произносили как верный вариант — звук [ш], иллюстрируя фонетическое явление оглушения звонкого согласного в конце слова, так и наблюдалась интерференция — произношение звука [r].

Основная трудность, возникающая у китайских студентов, — произношение дрожащего звука [р]. Когда студенты артикулируют русский звук [р], вибрации недостаточно. Другая очень распространенная ошибка заключается в том, что [р] и [л] не различают: *рад — [л]ад, рыба — [л]ыба, любовь — [р']юбовь*. В отличие от русского переднеязычного сонорного согласного [л], китайский согласный [l] произносится кончиком языка, и близок к альвеолярному.

Для эксперимента, проведенного среди студентов из Китая, были взяты следующие слова: *радость, рука* — звук [р] в начале слова; *правила, пора* — звук [р] в середине слова; *выбор, сыр* — звук [р] в конце слова. Эксперимент показал, что когда китайские студенты произносили слова *радость, рука* (звук [р] в начале слова), некоторые из реципиентов не различали звуки [р] и [л]. Вибрация языка недостаточно сильна. Кроме того,

произношение сопровождалось шумом. При произношении лексем *правила, пора* (звук [р] в середине слова) китайские студенты также произносили [р] как звук [л]. Поэтому, когда согласные [р] и [л] находятся в одном и том же слове, затруднительно выявить разницу в произношении этих звуков. При анализе аудиозаписи слов *выбор, сыр* (звук [р] в конце слова) ситуация аналогичная.

Итак, отметим основные различия между китайскими и русскими согласными звуками.

1. В русской фонетической системе согласные звуки имеют пары по глухости-звонкости, в китайской — нет. Звонкие согласные русского языка [в], [з], [ж] не имеют полных аналогов в китайском языке.

2. Русская фонетическая система содержит соответствующие пары твердых и мягких согласных звуков, китайская фонетическая система не имеет дифференциации согласных звуков по твердости-мягкости. Китайские студенты допускают следующую ошибку: произносят мягкие согласные в конце слов с призвуком [и]. Подобная ошибка встречается в существительных (путают формы единственного и множественного числа: *тетрадь-тетради*), спряжениях глаголов (неотличимо от произношения: *читать-читаете-читайте!*). Кроме того, фонетические группы типа *та-тя-тья, то-тё-тьё, ту-тю-тью, тэ-те-тье, ты-ти-тьи* также особенно трудно различить.

3. В русской фонетической системе отсутствуют придыхательные и непридыхательные звуки. Согласные звуки в китайском языке можно разделить на 6 пар по наличию придыхания: [р] — [b], [t] — [d], [k] — [g], [c] — [z], [ch] — [zh], [q] — [j]. Вместо звонких согласных в русском языке китайские студенты используют полувзвонкие согласные, при этом носители русского языка воспринимают их как глухие согласные: *[б]ывать — [п]ывать, [в]место — [ф]место, [д]ом — [т]ом, [д]елать — [т]елать, [ж]дать — [ш]дать, [з]онт — [с]онт*. При произношении звонкие согласные либо произносятся нечетко, либо выступают в роли глухих согласных.

4. В русской фонетической системе есть дрожащие согласные, в китайской — нет.

5. В китайском языке присутствует несколько согласных звуков, аналогов которым нет в русском языке, например, согласные звуки [ng], [j], [q] и [x].

Указанные проблемы можно ликвидировать при работе как с материалами массовых открытых онлайн-курсов по фонетике, так и благодаря

программе виртуального лингафонного кабинета (<https://rsl.susu.ru/>), содержащего комплекс заданий различного типа сложности. На рисунке 3 представлен фрагмент сопоставления анимированных рисунков произношения звуков [ж] и [ш], на рисунке 4 — фрагмент программы лингафонного кабинета по работе с буквой «ж» и звуком [ж].

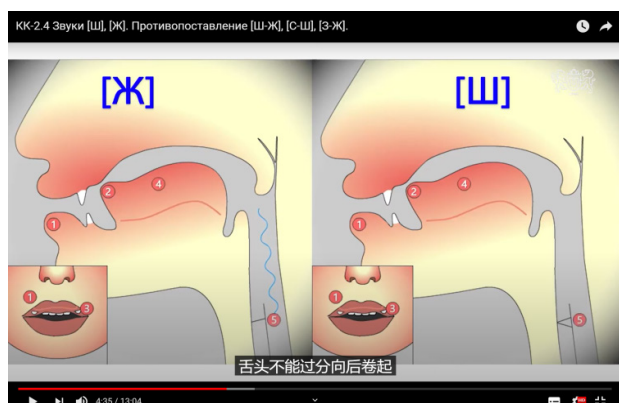

Рис. 3. Фрагмент анимированных рисунков профилей звуков [ж] и [ш]

Таким образом, мы пришли к выводу о том, что интерференция родного языка может проис-

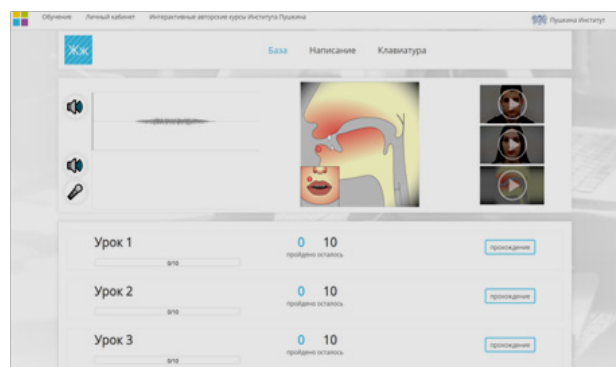

Рис. 4. Фрагмент программы виртуального лингафонного кабинета

ходить на разных этапах изучения русского языка как иностранного. Анализ артикуляторно-акустических особенностей гласных и согласных звуков русского и китайского языков в лингводидактическом аспекте позволяет выявить основные причины интерференции в русской речи носителей китайского языка, что способствует выработке эффективных способов обучения русскому языку китайских учащихся, в том числе поиску электронных средств изучения фонетики русского языка.

Список литературы

1. Березовская Я. Л., Ду М. Специфика мелодического контура высказываний в русском языке в восприятии носителей китайского языка: лингводидактический аспект // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2020. № 7 (441). Вып. 121. С. 21—27.
2. Брызгунова Е. А Звуки и интонация русской речи. М., 1997. 281 с.
3. Замастанчук Д. Э. Практическое применение фонологического тренажера «Русфон» на основе китайско-русской билингвальной фонологической модели // Межкультурная коммуникация: аспекты дидактики: материалы Межрегион. метод. семинара (24 апреля 2020 г., Улан-Удэ). Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2020. С. 41—47.
4. Кондрашевский А. Ф., Румянцева М. Ф., Фролова М. Г. Практический курс китайского языка: в 2 т. 12-е изд. М.: Восточная книга, 2012. Т. 1. 768 с.
5. Кошкин А. П. Элементарная грамматика китайского языка. М.: Восточная книга, 2017. 150 с.
6. Ли М. Типовые ошибки китайских студентов, изучающих русский язык, и пути их коррекции: вопросительные предложения // Педагогическое образование в России. 2010. № 4. С. 98—105.
7. Панова Р. С. Особенности фонетической системы китайского языка как причина межъязыковой интерференции в русской речи китайцев // Евразийский вектор: проблемы международного образования. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2016. С. 193—201.
8. Панова Р. С. Фонетическая интерференция в русской речи китайцев // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22 (160). С. 83—86.
9. Рогозная Н. Н. Билингвизм. Интерязык. Интерференция. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. 172 с.
10. Румянцев М. К. Фонетика и фонология современного китайского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2016. 304 с.
11. 赵元任. 赵元任语言学论文选. 中国社会科学出版社, 1985. 910. (Чжао Ю. Избранные статьи по лингвистике. Пекин: Изд-во общественных наук Китая, 1985. 910 с.)

Сведения об авторах

Березовская Ядвига Леонидовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета. Челябинск, Россия. berezovskaiail@susu.ru

Лю Жуйди — выпускник Южно-Уральского государственного университета. Челябинск, Россия.
1304909356@qq.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 20—26.*

ARTICULATORY-ACOUSTIC CHARACTERISTICS OF SOUNDS WHEN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO CHINESE NATIVE SPEAKERS

Ia. L. Berezovskaia

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. berezovskaia@mail.susu.ru

Ruidi Liu

South-Ural State University, Chelyabinsk, Russia. 1304909356@qq.com

Peculiarities of perception of vowel and consonant sounds by Chinese native speakers when learning Russian as a foreign language are considered in this article. Based on revealing the specifics of generation and pronunciation of Chinese sounds in a linguodidactic aspect, a number of difficulties have been discovered which Chinese students face when studying the phonetic system of the Russian language, in particular, the problems with vowel reduction, or when pronouncing fricative consonants, or the trembling [p] sound. This will allow to avoid the interference and will facilitate the elaboration of effective methods of teaching the Russian language to Chinese students.

Keywords: *phonetic interference, vowel sounds, consonant sounds, reduction, Chinese language, Russian as a foreign language.*

Reference

1. Berezovskaia Ia. L., Du M. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (441), pp. 21—27 [in Russ.].
2. Bryzgunova E. A. (1997) *Zvuki i intonaciya russkoj rechi* [Sounds and Intonation in Russian Speech]. Moscow. 281 p. [in Russ.].
3. Zamanstanchuk D.E. (2020) *Prakticheskoe primenenie fonologicheskogo trenazhera “Rusfon” na osnove kitajsko-russkoj bilingval’noj fonologicheskoy modeli* [Practical Application of the Phonological Simulator “Rusfon” Based on the Chinese-Russian Bilingual Phonological Model]. *Mezhkul’turnaya kommunikaciya: aspekty didaktiki* [Cross-cultural Communication: Didactic Aspects]. Pp. 41—47 [in Russ.].
4. Kondrashevsky A. F., Rumiantseva M. F., Frolova M. G. (2012) *Prakticheskij kurs kitajskogo yazyka* [Practical Course of Chinese]. Moscow, Vostochnaya kniga. Vol. 1. 768 p. [in Russ.].
5. Koshkin A. P. (2017) *Elementarnaya grammatika kitajskogo yazyka* [Elementary Grammar of the Chinese Language]. Moscow, Vostochnaya kniga. 150 p. [in Russ.].
6. Li M. (2010) *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 4, pp. 98—105 [in Russ.].
7. Panova R. S. (2016) *Osobennosti foneticheskoy sistemy kitajskogo yazyka kak prichina mezh’yazykovoj interferencii v russkoj rechi kitajcev* [Peculiarities of the Phonetic System of the Chinese Language as a Cause of Cross-language Interference in the Russian Speech of Chinese Speakers] *Evrasijskij vektor: problemy mezhdunarodnogo obrazovaniya* [Eurasian Vector: Problems of International Education]. Chelyabinsk. Pp. 193—201 [in Russ.].
8. Panova R. S. (2009) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 22 (160), pp. 83—86 [in Russ.].
9. Rogoznaya N. N. (2012) *Bilingvizm. Interyazyk. Interferenciya* [Bilingualism. Interlanguage. Interference]. Irkutsk, 172 p. [in Russ.].
10. Rumiantsev M. K. (2016) *Fonetika i fonologiya sovremennogo kitajskogo yazyka* [Phonetics and Phonology of Modern Chinese]. Moscow, AST: Vostok-Zapad. 304 p. [in Russ.].
11. 赵元任. 赵元任语言学论文选. 中国社会科学出版社, 1985 — 910. (Zhao Yu. (1985) *Izbrannye stat’i po lingvistike* [Selected Papers on Linguistics]. Beijing, China Social Sciences Press. 910 p.) [in Chinese].

К ВОПРОСУ О ПОДХОДАХ К ПЕРЕВОДУ ПОЭЗИИ

А. В. Большак, К. С. Волошина

Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

Репрезентируются переводческие решения, которые представляются авторам наиболее приемлемыми с точки зрения воспроизведения формы и содержания поэтического произведения. Материалом исследования послужили стихотворения англоговорящих авторов и их версии на русском языке. Сравнительный анализ данных текстов позволил сделать вывод о том, что сохранения формы и содержания стихотворения при переводе добиться очень сложно, поэтому переводчики прибегают к различного рода структурным трансформациям и лексико-грамматическим заменам.

Ключевые слова: *сравнительный анализ, переводческий прием, стиль, форма, содержание, контекстуальная замена, трансформация.*

Перевод как способ передачи информации с одного языка на другой является не только сложным, но и ответственным делом, поскольку именно переводчик является тем связующим звеном между автором и аудиторией, которая и будет получателем переведенного текста. Перевод поэтических произведений — это еще более сложная задача, поскольку именно от того, насколько грамотно и в то же время доступно переводчик воспроизведет оригинальную форму стиха и его содержание в другом языке, зависит дальнейшая судьба этого произведения и его место в другой культуре, отличной от той, в которой оно было создано.

Актуальность выбранной нами темы очевидна: сравнение исходного произведения и его переводной версии является не только богатым иллюстративным материалом, с помощью которого можно проследить логику переводчика при выборе того или иного приема перевода, но и обогатить свое представление о мире поэзии, культурно-исторических традициях народов, их формировании и развитии как социума, взаимовлиянии в процессе эволюционирования нашего общества и ряда других факторов.

Цель исследования заключалась в том, чтобы показать, как теоретические знания перевода преобразуются в практические навыки и умения, которые и формируют основу переводческой компетенции. Сделать это стало возможным, проведя сравнительный анализ подходов к переводу английских поэтических произведений на русский язык.

В ходе проведения сравнительного анализа переводов выбранных для данного исследования произведений были решены следующие задачи:

1) выделены переводческие приемы, которые наиболее ярко отражают суть переводческих решений, найденных для каждого конкретного случая; 2) отмечены факторы, позволяющие проследить то, как в рамках воспроизведения содержания поэтического произведения с одного языка на другой переводчик демонстрирует свое видение описанного в нем события, персонажа, явления, знание темы, а также степень осведомленности об особенностях ее восприятия носителями языка, иными словами, как в тексте перевода реализуется принцип межкультурной коммуникации.

Метод исследования — сопоставительный анализ — выбран с учетом специфики цели и задач, описанных выше. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты в полной мере можно использовать на занятиях по теории и практике перевода со студентами языковых специальностей.

Материалом для исследования послужили стихотворные произведения англоговорящих авторов, которые были отобраны нами по следующим критериям: 1) возрастная аудитория — поэзия для взрослых и детей; 2) восприятие русскоговорящими читателями моделей государственного устройства англоговорящих стран — произведения, отражающие этапы развития западного общества, процесс формирования различных идеологических установок в этих странах и прочие моменты, связанные с особенностями жизненного уклада населения; 3) по степени апперцепции с этими произведениями читающей аудитории в нашей стране и ее отношению к содержанию представленного в них контента (поэтому прежде чем приступать к переводу стихотворного произведения, нужно

обязательно определить аудиторию, на которую рассчитан этот перевод) [10. С. 101]; 4) по разнообразию использования языковых средств в оригинале и способам их передачи в переводной версии.

Безусловно, для перевода текста любого жанра, будь то проза, поэзия, научная статья, текст официального документа и многое другое, от переводчика, в первую очередь, требуется не только глубокое знание обоих языков, но и владение приемами перевода, а также умение грамотно выстраивать стратегию выполнения поставленной перед ним задачи. С одной стороны, переводчик должен стремиться к тому, чтобы добиться эквивалентности и адекватности на семантическом, синтаксическом и прагматическом уровнях, иначе говоря, стараться воспроизвести высказывание в языке перевода как можно ближе к его исходной версии. При этом соблюдение рифмы является основополагающим принципом при воспроизведении оригинала в языке перевода. Хотя на этом этапе сложности возникают в силу того, что лексические соответствия слов исходного языка и того, на который осуществляется перевод, как правило, не рифмуются, а количество слогов и ударение также могут отличаться [4], что в некоторой степени может нарушить созданную автором музыкальную основу стихотворения [6. С. 38]. Переводчику также приходится решать проблему передачи национального колорита подлинника [11. С. 795]. Иначе говоря, залогом удачного воспроизведения иноязычного текста является баланс между смысловым переводом и переводом, сохраняющим дух и атмосферу оригинала [15. С. 290].

М. С. Рогачевская называет перевод стихотворных текстов искусством, воплотить в жизнь которое можно лишь благодаря профессиональной подготовке переводчика и данными ему природными способностями [14. С. 565]. Поэтому можно сказать, что перевод поэзии — это поистине титанический труд, который помимо знания языковых норм, владения переводческой компетенцией, наличия у переводчика воображения и прочих творческих способностей требует от него еще и определенного поэтического дара.

В качестве примера рассмотрим вариант перевода стихотворения Киплинга *"If"*, который был выполнен известным русским переводчиком М. Л. Лозинским. Поскольку выбранные автором синтаксические структуры повторяются, для иллюстрации пояснений мы приводим в статье только один абзац и отрывок из перевода данного стихотворения, блестяще выполненного Лозинским.

If

If you can keep your head when all about you
Are losing theirs and blaming it on you,
If you can trust yourself when all men doubt you,
But make allowance for their doubting too;
If you can wait and not be tired of waiting,
Or being lied about, don't deal in lies,
Or being hated, don't give way to hating,
And yet don't look too good, nor talk too wise [7.
С. 142].

Начнем с того, что для перевода названия самого стихотворения переводчик использовал такой прием, как целостное переосмысление. По всей вероятности, он посчитал, что дословный вариант перевода — «Если» — не подчеркнет в полной мере основной посыл произведения, не передаст всей глубины мысли, изначально заложенной автором в своем эпистоле современникам, и не раскроет многогранности художественного мышления человека, перу которого принадлежит столь яркое, поучительное и актуальное во все времена литературное произведение.

Заповедь

Владей собой среди толпы смятенной,
Тебя клянущей за смятенье всех,
Верь сам в себя, наперекор вселенной,
И маловерным отпусти их грех.
Пусть час не пробил, жди, не уставая,
Пусть лгут лжецы, не снисходи до них;
Умей прощать и не кажись, прощая,
Великодушней и мудрей других [7. С. 376].

Говоря о синтаксической структуре предложений, отметим, что у автора это преимущественно условные предложения, которыми начинается практически каждая новая строка, в то время как в переводе они представлены побудительными предложениями. Такая структурная замена вполне оправдана, поскольку переводчику удалось передать суть исходных высказываний, не нарушая лексико-грамматические нормы русского языка.

Удачно использованы и другие переводческие приемы. Например, первое предложение переведено посредством смыслового развития, поскольку дословный перевод предложения *Если ты можешь сохранять голову, когда все вокруг тебя свои теряют, обвиняя в этом тебя* является всего лишь констатацией факта, но никак не строчкой из стихотворного произведения. Во втором предложении переводчик использовал контекстуальную замену,

прибегнув к гиперболе, перефразируя дословный вариант *Если ты можешь доверять себе, когда все люди в тебе сомневаются* в более эмоционально окрашенное высказывание — *Верь сам в себя, наперекор вселенной*.

Сравнивая оригинал с переводом, мы пришли к выводу, что переводчик использовал и ряд других трансформаций и контекстуальных замен, благодаря которым произведение, посвященное морально-этическим, нравственным проблемам человечества, подчеркивающим такие качества, как честность, добропорядочность, смелость, преданность и ряд других черт характера, стало достоянием и русскоговорящей читательской аудитории. При этом нужно отметить и ярко выраженный поэтический талант самого М. Л. Лозинского, который представил нам это произведение так, что оно вовсе не воспринимается нами как перевод. Более того, в этом отношении мы полностью разделяем мнение М. Р. Арпентьевой, которая считает, что иногда переведенный вариант стихотворного произведения звучит намного богаче и ярче нежели его оригинал [3. С. 63].

Следующий пример, демонстрирующий индивидуальный подход к выбору приемов перевода стихотворного произведения, — это работа блестящего знатока поэзии, безукоризненно владеющего переводческими приемами С. Я. Маршака, обогатившего нашу страну огромным количеством литературных шедевров, представленных большим жанровым разнообразием. Одним из сатирических произведений является эпиграмма на доктора Бабингтона, священника епископальной церкви в Дамфризе, написанная Робертом Бернсом. Отметим, что оригинал и его переведенная версия несколько отличаются по размеру — шесть строк в исходном варианте против четырех в русском.

In answer to one who affirmed of a well-known
Character here,
Dr B —, that there was Falsehood
In his very looks —
That there is Falsehood in his looks,
I must and will deny;
They say, their Master is a Knave —
And sure they do not lie [13. С. 316].

Первое предложение *In answer to one who affirmed of a well-known Character here* — *К портрету духовного лица*, безусловно, переведено с помощью целостного переосмысления и кон-

кретизации. Важно, что С. Я. Маршак учел такой критерий перевода, как культурная отсылка, указав, что эпиграмма адресована именно духовному лицу, а не кому-либо другому. Что касается текста самого стихотворения, то можно сказать, что в целом оно воспроизведено на русский язык с помощью смыслового развития.

К портрету духовного лица

Нет, у него не лживый взгляд,

Его глаза не лгут.

Они правдиво говорят,

Что их владелец — плут [13. С. 317].

Вот еще один пример того, как переводчику удалось сохранить авторский стиль и наиболее полно передать содержание хоть и небольшого, но вполне насыщенного стихотворного произведения, и в то же время воспроизвести звуковую гармонию, которая играет далеко не последнюю роль в восприятии читающим данного двустишья, написанного американским поэтом Огденом Нэшем.

God in his wisdom made the fly
And then forgot to tell us why [12].

Рассмотрим версию, которую предложил переводчик Г. Л. Варденга. На наш взгляд, ему удалось точно передать авторский настрой и оригинальный подход к изложению материала, поскольку он был хорошо знаком с творчеством этого поэта, который по праву считается величайшим сочинителем сатирических стихов.

Господь доказал сотворением мухи,
Что даже боги бывают не в духе [12].

В продолжение данной темы отметим, что многие любимые нами стихотворения, воспринимаемые нами как часть нашей русской культуры, являются переведенными версиями зарубежных авторов, в том числе и англоговорящих. Безусловно, в этом огромная заслуга переводчиков, которые не только мастерски смогли переложить тексты оригиналов на русский язык, но и в некоторой степени объединить две наши культуры. Ярчайшим примером такого подхода является всем известный и очень популярный в нашей стране романс *Мохнатый шмель на душистый хмель*, который в фильме «Жестокий романс» (1984) исполняет Никита Михалков.

The white moth to the closing bine,
The bee to the opened clover,
And the gipsy blood to the gipsy blood
Ever the wide world over [8].

Несмотря на то, что это довольно вольный перевод стихотворения Р. Кипплинга “The Gipsy Trail” («Цыганская кибитка»), в переводе Г. М. Кружкова звучит он легко, ритмично и вполне мелодично. Сделав попытку перевести хотя бы первый абзац дословно — *Белый мотылек к закрывающемуся побегу, пчела к раскрытому клеверу, и цыганская кровь к цыганской крови, когда-либо по всему миру*, мы пришли к выводу, что представленный вариант Г. М. Кружкова, хоть и отличается от исходного текста в плане интерпретации, все же кажется нам куда более удачной версией, нежели перевод, очень близкий к оригиналу.

Мохнатый шмель на душистый хмель,
Цапля серая в камыши,
А цыганская дочь за любимым в ночь,
По родству бродяжьей души [9].

Еще одним примечательным примером переведенных стихотворений, которые у нас на слуху еще с детства, является песенка *Из чего же, из чего же, из чего же сделаны наши мальчишки?*, в основу которой положено английское детское стихотворение *What are little boys made of, made of?*

What are little boys made of?
What are little boys made of?
Frogs and snails
And puppy-dogs' tails,
That's what little boys are made of [2. С. 29].

В русском варианте эта песня называется «Из чего же сделаны наши мальчишки», и ее автором считается Я. А. Хелемский. Сравнивая оригинал и переложение (мы бы не назвали это полным переводом), можно отметить, что русская версия наиболее полно приближена к нашей действительности, по причине чего это стихотворение и воспринимается нами как элемент нашей культуры.

Из чего же, из чего же, из чего же
Сделаны наши мальчишки?
Из веснушек и хлопущек,
Из линеек и батареек
Сделаны наши мальчишки,
Сделаны наши мальчишки! [16]

Не могли мы не упомянуть и переводе такого известного стихотворения, как «Гвоздь и подкова», выполненного С. Я. Маршаком.

For want of a nail
The shoe was lost,
For want of a shoe
The horse was lost,
For want of a horse
The rider was lost,
For want of a rider
The battle was lost,
For want of a battle
The kingdom was lost,
And all for the want
Of a horse shoe nail [2. С. 37].

Сравнивая оригинал и его русскую версию, мы видим, что переводчик здесь скорее выступает как соавтор, нежели лицо, осуществляющее передачу исходного текста на другой язык. Так, наездник (rider) переведен как командир, королевство (kingdom) как город. Далее перейдем ко второй части стихотворения: в исходном варианте речь идет о том, что битва проиграна, а королевство потеряно, и все это по причине того, что у лошади не было подковы. В русском же варианте это разбитая конница, спасающаяся бегством армия и беспощадный враг, расправляющийся со всеми, кто стоит у него на пути. На наш взгляд, такое целостное переосмысление исходного текста обусловлено, прежде всего, временем, в которое жил и работал С. Я. Маршак — послереволюционный период и годы Гражданской войны. Видимо, так произошло и с этим стихотворением, хотя коммуникативный перевод, посредством которого С. Я. Маршак воспроизвел это произведение на русский язык, ни в коей мере не умоляет его литературной ценности.

Не было гвоздя —
подкова пропала.
Не было подковы —
лошадь захромала.
Лошадь захромала —
командир убит.
Конница разбита,
армия бежит.
Враг вступает в город,
пленных не щадя,
Оттого, что в кузнице не было гвоздя [2. С. 38].

Интересным переводческим решением является воспроизведение С. Я. Маршаком тематической цепочки, которая последовательно вводит в текст повествования причины поражения королевской армии в сражении. В оригинале фраза *For want of* выступает своего рода маркером перехода от одного такого фактора к другому. В русской версии переводчик передал ее с помощью модуляции, в результате чего повтор структуры «Не было... (последствие неудачи)» помог сохранить динамичный характер английского текста. И несмотря на то, что С. Я. Маршак использовал контекстуальную замену, маркер в данном случае достаточно полно передает стилистику оригинала.

Мы полагаем, что более подробный анализ стихотворения *For want of a nail* на предмет определения степени соответствия текста перевода исходному тексту было бы целесообразно провести с учетом модели текстовой категории, которая позволяет получить представление об уровне эквивалентности обоих источников [5. С. 14].

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что перевод поэтических произведений с сохранением эквивалентности на семантическом уровне едва ли возможен. Объяснить это можно тем, что, если переводчик будет стараться воспроизвести только форму оригинала, могут возникнуть трудности с передачей его содержания, поскольку авторское оформление высказывания теми или иными синтаксическими структурами — это тоже один из способов достижения рифмы и красоты звучания.

Сравнивая и анализируя оригиналы и их переводы, мы видим, что для достижения читабельности произведения, переводчики очень часто используют различные структурные трансформации и лексико-грамматические замены. Конечно,

в таких случаях переводы в большей степени носят коммуникативный характер, однако, как мы уже упоминали ранее, такая репрезентация текста является одним из факторов, влияющих на их быстрое и полноценное восприятие читательской аудиторией, для которой язык автора не является родным.

Также на характер отмеченных нами изменений при переводе с одного языка на другой влияют и экстралингвистические факторы, такие как: исторический период, в который конкретный перевод был выполнен, субъективное отношение переводчика к содержанию оригинала, его кругозор и общий уровень образования. При этом мы глубоко уверены в том, любые изменения в форме и содержании произведения, к которым переводчик прибегает в процессе воспроизведения стихотворного произведения на другой язык, должны быть оправданы.

Безусловно, в идеале переводчик должен стараться сохранить оригинальный авторский подход к выбранной им стихотворной форме и одновременно точно передать содержание и стилиевые особенности произведения. Но когда такой возможности нет, переводчик, изменяя способ выражения мысли автора, в некоторой степени становится его соавтором. И здесь мы полностью согласны с Л. М. Алексеевой и Н. В. Шутёмовой, которые считают, что переводчик воссоздает ценности иностранной художественной литературы в культуре народа, на язык которого осуществляется данный перевод [1. С. 87].

В целом же нужно еще раз подчеркнуть, что перевод поэтических произведений — дело весьма сложное и ответственное. Оно требует от переводчика не только знания нескольких языков и широкого кругозора, но и максимальной концентрации в процессе работы.

Список литературы

1. Алексеева Л. М., Шутёмова Н. В. Существует ли поэтический перевод // Вестник Пермского университета. 2011. № 3 (15). С. 87—93.
2. Английские стихи для детей. М.: Просвещение, 1986. 80 с.
3. Арпентьева М. Р. Проблемы поэтического перевода // Омский научный вестник. 2018. № 2. С. 58—66.
4. Борисенко Ю. А., Глухова А. С. К вопросу о переводе поэзии. URL: <https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 14.04.2021).
5. Бородина Н. В., Бортников В. И., Шишкина Е. Н. Тематическая сетка как инструмент определения эквивалентности перевода оригиналу // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 1 (447). Филологические науки. Вып. 123. С. 14—25.
6. Жаткин Д. Н., Яшина Т. А. Малоизвестные русские переводы из Томаса Мура (1820—1830-е гг.) // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2010. № 1. С. 37—40.

7. Киплинг Р. Стихотворения. Короткие рассказы. М.: Радуга, 1983. 464 с.
8. Киплинг Р. Цыганская кибитка. URL: <https://www.eng-poetry.ru> (дата обращения 14.04.2021).
9. Кружков Г. М. Мохнатый шмель — на душистый хмель. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/216243/> (дата обращения 13.04.2021).
10. Магомедзагиров Р. Г. Методы и принципы поэтического перевода. Переводческие преобразования при переводе поэзии // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранные языки и методика их преподавания». 2016. № 4. С. 100—108.
11. Ненарокова М. Р. «Русские песни» Антона Дельвига: проблема сохранения национального колорита в английских переводах // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2018. Т. 9. № 4. С. 795—811.
12. Нэш, О. Муха. URL: <https://www.teachershelp.ru> (дата обращения 14.04.2021).
13. Бернс Р. Стихотворения: сб. М.: Радуга, 1982. 705 с.
14. Рогачевская М. С. Жесткая проза перевода поэзии: стихи не-гения, перевод не-носителя... // Вестник РУДН. Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика». 2018. Т. 9 № 3. С. 564—574.
15. Трукова А. И. Поэтический дискурс и перевод // Вестник Чувашского университета. 2015. № 4. С. 290—294.
16. Хелемский Я. А. Из чего же сделаны наши мальчишки. URL: <http://englishon-line.ru/detskie-pesny-video3.html> (дата обращения 13.04.2021).

Сведения об авторах

Большак Алла Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. al.bolshak@mail.ru

Волошина Карина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка в профессиональной сфере, Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия. kvoloshina@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 27—33.

APPROACHES TO THE ISSUE OF POETRY TRANSLATION

A. V. Bolshak

Kuban State University, Krasnodar, Russia. al.bolshak@mail.ru

K. S. Voloshina

Kuban State University, Krasnodar, Russia. kvoloshina@gmail.com

The article represents practical approaches that we find the most relevant in the view of poetry form and content reproduction. The works of several English poets, written in various periods and translated into Russian by a number of prominent Russian translators basically served as research material. Comparative analysis of the original English texts and the Russian translation enabled us to come to conclusion that it is really hard to preserve poem forms and content while translating. Thus, translators tend to resort to different structure transformations as well as lexical-grammatical replacements, resulting in increasing communicative nature of Russian texts translated. Moreover, the research conducted allows us to trace the way the theoretical translation knowledge is converted into practical skills and abilities, which form the translation competence basis.

Keywords: *comparative analysis, translation device, style, form, content, contextual replacement, transformations.*

References

1. Alekseeva L. M., Shutuyomova N. V. (2011) *Vestnik Permskogo universiteta*, no. 3 (15), pp. 87—93 [in Russ.].
2. (1986) *Angliyskiye stikhi dlya detey* [English poems for children]. Moscow: Prosveshcheniye. 80 p. [in Russ.].

3. Arpent'yeva M. R. (2018) *Omskiy nauchnyy vestnik*, no. 2, pp. 58—66 [in Russ.].
4. Borisenko Yu. A., Glukhova A. S. K voprosu o perevode poezii [On the question of translating poetry]. Available at: <https://cyberleninka.ru/> (accessed 14.04.2021) [in Russ.].
5. Borodina N. V., Bortnikov V. I., Shishkina Ye. N. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (447), pp. 14—25 [in Russ.].
6. Zhatkin D. N., Yashina T. A. (2010) *Vestnik KGU im N.A. Nekrasova*, no. 1, pp. 37—40 [in Russ.].
7. Kipling R. (1983) *Stikhotvoreniya. Korotkiye rasskazy* [Poems. Short stories]. Moscow: Raduga. 464 p. [in Russ.].
8. Kipling R. *Cyganskaya kubitka* [The Gipsy trail]. Available at: <https://www.eng-poetry.ru> (accessed 04/14/2021) [in Eng.].
9. Kruzhkov G. *Mokhnatyy shmel' — na dushistykh khmel'* [Shaggy bumblebee — for fragrant hops]. Available at: <https://www.chitalnya.ru/work/216243/> (accessed 13.04.2021) [in Russ.].
10. Magomedzagirov R. G. (2016) *Vestnik RUDN. Seriya Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, no. 4, pp. 100—108 [in Russ.].
11. Nenarokova M. R. (2018) *Vestnik RUDN. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 9, no. 4, pp. 795—811 [in Russ.].
12. Nash O. *Muha* [The fly]. Available at: <https://www.teachershelp.ru> (accessed 04/14/2021) [in Russ and in Eng.].
13. Berns R. (1982) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Moscow: Raduga. 705 p. [in Russ. and in Eng.].
14. Rogachevskaya M. S. (2018) *Vestnik RUDN. Seriya Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 9, no. 3, pp. 564—574 [in Russ.].
15. Trukova A. I. (2015) *Vestnik Chuvashskogo universiteta*, no. 4, pp. 290—294 [in Russ.].
16. Khelemkiy Y. A. *Iz chego zhe sdelayany nashi mal'chishki* [What are our boys made of?]. Available at: <http://englishon-line.ru/detskie-pesny-video3.html> (accessed 13.04.2021).

ИНТЕРНЕТ-МЕМЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Л. В. Бурмистрова

Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия

Рассматриваются интернет-мемы, различающиеся по типам и структуре, целью которых является комическое отражение отношений адресантов к английскому языку. В результате исследования были выявлены затруднения, связанные с изучением современного английского языка, и выделены способы решения вышеуказанных трудностей и мотивирования обучающихся английскому языку.

Ключевые слова: *интернет-мем, комический эффект, интернет-коммуникация.*

В современном мире интернет играет большую роль в повседневной жизни, являясь основным средством общения, быстрым способом получения и распространения различного вида информации.

В связи с этим именно интернет-мем стал общеизвестным в интернет-среде. Термин «интернет-мем» возник в начале XXI в. и обозначает спонтанное распространение информации или фразы в интернете через социальные сети, блоги, мессенджеры, форумы. Впервые термин «мем» был описан в 1976 г. ученым Ричардом Докинзом в книге «Эгоистичный ген» как единица передачи культурной информации [3]. В дальнейшем «мем» рассматривается в качестве «единицы культурной информации, способной к самокопированию и распространению среди людей данной группы» [6. С. 161] и считается особой единицей виртуального общения, способного беспрепятственно обращаться к широкой аудитории из-за анонимности, доступности в виртуальной среде и отсутствия строгой цензуры по отношению к ней [4. С. 15]. Под виртуальным общением понимается общение с помощью телекоммуникационных систем [10], виртуальная среда отражает и трансформирует реальность.

Стихийно распространяется та информация в интернете, которая интересна интернет-пользователям. Мемы возникают в различных интернет-сообществах и локальны в связи с определенными потребностями и интересами пользователей интернет-пространства. Тем не менее мемы нуждаются в пояснениях, так как первоначально могут быть непонятны остальным носителям языка и не вызовут эмоциональной реакции — смеха [9. С. 162–163]. Именно смех, являясь выражением комического, становится следствием

высказываний субъекта, самого субъекта, действительности [2. С. 6], поэтому интернет-мемы стремятся главным образом к достижению комического эффекта, помогающего реализации второстепенных (репрезентации идеи) и усиливающих их [8. С. 136].

Материалом исследования послужили интернет-мемы, опубликованные в сообществе «Just English» в социальной сети «ВКонтакте» с аудиторией более 2 миллионов подписчиков. В центре нашего анализа находятся узкоцелевые мемы, «ориентированные на определенные фокус-группы, то есть на определенную аудиторию, способную понять и оценить данный мем [7. С. 175—176]. В настоящем исследовании к фокус-группам отнесены профессиональные объединения (мемы для филологов, лингвистов, учителей английского языка), а также социальные группы (мемы про студентов, учеников, изучающих английский язык).

На основе изучения различных типов интернет-мемов, функционирующих в современном интернет-пространстве, их структуры, проанализированы интернет-мемы, связанные с изучением английского языка. В большинстве исследуемых интернет-мемов нарушена синтаксическая структура предложений, нарочно изменено написание слов (эрративы). Такими способами авторы мемов старались передать свои мысли, а не стремились поддержать свой имидж как людей интеллектуального склада.

Результаты исследования применимы для выявления затруднений, возникающих у студентов при изучении английского языка, анализа данных трудностей преподавателем и их устранения, наглядного использования для мотивации к изучению английского языка (рассмотренные выше

примеры интернет-мемов могут быть показаны обучающимся, составлены методические пособия для студентов).

В ходе исследования интернет-мемов определены основные трудности у обучающихся, связанные с изучением современного английского языка, которые выражены с помощью комической интенции адресанта.

Рассмотрим детально вышеуказанные трудности:

1) *отсутствие владения монологической речью*. Данное затруднение представлено компаративным мемом [8. С. 136], созданным на основе противопоставления двух точек зрения *The English in my mind* (изображена дорогая современная гоночная машина) и *The English I speak* (старая сгнившая машина) (https://vk.com/photo-44759043_457301019). Приведем и другие примеры компаративных мемов: *Как я разговариваю на английском с собой* (изображение нарисованного человека — англичанина, произносящего возвышенную речь) и *Как я разговариваю на английском, когда иностранец спрашивает дорогу* (изображение нарисованного человека, показывающего направление и говорящего одно слово *There*) или *How I speak English in my head* (изображение нарисованной головы в цилиндре, произносящей: “Let me introduce myself. I am Sir Derp Derpington. It is a pleasure to meet you”) и *How I really speak English* (изображение нарисованной головы, произносящей: “My name is Potato”). В данных примерах комически демонстрируется осознание обучающимися возникших на их пути реальных трудностей. Комический эффект усиливается благодаря рифме в начале предложений.

Синтаксические мемы используются также для отображения проблемы, связанной с монологической речью [8. С. 136]. Трехчастный комикс под названием «True story», героем которого является персонаж популярного мультсериала “SpongeBob SquarePants” (Губка Боб квадратные штаны) (https://vk.com/photo-44759043_457308323). Каждая точка зрения сопровождается соответствующим изображением героя: *My English Skills in Understanding* (изображение атлетически сложенного Губки Боба), *My English Skills in Writing* (изображение радостного взрослого Губки Боба), *My English Skills in Speaking* (изображение младенца Губка Боба). Намеренное уменьшение физической формы и искажение стадии взросления подчеркивает равнодушие автора к проблеме и вызывает улыбку.

Еще одним примером служит девятичастный комикс под названием «Уровень моего английского», главной героиней которого выступает Настя Ивлева, российская телеведущая и видеоблогер, ведущая телепередачи «Орёл и решка. Перезагрузка», недостаточно владеющая английским языком (https://vk.com/photo-44759043_457305794; https://vk.com/photo-44759043_457305795; https://vk.com/photo-44759043_457305796). Данный комикс представляет собой серию изображений телеведущей в гостиничном номере, пытающейся разговаривать на английском языке по телефону, используя фразы: *Намбер бест оф зе бест; Очень, очень мягкая бэд; Очень белые уайт бельё; Бьютифул ковёр*. Намеренное транскрибирование английских фраз русскими буквами и смешение русских и английских слов, подчеркивающих тщетность стараний девушки, приводят к созданию комичности комикса. Создавший данный мем пользователь намеренно привлекает внимание к важной для него проблеме, а именно отсутствию умения общаться на английском языке;

2) *отсутствие навыков диалогической речи в повседневной коммуникации*. Способность понимать английский язык, но неспособность разговаривать на английском языке отображено в интернет-комиксе, представляющем собой диалог между нарисованным человеком — англичанином, спрашивающим “Do you speak English?”, и нарисованным китайским баскетболистом Яо Мина, отвечающего “Do you, но мало!” (https://vk.com/photo-44759043_310310880) [5. С. 208]. Рифма “Do you”, содержащаяся в вопросе и ответе героев комикса усиливает комизм данного диалога.

Использование в качестве собеседника неодушевленного предмета показано с помощью саркастической открытки и вызывает улыбку [5. С. 209] (https://vk.com/photo-44759043_300617195):

— *Говорите ли Вы по-английски?*

— *Только со словарем. С людьми пока стесняюсь;*

3) *отсутствие способности выучить английский язык*. В следующем фрагменте переписки старание собеседника отвечать на вопросы на английском языке вызывает улыбку:

— *Ты начал учить английский?*

— *Yes.*

— *Сколько слов знаешь?*

— *Two.*

— *Реально всего два?*

— *Yes.*

Комизм ситуации абсолютно транспарентен и усиливается благодаря рифме.

Шутливо переосмысливается тщетность изучения английского языка в школе в посте с фотоподборкой: «*Ты спрашиваешь, какие знания я получил за 11 лет в школе? 1. Я идиот. 2. Все остальные тоже идиоты. 3. London Is The Capital Of Great Britain*», сопровождающейся фотографией королевы Великобритании, поднимающей бокал, произносящей фразу и графически показанной мысли «За это и выпьем».

Однако страстное желание учеников выучить английский язык высмеивается и в демотиваторе: *Знания по английскому и мой мозг* — фраза на фоне людей, пытающихся налить в стакан сок, который льётся мимо стакана [1. С. 7].

Желание владеть английским языком представлено в посте с фото-подборкой [5. С. 209]. Текст поста: «*Что ожидаешь от изучения английского: будет интересно, сможешь общаться за границей, смотреть фильмы в оригинале. Что получишь:*». Данное желание отображается с помощью дискредитирующего уточнения, представленного сопровождающим пост изображением некачественно установленной пластиковой двери с надписью «Истерика 24 часа»;

4) *поиск легких путей изучения английского языка*. Фрагмент переписки, раскрывающей чудодейственное средство для изучения английского языка:

— *Кст Деня, как лучше начать англ?*

— *В полную луну взять засушенную печень голу-бя, стереть в порошок и посыпать на север, приговаривая: «флай флай англиш кам бай». Руки два дня не мыть. На девятый день придет знание.*

Комизм возникает благодаря парадоксальности данного совета;

5) *трудность произношения межзубно-го звука «th»*. Данная проблема комически переворачивается на примере креолизованного мема — эдвайса [8. С. 137] (https://vk.com/photo-44759043_457310632). Игра слов (подстановка звука «the» в начале русских слов), рифма данных фраз и наглядная правильная артикуляция звука «th» бывшим американским президентом Дональдом Трампом (взаимодействие вербальных и визуальных компонентов) создает комический эффект: «*Theпелявь, как thтарик, thаль, как пчела*»;

6) *трудность в различии артиклей the и a*. Данная проблема отражена в текстовом меме: *Ненавижу в английском the и a ставлю их по прин-*

ципу «ну вроде звучит». Парадокс данной ситуации усиливает комизм. Нарушение синтаксической структуры предложения, показывает отношение автора мема к волнующей его проблеме;

7) *трудность в понимании времен английского языка*. В креолизованном меме «Филологическая Дева» происходит отсылка адресата к прецедентному тексту «*Есть только миг между прошлым и будущим. Именно он называется жизнь*» (песня из кинофильма «Земля Санникова») (https://vk.com/photo-44759043_303494404). Неожиданная концовка данного прецедентного текста вызывает комизм.

Во фрагменте переписки попытка философствования о жизни неожиданно переходит к комичной развязке, острой проблеме, связанной с английским языком, с помощью эффекта обманутого ожидания:

— *Так странно, когда не можешь прощаться с прошлым, и оно лезет в настоящее, и это уже не настоящее, а прошлое в настоящем.*

— *Я думал, такое только во временах английского бывает.*

Комический эффект в следующем примере создается за счет совмещения противопоставления буквального и косвенного значения «времени». В буквальном значении «время» рассматривается как промежуток времени, проведенный вместе с любимым человеком, с помощью косвенного значения показывается преувеличенная легкость в понимании времени одного из времен английского языка:

— *Какое твоё любимое время?*

— *Когда ты рядом. А твое?*

— *Present Simple. Не надо ни о чем думать. Взял существительное, взял глагол. Готово. Шедевр;*

8) *трудность в запоминании неправильных глаголов английского языка*. В эдвайсе фраза «*Нельзя просто так взять и выучить неправильные английские глаголы*», сопровождающая изображение актера Шона Бина в роли Боромира из кино-трилогии «The Lord of the Rings: the Fellowship of the Ring» («Властелин Колец: Братство Кольца») преувеличивает сложность изучения неправильных глаголов, которые необходимо запомнить, и вызывает улыбку. И в то же самое время фраза «*Нельзя просто так взять и...*» используется как отсылка на то, что учащиеся ленятся выучить неправильные глаголы;

9) *трудность в произношении и различии слов Taught-Though-Thought-Through*. Данная проблема представлена в эдвайсе: *The Four Horsmen*

of the Apocalypse — фраза на фоне изображения всадников апокалипса, названными *Taught, Though, Thought, Through*. Комическое переосмысление автором сложной проблемы вызывает улыбку;

10) *трудность в правильном произношении английских слов*. Основой такой проблемы послужил пост с фотоподборкой: «Я всегда произношу слово *island* правильно (без *s*), но в голове у меня на всю жизнь, навеки ИСЛАНД ТАК ЖЕ, КАК И КУКУМБЕР И БИСУКЛЕ», сопровождающейся изображением задумавшегося человека и различных математических формул, которые возникают в его голове. Фраза «*И лангуаге*», ответ на данный пост, подчеркивает принятие важности этой проблемы другим человеком и вызывает улыбку.

Комически переосмысливается та же самая проблема в интернет-комиксе под названием «Неразгаданные загадки человечества», представленного в виде противопоставления риторического вопроса «Почему я после стольких лет изучения английского продолжаю произносить *sisumber* как *кукумбер*?» неразгаданным загадкам человечества «Бермудский треугольник. Есть ли жизнь на Марсе? Лохнесское чудовище» (https://vk.com/photo-44759043_457305683). Преувеличение в таком меме достигается абсурдностью сравнения существующей проблемы с настоящими реалиями.

В ходе исследования интернет-мемов выявлены способы решения вышеуказанных трудностей и мотивирования обучающихся на изучение английского языка:

1) *призыв к изучению английского языка*. В эдак-вайсе возникновение эффекта неоправданного ожидания приводит к созданию комизма: задающая сюжет фраза «*Учи английский язык*» и концовка «*Не расстраивай Леонида Аркадьевича*» на фоне изображения расстроенного известного телеведущего (https://vk.com/photo-44759043_309846363).

В следующем примере призыв к изучению языка вызывает улыбку: начальная фраза «*Когда ты говоришь кноу (know)*» и концовка «*В мире грустит один учитель английского*» на фоне изображения грустного американского актера Эдриена Броуди;

2) *важность изучения английского языка*. В следующих креолизованных мемах эффект обманутого ожидания приводит к созданию комического эффекта: изображения татуировок людей в виде задающих сюжет фразами на английском языке “*Never don't give up*”, “*Thanks mather for*

my life”, с грамматическими и орфографическими ошибками и концовками, показывающими абсурдность данных высказываний “*Never Skip English Classes*”, “*Kill yourself*”, “*And sori for my English*” на фоне изображения известных актеров. Данные примеры в шуточной форме показывают, что учить английский необходимо и не следует полагаться на образованность других людей.

В креолизованном меме, представленном в виде начальной фразы «*Учи английский, чтобы не оказаться в дураках*» и концовкой «*О, вы из Англии*» на фоне изображений неправильно переведенных названий блюд и фраз «*Приносим извинения за доставленный неудобства. We apologize for the nudobstva.*», «*Канута цветная Caput color*», «*Сочень With very*», «*Язык в тесме Language in the test*», эффект обманутого ожидания усилен неожиданной развязкой, последней фразой “*О, вы из Англии*”, так как старание показаться знатоками английского языка может не отвечать действительности (https://vk.com/photo-44759043_457303878);

3) *эффективные способы изучения английского языка*. Полное погружение в языковую среду считается лучшим способом изучения английского. В компаративном меме, сопоставляющем две точки зрения: *Studying a language with a book* (изображение собаки, пьющей воду из-под крана, текущую тонкой струйкой) и *By living in the country* (изображение собаки, пьющей воду из насадки распылителя, поливающего газон под сильным напором), уровень познания языка сравнивается с напором воды и вызывает улыбку (https://vk.com/photo-44759043_457308555).

В сериалах присутствует живой и современный английский язык. С помощью сериалов можно улучшить навык понимания английского на слух и увеличить словарный запас, узнать сленг, эмоциональные структуры. В компаративном меме высмеивается традиционный способ изучения языка. Комический эффект усиливается благодаря рифме: *How others learnt English* (изображение нарисованного человека и фотографии английских словарей) и *How I learnt English* (изображение нарисованного человека с бокалом вина и названий телевизионных сетей, продуктами которых являются телесериалы) (https://vk.com/photo-44759043_457308656).

Таким образом, узкоцелевые интернет-мемы служат проводниками для отображения трудностей, выраженных с помощью комической интенции адресанта. Выявленные затруднения, связанные с изучением английского языка,

могут быть использованы для дальнейшего анализа и устранения их у адресантов путем целенаправленной работы с данными трудностями. Узкоцелевые интернет-мемы могут быть изучены филологами, лингвистами, преподавателями английского языка и переработаны, чтобы уде-

литель внимание возникшим трудностям у изучающих английский язык, выступающих в роли адресантов, и использованы наглядно (рассмотренные выше примеры интернет-мемов могут быть показаны обучающим) для мотивации к изучению английского языка.

Список литературы

1. Бурмистрова Л. В. Комические трансформации паремиологических единиц // Гуманитарные исследования. 2017. № 2. С. 6—11.
2. Бурмистрова Л. В. Структурные, семантические и прагматические характеристики комических пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2018. 19 с.
3. Докинз Р. Эгоистичный ген: пер. с англ. Н. Фомина. М.: Мир, 1993. 318 с.
4. Канашина С. В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 27 с.
5. Левченко М. Н., Изгаршева А. В. Креолизованный текст в системе «Интернет» // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 4. С. 200—216.
6. Поляков Е. М. Меметика: наука или парадигма? // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2010. № 2 (4). С. 160—165.
7. Саидова З. Э. Мем как универсальный феномен интернет-культуры (на материале русского, английского и чеченского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1, вып. 2 (67). С. 175—178.
8. Щурина Ю. В. Интернет-мем как ресурс комического в современном русскоязычном медиапространстве // Медиа в современном мире. 59-е Петербургские чтения: материалы Междунар. науч. форума. СПб., 2020. С. 136—138.
9. Щурина Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 161—173.
10. Виртуальное общение // Словари и энциклопедии на Академике. URL: https://methodological_terms.academic.ru/230/ВИРТУАЛЬНОЕ_ОБЩЕНИЕ (дата обращения 29.04.2021).

Сведения об авторе

Бурмистрова Лариса Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия. larisa.burmistrova1@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 34—39.*

INTERNET MEME IN THE EDUCATIONAL PROCESS (IN TERMS OF LEARNING THE ENGLISH LANGUAGE)

L. V. Burmistrova

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia. larisa.burmistrova1@yandex.ru

The Internet is the main means of communication, a fast way to receive and distribute various types of information in the modern world. The Internet meme has become generally known in the Internet environment according to these conditions. The purpose of the work is to study the Internet memes of different types and structure. The purpose of these Internet memes is considered to be a comic reflection of the relationship of the authors of memes to the English language. The authors of memes try not to maintain their image as people of an intellectual mentality but to express their thoughts. As a result, the difficulties associated with the study of modern English are identified. The ways of solving the above difficulties and motivating students to study the English language have also been identified.

Keywords: *Internet meme, comical effect, Internet communication.*

References

1. Burmistrova L. V. (2017) *Gumanitarnye issledovanija*, no 2, pp. 6—11 [in Russ.].
2. Burmistrova L. V. (2018) Strukturnye, semanticheskie i pragmaticheskie harakteristiki komicheskikh poslovič [Structural, semantical and pragmatistical characteristics of comical proverbs. Abstract of thesis]. Majkop. 19 p. [in Russ.].
3. Dokinz R. (1993) Jegoistichnyj gen [Selfish gene]. Moscow: Mir. 318 p. [in Russ.].
4. Kanashina S. V. Internet-mem kak novyj vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikacii (na materiale anglijskogo jazyka) [Internet-meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication (on the basis of the material of the English language). Abstract of thesis]. Moscow, 2016. 27 p. [in Russ.].
5. Levchenko M. N. (2018) *Vestnik moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 4. pp. 200—216 [in Russ.].
6. Poljakov E. M. (2010) *Vestnik VSU. Serija: Filosofija*, no. 2 (4), pp. 160—165 [in Russ.].
7. Saidova Z. Je. (2017) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 1-2 (67), pp. 175—178 [in Russ.].
8. Shhurina Ju. V. (2020) Media v sovremennom mire. 59-e Peterburgskie chtenija [Media in the modern world. 59th St. Petersburg Readings: Materials of the Intern. scientific. forum]. St. Petersburg. Pp. 136—138 [in Russ.].
9. Shhurina Ju. V. (2012) *Nauchnyj dialog*, no. 3, pp. 161—173 [in Russ.].
10. Academic Dictionaries and Encyclopedias. Available at: https://methodological_terms.academic.ru/230/ВИРТУАЛЬНОЕ_ОБЩЕНИЕ (accessed 29.04.2021).

ПОСТЧЕЛОВЕЧЕСТВО, АПОКАЛИПСИС И МЕТАНОЙЯ: ЛИНГВОМЕНТАЛЬНАЯ ЭНАНТИОСЕМИЯ И ВАРИАНТЫ ВОЗМОЖНОГО БУДУЩЕГО

В. В. Волков

Тверской государственной университет, Тверь, Россия

Констатируется, что лексемы *стчеловечество*, *апокалипсис* и *метанойя* могут рассматриваться как лексико-семантическое микрополе, отображающее секулярные и сакрально-религиозные представления о «конце света» и связанных с ним вариантах трансформации человека и человечества. Эти лексемы в лингвоментальном отношении выступают как семантико-дискурсивные энантиосеманты, противоположные значения которых реализуются в оппозитивных дискурсивных средах, связанных с секулярным и сакрально-религиозным типами языкового сознания.

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, филологическая герменевтика, лексико-семантическое поле, постчеловечество, апокалипсис, метанойя, энантиосемия.*

Введение

Существительное *апокалипсис*, с одной стороны, фиксирует архетипические представления о грядущем «конце света», с древнейших времен наличествующие в сакрально-религиозных представлениях человечества, с другой стороны, используется как метафора «грандиозной катастрофы», в результате которой люди с лица земли исчезнут. Второе значение — производное, секулярно-метафорическое — доминирует в самых разных дискурсах: экологическом, политическом, экономическом и др. — и в качестве языкового средства опредмечивания страха всеобщей гибели используется в многовековой традиции «предсказаний» о неминуемом скором конце всего и вся, которые особенно умножились на рубеже тысячелетий. Наряду с активизацией секулярного исходное значение — сакрально-религиозное — в последнее время выходит за пределы церковного и богословского дискурсов в широкую социогуманитарную сферу по мере того, как созревает понимание, что подлинный «конец всего» для человечества придет/приходит не откуда-то извне, но изнутри него самого, в силу внутренних процессов духовной деградации.

Тревожный интерес у специалистов разного профиля вызывают феномены настоящего и/или возможного будущего, ассоциируемые с лексемами *постчеловек/постчеловечество* [1] и смежными с ними многочисленными образованиями с префиксами *пост-* и *транс-*, типа *постгендеризм/трансгендеризм, трансгуманизм, постапокалипсис, постцивилизация* и т. п. Постмодернистская

мифология смерти субъекта/человека в ряде фундаментальных работ современных отечественных философов осмысливается как действительная, а не мифологическая утрата человеком «воли к бытию» [6], как вплотную подступившая угроза прощания с «человеком как традицией» [7], как становление «постчеловеческой персонологии» [17], фундирующей отождествлением человека с машиной, человеческого ума с искусственным «интеллектом» [2], и др. Лингвогерменевтический взгляд на эту опасность позволяет, во-первых, увидеть лексико-семантическую изоморфность секулярного и сакрально-религиозного аспектов тех лингвоментальных образований, которые ассоциируются с лексемами *постчеловечество* и *апокалипсис* (религ. *Апокалипсис* — с заглавной), во-вторых, отметить имеющийся в христианской культуре тот путь выхода из апокалипсической ситуации, который фиксирован в лексеме *метанойя* — букв. «переме́на ума».

Актуальная не только в теоретическом, но и в практическом отношении гипотеза развиваемого подхода в том, что «возвращение» в современные дискурсивные среды «старого» понятия и слова *метанойя* может послужить средством преодоления страха перед будущим, которое, по апостольскому обетованию, несет — через *Апокалипсис* — вовсе не исчезновение, но радикальное обновление, преображение человека — в *нового человека*, не в «обнуляющем» смысле «пост», то есть «после человека» (когда «традиционного», биосоциодуховного человека не будет), а в смысле его духовного перерождения к свету.

Цель данной статьи — лингвогерменевтическая реконструкция энантиосемичных значений и смыслов, репрезентируемых лексемами *постчеловечество*, *апокалипсис* и *метанойя*, которые рассматриваются как целостное лексико-семантическое микрополе, отражающее, с одной стороны, секулярные представления о «конце (нынешнего) человечества», с другой стороны, сакрально-религиозные представления о грядущем перерождении человечества.

Задачи

1) охарактеризовать существо семантико-дискурсивной оппозиции сакрального и секулярного в рамках рассматриваемого лексико-семантического микрополя;

2) основываясь на компонентном анализе сущ. *постчеловечество*, *апокалипсис* и *метанойя*, интерпретировать их семантическую биполярность в контексте антропоцентрической и теоцентрической парадигм социогуманитарного знания;

3) эксплицировать взаимосвязь семантико-дискурсивной энантиосемии рассматриваемых лексем с актуальной социогуманитарной проблемой под (условным) названием «конец (текущей) истории»/«конец (биосоциодуховного) человека».

Постановка проблемы

Теоретическая основа данной работы — различение сакрально-религиозного (христианского) и секулярного состояний сознания, которые отображаются в оппозитивных (лингво)ментальных феноменах и языковых средствах, принадлежащих (преимущественно) сакрально-религиозной и секулярной семантико-дискурсивным сферам. Представления о конце (текущей) человеческой истории, связанном с исчезновением/радикальным преобразованием человека и человечества, поляризуясь по параметру «сакральное — секулярное», находят языковое опредмечивание и в силу этого могут рассматриваться как биполярный (сакрально-секулярный) фрагмент (русского) лингвоментального пространства/языковой картины мира.

Энантиосемия в данной работе трактуется не только и не столько как лексико-семантическое явление — внутрисловная антонимия (типа *вывести* ‘убрать из’ и ‘поставить на’), сколько как семантико-дискурсивный феномен противоположности или резкого контраста по параметру «сакральное — секулярное», в котором отображаются оппозитивные лингвоментальные спосо-

бы миропонимания, соотносящиеся с разными состояниями (языкового) сознания. Пример — сущ. *благодать*. Исконное сакральное значение: «... Божия помощь и защита, даруемые каждому христианину в его повседневной жизни» [14. С. 55]; профанное секулярное: «О чём-либо очень хорошем, доставляющем наслаждение, радость и т. п.» [10. С. 81]. Аналогично *прелесть* ‘очарование, привлекательность’ (секулярное) и *прелесть* ‘заблуждение, обман’ (сакрально-религиозное). Существительные *постчеловечество*, *апокалипсис* и *метанойя*, в отличие от приведенных примеров, явной (языковой) энантиосемии не обнаруживают, — лишь в качестве связной «лексической триады» выявляют энантиосемическую взаимосвязь богословской проблематики *эсхатологии* как «учения о конце» (< др.-гр. *eschaton* ‘край; предел; конец’) и секулярной проблемы «цивилизационного разлома», на котором оказывается современное человечество.

Линия разлома проходит между секуляризмом и сакрально-религиозной традицией, между Западом и остальным миром. Эсхатологическая составляющая современной секулярной картины мира основывается на представлениях о замене человеческого мира Техносом, культуры — алгоритмизованным «мышлением», не имеющим «мировоззренческого смысла» [9. С. 8], человека — «киборгом», «постчеловеком». Телеологические вопросы: зачем разрушать собственно человеческое в человеке, заменять реальные вещи виртуализациями — адептами Техноса, игнорируются. Современная секулярная картина мира — плод «западоцентрического» цивилизационного развития, которое фундируется сциентистской либерально-капиталистической идеологией. Эта модель ныне идет/ведет в секуляристский эсхатологический тупик. Пришло время освободиться от западного «цивилизационного расизма» [22], во власти и в очарованности которым долго пребывала наша страна, осмыслить существо своего пути и, в частности, те представления об эсхатологическом финале, которые коренятся в нашем культурно-историческом христианском фундаменте.

В секулярном дискурсе *апокалипсис* (с маленькой буквы) осмысляется как буквальный «конец человечества», как ситуация, когда «людей больше не будет». Какого *человечества*? Видимо, «европейского» (шире — «западного»), которое по своему европоцентризму мыслит себя как *всё* человечество. Остальных, как

говорится, «не спрашивают». Розанов в вышедших в 1917 году набросках под названием «Апокалипсис нашего времени» писал, по видимости, о частной судьбе, по сути — о своей страхе на пороге перерождения, через смерть старого: «Печаль не в смерти. “Человек умирает не когда он созрел, а когда он доспел”. То есть когда жизненные соки его пришли к состоянию, при котором смерть становится необходима и неизбежна» [13. С. 394]. Ныне апокалипсис как секулярное ожидание «конца» — устойчивый мотив огромного количества текстовых и экранных произведений, условно говоря, «апокалиптического жанра» как тематической разновидности антиутопии.

Особый массовый интерес к теме «конца» специалисты трактуют как «свидетельство патологичности современного общества» [11. С. 93], подлинное (не фантазийно-художественное) содержание апокалипсиса как «конца» ассоциируют с процессами внутреннего перерождения/вырождения, с «концом “человеческого”», его показатели — трансформация базовых ценностей, тотальная бездуховность, переход «к новому человеку, сущностными признаками которого являются безродность, бесполость, обезличенность, функциональность и спецификация» [12. С. 91]. Как видим, «конец “человеческого”» в этой оценке маркируется (1) лексемами с процессуальным значением *переход*, *трансформация*, (2) словосочетанием *новый человек* как обозначением результата «перехода», (3) морфемами отсутствия/отрицания *без-*, *обез-*, намекающими на механизм «перехода» как отказа от сущностных признаков (атрибутов) человека как собственно человека. Эта секулярная апокалипсическая картина по отношению к сакрально-религиозным представлениям об *Апокалипсисе* — профанация (профанирование, профанизация), без пейоративной коннотации лексем типа *профанный*, в буквальном этимологическом смысле (по лат. *profanus* ‘лишенный святости, непосвященный; непросвещенный, темный, нечестивый, кощунственный’ — от *pro...* ‘вперед > вместо’ + *fanum* ‘святня’).

Профанность профанного проясняется лишь в зеркале (исходного) сакрального. Современная секулярная культура — вторична, изначально сакральные ментальные представления и опредмечивающие их лексические значения в ней профанируются, энантиосемически травмируются в представлениях об «исчезновении» человека, его «вырождении» и т. п. Необходима *ме-*

танойя — «возвращение» из приземленно-секулярного состояния сознания в христианское, сакрально-религиозное.

Апокалипсис (с заглавной) и апокалипсис (со строчной)

Всё в этом мире конечно. Когда-нибудь погаснет Солнце, наступит «смерть Вселенной», но задолго до этих событий завершится путь земного человечества. Еще раньше — каждого отдельного человека. Когда и как? Применительно к человечеству эти вопросы связываются со словом *апокалипсис* — в сакральном библейском исходном и в секуляризованном вторичном значениях. Русская калька сущ. *апокалипсис* — *откровение*, по др.-гр. *apokalypsis* ‘открытие, откровение’ — из *apo-* ‘от’ + *kalyptos* ‘покрытый, обвернутый’ (здесь и далее древнегреческие этимологии по [4], но в латинской транслитерации). В Библии *Апокалипсис* (с *A* прописной) — заключительная книга Нового Завета «Откровение апостола Иоанна Богослова», повествующая о будущей судьбе христианского мира, с чаемым финалом после «конца»: «И ночи не будет там, и не будут иметь нужды ни в светильнике, ни в свете солнечном, ибо Господь Бог освещает их; и будут царствовать во веки веков» (Откр. 22:5). Во вторичном (десакрализованном, профанном) значении *апокалипсис* (с *a* строчной) — грядущая гибель мира, мировая катастрофа, «конец света», гибель всего и вся.

В богословии дисциплина, изучающая вопрос о «конце времён», — *эсхатология*, из др.-гр. *eschaton* ‘край, окраина; верх, предел; крайность, конец’. Эти семантические этимоны в обобщении ‘край, граница’ составляют основу «околоапокалипсической» проблематики различных секулярных дисциплин, прежде всего философии и футурологии, однако в секулярном дискурсе сакральное энантиосемически профанируется по параметру «частное вместо общего» и, минуя фундаментальную проблему собственно «конца времён», ассоциируется с субъективно предлежащими частными, например: в психологии и психотерапии — депрессивные состояния и «влечение к смерти», в филологии — литературная антиутопийная апокалиптика, филологическая танатология и т. п. Постмодернистские идеи «смерти человека» — это отображение и одновременно пропаганда уже идущего, по выражению В. А. Кутырёва, «самоапокалипсиса человечества», в рамках которого «ценности жизни вытесняются ценностями смерти, суицида. С предваряющим отказом от полов

(ге/й/ндеризмом-феминизмом), сексуальности и рождения, т. е. отказа от продолжения бытия Homo genus. <...> Мир вступает в сумерки человека...» [8. С. 17].

Ярче всего гуманитарная околоапокалипсическая травестия опредмечивается лексемами *трансгуманизм* и *постчеловечество*. Опорная сема 'конец (человека)' в этих лексемах пресуппозитивно прикрыта, выявляется ценой особых усилий. Плодотворность подхода с позиций филологической герменевтики к «проблеме конца» в том, что филология, занимаясь «просто» словами и (любими) текстами, не будучи жестко связанной с частными гуманитарными концепциями, имеет возможность опираться на те фундаментальные представления о «конце», которые заложены в «культурной памяти» отдельных слов и прецедентных текстов, начиная с сущ. *конец*.

Два примера. «Где начало того конца, которым оканчивается начало?» — иронично, но вместе и серьезно вопрошал в середине XIX века «условно-народный» Козьма Прутков [15. С. 109]. Во второй половине XX века истинно народный — и по популярности, и по глубине отображения национального духа — В. С. Высоцкий в стихотворении-песне «Сыновья уходят в бой» (1969) от имени своего персонажа-«маски», погибающего в Великую Отечественную, дал афористически точный ответ: «Разрывы глушили биенье сердец, / Мое же — мне громко стучало, / Что все же конец мой — еще не конец: / Конец — это чье-то начало» [3, т. 2. С. 109].

Маловероятно, что В. С. Высоцкий сознавал: в афористической фразе «Конец — это чье-то начало» оказалось обыгранным этимологическое родство слов *конец* и *начало*, восходящих к общеславянскому корню **kon-/*ken-*, рефлекс которого — с одной стороны, в сущ. *конец*, с другой стороны, в *начало* — от *начать* в исходных смыслах «(вновь) выступать наружу», «появляться» [21, т. 1. С. 563]. Заметим, что эта глубинная «мудрость языка» отчетливо коррелирует и с традиционным представлением о (человеческой) смерти как переходе в «пакыбытие», в «послежизнь», причем без каких-либо метафорических подтекстов, — в буквальном смысле, основывающемся на сакральном прочтении оппозиции «бытие — инобытие» как единства двух форм (целостного) бытия.

В секулярной картине мира другая оппозиция: «бытие — ничто». Наглядно-образно «ничто» перевыразил тургеневский Базаров в пассаже о посмертной судьбе человека, из которого «лопух

расти будет» — и только. Страх перед «ничто» (= смертью), ужас ожидания смерти как ухода в абсолютное небытие побуждает придумывать какое-то технологическое (например, электронное) индивидуальное «бессмертие», искусственное «постчеловечество». Секулярное сознание понимает апокалипсис как безусловный «конец» всего и вся, но эмоционально-эгоцентрически ассоциирует «всё» с конечностью индивидуальной жизни, отождествляя смерть и небытие, не слыша пасхального апостольского восклицания: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15:55). В христианской традиции предначертан Апокалипсис — с заглавной буквы, а значит — «новое небо и новая земля», по пророческому слову: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет» (Откр. 21:1). Св. Иоанн говорит только: «новое», никак его не раскрывая; осмелимся заметить: это новое творилось/творится не где-то далеко во времени и/или пространстве, — здесь и сейчас, в душах шедших/идущих через метанойю — по пути к святости.

Метанойя: к живому ощущению реального бессмертия

Сравнительно редкое в секулярном дискурсе сущ. *метанойя* используется иногда в психологии и психотерапии для обозначения глубоких личностных изменений в результате раскаяния. Исходные для секулярных христианские смыслы отражают ступени духовного преображения: раскаяние и покаяние, далее очищение, оздоровление души — в вере и надежде — для радостной встречи с Господом и через Него — с бессмертием.

С позиций филологической герменевтики, для «выведения в очевидность» опорных глубинных смыслов (любой) лексемы целесообразно обращение к семантическим этимонам. Др.-гр.: *meta-noia* 'сожаление (о совершившемся) > раскаяние' — из *meta-noeō* 'менять мнение, передумывать > раскаиваться, сожалеть > каяться', от *meta* 'после, за, через' и *noos* 'мысль, ум, разум > душа'. Что при этом понимается под «умом»? Отнюдь не узкосекулярное прочтение «способность мыслить», которое по отношению к сакральному — серьезное (профанное) упрощение, а то, что вкладывается в философский термин *нус* (прямая транслитерация исходного древнегреческого). По определению А. Ф. Лосева, *нус* — «одна из основных категорий античной философии, представляющая собой обобщение всех смысловых, разумных и мыслительных закономерностей,

царящих в космосе и в человеке» [18, т. 4, с. 104]. Следовательно, метанойя — изменение всего (ментального) строя личности.

Метанойя как личностная реальность — «целесообразный» процесс, протекающий во времени. Исходный момент — телеологический импульс, «целевая причина» радикальной личностной перемены, осознаваемая или неосознаваемая устремленность к изменению, к «перемене ума». Лексико-семантическое отображение — метонимический перенос по параметру «действие (импульс → процесс, *метанойя*¹) — результат действия, *метанойя*²», свершившаяся «перемена ума».

Подчеркнём: если нет глубокого, потрясающего всё человеческое существо импульса — нет процесса преобразования (*метанойи*¹) и нет разительной «перемены», *метанойи*². Отсюда референциальные ограничения: не всякое изменение (независимо от его субъективно оцениваемой весомости) можно называть *метанойей*², говорить о появлении существенно нового/радикально обновленного человека. Импульсы к изменениям и сами радикальные изменения разные, совсем не обязательно связанные с сакрально-религиозными состояниями сознания непосредственно и осознанно.

В советские годы часто звучал как лозунг афористический прецедентный текст: «Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой». Героизм, в живом ощущении, что смерть рядом, но дело не в ней, — особое состояние сознания. Задумаемся: чем питался героизм в годы Великой Отечественной войны? В том числе и живым ощущением собственного бессмертия. Приведем только два свидетельства поэтов-фронтовиков. Арсений Тарковский, выживший после тяжелого ранения, гангрены и ампутации: «На свете смерти нет. / Бессмертны все. Бессмертно всё. Не надо / Бояться смерти ни в семнадцать лет, / Ни в семьдесят. Есть только явь и свет, / Ни тьмы, ни смерти нет на этом свете» [16. С. 190]. Николай Майоров, погибший, от имени других погибших: «Мы все уставы знаем наизусть. / Что гибель нам? Мы даже смерти выше. / В могилах мы построились в отряд / И ждем приказа нового. И пусть / Не думают, что мертвые не слышат, / Когда о них потомки говорят» [5. С. 193]. В советское время, да и сейчас с секуляристских позиций сказали бы: развернутая метафора. В атеистическом восприятии — да, метафора. Но, как говорят, на войне атеистов нет. Думается, и Николай Майоров мыслил если и метафорически, то лишь

в образной прорисовке ситуации духовного бессмертия, которое — действительное бессмертие, так же как действительна принадлежность христианских святых — Вечности.

Сакрально-религиозная семантика сущ. *метанойя* включает (пресуппозитивный) метонимический перенос 'перемена ума' > 'перемена пути (жизни)', по слову Христа «Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14:6), как программе духовного восхождения: от открытия Христа (в себе) — к приятию Пути (истинной) жизни, на котором христианская аскеза должна достигать «возведения человека в иной образ бытия», когда человек, проходя определенные ступени, «всецело меняется» [20. С. 191, 220]. Десакрализация сущ. *метанойя* ведет к десемантизации и семантической диффузности, к секулярным прочтениям, связанным с представлениями о любой существенной «перемене ума/мнений/образа мыслей» — без покаяния, без обращения, как, например, в революциях, связанных с массовым изменением сознания.

Постчеловечество и святость

Современную цивилизационную ситуацию в «европо-» и «западоцентрическом» аспекте секулярная гуманитаристика характеризует эссенциально бессодержательным темпоральным маркером «после» (того, что было/есть), для чего конструируется множество новообразований с префиксом *пост-* (*постхристианство*, *поствитализм*, *постгендеризм*, *постгуманизм* и мн. др., даже *постчеловечество* и *постцивилизация*). Считается, что такие слова маркируют особую «новизну» наступившего времени, его кардинальную непохожесть на все, что было раньше. Однако лат. *post* — по-русски *после*, сугубо временной маркер, который де-факто фиксирует, что названное производящим осталось в прошлом, но никак не способствует пониманию, что же пришло/приходит — «вместо» ушедшего/уходящего. Получается, что дериваты на *пост-* отсылают в «семантическую пустоту», в «завершившееся время».

Постчеловечество — новое слово, и сакральные смыслы в нем вроде бы не просматриваются. Однако сам концепт «другого», «нового/обновленного/будущего» человечества существует, причем со времен очень давних.

Трансгуманистические версии «постчеловечества» и возможного (земного) «бессмертия» могут выступать как предмет обсуждения лишь в рамках сугубо секулярного дискурса. В сакрально-религиозном (христианском) контексте это мнимый

«вопрос», поскольку «ответы» давно известны. Во-первых, «постчеловечество» было всегда, сколько существует «обычное» человечество; во-вторых, всё человечество после Апокалипсиса будет преображенным, тем самым бессмертным (лексически энантиосемичным фантазийному секулярному, то есть действительным) постчеловечеством, о котором говорит Откровение апостола Иоанна.

Святая Русь — перифрастическое именование нашей страны, отсылающее к представлениям о том, что, помимо Руси/России «земной», есть и Русь/Россия — Небесная, как Божий замысел о ней. Эта характеристика не привязана к конкретному историческому времени — прошлому, настоящему или будущему, относится к каждому из времен, как надвременная и надпространственная, над-историческая, относится — к Вечности. Право на такое именование в том, что нравственный идеал нашей страны — святость, что огромен собор (как «собрание, множество») всех святых, в земле Российской просиявших. *Святые* — то *действительное* «постчеловечество», которое всегда, веками сопутствовало и сопутствует «обычному» человечеству. Как повествует Библия, на немногих праведниках держится город (Быт. 18:16—33), а значит, и мир. *Реальное* постчеловечество являют лики святых на иконах, о нем говорит и сходство/различие лексем *лицо* и *лик*, которые в лексико-семантическом отношении, вероятно, можно считать паронимами, но в референциальном плане — это два образа: человека и Человека — земного и преображенного. По П. А. Флоренскому («Иконостас»), «Л и ц о есть то, что видим мы при дневном опыте, то, чем являются нам реальности здешнего мира... <...> Лик есть осуществленное в лице подобие Божие» [19. Т. 2. С. 433—434]. В этом контексте «постчеловечество» трансгуманизма — химера секулярного сознания, оторвавшегося от тысячелетних христианских корней цивилизации.

По сакральному пророческому слову, Апокалипсис, понимаемый как конец (современного, земного) человечества — это появление другого, обновленного человечества: «И услышал я громкий голос с неба, говорящий: се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними; они будут Его народом, и Сам Бог с ними будет

Богом их» (Откр. 21:3). Появление секулярного неологизма *постчеловечество* обусловлено личностным атеистически-обезбоженным страхом смерти, которая ассоциируется с «ничто» как абсолютной безбытийностью. В сакрально-религиозной повседневности инобытие явлено возможностью личностного общения — еще в пределах земного существования каждого человека — с Богом и Его святыми, с вечностью, в которой нет времени, временности. В этом духовном отношении каждый человек уже принадлежит «постчеловечеству», по бессмертию своей души.

Заключение

Картина мира в своей основе бинарна, строится на антонимических оппозициях (*день* — *ночь*, *жизнь* — *смерть*); предмет данной работы — бинарная семантико-дискурсивная оппозиция «сакральное — секулярное», которая энантиосемически поляризует значения и смыслы лексем *постчеловечество* — *апокалипсис* — *метанойя*, составляющих целостное лексико-семантическое микрополе. Рассмотренные лексемы в совокупности — один из вариантов лингвистического опредмечивания ядерной части «проблемы конца (современного человечества)», а именно: пара *постчеловечество* — *апокалипсис* опредмечивает ожидание/предчувствие «конца», *метанойя* отсылает к представлениям о вариантах его преодоления.

В секулярной гуманитаристике семантика сущ. *апокалипсис* и *постчеловечество* фундируется оппозицией «бытие — небытие», варианты снятия оппозиции ассоциируются с техническими возможностями конструирования индивидуального бессмертия в пределах земной жизни. Сакрально-религиозные смыслы сущ. *Апокалипсис* основываются на представлении о конце (старого) как начале (нового), этому представлению соответствует оппозиция «бытие — пакибытие (инобытие)».

Герменевтический «лингвистический ключ» к преодолению, к «снятию» оппозиции бытия и небытия, к осознанию единства «здесь/сейчас» и «там/в вечности» — в этимологической подсказке родства слов *конец* — *начало*, далее — в семантике сущ. *метанойя*, в «перемене ума», к осознанию «конца» (старого) как «начала» (нового).

Список литературы

1. Волков В. В. «Цифра», постчеловек и киборги: лингвистический и лингвоментальный аспекты // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12 (446). С. 31—39. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11204.

2. Волков В. В. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 4. С. 745—759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759.
3. Высоцкий В. С. Собрание сочинений: в 5 т. Тула: Тулица, 1997.
4. Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь: в 2 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958.
5. Имена на поверке / сост. Д. Ковалев. М.: Молодая гвардия, 1975. 304 с.
6. Карпунин В. А. Воля к бытию: Онтологический импульс. СПб.: Алетейя, 2004. 288 с.
7. Кутырёв В. А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2021. 312 с.
8. Кутырёв В. А. Сова Минервы вылетает в сумерки. СПб.: Алетейя, 2018. 526 с.
9. Кутырёв В. А., Слюсарев В. В., Хусяинов Т. М. Человечество и Технос: философия коэволюции. СПб.: Алетейя, 2020. 260 с.
10. Новейший большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2008. 1536 с.
11. Порядин И. А. Конец света как мечта, или синдром апокалипсиса // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 93—100.
12. Прокопьева М. Ю., Семенов Е. В. Апокалипсис как конец «человеческого» // Вестник Курганского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 8. С. 91—94.
13. Розанов В. В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
14. Складаревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. М.: Астрель, 2008. 447 с.
15. Сочинения Козьмы Пруткова. М.: Художественная литература, 1959. 398 с.
16. Тарковский А. А. Избранное. М.: Художественная литература, 1982. 736 с.
17. Тульчинский Г. Л. Постчеловеческая персонология. СПб.: Алетейя, 2002. 677 с.
18. Философская энциклопедия: в 5 т. М.: Сов. энциклопедия, 1967.
19. Флоренский П. А. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1996.
20. Хоружий С. С. Очерки синергийной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
21. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2001.
22. Щипков А. В. Цивилизационный расизм и возможность исторических исследований в рамках цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2021. № 2. С. 53—64. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-53-64.

Сведения об авторе

Волков Валерий Вячеславович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Тверского государственного университета, Тверь, Россия. volk7valery@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 40—47.*

POSTHUMANITY, APOCALYPSE, AND METANOIA: LINGUOMENTAL ENANTIOSEMY AND THE OPTIONS FOR A POSSIBLE FUTURE

V. V. Volkov

Tver State University, Tver, Russia. volk7valery@yandex.ru

The study aims to reconstruct enantiosemy meanings and implications of the lexemes “posthumanity”, “apocalypse”, and “metanoia”, which form an integrated lexical-semantic microfield representing sacred (Christian) and secular notions about the “end of the world”. The novelty of the research lies in the fact that this microfield is considered as part of the opposite semantic-discourse spheres from the standpoint of cognitive linguistics and philological hermeneutics. The findings indicate: 1) the secular lexeme “posthumanity” includes the prefix “post-”, which acts as a linguistic manifestation of “Nothing”, that is, it indicates the idea

of apocalypse as a completion of contemporary human race; 2) the sacral Christian lexeme “Apocalypse” is associated with a radical renewal, with a new mankind; 3) the lexeme “metanoia” in the secular meaning indicates the possibility of radical personal changes, and in the Christian discourse connects the development of personality with repentance and purification of the soul.

Keywords: *cognitive linguistics, philological hermeneutics, lexical-semantic field, posthumanity, apocalypse, metanoia, enantiosemy.*

References

1. Volkov V. V. (2020) *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12 (446), pp. 31—39. [in Russ.]. DOI: 10.47475/1994-2796-2020-11204.
2. Volkov V. V. (2020) *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Serii: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, vol. 11, no. 4, pp. 745—759. [in Russ.]. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759.
3. Vysotskii V. S. (1997) *Sobranie sochinenii v 5 t.* [Collected works in 5 vols]. Tula, Tulitsa [in Russ.].
4. Dvoretiskii I. Kh. (1958) *Drevnegrechesko-russkii slovar' v 2 t.* [Ancient Greek-Russian dictionary in 2 vols]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei [in Russ.].
5. Kovalev D. (1975) *Imena na poverke* [Names on roll call]. Moscow, Molodaia gvardiia. 304 p. [in Russ.].
6. Karpunin V. A. (2004) *Volia k bytiiu: Ontologicheskii impul's* [The will to being: an ontological impulse]. St. Petersburg, Aleteiia. 288 p. [in Russ.].
7. Kutyrev V. A. (2021) *Poslednee tselovanie. Chelovek kak traditsiia* [The last kissing. Human being as a tradition]. St. Petersburg, Aleteiia. 312 p. [in Russ.].
8. Kutyrev V. A. (2018) *Sova Minervy vyletaet v sumerki* [Minerva's owl flies out at dusk]. St. Petersburg, Aleteiia. 526 p. [in Russ.].
9. Kutyrev V. A., Sliusarev V. V., Khusiainov T. M. (2020) *Chelovechestvo i Tekhnos: filosofii koevoliutsii* [Humanity and Technos: the philosophy of coevolution]. St. Petersburg, Aleteiia. 260 p. [in Russ.].
10. Kuznetsov S. A. (ed.) (2008) *Noveishii bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [The latest large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint. 1536 p. [in Russ.].
11. Poriadin I. A. (2009) *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (67), pp. 93—100. [in Russ.].
12. Prokop'eva M. Iu., Semenov E. V. (2012) *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki*, no. 8, pp. 91—94. [in Russ.].
13. Rozanov V. V. (1990) *Uedinennoe* [The secluded]. Moscow, Politizdat. 543 p. [in Russ.].
14. Skliarevskaia G. N. (2008) *Slovar' pravoslavnoi tserkovnoi kul'tury* [Dictionary of Orthodox church culture]. Moscow, Astrel'. 447 p. [in Russ.].
15. (1959) *Sochineniia Koz'my Prutkova* [Works by Kozma Prutkov]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 398 p. [in Russ.].
16. Tarkovskii A. A. (1982) *Izbrannoe* [Selected works]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 736 p. [in Russ.].
17. Tul'chinskii G. L. (2002) *Postchelovecheskaia personologiiia* [Posthuman personology]. St. Petersburg, Aleteiia. 677 p. [in Russ.].
18. (1967) *Filosofskaia entsiklopediia v 5 t.* [Philosophical Encyclopedia in 5 vols]. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia. [in Russ.].
19. Florenskii P. A. (1996) *Sochineniia v 4 t.* [Works in 4 vols]. Moscow, Mysl'. [in Russ.].
20. Khoruzhii S. S. (2005) *Ocherki sinergiinoi antropologii* [Studies in synergetic anthropology]. Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ. 408 p. [in Russ.].
21. Chernykh P. Ia. (2001) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language in 2 vols]. Moscow, Russkii iazyk, [in Russ.].
22. Shchipkov A. V. (2021) *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 53—64 [in Russ.]. DOI: 10.21146/0042-8744-2021-2-53-64.

БЫТОВОЙ ДИСКУРС В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Т. А. Воронцова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается бытовой дискурс в блогах в сети Интернет. Цель исследования — выявить прагматические и стилистические характеристики бытового дискурса в интернет-коммуникации по сравнению с характеристиками данного типа дискурса в реальной коммуникации. Анализ материала показал, что в коммуникативном интернет-пространстве формируется монологический тип бытового дискурса, который отличается от бытового дискурса в реальной коммуникации по своим коммуникативно-прагматическим и стилистическим параметрам.

Ключевые слова: *бытовой дискурс, интернет-коммуникация, блог, фатическое общение, прагматическая интенция.*

Бытовая (обыденная) коммуникация, как правило, соотносится с разговорным стилем и диалогической формой речи. Такое общение отличается конситуативностью за счет общей апперцепционной базы коммуникантов. Бытовой дискурс — тематический тип дискурса, который в реальной коммуникации¹ занимает заметное место, поскольку он так или иначе присутствует в жизни всех носителей языка: любой человек ежедневно говорит о бытовых делах, о личных событиях и т. п. Бытовой дискурс как особый тип дискурса выделил В. И. Карасик: «Специфика бытового дискурса состоит в стремлении максимально сжать передаваемую информацию, выйти на особый сокращенный код общения, когда люди понимают друг друга с полуслова, коммуникативная ситуация самоочевидна, и поэтому актуальной является лишь многообразная оценочно-модальная эмоциональная квалификация происходящего» [8. С. 193]. Исследования, посвященные коммуникативно-прагматическим, стилистическим и жанровым особенностям бытового дискурса в современной русистике, пока немногочисленны [2; 6; 7; 11 и др.]

В коммуникативном пространстве сети Интернет тексты бытовой тематики весьма широко представлены в разных жанрах и форматах. В лингвистических исследованиях, посвященных функционированию бытового дискурса в интернете, рассматриваются преимущественно диалогические формы интернет-коммуникации (социальные сети, форумы и т. п.) [4; 10; 13]. Однако бытовая тематика в интернет-дискурсе может быть реализована не только

в диалогических, но и в монологических жанрах, например, в блогах. Это блоги, которые Е. А. Баженова и И. А. Иванова определяют как блог в узком понимании: «Блог в узком понимании — это сайт (или раздел сайта), содержащий датированные записи одного автора, посвященные преимущественно бытовой тематике» [1. С. 127].

Цель исследования — выявить коммуникативно-прагматические параметры и стилистические характеристики бытового дискурса в жанре блога по сравнению с характеристиками реального бытового дискурса.

Материал исследования. Материалом послужили тексты, размещенные на Яндекс Дзен — платформе для блогеров, где независимые авторы могут публиковать статьи, фото, видео. Блоги бытовой тематики создаются людьми разного возраста, социального статуса, образования. Авторы рассказывают о своих проблемах, делятся практическим опытом и т. п. Основным критерием отбора материала явилось то, что адресант не является профессиональным писателем, журналистом, блогером. В ходе исследования проанализировано 450 текстов бытовой тематики.

Методы исследования. Сбор материала проводился методом случайной выборки. Основными методами исследования являются метод коммуникативно-прагматического анализа, метод контекстуального и стилистического анализа.

Структура бытовых блогов, размещенных на Яндекс Дзен, представляет собой произвольное количество статей одного автора на одну или на разные темы. Название канала может отражать его содержание (*Котоведение, Дневник белошвейки, Еда без повода*) или может быть опосредованно

¹ Мы используем словосочетание *реальная коммуникация* как условный термин-антоним по отношению к словосочетанию *интернет-коммуникация*.

связано с тематикой канала (например, самообозначения-прозвища, связанные с территорией проживания или с тематической ориентацией канала (*Азиатка, Поморочка*). В ряде случаев название канала даже при монотематическом характере никак не связано с его содержанием: RinaBis (никнейм автора), Юлия Попова (имя и фамилия автора) и др.

Обычно канал открывается записью, в которой авторы оставляют информацию о себе или своем блоге. Такие записи, как правило, сообщают сведения о содержании канала: *Воспоминания, интересные случаи из жизни*. (*Азиатка*). Информация об авторе обычно минимальна (может отсутствовать совсем): *Меня зовут Лена и я мама двух сыновей, одной дочери и бабушка трех внуков. Пишу о том, что происходит в моей жизни. Наблюдения, мысли. Часто бываю в Турции и пишу об этой стране* (Мама Лена).

Данный текст может включать прямое обращение к адресату:

Привет, я Надя! Люблю свой сад, огород, цветы и фермерские заботы. (Садовый рай).

Мир Вам! Меня зовут Фанур. В моем канале вы найдете: разные эксперименты, креативные и нестандартные идеи и иногда рецепты от жены. (Master BF)

Как известно, в реальной коммуникации бытовой дискурс соотносится с диалогической формой речи и всегда имеет конкретную адресацию. Это разговорный конситуативный диалог коммуникантов с общей апперцепционной базой (фоновыми знаниями). Монолог в реальной бытовой коммуникации (бытовой нарратив) обычно является элементом диалогического общения, которое предполагает добровольную передачу коммуникативной инициативы речевому партнеру [См. подробнее: 2. С. 213—222.]. Такой бытовой нарратив сопровождается эмоциональными репликами-реакциями собеседника (*Да ты что! Ну надо же!*) или репликами-поддержками (*да-да, конечно*). Реакции адресата регулируют и корректируют монологическое повествование, т. е. собеседник активно участвует в коммуникации, несмотря на то, что его речевая партия минимальна.

В отличие от диалогической коммуникации данного типа, тексты в блогах представляют собой **самостоятельную монологическую** разновидность бытового дискурса. В реальной коммуникации адресант знает или может с той или иной степенью точности определить возраст, социальный и культурный статус своего собеседника. В бытовой монологической интернет-коммуни-

кации такой возможности у адресанта нет: образ виртуального собеседника/собеседников создается автором опосредованно: через выбор темы, через содержание, через стилистические и языковые особенности текста. Адресант сам определяет содержание, выбирает форму повествования, языковые и речевые средства.

В блогах бытового содержания, как и в реальной бытовой коммуникации, повествование ведется от первого лица. Формы повествования в основном соответствуют двум коммуникативным модусам: 1) участник (я делал); 2) свидетель (я видел) [2. С. 214].

Функционально сетевые тексты бытового дискурса не отличаются от реальной коммуникации и реализуют две основные коммуникативные интенции: фатическую и прагматическую.

Как известно, фатическое общение рассматривается как «общение ради общения», его основная функция — это создание и поддержание контакта, поэтому фатика обычно противопоставлена информативной коммуникации [3, 12, 14].

К сфере фатического общения можно отнести житейские истории, рассказы о повседневных делах, о домашних животных и др. По структуре и содержанию такие тексты делятся на два типа. Первый тип характеризуется тематическим единством и хронологической последовательностью. Это своеобразный сериал, где каждый последующий текст создается с учетом предыдущего, и автор может отсылать читателя к содержанию предыдущих «серий».

Ср.: *Я уже писал про 4 моих собаки, которые охраняют дом. Пришло время написать про тех, кто ловит у нас мышей!* (Деревенский бездельник. 06.01.2021)².

Те, кто читал мои предыдущие истории про шпица Масюшку, уже поняли, что я шпицемамка с огромным приветом))) (Юлия Попова. 25.12.19).

Такая структура обеспечивает условную конситуативность дискурса и формирует общую апперцепционную базу с потенциальным адресатом. Основную цель адресанта можно определить как стремление создать свой круг постоянных читателей-единомышленников — тех, кто ему сочувствует, понимает его и разделяет его интересы. Если проводить аналогию с реальной коммуникацией, такой тип общения напоминает общение с близкими людьми (родными, друзьями), которым мы периодически сообщаем бытовые новости.

² Здесь и далее орфография и пунктуация авторов текстов.

Ср.: *Погладил кошек, дал им водички, немного корма... За дверцей курятника запели курицы. Они у меня такие. Тоже певуны. Дал им корма, воды, выслушал жалобы, похвалил - поругал, всё! С курицами до обеда все дела сделаны...* (Деревенский бездельник. 09.03.2021).

Второй тип текстов — это бытовые истории на разные темы, которые преимущественно соответствуют коммуникативному модусу **свидетель: я видел (слышал)**.

Ср.: *Проходил на днях через один из многочисленных небольших дворов нашего городка и стал очевидцем интересной картины...* (История из жизни «Веселая семья», канал «Это жизнь». 15.04.2021).

Однажды, ещё в доковидную эпоху моя бабушка вызвала себе из районной поликлиники врача (Про современную российскую медицину в общем и одну бабушку в частности, канал «Смирнов А.». 06.04.2021).

Тематическое разнообразие таких блогов не способствует формированию постоянного круга читателей. Каждый такой текст — вполне самостоятельная история, поэтому адресат может стать читателем данного блога «с любого места». Если сравнить данный тип текстов с реальной бытовой коммуникацией, то такие тексты напоминают разговоры со случайным собеседником, например, в поезде, в очереди и т. п.

Тексты, реализующие прагматическую функцию, имеют конкретную практическую цель — поделиться собственным опытом в различных бытовых делах: садоводстве, ремонте, вязании и т. д. Данные тексты отличаются от инструкций и рецептов тем, что авторы дают практические советы и рекомендации на основании собственного опыта. Адресант рассказывает о проблемах, в которых ему пришлось столкнуться в процессе выполнения той или иной деятельности, и собственных способах преодоления этих проблем.

Ср.: *Мой печальный опыт в выборе мастера по строительству или скупой платит дважды. Не повторяйте моих ошибок!*

Мне срочно нужно было перевезти к себе больную маму и надо было обеспечить ее отдельным санузелом. Выделили ей комнату на третьем этаже, а по соседству с этим помещением изначально при строительстве дома планировалось сделать душ и туалет. Но то руки не доходили, то денег не было, а потом как то решили все оставить как есть. Но, возникли такие обстоятельства, что пришлось срочно проводить ремонт и внутреннюю отделку. Созвонилась с тремя мастерами, один за-

ломил слишком высокую цену, другой брался за работу только дней через 10, а у меня на все про все была неделя... (Хельга. 08.02.2021).

Такие тексты, как правило, являются поликодовыми и сопровождаются фотографиями, картинками, видеоматериалами.

В монотематических блогах прагматической направленности также может формироваться свой круг постоянных читателей, однако прагматическая направленность дискурса не предполагает обязательных общих фоновых знаний с адресатом. При этом в текстах широко используются приемы диалогизации: прямые обращения к адресату, вопросно-ответные единства, идентификация с адресатом: *Кто из частных фирм может дать вам гарантию на кухню 25 лет? Я таких не встречала. Только в ИКЕА гарантия на кухни 25 лет, но это мы пока проверить не можем, ведь нашей только год (...). Что отвалилось и сколько тряпок я стёрла за год? Вы можете не верить, но мою я кухню крайне редко, потому что она не пачкается. Белый - самый не привередливый цвет... А вы знали, что фасады Ворксторп производят в Италии? Я нет, и узнала только когда нам собрали кухню.* (Заварила кашу. 20.04.2021).

В данном типе текстов автор может использовать рекламные тактики и тактики самопрезентации. Ср.: *Готовлю творожный десерт нестандартно. Делюсь уникальным рецептом!* (Топ рецепты от Катрин).

Стилистические характеристики текстов бытового интернет-дискурса представляют собой весьма пеструю и противоречивую картину.

По стилистическим параметрам можно выделить три типа текстов:

1. Тексты разговорного стиля, точнее, письменной формы разговорной речи, которая широко представлена в диалогических жанрах интернет-дискурса [5; 9] (приблизительно 2—3 %).

2. Тексты, которые так или иначе соответствуют публицистическому стилю (20—25 %).

3. Гибридные тексты (70—75 %), в которых наблюдается чередование фрагментов делового, публицистического и разговорного стиля с преобладанием разговорных элементов. Можно предположить, что данная гибридизация обусловлена двумя тенденциями. С одной стороны, бытовой дискурс в сознании адресата ассоциирован с разговорным стилем, с другой — данный дискурс представлен в виде письменного публичного текста, который должен соответствовать функциональному стилю, для которого характерна с письменная моно-

логическая форма речи (деловой, научный, публицистический). Соответственно, такие тексты — результат стилового противоречия, существующего в сознании адресата: письменная монологическая форма речи предполагает создание текста, соответствующего письменным стилям, в то время как тематическая составляющая (быт, личные события, хобби) актуализирует привычную модель неформального диалогического взаимодействия с конкретным адресатом «здесь и сейчас», которая ассоциирована с разговорным стилем (эмоциональные реакции в форме междометий, разговорная лексика, разговорный синтаксис).

Ср: *Как-то сразу стало понятно что просто обработать дезсредствами и выдохнуть с облегчением не получится, поэтому было принято решение действовать комплексно и начать с просушивания погреба. После всех вышеперечисленных мероприятий погреб «забывается» запасами банками-склянками и конечно же выращенными на своем участке картошечкой под*

соломой, морковочкой на лентях и другими... В будущем планируем усовершенствовать вентиляцию в погребе... (Садовый рай 21.12.2020).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. В интернет-пространстве формируется особая разновидность бытового дискурса как монолога, обращенного к виртуальному адресату. При этом образ адресата конструирует сам адресант через тематические параметры и языковые и речевые средства.

2. Бытовой интернет-дискурс представляет собой текст фатической или прагматической направленности. В зависимости от целеустановки в каждом типе бытового текста используются специфические приемы взаимодействия с виртуальным адресатом.

3. Бытовой интернет-дискурс стилистически неоднороден и характеризуется чередованием элементов разговорного стиля и элементов функциональных стилей, для которых приоритетна письменная монологическая форма речи.

Список литературы

1. Баженова Е. А., Иванова И. А. Блог как интернет-жанр // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2012. Вып. 4 (20). С. 125—131.
2. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика М.: Книжный дом «Либроком» 2009. 320 с.
3. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 171 с.
4. Воронцова Т. А., Патрушева Л. С. Формирование социолекта в интернет-коммуникации (на материале форумов) // Филологический класс. 2018. № 3. С. 60—66.
5. Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 5 (25). С. 12—30.
6. Дворянцева В. В. Лингвопрагматические особенности бытового диалогического дискурса (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2013. 21 с.
7. Загнетная А. А. Жанровая система обыденно-разговорного дискурса // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. 2020. Т. 1. № 5 (13). С. 108—113.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
9. Кузьмина М. В. Компьютерный вид общения «чат» как жанр письменной речи: основные характеристики // Естественная письменная русская речь. Ч. 2: Теория и практика современной письменной речи. Барнаул, 2003. С. 86—91.
10. Минчук И. И. Бытовой дискурс в мессенджере: глобальный и локальный аспект // Национальные культуры в межкультурной коммуникации. Минск: Колорград, 2018. С. 135—143.
11. Савченко В. А. Коммуникативные стратегии и тактики в бытовом дискурсе // Коллоквиалистика и лексикография: точки пересечения и перспективы развития. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2015. С. 90—97.
12. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М.: Русский язык, 2002. 216 с.
13. Чабаненко М. Г. Бытовой дискурс как экспликатор коллективной языковой личности молодежной коммуникации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4. С. 201—203.
14. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193—230.

Сведения об авторах

Воронцова Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. voron500@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 48—52.*

EVERYDAY DISCOURSE ON THE INTERNET

T. A. Vorontsova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia.voron500@yandex.ru

The article is devoted to the study of the everyday discourse in blogs on the Internet. Everyday discourse is a thematic type of discourse, where the main topic is the author's personal life in all its manifestations: events, interests, problems. The aim of the research is to identify the pragmatic and stylistic characteristics of everyday discourse in Internet communication in comparison with the characteristics of this type of discourse in real communication. The analysis of the material shows that a monologic type of everyday discourse is formed in the communicative Internet space. This type differs from everyday discourse in real communication in its communicative-pragmatic and stylistic parameters.

Keywords: *everyday discourse, Internet-communication, blog, phatic communication, pragmatic intention.*

References

1. Bazhenova E. A., Ivanova, I. A. (2012) *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, no. 4 (20), pp. 125—131 [in Russ.].
2. Borisova I. N. (2019) *Russkij razgovornyj dialog: struktura i dinamika* [Russian speech dialogue: structure and dynamics]. Moscow, URSS, 318 p. [in Russ.].
3. Vinokur T. G. (1993) *Govoryashchij i slushayushchij. Varianty rechevogo povedeniya* [Speaker and Listener. Variants of speech behavior]. Moscow, Nauka. 171 p. [in Russ.].
4. Voroncova T. A., Patrusheva L. S. (2018) *Filologicheskij klass*, no. 3, pp. 60—66 [in Russ.].
5. Golev N. D. (2013) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, no. 5 (25), pp. 12—30 [in Russ.].
6. Dvoryanceva V. V. (2013) *Lingvopragmaticheskie osobennosti bytovogo dialogicheskogo diskursa (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov)* [Linguopragmatic features of everyday dialogic discourse (in Russian and English). Abstract of thesis]. Krasnodar. 21 p. [in Russ.].
7. Zagnetnaya A. A. (2020) *Lingvokul'turnoe obrazovanie v sisteme vuzovskoj podgotovki specialist*, vol. 1, no. 5 (13), pp. 108—113 [in Russ.].
8. Karasik, V. I. (2002) *Iazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: Person, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena. 477 p. [in Russ.].
9. Kuz'mina M. V. (2003) *Komp'yuternyj vid obshcheniya "chat" kak zhanr estestvennoj pis'mennoj rechi: osnovnye karakteristiki* [Computer type of communication "chat" as a genre of natural written speech: basic characteristics]. *Estestvennaya pis'mennaya russkaya rech': issledovatel'skij i obrazovatel'nyj aspekty. Ch. II: Teoriya i praktika sovremennoj pis'mennoj rechi* [Natural written Russian speech: research and educational aspects. Part II: Theory and practice of modern written speech]. Barnaul, pp. 86—91 [in Russ.].
10. Minchuk I. I. (2018) *Bytovoj diskurs v messendzhere: global'nyj i lokal'nyj aspekt* [Everyday discourse in a messenger: Global and local aspects]. *Nacional'nye kul'tury v mezhkul'turnoj kommunikacii* [National Cultures in Intercultural Communication]. Minsk, Colorgrad, pp. 135—143 [in Russ.].
11. Savchenko V. A. (2015) *Kommunikativnye strategii i taktiki v bytovom diskurse. Kollokvialistika i leksikografiya: tochki peresecheniya i perspektivy razvitiya* [Colloquialism and lexicography: points of intersection and prospects for development]. Abakan, pp. 90—97 [in Russ.].
12. Formanovskaya N. I. (2002) *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskij podhod* [Speech communication: a communicative-pragmatic approach]. Moscow, Russkij yazyk. 216 p. [in Russ.].
13. Chabanenko M. G. (2012) *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 201—205 [in Russ.].
14. Jakobson R. O. (1975) *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: "for" and "against"]. Moskva, Progress, pp. 193—230 [in Russ.].

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЭКОЛИНГВИСТИКИ: ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ

А. В. Гарифуллина, Е. В. Шелестюк

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются основные этапы развития эколингвистики как междисциплинарной сферы науки. Изложен путь становления отрасли, начиная от первых попыток изучения взаимосвязи языка и природы и заканчивая современным состоянием дисциплины. Особое внимание уделено развитию эколингвистики в российских научных кругах, её тенденциям и теоретическим проблемам.

Ключевые слова: *эколингвистика, экология языка, лингвоэкология, теория языка.*

Развитие эколингвистики как дисциплины началось относительно недавно, но интерес к изучению взаимоотношения языка и окружающей природы существовал ещё до создания этого ответвления лингвистики. Как отмечает в своей статье Д. Форте [24], впервые интерес к вопросам, которые сейчас разрабатываются экологией языка, — использованию языка и его позитивному влиянию на сознание человека — возник ещё в работах античных философов, таких как Гераклит, Парменид, Кратил и др. Концепция языка как живого организма появилась в трудах учёных XIX века, работавших в направлении сопоставительной грамматики, таких как Расмус Раск, Франц Бопп, Август Шлейхер. Под влиянием активно развивавшегося в то время натуралистического подхода в науке, в частности трудов Чарльза Дарвина, А. Шлейхер приходит к мысли, что процессы зарождения и развития естественного языка схожи с процессами, протекающими у всех других живых организмов [5. С. 116].

На взаимодействие природы и общества через язык указывал В. фон Гумбольдт. По его словам, «весь язык в целом выступает между человеком и природой, воздействующей на него изнутри и извне... Язык при этом не просто переносит какую-то неопределённую массу материальных элементов из природы в нашу душу; он несёт в себе ещё и то, что предстает нам во всей совокупности бытия как форма» [3. С. 80—81].

Другим лингвистом, стоящим у истоков развития эколингвистики, современные учёные считают Эдварда Сепира, который в своём докладе «Язык и среда» («Language and Environment») использовал концепт «среды» по отношению к языку, подразумевая, что язык взаимодействует с физическими и социальными факторами жизни людей.

Сам термин «экология языка» впервые был введен американским профессором-лингвистом Эйнарсом Хаугеном в его труде, озаглавленном «The Ecology of Language» и изданном в 1972 г. Экология используется в его работе в качестве метафоры для проведения параллелей между языком и живыми организмами. Экологические отношения между определёнными видами растений и животных и их средой обитания метафорически переносятся на отношения между языком и его средой. Биоэкология «переносится» на языки: такие концепты и термины, как окружающая среда, охрана (природы), взаимное влияние проникают в социолингвистические исследования, открывая возможность рассмотреть проблематику данной отрасли под новым углом. Таким образом, под экологией языка Хауген понимает науку о взаимодействиях между любым языком и окружающей его средой, т. е. обществом, использующим данный язык в качестве одного из кодов [29. Р. 325]. Язык существует только в сознании его носителя, а его функцией является установление отношений между его носителями, обществом (социальной окружающей средой) и природой (естественной окружающей средой). Из этого следует, что экология языка включает в себя два аспекта: психологический и социологический.

Первый аспект рассматривает экологию языка с точки зрения психологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики, то есть изучает то, как язык взаимодействует с мышлением человека и с другими языками в голове носителя двух и более языков. Социологический аспект проявляется во взаимодействии языка с обществом, в котором он функционирует в качестве средства коммуникации. В зависимости от того, кто является носителем языка, кто изучает, использует и транслирует другим

этот язык, определение экологии языка может меняться [29. Р. 325—327]. Видно, что Э. Хауген рассматривает язык в качестве: 1) кода, инструмента, используемого обществом; 2) среды, в которой существует это самое общество.

В российских научных кругах первенство в изобретении экологии языка признаётся за Э. Хаугеном, в то время как англо-американское научное общество особо отмечает работу Майкла Халлидея [26], как давшую основной толчок к изучению экологического контекста языков. В докладе, представленном в 1990 г. на международной конференции по прикладной лингвистике в Салониках (Греция) и позже опубликованном, М. Халлидей, вслед за предшествующими высказываниями Л. Витгенштейна, Дж. Серля, Дж. Остина и проч., утверждал, что «язык не пассивно отражает реальность; язык активно создаёт реальность» [25. Р. 186].

Халлидей предлагает использовать «в качестве метатеории» теорию грамматики, чтобы понять, как грамматика, в широком смысле слова, т. е. как грамматический строй и лексический состав языка, формирует человеческий опыт [30]. Он утверждает, что изменения в языке могут привести к изменениям в существующем мировом порядке. Таким образом, М. Халлидей утверждает, что прикладная лингвистика является движущей силой, которая может изменить сознание людей, а не просто оформить идеологически нейтральный инструмент для ведения политики. Учёный выделяет три «проблемные сферы», которые ставят перед человечеством трудноразрешимые задачи на ближайшее будущее: языковое планирование, диапазон научного дискурса и диапазон языка и предрассудков, включающий в себя внедрение ресурсов в языковую систему, которая, по словам его более поздних интерпретаторов, «является источником сексизма, расизма, ростизма и классового неприятия».

Рядом его учеников [23], в духе «полицейской мысли» романа «1984» Дж. Оруэлла, выдвигается цель запретить «использовать вредоносные дискурсивные формы по отношению к другим видам и окружающей среде и изменить их формулировку, чтобы изменить взаимоотношения между ними к лучшему». Чтобы достичь этой цели, предлагается обратиться к теоретическим и методологическим средствам смежных дисциплин, таких как социолингвистика, этнолингвистика, социология языка и особенно критический дискурс-анализ.

В совокупности подходы Э. Хаугена и Дж. Халлидея, а также их последователей, позволяют включить в рамки эколоингвистики далеко отстоящие друг от друга вопросы, от искусственно сконструированных до связанных с реально существующими и острыми проблемами: дискурс-анализ видовой дискриминации животных, загрязнения окружающей среды; проблемы, возникающие на почве внутри- и межъязыкового взаимодействия; политическая ситуация вокруг исчезающих языков; лингвистический неокOLONIALИЗМ под видом англоязычного глобализма.

Труды Э. Хаугена и М. Халлидея вдохновили многих ученых начать исследования в сфере экологии языка. Приведём примеры исследований в области эколоингвистики. Ряд исследователей заинтересовались ролью языка при решении вопросов среды обитания человека и общества, а также связью языка со средой обитания его носителей, возникла «инвайроментальная лингвистика» (*environmental linguistics*) [27; 28]. В Германии в этом русле активно разрабатывается специфическая философия экологической лингвистики, среди представителей которой выделяются такие авторы, как Питер Финке и Вильгельм Трампе. П. Финке рассматривает эколоингвистику как науку, выходящую за рамки традиционных методов исследования и ставящую язык на позицию связующего звена между природой и культурой [24. Р. 408—411]. Поскольку культура зависит от природы, а природа находит своё отражение в культуре, П. Финке описывает различные системы и подсистемы общества как «культурные экосистемы». Как наше ежедневное природопользование ставит под угрозу необходимые для жизни творческие ресурсы, так использование языка его носителями может навредить креативным силам языка [10. Р. 252]. В. Трампе, один из учеников П. Финке, утверждает, что люди живут в т. н. «системе язык — мир», которая позволяет подобрать необходимые слова под существующие реалии этого мира. Также он проводит параллель между тем, как люди используют язык, и тем, как организмы живут в экосистеме, что помогает понять процесс взаимного обмена между языком и миром. В. Трампе делает вывод, что языковое разнообразие находится под угрозой и критикует развитие языка с экологической точки зрения: «язык ресурсосберегающего сельского хозяйства отражает техноэкономическую идеологию, слово *production* замещает формы *growing*, *giving* и эвфемизирует *taking away* и *killing*» [34]. Такой

подход наводит многих на мысль, что ученые на волне психолингвистического пуризма пытаются принудительно изменить языковые системы из-за якобы имеющих место в них искажений и упадка, что, в свою очередь, подразумевает определенную манипуляцию с понятиями.

А. Филл предлагает подход, в котором эколингвистика — это «теоретическое, методологическое и эмпирическое изучение языка, которое выдвигает перед исследователями такие задачи, как поиск непротиворечивых теорий языка, изучение языковых систем, текстов и универсалий, связанных с экологической проблематикой, изучение роли языка в достижении экограмотности» [22. Р. 51].

П. Мюльхойслер, австралийский эколингвист немецкого происхождения, использует термины «экология» и «окружающая среда» как в качестве метафоры по отношению к проблемам лингвистики, так и в буквальном смысле, т. е. в смысле этнобиологического разнообразия. Работая с гибридными и креольскими языками и пытаясь возродить языки аборигенов Южной Австралии, Мюльхойслер склоняется к позиции этноцентризма. Он использует эколингвистическую «фразеологию» для призыва к поддержке языкового разнообразия. Языковое же разнообразие у Мюльхойслера отражает «тысячелетия приспособления человечества к условиям окружающей среды», а языки в той или иной степени зависят от биологического разнообразия [23. Р. 12].

Через призму эколингвистики некоторые ученые дают свою оценку языковой политике стран, ставящих своей целью глобальное распространение своего языка и вытеснение других. Социолингвисты Р. Филлипсон и Т. Скотнабб-Кангас в своих работах говорят о лингвистическом империализме (прежде всего, со стороны английского языка как воплощении экономико-политического неимпериализма англосаксонских стран), о лингвистике языков и сокращении языкового разнообразия благодаря политике колониализма и глобализации, распространению капиталистической экономической системы, процессам модернизации и интернационализации [33]. Опираясь на концепцию японского ученого Ю. Тсуды, они рассматривают две парадигмы языковой политики: «парадигму распространения английского языка» (Diffusion of English Paradigm) и «парадигму экологии языка» (Ecology of Language Paradigm). Первая парадигма предполагает протекание процессов, указанных нами выше, включая американизацию, гомогенизацию

культур и монолингвизм. Вторая включает в себя защиту национального суверенитета, многоязычие, поддержание разнообразия и языков, и культур, равенства и права человека.

Поддерживая «парадигму экологии языка», Р. Филлипсон и Т. Скотнабб-Кангас отстаивают необходимость мониторинга влияния английского языка на разные страны, их культуру и сферу образования [31]. Авторы также говорят о необходимости защиты и законодательного закрепления «лингвистических прав человека» (linguistic human rights) на межгосударственном и региональном уровнях. Подразумевается, что каждый индивид может положительно отождествлять себя с родным(и) языком(-ами); такое тождество должно уважаться другими индивидами, вне зависимости от того, является ли их язык языком меньшинства или большинства; право изучать и использовать родной(-ые) язык(-и) незыблемо и т. п. [32].

В России становление эколингвистики приходится на 1980—2000-е гг., когда стала разрабатываться теория культуры речи с экологическим уклоном. Исследователи выделяют несколько советских ученых, стоявших у истоков российской эколингвистики. Социальные и научно-технические изменения в СССР и одновременное распространение западной культуры вызвали изменения в русском языке. Эти изменения одним из первых отметил Д. С. Лихачев в статье «Экология культуры», выпущенной в 1979 г, где он проводит связь между экологией биологической и экологией культурной [13. С. 50]. Использование терминов «экология языка» / «лингвистическая экология» и рассмотрение проблемы экологизации отечественной науки началось с советского и российского лингвиста Л. И. Скворцова [19. С. 5]. С его точки зрения, культура мышления и речевого поведения, воспитание лингвистического вкуса, защита и «оздоровление» литературного языка, определение путей и способов его обогащения и совершенствования являются предметом лингвозкологии [18. С. 82]. «Лингвозкология и экология слова должны заботиться, во-первых, “об очищении русского языка от засоряющих его просторечных, диалектных, жаргонных слов, обценной лексики, от ненужных иноязычных заимствований, от типичных ошибок и отклонений от нормы в устной и письменной речи”, во-вторых, о сохранении окружающей речевой среды от так называемых “загрязнений”, а также бороться с “лингвистическим нигилизмом”» [17. С. 295].

А. П. Сковородников квалифицировал лингвоэкологию как самостоятельное направление гуманитарной науки, развивающееся на стыке различных социологических, лингвистических, психологических наук. В лингвоэкологических рамках исследуется проблематика языковой и речевой среды, т. е. «проблематика языковой и речевой деградации (изучение факторов, негативно влияющих на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематика языковой и речевой реабилитации (изучение путей и способов обогащения языка и совершенствования социальной практики общения на данном языке)» [19. С. 7].

Распространение и развитие идей Э. Хаугена и М. Халлидея в российских научных и общественных кругах обогатили теории российских первопроходцев экологии речи. Из работ Э. Хаугена был заимствован в русский язык термин «языковая среда», вставший в один ряд с понятиями из смежных дисциплин (языковая политика, языковая ситуация, языковая норма и т. д.). Идеи М. Халлидея нашли своё отражение в изучении проблем окружающего мира через анализ дискурса [7. С. 136].

Учёные проводят исследования не только в рамках одного языка, но и исследования сопоставительного характера, сравнивая подходы к решению одной проблемы экологического дискурса в разных языках.

Возникает направление экологии перевода (термин предложен Л. В. Кушниной) на основе концепции гармонизации переводческого пространства, где под переводом понимается «целостный интегративный процесс транспонирования смыслов текста одной культуры в текст другой культуры, управляемый как глубинными, так и сверхглубинными процессами» [12. С. 62].

А. А. Бернацкая исследует возможность разбить экологию языка на аспекты её изучения по итогам комплексного анализа работ лингвоэкологов. Выделяя объектом лингвоэкологии взаимодействие языка со средой, она выделяет три возможных аспекта: интралингвальный, интерлингвальный и транслингвальный. Первый — интралингвальный — аспект является традиционным. Он связан со стилистикой языка, культурой и коммуникативными свойствами речи. В рамках интерлингвального аспекта изучается «полиязычие как среда обитания отдельного этнического языка» и исследуются проблемы исчезновения языков. Последний аспект — транслингвальный — «связан с использованием единиц, средств,

реалий одного языка, одной культуры в контексте и средствами иного языка, принадлежащего другой культуре» [2].

Г. А. Копнина предлагает разделить исследования в эколингвистике на экологию языка и экологию речи. Первое предполагает составление экологического профиля языка, в котором концентрируются все основные проблемы экологичности языка, разработку системы лингвоэкологической безопасности, которая поможет предотвратить обеднение языка. Второе изучает речевое поведение человека, экологичность коммуникативной среды и речевых текстов, что могло бы помочь в формировании экологичного мышления [8].

На основе этой идеи С. В. Ионова выделяет два подхода к исследованию лингвистических проблем, в основе которых стоит свой объект исследования — конкретный «организм». В первом подходе, обозначенном как экология языка/речи, объектом является язык, который «требуется спасти и охранять от воздействия негативной окружающей среды». Во втором подходе, обозначенном как экология человека/общества, объектом выступают конкретный индивид, сообщества или социум, которые тоже нужно защищать от неблагоприятного информационного окружения, которое может привести к нарушениям психического и физического здоровья личности, разрушению позитивных отношений между людьми, несоблюдению общественных правил и т. п. [7].

В настоящее время перед учеными стоит проблема единого терминопотребления и трактования терминов эколингвистики. Е. А. Сущенко ставит термины «экология языка», «языковая экология», «лингвистическая экология», «лингвоэкология» и «эколингвистика» в один синонимический ряд [20. С. 124]. А. П. Сковородников приравнивает в своем словаре-справочнике понятия «лингвоэкология», «экология языка» и «эколингвистика», говоря о них как об отрасли языкознания [21. С. 301—302].

О. Б. Сиротина развивает идею, что лингвоэкология и экология языка являются разными понятиями, также вводя в употребление термин «экология речи». В своих работах лингвоэкологией она называет «экологию языка и речи как отрасль языкознания, в которой исследуются все факты и факторы, способствующие позитивным и предупреждающие негативные изменения; экологией языка — «сохраняющийся или формирующийся баланс между составляющими систему языка единицами и принятыми правилами

их использования в узусе»; экологией речи — баланс взаимодействия в общении адресанта и адресата [16].

А. В. Кравченко предлагает определение экологии языка с опорой на биологически ориентированный подход, замечая, что концепция Э. Хаугена «неадекватна», поскольку не позволяет выйти эколингвистическим исследованиям за рамки языкового мифа. Изучая место экологии языка в теории живых систем, ученый полагает, что под экологией языка понимается его «биокогнитивная функция поддержания общества как живой системы в единстве ее когнитивных (ориентирующих языковых) взаимодействий» [9].

А. А. Полухин полагает, что причина путаницы в разграничении понятий заключается в том, что отечественные лингвисты, исследуя вопросы «экологической лингвистики», используют термин «лингвоэкология». Соответственно, «этот раздел эколингвистики стал синонимом эколингвистики в целом, вследствие чего в работах российских лингвистов можно часто встретить взаимозаменяемые термины — “эколингвистика” и “лингвоэкология”» [14].

По мнению Н. А. Курашкиной [11], стоит разграничить эколингвистику и лингвоэкологию. В её понимании эколингвистика объединяет под собой множество «подходов, преследующих разнообразные цели». Лингвоэкология, в свою очередь, «представляет собой лишь одну из отраслей, объединяющих экологию и лингвистику, являясь при этом неотъемлемой частью эколингвистики».

Н. С. Бербина указывает, что данная проблема встречается не только в российской научной традиции, приводя в пример работу С. В. Стеффенсена и А. Филла, где авторы, проводя анализ направлений эколингвистики, выделяют символическую экологию языка, когнитивную экологию языка и др. [1. С. 74].

М. В. Загидуллина рассматривает коммуникативное поле вокруг понятия эколингвистики в ракурсе концепции «текущей современности» Зигмунта Баумана. Четыре аспекта эколингвистики (символический, природный, социокультурный, когнитивный) сочетаются в двух полярных подходах: биологическом и противостоящем ему культурном. Автор обсуждает возможность их синтеза и предлагает на его основе «третий путь», который она называет «зеленой лингвистикой». Это направление понимает явления, в том числе социальные, как живые системы, которые имеют собственный баланс и сложную

иерархию. Эколингвистика (или лингвоэкология), по мнению М. В. Загидуллиной, сосредоточены в основном на своем самоописании, на размышлениях о значимости избранного подхода и перспективах его развития в ущерб прикладным исследованиям и оттачиванию методик. В концепции «текучести языка», такие понятия и процессы, как чистота языка и его загрязнение, «речевой мусор», деградация и процветание, развитие и регресс могут свидетельствовать о возникновении и развитии новых форм коммуникации. «“Зеленая лингвистика”, рассматривая эти процессы с точки зрения закономерностей и значимости их появления, в чем мы видим ее опору на биологический подход к языку, в то же время работает с понятием вертикали и нормы, выявляя принципы такого нормирования в коммуникационных системах, возникающих и действующих стихийно, и это роднит ее с социокультурным подходом» [4. С. 62].

Итак, в статье мы рассмотрели проблемы, связанные со становлением новой междисциплинарной сферы — эколингвистики. Ставя перед собой задачу изучить взаимоотношение природы и социума с языком и речью человека, ученые дали толчок экологизации научного знания, вследствие чего появилось огромное количество новых направлений исследований, заимствовавших терминологический аппарат из сферы экологии. Российская эколингвистика на современном этапе систематизирует накопленные теоретические знания и практический опыт в данной отрасли. Российский журнал «Экология языка и коммуникативная практика» каждый год публикует статьи и рецензии исследователей, как разрабатывающих теоретические вопросы лингвистической экологии, так и решающих задачи прикладного характера. Новая дисциплина привлекает с каждым годом всё больше внимания к себе и своей проблематике, позволяя учёным взглянуть на старые проблемы под новым углом, с точки зрения эколингвистического подхода.

У каждого из трёх основных направлений эколингвистики, выделенных ещё А. Филлом [23], прослеживаются свои объекты исследования:

1) экология языка ставит перед собой задачу изучить взаимосвязь между языками, их воздействие друг на друга и проблемы сохранения языкового и этнокультурного многообразия, используя метафору биоэкологии (т. е. перенос её терминологического аппарата, методов и принципов на язык) (Э. Хауген, П. Мюльхойслер, Ф. Криер);

2) экологическая лингвистика, расширяя метафоричный подход экологии языка и используя «метафору экосистемы», изучает непосредственно язык, то, как он взаимодействует с его «окружающей средой» (т. е. миром), и исследует языковые и культурные системы мира (П. Финке, В. Трампе);

3) лингвистическая (языковая) экология, или лингвоэкология занимается изучением взаимодействия языка и экологических проблем, т. е. то, какую роль играет язык в решении экологических вопросов и проблем окружающей среды (М. Халлидей, М. Юнг).

Соответственно, эколлингвистика представляет нам междисциплинарной наукой, объединяющей под собой все вышеуказанные подходы: применение биоэкологических принципов и методов в лингвистике в качестве метафоры; рассмотрение лингвистических проблем через призму экологии и экологических проблем через призму лингвистики; изучение проблем взаимосвязи языков, культур и общества.

В нашем предстоящем исследовании, которое заключается в изучении концептосферы текстов дидактического характера, самым релевантным направлением эколлингвистики представляется экология языка. Тем не менее, используя принципы эколлингвистики, можно будет оценить семантические центры, концепты и темы, выделяемые в текстах учебников, на предмет их «экологичности». Автоматизированный семантико-концептуальный анализ текста позволит нам определить наиболее частотные темы обсуждения и обозначит их контексты, а объекты

исследования трех вышеуказанных направлений выступят в качестве критериев оценки.

Помимо этого, в качестве одного из методов оценки экологичности текстов можно предложить созданную А. В. Пузырёвым [15] семиуровневую пирамиду установок, которая позволяет определить уровень конструктивности/деструктивности текста. Несмотря на то, что в текстах дидактического характера отсутствует прямая агрессивность, которая изобилует в текстах, например, медиапространства, есть возможность выделить, какие контексты предпочитают замалчивать авторы данных текстов, как они смещают акценты и ракурсы на более позитивные вопросы, выстраивая, таким образом, определённый взгляд и отношение обучающихся к обсуждаемым темам, реалиям и персоналиям.

Таким образом, объединив вышеуказанные подходы, можно сформулировать основные критерии оценки экологичности текстов:

1) правильность речи и чистота языка;

2) уважение ко всем языкам и культурам, изучение иностранного/второго языка и культуры в контексте национального (родного) языка и культуры;

3) этичность коммуникации и концептуализации образа мира (т. е. презентации тех или иных концептов), отражённая в конструктивности/деструктивности текстов.

Оценка соблюдения или несоблюдения данных критериев составит методику изучения экологичности разнообразных текстов, в том числе, дидактических.

Список литературы

1. Бербина Н. С. Аргументация критики в науке о языке (эколлингвистический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2020. 450 с.
2. Бернацкая А. А. О трех аспектах экологии языка // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. 2003. № 4. С. 122—125.
3. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: пер с нем. / под общ. ред. Г. В. Рамишвили. М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. 400 с.
4. Загидуллина М. В. Содержательная динамика эколлингвистики: к вопросу о современном состоянии научного поля в междисциплинарном аспекте и медиаисследовательских перспективах // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 9 (391). Филологические науки. Вып. 102. С. 57—65.
5. Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. 466 с.
6. Иванова Е. В. К проблеме исследования экологического дискурса // Политическая лингвистика. 2007. № 3 (23). С. 134—137.
7. Ионова С. В. О двух аспектах эколлингвистических исследований // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 10—25.

8. Копнина Г. А. Экология языка и экология речи как разделы эколингвистики // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2014. № 2. С. 78—89.
9. Кравченко А. В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2014. № 2. С. 90—99.
10. Курашкина Н. А. Истоки и пути развития эколингвистики // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2016. Т. 15. С. 246—250.
11. Курашкина Н. А. Эколингвистика или лингвоэкология? Терминологическая дилемма междисциплинарной научной области // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2015. № 2. С. 143—156.
12. Кушникова Л. В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2003. 232 с.
13. Лихачев Д. С. Экология культуры // *Прошлое — будущему: статьи и очерки*. Л.: Наука, 1985. 575 с.
14. Полухин А. А. Современное языкознание и экологическое мышление // *Опыты-2008: сб. науч. тр.* СПб.: РИО ГПА, 2009. С. 65—73.
15. Пузырёв А. В. Онтогенез пирамиды установок // *Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: материалы XVI-й Междунар. науч. конф. (11—13 мая 2016 г., Орехово-Зуево)*; отв. ред. проф. А. В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: Гос. гуман.-технол. ун-т, 2016. С. 30—42.
16. Сиротинина О. Б. Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2013. № 1. С. 188—204.
17. Скворцов Л. И. Лингвистическая экология или лингвоэкология // *Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник*; под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева [и др.]. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 295.
18. Скворцов Л. И. Язык, общение и культура (Экология и язык) // *Русский язык в школе*. 1994. № 1. С. 81—86.
19. Сквородников А. П. Лингвистическая экология: проблемы становления // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: науч.-метод. бюл.*; отв. ред. А. П. Сквородников. Красноярск; Ачинск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1996. Вып. 1. С. 5—9.
20. Сущенко Е. А. Словарь-справочник лингвоэкологических терминов и понятий / под ред. Л. Г. Татарниковой. СПб.: ИД «Петрополис», 2011. 424 с.
21. Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск: Изд-во Сиб. фед. ун-та, 2012. 852 с.
22. Fill A., Steffensen S. V. Ecolinguistics: The state of the art and future horizons // *Language Sciences*. 2014. No. 41. P. 6—25.
23. Fill A. Ecolinguistics — State of the Art 1998. *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*. 1998. Vol. 23. No. 1. Pp. 3—16.
24. Finke P. Transdisciplinary linguistics: ecolinguistics as a pacemaker into a new scientific age // *The Routledge handbook of ecolinguistics*; ed. by A. Fill, H. Penz. New York: Routledge, 2017. P. 406—419.
25. Forte D. L. Ecolinguistics: The battlefield for the new class struggle? // *Language & Ecology*. 2020. URL: <http://ecolinguistics-association.org/journal>.
26. Halliday M. A. K. New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics // *The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment*; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. London and New York: Continuum, 2001. P. 175—202.
27. Harrison K. D. Nature Speaks: How Environmental Linguistics may help save the planet // *Medium*. URL: <https://medium.com/@dharris2/nature-speaks-how-environmental-linguistics-may-help-save-the-planet-eaea06113ba2>.
28. Harrison K. D. Languages, Plants and People: On Environmental Linguistics // *Academia*. URL: https://www.academia.edu/39769374/Languages_Plants_and_People_On_Environmental_Linguistics.
29. Haugen E. I. *The Ecology of Language: essays by Einar Haugen. Selected and Introduced by Anwar S. Dill*. Stanford, California: Stanford University Press, 1972. 366 p.
30. Law L., Matthiessen C. Revisiting Halliday's (1990) "New ways of meaning: The challenge to applied linguistics": What has changed and what still needs to be done? // *The Conference on Language and Ecology: Towards a Shared Narrative in Interdisciplinary Research*. Hong Kong, 2019.

31. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. English Only Worldwide or Language Ecology? // TESOL Quarterly. 1996. Vol. 30. No. 3: Language Planning and Policy. P. 429—452.

32. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. A human perspective on language ecology // Encyclopedia of Language and Education. Vol.9: Ecology of Language; ed. by A. Creese, P. Martin, N. Hornberger. New York: Springer, 2008. P. 3—14.

33. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder? // The Handbook of Language and Globalization; ed. by N. Coupland. London: Wiley-Blackwell. 2010. P.77—100.

34. Trampe W. Language and Ecological Crisis: Extracts from a Dictionary of Industrial Agriculture // The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. London and New York: Continuum, 2001. P. 235—238.

Сведения об авторах

Гарифуллина Анастасия Владиславовна — аспирант историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. neftida.zlat@rambler.ru

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 53—62.*

THE HISTORY OF ECOLINGUISTICS: FOREIGN AND RUSSIAN EXPERIENCE

A. V. Garifullina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. neftida.zlat@rambler.ru

E. V. Shelestuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. shelestiuk@yandex.ru

The article reviews the key milestones in the evolution of ecolinguistics, or ecological linguistics as interdisciplinary studies emerged from sociolinguistics and ecology. The authors study the path of a new paradigm's evolution, starting from the first-ever attempts to delve into interaction between language and nature (e.g. the ideas of A. Schleicher and W. von Humboldt), going through the rise of studies aimed at the discussing the role of language between humans and their environment (E. Haugen and M. Halliday) and ending with the contemporary state of this branch of science. Special attention has been given to ecolinguistics development within Russian academic circles, its potential and theoretical problems such as controversy in definitions of ecolinguistics, lack of practical experience and a consistent approach to the research.

Keywords: *ecolinguistics, ecology of language, linguoecology, linguistic ecology, green linguistics, theory of language.*

References

1. Berebina N. S. (2020) Argumentaciya kritiki v nauke o yazyke (ekolingvisticheskiy aspekt) [Critics' reasoning in linguistic science (ecolinguistics aspect). Thesis]. Irkutsk. 450 p. [in Russ.].
2. Bernackaya A. A. (2003) *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 4, pp. 122—125 [in Russ.].
3. Humboldt W. von. (2000) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* [Linguistics selecta: trans. from German]. Moscow, Progress. 400 p. [in Russ.].
4. Zagidullina M. V. (2016) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta (Bulletin of the Chelyabinsk State University)*, no. 9 (391), *Filologicheskiye nauki*, issue 102, pp. 57—65 [in Russ.].

5. Zvegincev V. A. (1964) *Istoriya yazykoznanija XIX—XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah* [History of linguistics of 19—20th centuries in essays and extracts]. Moscow, Prosveshchenie. Vol. 1. 466 p. [in Russ.].
6. Ivanova E. V. (2007) *Politicheskaya lingvistika*, no. 3 (23), pp. 134—137 [in Russ.].
7. Ionova S. V. (2016) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 1, pp. 10—25. [in Russ.].
8. Kopnina G.A. (2014) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 2, pp. 78—89 [in Russ.].
9. Kravchenko A. V. (2014) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 2, pp. 90—99 [in Russ.].
10. Kurashkina N. A. (2016) *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Koncept»*, vol. 15, pp. 246—250 [in Russ.].
11. Kurashkina N. A. (2015) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 2. pp. 143—156 [in Russ.].
12. Kushnina L. V. (2003) *Dinamika perevodcheskogo prostranstva: geshtal't-sinergeticheskij podhod* [Dynamics of translation process: Gestalt and synergetic approach]. Perm. 232 p. [in Russ.].
13. Lihachev D. S. (1985) *Ekologiya kul'tury* [Ecology of culture]. Proshloe — budushchemu: stat'i i ocherki [Past — Future: Articles and Essays]. Leningrad, Nauka. 575 p. [in Russ.].
14. Poluhin A. A. (2009) *Sovremennoe yazykoznanie i ekologicheskoe myshlenie* [Contemporary linguistics and ecological way of thinking]. St. Petersburg: RIO GPA. Pp. 65—73 [in Russ.].
15. Puzyryov A. V. (2016) *Ontogenez piramidy ustanovok* [Ontogenesis of the affirmation pyramid]. *Yazyk i myshlenie: Psihologicheskie i lingvisticheskie aspekty* [Language and Thinking: Psychological and Linguistic Aspects]. Moscow, In-t yazykoznanija RAN; Orekhovo-Zuevo, State Humanitarian and Technological University. Pp. 30—42 [in Russ.].
16. Sirotinina O. B. (2013) *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, no. 1. pp. 188—204 [in Russ.].
17. Skvorcov L. I. (2003) *Lingvisticheskaya ekologiya ili lingvoekologiya* [Linguistic ecology or linguoecology]. *Kul'tura russkoj rechi: Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik* [Culture of Russian Speech: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Flinta: Nauka. P. 295. [in Russ.].
18. Skvorcov L. I. (1994) *Russkij yazyk v shkole*, no. 1, pp. 81—86 [in Russ.].
19. Skovorodnikov A. P. (1996) *Lingvisticheskaya ekologiya: problemy stanovleniya* [Linguistic ecology: the problem of evolvement]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya* [Theoretical and applied aspects of verbal communication]. Krasnoyarsk; Achinsk, Krasnoyarsk Univ. Publ. Pp. 5—9 [in Russ.].
20. Sushchenko E. A. (2011) *Slovar'-spravochnik lingvoekologicheskikh terminov i ponyatij* [Dictionary and reference book of linguoecological terms and concepts]. St. Petersburg, Petropolis. 424 p. [in Russ.].
21. Skovorodnikov A. P. (ed.) (2012) *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetencii): slovar'-spravochnik* [Effective oral communication (baseline competencies): dictionary and reference book]. Krasnoyarsk, Siberian Federal Univ. Publ. 852 p. [in Russ.].
22. Fill A., Steffensen S. V. (2014) *Language Sciences*, no. 41, pp. 6—25.
23. Fill A. (1998) *Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, vol. 23, no. 1, pp. 3—16.
24. Finke P. (2017) *Transdisciplinary linguistics: ecolinguistics as a pacemaker into a new scientific age* // *The Routledge handbook of ecolinguistics*; ed by A. Fill, H. Penz. New York, Routledge. Pp. 406-419.
25. Forte D. L. (2020) *Ecolinguistics: The battlefield for the new class struggle?* Available at: <http://ecolinguistics-association.org/journal> (accessed 15.01.2021).
26. Halliday M. A. K. (2001) *New Ways of Meaning: The Challenge to Applied Linguistics* // *The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment*; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. London and New York, Continuum. Pp. 175—202.
27. Harrison K. D. *Nature Speaks: How Environmental Linguistics may help save the planet* // Medium. Available at: <https://medium.com/@dharris2/nature-speaks-how-environmental-linguistics-may-help-save-the-planet-eaea06113ba2> (accessed 15.01.2021).
28. Harrison K. D. *Languages, Plants and People: On Environmental Linguistics* // Academia. Available at: https://www.academia.edu/39769374/Languages_Plants_and_People_On_Environmental_Linguistics (accessed 15.01.2021).
29. Haugen E. I. (1972) *The Ecology of Language: essays by Einar Haugen* [Selected and Introduced by Anwar S. Dill]. Stanford, California, Stanford University Press. 366 p.

30. Law L., Matthiessen C. (2019) Revisiting Halliday's (1990) "New ways of meaning: The challenge to applied linguistics": What has changed and what still needs to be done? // *The Conference on Language and Ecology: Towards a Shared Narrative in Interdisciplinary Research*. Hong Kong.

31. Phillipson R., Skutnabb-Kangas T. (1996) *TESOL Quarterly*, vol. 30, no. 3: Language Planning and Policy, pp. 429—452.

32. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. (2008) A human perspective on language ecology // *Encyclopedia of Language and Education*. Vol. 9: Ecology of Language; ed. by A. Creese, P. Martin, N. Hornberger. New York, Springer. Pp. 3—14.

33. Skutnabb-Kangas T., Phillipson R. (2010) The Global Politics of Language: Markets, Maintenance, Marginalization, or Murder? // *The Handbook of Language and Globalization*; ed. by N. Coupland. London, Wiley-Blackwell. Pp. 77—100.

34. Trampe W. (2001) Language and Ecological Crisis: Extracts from a Dictionary of Industrial Agriculture // *The Ecolinguistics Reader: language, ecology and environment*; ed. by A. Filland, P. Mühlhäusler. London and New York, Continuum. Pp. 235—238.

ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОМ НАУЧНОМ СТИЛЕ В. З. ДЕМЬЯНКОВА

Е. И. Голованова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена анализу особенностей индивидуального научного стиля одного из ведущих российских лингвистов Валерия Закиевича Демьянкова. Материалом для изучения послужили тексты его статей в научных журналах и сборниках. Особое внимание уделяется примерам иронично-образного представления фактов и наблюдений в научном дискурсе ученого. Показано, что метафора и ирония применяются в исследуемых работах как для репрезентации уже отрефлексированного опыта, так и в процессе концептуализации нового научного знания. Делается вывод, что характерная для индивидуального стиля В. З. Демьянкова тональность способствует активизации мыслительной деятельности читателей, а также служит ярким средством убеждения, инструментом неожиданной и точной интерпретации лингвистических фактов. Предложенный анализ позволяет выявить некоторые закономерности познавательной деятельности ученого-гуманитария и раскрыть характеристики конкретной языковой личности.

Ключевые слова: *В. З. Демьянков, научный дискурс, знание, концептуализация, образ, ирония, интерпретация.*

Современный научный дискурс представляет весьма интересный для лингвистического изучения объект. Множественность научных подходов, направлений и школ, размывание дисциплинарных границ в условиях усложнения знания определяет данный дискурс как неоднородное, «разноречивое» коммуникативное явление. В полифонии научных точек зрения, разнообразии способов представления научного знания отражается то, что в познавательной деятельности исследователя участвуют не только собственно научные методы и представления, но и вненаучные познавательные формы, в том числе обусловленные личным опытом субъекта познания, характерной для него социально-языковой средой и присущим ему общекультурным уровнем [1; 2].

В современном научном дискурсе, особенно в сфере гуманитарного знания, все более явно присутствует присутствие человека, с его индивидуальным стилем мышления. Не случайно авторы научных сочинений сегодня весьма часто обращаются к метафоре и символическому моделированию фактов, что наряду со строгими рационально-логическими построениями определяет глубину, эвристичность и научную ценность нового знания [3]. В некоторых случаях эмоционально-образная составляющая дискурса становится характерной чертой индивидуального стиля ученого. В этом отношении особой привлекательностью для исследования обладает научное

творчество известного российского лингвиста Валерия Закиевича Демьянкова.

В статьях В. З. Демьянкова традиционное для научной прозы рационально-логическое и менее типичное эмоционально-образное начала находятся в тесном переплетении, создавая сложный смысловой рисунок текста и нередко придавая изложению ироническую модальность. Сам ученый пишет: «Поскольку понимание — процесс и результат нескольких довольно разных операций, интерпретатор должен **выбрать ключ**, или тональность, в которой он проигрывает всю симфонию интерпретации текста. Этот ключ придает единообразие, общую стилистику понимания дискурса. Этот же ключ задает единую атмосферу понимания в рамках более или менее продолжительного эпизода понимания речи. Скажем, атмосферу сверхдружественную: тогда вы прощаете абсолютно любые огрехи и несурезицы. Или абсолютно критичную: все в тексте, как вам кажется, не выдерживает никакой критики. Или — посередине — **ироничную атмосферу понимания**» (здесь и далее выделено нами — Е. Г.) [4. С. 39].

Ироничность интерпретации на основе использования в пределах научного контекста иностилевых элементов составляет одну из ярких отличительных особенностей индивидуального стиля В. З. Демьянкова. Так, в предисловии к монографии Н. Н. Болдырева «Язык и система знаний. Когнитивная теория языка» на фоне

академически нейтральной характеристики содержания книги он использует неожиданное определение, восходящее к бытовому (кулинарному) дикурсу: «Опираясь на эти положения, автор предлагает взгляд на язык как на систему репрезентации <...> знаний о мире, отраженном в сознании человека, — а не знаний о мире **«в собственном соку»** [11. С. 11].

Ирония для исследователя является не просто одной из форм проявления критического начала, а скорее, особым типом восприятия и мироощущения, допускающим оспоримость абсолютного. Именно она создает условия для свободной игры творческой фантазии автора. Сравните: «Исходное значение латинского слова *communicatio* обрекает коммуникацию на аналогии с **долевой вещной собственностью**. <...> коммуниканты строят „совместную“ структуру коммуникативных знаний <...>» [6. С. 52]; «Некоторые исследователи структурализма, настаивающие на „**внечеловеческих**“ принципах исследования языка и коммуникации, всерьез полагают, что общение состоит в „обмене информацией“, подобном передаче материальных предметов из одного места в пространстве в другое» [10. С. 37].

От отвлеченных рассуждений автор нередко обращается к «правде жизни», обогащая научный контекст живыми эмоциями [16], не давая ему застыть в канонической догматичности: «Коммуникативная компетенция человека может развиваться по ходу конкретного общения. Завязав беседу **во всем блеске** своей коммуникативной компетенции, человек может выйти из задушевного разговора **с помятой физиономией** и/или с резко пошатнувшимися представлениями о том, как следует разговаривать со старшими и/или более физически развитыми» [6. С. 55].

По-видимому, главным врагом научного изложения автор считает сухость, напыщенность и педантичность, а потому широко использует метафоры и сравнения (которые не являются для автора самоцелью, а служат средством яркого и всестороннего раскрытия мысли): «Предмет нашего внимания <...> не система эмоций как таковая, а „**жизнь**“ той или иной эмоции в языке, в языковой системе и различные „**жилищные условия**“, предоставляемые эмоциям в разных языках» [7. С. 30].

В многообразии привлекаемых лингвистом средств значительное место занимают разговорные и книжные фразеологизмы: *пуп земли, на худой конец, видеть в прежнем свете, открыть*

глаза на мир, в полный рост, на ум приходит, болит душа, вызывать к жизни, обещать принести плоды, оставаться одной ногой, отсюда только один шаг до... и др.

Благодаря умелому сочетанию в статьях В. З. Демьянкова разговорных и книжных лексико-фразеологических средств возникает ощущение непринужденной беседы автора с читателем: «Иначе говоря, „**на вынос**“, для широкой публики термин лингвистика нам представляется **более импозантным**, чем языкознание или языковедение» [14. С. 78]; «Недоразумения — результат того, что свой внутренний мир интерпретатор отождествляет с модельным. Так, прочитав следующую заголовочку, мы заранее радуемся тому, что скоро **нам перепадет** часть чужого богатства: „Губернаторы поделились доходами с народом“. Но основной текст той же заметки вливает **ложку диссонанса** в нашу радость <...>» [4. С. 38].

Обладая развитым воображением и богатым арсеналом культурных знаний, В. З. Демьянков излагает свою точку зрения на языковые закономерности и факты наглядно, убедительно и емко. В этом ему помогает использование разнообразных прецедентных высказываний («стоять на плечах предшественников», «в себе и для себя», «свобода <...> есть осознанная необходимость», «твоя моя не понимай», «мама мыла раму»), в том числе подвергнутых трансформации: «Большому кораблю — большие понятия» [5. С. 31], «Большому кораблю — привлекательная жена» [12. С. 182]. Указанные единицы применяются в качестве аргументации или иллюстрации авторских тезисов. Например: «Индивид, в том числе, языковой — это человек во всей его данности, к которому — гипотетически — мы примеряем его модель (его „личность“), что-то вроде **костюма, сшитого по тому лекалу** (то есть, знанию его личности), которым мы владеем. Индивид — наша интерпретация того, как реализована личность. В отличие **от обычного портного**, при такой „**примерке**“ мы ориентируемся не только на внешние данные, но и на подозреваемые нами скрытые характеристики» [8].

В. З. Демьянков стремится в своих научных трудах к ясности и точности изложения, избегая ненужных украшений. Главное для него — сила аргументации, четкость суждений, нередко переходящая в эмоционально насыщенный текст: «Но как только нам удастся **помыслить немислимое, вообразить невообразимое** — оно становится мыслимым и вообразимым. Само высказывание

*Существуют немислимые вещи парадоксально: если мы это нечто помыслили (а здесь глагол существования фигурирует именно в качестве предиката!) — значит, оно мыслимо. И наоборот, в высказывании **Не существует немислимых вещей** идея существования немислимого является пресуппозицией» [5. С. 18—19].*

Излюбленный прием ученого — обращение к сравнению или метафоре из обыденного или профессионального дискурса. Так, например, рассуждая о профессии лингвиста, В. З. Демьянков пишет: «...платить зарплату только за то, что некто просто знает, обыденному сознанию представляется как **нецелевое расходование средств**». И далее: «Нас выручает суффиксид — **вед**, как в названии другой уважаемой профессии — **товаровед**. С 19 в. так означают не только тех, кто знает, но **ведает** чем-либо (в 18 в. — начале 19 в. **ведать** управлял исключительно винительным падежом). Занятие лингвиста в 20—21 вв. — не просто в знании, а в **ведении языком**: учетом поступления, принятием на хранение, записи о продвижении и реализации товара, применение знаний конъюнктуры в этой повседневной деятельности. То есть, лингвист полезен как лицо, отвечающее за состояние того или иного языка. Скажем, если российский лингвист „отвечает“ за африканские языки, он не должен находить себе покоя **ни днем, ни ночью**, у него должна **душа болеть**: ну как они там, мои африканские **подопечные**, без меня, в далекой Африке?» [14. С. 79].

Начав с сопоставления функций представителей двух профессий, автор доводит это сравнение до гротеска с помощью экспрессивных фразеологизмов и приема персонификации (языки осмысляются как подопечные лингвиста, которые страдают вдали от своего защитника и покровителя).

В другой работе лингвист использует развернутую метафору из не менее известной профессиональной сферы-источника: «По аналогии с понятиями электротехники, о речевых субъектах можно говорить только тогда, когда происходит „**речевое замыкание**“ и имеется поэтому „**речевое напряжение**“: не просто обмен репликами „**в вакууме**“, а интерпретация речей, с возможным изменением внутреннего мира этих субъектов <...>. В это „**поле**“ включается „субъективная реальность“ каждого <...>» [8].

Отмечая, что «главный герой обыденной речи — человек», В. З. Демьянков широко задействует раз-

личные обыденные концепты в своем научном дискурсе: «соседи», «скандал», «яичница», «поваренная книга», «сито», «домашние тапки», «колыбельные», «склад» и др.

Блестящим примером соединения научной пронципальности, рационально-логического построения и образности может служить статья «Трансфер знаний и когнитивная манипуляция», опубликованная в журнале «Вопросы когнитивной лингвистики» [13].

Текст статьи предваряется авторской аннотацией, начинающейся словами: «**Есть несомненное сходство недостоверной информации как разновидности трансфера знаний с эпидемией, с биологическим оружием и с ядерным взрывом, которые заражают окружающее пространство**». Реализация в этом контексте нетривиального сравнения, на наш взгляд, подспудно настраивает читателя на нестандартный характер последующего изложения.

Начало статьи выдержано вполне академично: «**Когнитивный подход к языку выделяется из числа других своей информационно-поисковой направленностью. Информация, по мнению многих исследователей, не просто соотносена со знанием (поскольку связана с некоторым утверждением, оцениваемым как правильное или ложное): говоря об информации, исходят из презумпций ее полноты и необходимости для осуществления будущих социально значимых действий в рамках человеческих институтов**». С первых же строк автор стремится к точному разграничению информации и знания, с учетом обыденных представлений о «накоплении» и «складировании» чего-либо в пространстве и времени: «**Информация — то, что „содержится“ в текстах и в иных „носителях информации“ и доступно для сбора. <...> знание — та информация, которая уже была собрана на протяжении некоторого времени, зарекомендовала себя как правильная и направляет дальнейший ход сбора информации**». Предметные образы «накопленных» или «складированных» объектов в терминологическом окружении (текст, информация, знание) служат здесь формой для трансляции важных научных положений.

Дальнейший текст первого раздела реализует нейтральный стиль изложения. Правда, полной объективности автор избегает: «**Итак, репрезентация знаний, о которой все время говорили когнитивисты, должна быть настолько доступной для народа, что простому когнитологу ее и представить себе трудно!**» Упоминание о «простом когнитоло-

ге» не только придает высказыванию экспрессивность, но и служит выражением авторской иронии.

Во втором разделе статьи, обосновывая относительность типовой репрезентации знаний в языке как вещи в пространстве, автор отмечает, что к «передаче» знаний говорящие относятся «с долей скепсиса», и приводит ряд примеров. В частности, указывает, что «нельзя дать займы какие-либо знания — но можно знаниями (не всегда „безвозмездно, т. е. даром“) поделиться». В приведенном контексте привлекает внимание цитата из известного мультфильма о Винни-Пухе (реплика Совы в диалоге с осликом Иа-Иа). Начиная с этого момента коммуникация автора с читателем приобретает подчеркнuto игровой характер: «Когда кто-либо „продает“ свои знания (чаще, впрочем, выгоднее продать мозги, если они есть), их у него меньше не становится — вопреки законам сохранения энергии. Не так, когда знания (и мозги) „пропивают“: здесь этот закон сохранения бесчеловечен и действует со всей неумолимостью». И далее: «Знания могут покинуть болную голову или пройти в нее добровольно (например, „осенить“), однако нельзя их щедрому донору „вернуть за ненадобностью назад“ — в отличие от денег и других ценных вещей. Пожалуйтесь кому-нибудь, что отдали Люсе знания английского языка в хорошем состоянии, а назад получили в истрепанном и не полностью!» «Невозможно также лишиться последних знаний, передав их в другие руки. <...> А объявление „Отдам знание физики в хорошие руки“ просто таинственно» и т. д.

Говоря о продуктивности признания избытка или недостатка знаний для науки, автор отмечает, что «о дефиците в родной сфере часто узнают, пронаблюдав, какое изобилие методов и результатов у соседей по научному огороду». В данном контексте неожиданно звучат сочетания «родная сфера» и «соседи по научному огороду», хотя в целом употребление слов *соседи*, *соседний* применительно к научным дисциплинам у Демьянкова встречается довольно часто. В данной статье такой контекст тоже есть: «Гасят дефицит знаний не только средствами

самой обывденной области, но и за счет „соседних“ научных и ненаучных дисциплин».

Все это не только не снижает градус научного пафоса, но и способствует поддержанию интереса у читателя, стимулирует — через удивление — активную обработку поступающей к нему из текста информации.

Иногда с помощью одного лишь слова автору удается деавтоматизировать восприятие научного изложения: «<...> исторические и контекстные изменения значения слов являются **симптомами** возможного, но не всегда действительного трансфера знаний». Или другой пример в рассматриваемом тексте: «Этот трансфер [знаний между культурами, отдельными людьми, научными дисциплинами] осуществляет человек с помощью репрезентаций, которые выступают в качестве „**денежных знаков**“, служащих для обмена между соседями».

Судя по всему, «раскованность и широта теоретической мысли» [15. С. 149] свойственны именно тем ученым, которые обладают не только развитым рационально-логическим мышлением, но и неординарным интуитивно-творческим началом, «смелостью в преодолении ложных лингвистических традиций и создании новых». Не будет преувеличением сказать, что наука вряд ли представляется В. З. Демьянкову серой: она для него, скорее, «зеленое, ласковое, зовущее дерево», от которого «веет прохладой и счастьем» [15. С. 7].

Метафора и ирония применяются в работах ученого как для репрезентации уже отрефлексированного опыта, так и в процессе концептуализации нового научного знания. При оформлении нового знания языковая образность и игра, в том числе с использованием реалий настоящего времени (как, например, в [9]), способствуют активизации мыслительной деятельности читателя, служат средством убеждения, инструментом точной характеристики и интерпретации.

В целом, эвристическое переживание языка, ироническая модальность, стихия эксперимента и игры — характерные черты индивидуального научного стиля В. З. Демьянкова, отражающие особенности его незаурядной личности.

Список литературы

1. Голованова Е. И. Анализ взаимодействия когнитивных и языковых структур при изучении профессиональной языковой личности // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 472—482.
2. Голованова Е. И. Модельная языковая личность российского ученого: проблема реконструкции и поуровневого описания // Русский язык: история и современность: материалы IV Междунар. конгресса исследователей русского языка. М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 2010. С. 169—170.

3. Голованова Е. И. Образ, понятие, гештальт как форматы профессионального знания // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 122—126.
4. Демьянков В. З. Когнитивный диссонанс: когниция языковая и внеязыковая // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 33—40.
5. Демьянков В. З. Когниция воображаемого и изображаемого: о понятиях (и концептах) в языке // Когнитивные исследования языка. 2012. № 12. С. 17—33.
6. Демьянков В. З. Коммуникативное знание в когнитивной и коммуникативной компетенциях // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 52—55.
7. Демьянков В. З., Воронин Л. В., Сергеева Д. В., Сергеев А. И. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или: Где эмоция — там и когниция // С любовью к языку. М.: Ин-т языкознания РАН; Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2002. С. 29—44.
8. Демьянков В. З. Личность, индивидуальность и субъективность в языке и речи // «Я», «субъект», «индивид» в парадигмах современного языкознания. М.: ИНИОН РАН, 1992. С. 9—34.
9. Демьянков В. З. О когнитивной маске как гигиеническом средстве при манипуляции // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 3 (42). — С. 47—54.
10. Демьянков В. З. Об антропоцентрическом направлении в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2016. № 27. С. 36—45.
11. Демьянков В. З. Предисловие // Болдырев Н. Н. Язык и система знаний: Когнитивная теория языка. М.: Изд. дом ЯСК, 2018. С. 9—14.
12. Демьянков В. З. Прототип и реализации концепта «привлекательность» в русском языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. ст. Посвящается юбилею проф. Н. Н. Болдырева. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 167—184.
13. Демьянков В. З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2017. — № 4 (53). — С. 5—13.
14. Демьянков В. З. Что дает когнитивная лингвистика? // Non multum, sed multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сб. науч. тр. в честь В. Ф. Новодрановой. М.: Авторская академия, 2010. С. 71—82.
15. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку / под ред. Е. А. Земской, С. М. Кузьминой. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 1. 568 с.
16. Шилихина, К. М. Ирония в академическом дискурсе // Вестник Воронежского государственного университета. 2013. № 1. С. 115—118.

Сведения об авторе

Голованова Елена Иосифовна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. terminolog2011@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 63—68.*

ON THE INDIVIDUAL SCIENTIFIC STYLE OF V. Z. DEMYANKOV

E. I. Golovanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. terminolog2011@rambler.ru

The article is devoted to the analysis of the peculiarities of the individual scientific style of one of the leading Russian linguists Valery Zakievich Demyankov. The texts of his articles in scientific journals and collections served as the material for the study. Special attention is paid to examples of ironic and figurative representation of facts and observations in the scientific discourse of a scientist. It is shown that metaphor and irony are used in the studied works both for the representation of already reflected experience, and in the process of conceptualization of new scientific knowledge. It is concluded that the characteristic of the individual style of V. Z. Demyankov's tonality helps to activate the mental activity of readers, and also serves as a vivid means

of persuasion, an instrument of unexpected and accurate interpretation of linguistic facts. The proposed analysis allows us to identify some patterns of cognitive activity of a humanitarian scientist and reveal the characteristics of a specific linguistic personality.

Keywords: *V. Z. Demyankov, scientific discourse, knowledge, conceptualization, image, irony, interpretation.*

References

1. Golovanova E. I. (2011) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 9, pp. 472—482 [in Russ.].
2. Golovanova E. I. (2010) Model'naya yazykovaya lichnost' rossiyskogo uchenogo: problema rekonstruktsii i pourovnevnogo opisaniya [Model language personality of a Russian scientist: the problem of reconstruction and level-by-level description]. *Russkiy yazyk: istoriya i sovremennost'* [The Russian language: history and modernity]. Moscow. Pp. 169—170 [in Russ.].
3. Golovanova E. I. (2014) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (335), pp. 122—126 [in Russ.].
4. Dem'yankov V. Z. (2011) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 9, pp. 33—40 [in Russ.].
5. Dem'yankov V. Z. (2012) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 12, pp. 17—33 [in Russ.].
6. Dem'yankov V. Z. (2018) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 34, pp. 52—55 [in Russ.].
7. Dem'yankov V. Z., Voronin L. V., Sergeeva D. V., Sergeev A. I. (2002) Lingvopsikhologiya kak razdel kognitivnoy lingvistiki, ili: Gde emotsiya — tam i kognitsiya [Linguopsychology as a branch of cognitive linguistics, or: Where emotion is, there is cognition]. *S lyubov'yu k yazyku* [With a love of language]. Moscow; Voronezh. Pp. 29—44 [in Russ.].
8. Dem'yankov V. Z. (1992) Lichnost', individual'nost' i sub'ektivnost' v yazyke i rechi [Personality, individuality and subjectivity in language and speech]. «Ya», «sub'ekt», «individ» v paradigmakh sovremennoy yazykoznaniiya [“I”, “subject”, “individual” in the paradigms of modern linguistics]. Moscow. Pp. 9—34 [in Russ.].
9. Dem'yankov V. Z. (2020) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 3 (42), pp. 47—54 [in Russ.].
10. Dem'yankov V. Z. (2016) *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, no. 27, pp. 36—45 [in Russ.].
11. Dem'yankov V. Z. (2018) Predislovie [Preface]. Boldyrev N. N. *Yazyk i sistema znaniy: Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and the knowledge system: Cognitive theory of language]. Moscow. Pp. 9—14 [in Russ.].
12. Dem'yankov V. Z. (2005) Prototip i realizatsii kontsepta «privlekatel'nost'» v russkom yazyke [Prototype and implementation of the concept “attractiveness” in Russian]. *Kontseptual'noe prostranstvo yazyka* [The conceptual space of the language]. Tambov. P. 167—184. [in Russ.].
13. Dem'yankov V. Z. (2017) *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, no. 4 (53), pp. 5—13 [in Russ.].
14. Dem'yankov V. Z. (2010) Chto daet kognitivnaya lingvistika? [What does cognitive linguistics provide?]. *Non multum, sed multa: Nemnogo o mnogom. U kognitivnykh istokov sovremennoy terminologii* [Non multum, sed multa: A little bit about many things. At the cognitive origins of modern terminology]. Moscow. Pp. 71—82 [in Russ.].
15. Panov M. V. (2004) *Trudy po obshchemu yazykoznaniiyu i russkomu yazyku* [Works on general linguistics and the Russian language]. Vol. 1. Moscow. 568 p. [in Russ.].
16. Shilikhina K. M. (2013) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 115—118 [in Russ.].

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ ДИСТАНЦИИ В ПРИВАТНОМ ОБЩЕНИИ

Е. М. Дубровченко

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь

Рассматривается понятие коммуникативной дистанции, представляющей собой область пересечения физического, психологического и социального пространства. В крайних точках коммуникативной дистанции находятся сфера приватности и сфера публичности, образующие бинарную оппозицию. Границы данных сфер являются динамичными, изменение коммуникативной дистанции указывает на тип коммуникативной ситуации и межличностные отношения собеседников. Анализируются основные вербальные и невербальные средства, обозначающие коммуникативную дистанцию, и ее изменение в приватном общении.

Ключевые слова: коммуникативная дистанция, приватное общение, приватность, публичность, физическое (геометрическое) пространство, социальное пространство, социальный статус, психологическая дистанция.

Целью данной статьи является определение вектора трансформации коммуникативной дистанции в приватном общении. Исследование выполняется в русле социолингвистики и прагмалингвистики.

Приватное общение представляет собой специфический вид неформального общения, потребность в котором возникает у людей, находящихся в личных отношениях: дружеских, романтических, семейных, партнерских, соседских, приятельских и т. д. [8]. Успешность приватного общения зависит от ряда условий, одним из которых выступает выбор коммуникативной дистанции.

Коммуникативная дистанция является важным параметром человеческого общения. Л. Г. Ефанова определяет коммуникативную дистанцию как «область пересечения социального и геометрического пространства, отражающую реально существующие отношения между коммуникантами» [3].

В нашем исследовании мы опираемся на труды ряда зарубежных и отечественных исследователей различных областей научного знания, рассматривающих проблемы коммуникации: антропологии (Е. Hall, 1959) [12], социолингвистики (В. И. Карасик, 1992, С. А. Питина, 2019) [6; 10], межкультурной коммуникации (О. А. Леонтович, 2003) [4], теории коммуникации (М. А. Вацлавик, Дж. Бивин, Д. Джексон, 2000, М. А. Василик, 2003) [1; 9], психологии (О. И. Калмыкова, 2001, И. Б. Котова, 2011) [5; 8].

Нам представляется, что вопросы, связанные с установлением коммуникативной дистанции,

требуют дальнейшей разработки, уточнения и изучения с позиций прагмалингвистического и социолингвистического подходов. Этим объясняется актуальность исследования. Установление и развитие контактов между людьми является необходимым условием существования человека в социуме, развития как личности, так и общества в целом. Выбор коммуникативной дистанции свидетельствует о межличностных отношениях, влияет на ход коммуникативного процесса и результат коммуникативной деятельности.

Исследование трансформации коммуникативной дистанции проводится на материале художественной литературы, видеофильмов и ситуаций взаимодействия в реальной жизни. Проведенный анализ позволяет сформулировать гипотезу, заключающуюся в том, что трансформация коммуникативной дистанции между собеседниками наблюдается в сторону уменьшения при условии высокой степени доверия и взаимопонимания. Величина коммуникативной дистанции и ее изменение находят свое отражение в языковом выражении.

В ходе исследования использовались методы контекстуального, коммуникативного и социолингвистического анализа текста, а также метод прагматического анализа. Кроме того, для создания корпуса диалогов в ситуациях повседневного общения применялся метод «полевого» наблюдения.

Приватное общение, как особый вид межличностного взаимодействия, имеет ряд характеристик: острая потребность в общении, специфическое

содержание, доверительность, спонтанность, импульсивность, осуществление актов непосредственного и опосредованного взаимодействия [8]. Приватное общение обладает специфическими пространственно-временными координатами, которые заключаются в произвольном выборе места и времени общения, интенсивности и длительности. Индикатором территориальности в общении выступает коммуникативная дистанция, которая обозначается посредством вербальных и невербальных средств, а также коммуникативных стратегий [4. С. 384].

Геометрическое, или физическое, пространство определяется расстоянием между собеседниками. Американский антрополог Э. Холл выделяет четыре межсубъектные зоны, каждая из которых имеет близкую и дальнюю фазу и определенное количественное измерение: 1) интимную (0—45 см); 2) личную (46—120 см); 3) социальную (120—400 см); 4) публичную (более 400 см) [12]. Говоря о физической дистанции между людьми, следует отметить, что оно культурно обусловлено: американцы европейского происхождения, как правило, следуют правилу вытянутой руки: внутри находится личная зона, за вытянутой рукой — социальная. Русские, белорусы и украинцы при общении находятся намного ближе к собеседнику, чем американцы, не испытывая при этом чувства дискомфорта.

Социальное пространство характеризует положение социальных групп и индивидов в определенной коммуникативной ситуации, степень их близости или отдаленности. В. И. Карасик отмечает, что социальная дистанция между участниками общения указывает на социальный статус человека. Чем выше статус, тем вероятнее увеличение социальной дистанции между коммуникантами. Социальная дистанция является динамичной, инициатором изменения дистанции выступает вышестоящий участник [6. С. 13—14].

А. С. Питина, анализируя языковые особенности реализации социального статуса человека в британской и российской лингвокультурах, отмечает, что восприятие социального статуса представителями «своей» лингвокультуры осуществляется достаточно легко, а индексация социального статуса представителями «чужой» лингвокультуры вызывает затруднения как при непосредственной коммуникации, так и при интерпретации художественного текста. [10. С. 136]. Проблемы в восприятии социального статуса человека в британском обществе автор объясняет

«несовпадением культурных кодов, открытостью границ между классами» [Там же. С. 139]. Интерпретация информации в процессе коммуникации происходит «под воздействием культурной среды и социального контекста», благодаря которым в сознании коммуниканта формируется подходящее значение транслируемого сообщения [2. С. 97].

Дистанцированность, как показатель социального статуса, выражается в «погашении» индивидуальных характеристик человека, имеющего определенную социальную позицию, актуализации «отношений неравноправия между участниками общения», в «особом отношении человека к своей роли и статусу», а также в субъективной оценке статуса партнера [6. С. 14]. В. И. Карасик подчеркивает, что «в общении пересекаются субъективные и объективные статусные оценки и самооценки» [Там же. С. 14]. К показателям дистанцированности автор относит ритуалы, церемониальное поведение, объяснение очевидных вещей, намеренно грубое или провокационное поведение и др. [Там же. С. 14].

О. И. Калмыкова выделяет психологическую дистанцию, определяя ее как «двусторонний социально-психологический феномен, регулирующий межличностные отношения, основной функцией которого является структурирование пространства общения в зависимости от степени психологической близости субъектов взаимодействия» [5. С. 7—8]. Содержательными компонентами психологической дистанции выступают проксемический, определяющий пространственное положение коммуникантов, и эмоциональный, указывающий на их психологическую близость [Там же. С. 8].

Таким образом, коммуникативную дистанцию можно рассматривать, как область пересечения физического, социального и психологического пространства. В ходе ее анализа необходимо учитывать взаимосвязь и взаимовлияние геометрического расстояния между собеседниками, общественного положения и степени психологической близости, проявляющейся в межличностных отношениях.

Крайние точки коммуникативной дистанции, ее полюса, образуют бинарную оппозицию: «приватность», т. е. осознание человеком своей личной сферы, и «публичность», т. е. осознание человеком общественной (публичной) сферы. Разделение пространства на приватное и публичное является относительным. Между данными

полюсами «приватность — публичность» находятся переходные зоны. Переход из одной зоны в другую, трансформация публичности и приватности, а также лингвистическая реализация изменения коммуникативной дистанции несут большую коммуникативную нагрузку. Подвижность границ приватности и публичности зависит от разных факторов: пола, возраста, социального статуса, взаимоотношений коммуникантов, личных особенностей собеседников, национальной принадлежности, коммуникативной ситуации и культурных норм.

Рассмотрим ряд примеров, иллюстрирующих вербальное и невербальное выражение коммуникативной дистанции в приватном общении. Анализ примеров позволяет сделать выводы о ее изменении в ходе коммуникативного процесса.

Одним из основных показателей приватного общения выступает форма обращения. Л. Л. Федорова отмечает, что любое изменение формы обращения от нейтрального указывает на изменение коммуникативной дистанции между собеседниками [11. С. 36].

Мать держит в одной руке тетрадь, второй обнимает своего восьмилетнего сына. Сын радостно улыбается в ответ.

— *Лёшенька, солнышко, какой ты молодец! Как красиво написал! Как в прописи, буква в букву! Горжусь тобой! И так тебя люблю!* [7]

Высказывание содержит уменьшительно-ласкательное обращение по имени (*Лёшенька*) и уменьшительно-ласкательные формы слов (*солнышко, буква*) для передачи таких чувств, как восхищение, любовь и гордость. Описание чувств является характерной чертой приватного общения, имеющего личностную направленность. Для выражения похвалы используются лексический повтор и сравнение с образцом — идеальной каллиграфией (*как в прописи*), что позволяет преувеличить достижение ребенка. Большую роль играет синтаксическая структура в организации высказывания: простые односоставные и двусоставные предложения, восклицательные конструкции. Психологическая дистанция в данной ситуации минимальна, мать восхищается способностями сына. Социальная дистанция обозначается социальными ролями «мать» — «сын», мать оценивает работу, что ставит ее выше в вертикальном отношении.

Невербальным показателем коммуникативной дистанции выступает тактильный контакт, объятие, физическая дистанция между собеседни-

ками равна нулю. Коммуникативная дистанция, как область пересечения трех видов дистанции, в данной ситуации минимальная, разговор проходит в доброжелательной атмосфере, участников переполняют чувства любви и радости.

О величине коммуникативной дистанции мы можем судить не только по форме обращения, но и междометиям, которые сразу же устанавливают рамки коммуникативной ситуации. Проанализируем эпизод из фильма «Судья»: братья, сидящие за барной стойкой, слышат от незнакомца одно из самых распространенных обращений в английском языке:

— *Hey, guys, do I know you?* [15]

Одна фраза позволяет судить о типе коммуникативной ситуации: междометие '*hey*' свидетельствует о неофициальном общении и служит в данном случае средством привлечения внимания. Обращение '*guys*' также характерно для разговорной речи и иллюстрирует намерение незнакомца осуществлять коммуникацию в условиях приватного общения.

Следующим показателем короткой коммуникативной дистанции является использование прозвищ. Рассмотрим разговор трех школьников 11-12 лет в автобусе:

— *Оскар, садись к окну! А я рядом!* [*занимают места*]

— *Дэка, ты постой две остановки, потом поменяемся!* [7]

Прозвища известны только узкому кругу друзей, в котором дети называют себя именами персонажей из комиксов. Они сами задают рамки своего общения, создают условия только им известной игры, воображаемого перевоплощения в героев любимых комиксов.

П. Вацлавик считает, что любая коммуникация имеет два уровня: уровень содержания и уровень отношения. Уровень содержания представлен информацией, транслируемой в предложении, а уровень отношений указывает на то, как эту информацию следует воспринимать [1]. Уровень отношений в межличностных отношениях во многих случаях оказывается важнее содержания сообщения. Однако, чем более спонтанными являются отношения, тем менее значимым становится уровень отношений [9. С. 342].

В личностно-ориентированном общении большую роль играет ситуативность, предполагающая «учет прошлых ситуаций общения» [12. С. 371]. Рассмотрим несколько примеров из семейной коммуникации, иллюстрирующих высокий уровень

взаимопонимания между говорящими и опоры на предыдущий коммуникативный опыт, определенные ситуации, позволяющие понимать друг друга с полуслова.

Разговор происходит между родителями и сыном 13 лет. Мать в ванной комнате стирает, отец стоит в коридоре возле открытой двери в ванную, сын подходит и спрашивает:

— *Мам, где салфетки?*

— *На кухне.*

— *Эти? [Приносит и показывает салфетки]*

— *Нет, не эти. [Обращаясь к мужу, она просит] Зай, дай ему салфетки.*

— *Вон те?*

— *Да-да, те.*

Меньше чем через минуту, сын идет с салфетками в руках и опять спрашивает:

— *Мам, эти?*

— *Да, сынок [7].*

Задавая вопрос «Вон те?», муж не видит салфетки, он в этот момент стоит возле ванной комнаты. Однако, он знает, где лежат салфетки, о которых идет речь. Еще более интересным представляется ответ жены: она уверена, что муж догадался, какие именно салфетки нужно достать ребенку. Естественно, если бы на месте мужа был какой-то другой человек, он бы нуждался в четких указаниях, как найти салфетки. В рассматриваемом примере члены семьи опираются на совместный опыт и предшествующие ситуации.

Смысловое содержание данного диалога и реплики характеризуются сжатостью. В речи наблюдаются многочисленные и разнообразные опущения.

Даже в случае, если один из вопросов в приватном общении вызывает непонимание, достаточно пары слов, чтобы ситуацию прояснить. Проанализируем следующий диалог между матерью и дочерью-подростком в автобусе.

Дочь: Что будем делать?

Мать: В смысле?

Дочь: С ногтями.

Мать: Ааа, надо записаться [7].

Мать не поняла первый вопрос, поскольку его можно отнести к самым разнообразным общим занятиям и планам. Минимально сжатый ответ «с ногтями» моментально вносит ясность, однако только участники разговора знают, кто из них будет записываться (мать или дочь) и куда они будут записываться: на обработку ногтей, снятие или нанесение нового покрытия, или речь идет о записи к врачу и проблемах с ногтями.

Показательным примером минимальной коммуникативной дистанции и взаимопонимания с полуслова и взгляда иллюстрирует следующая ситуация.

Сын приходит домой из школы.

— *Ну? [спросила мать]*

— *Супер! [просиял сын] [7]*

Сын сразу понимает вопрос матери о трудной контрольной и дает долгожданный и радостный ответ. Диалог состоит из двух реплик, каждая из которых включает только одно слово, однако этого достаточно для того, чтобы узнать результат контрольной и поделиться чувством радости. Собеседники опираются на предшествующие опыт общения и важность события.

Использование сжатых реплик характерно не только для семейной коммуникации, но и для партнерских отношений. Рассмотрим пример из художественного текста, иллюстрирующий высокую степень взаимопонимания между партнерами.

He went upstairs and walked along the corridor to her room. He knocked at her door and called loudly, 'Julia?'

'It's open. Come in.'

He stood in the doorway, and, they stared silently at each other. And then Tyler carefully closed the door, held out his hands, and broke into a slow grin.

When he spoke, he said, 'We did it, Margo! We did it!' [14. С. 177].

В данной коммуникативной ситуации участники находятся в непосредственном контакте: они разговаривают в комнате наедине. Дело, о котором идет речь, им обоим хорошо известно. Взгляд и мимика помогают дополнять лексическое выражение. Мы видим нейтральное неофициальное обращение, *Margo*, указывающее на приватное общение. Повтор одной и той же фразы подчеркивает значимость дела, которое они смогли осуществить: им удалось обмануть членов семьи погибшего Стэнфорда, доказать, что Марго — его внебрачная дочь Джулия, которая теперь является полноправной наследницей огромного состояния.

Учет предыдущего опыта характерен и для официальных ситуаций, участники которых могут иметь разный социальный статус. В качестве примера приведем телефонный разговор между судьей и человеком, выполнившим его поручение, и позвонившим, чтобы доложить о выполнении:

I did it. It was easy [14. С. 200].

Местоимение *it* обозначает только им известное поручение. В разговоре не используется обращение для сохранения секретности дела.

Рассмотрим переход коммуникативной дистанции из одной зоны в другую на примере из фильма «Как украсть миллион». Николь Боннэ, дочь известного художника, который подделывает картины великих мастеров, и Саймон Дермот, эксперт в области искусства, находятся в тесном подсобном помещении музея, куда они спрятались, чтобы выждать время и похитить статуэтку. Они вынуждены стоять очень близко друг к другу, и это вызывает у Николь дискомфорт. Она не заявляет об этом прямо, а выражает свои эмоции косвенно.

Simon: Comfy?

*Nicole: I hadn't counted on there being... **quite so much** togetherness.*

Simon: Well. It's the height of the tourist season. Everything was booked up. This is the best I could do.

[Стук]

Simon: Shh.

Nicole: He locked the door. He's locked us in.

Simon: It's challenging, I admit, but doesn't that make it more interesting?

Nicole: I'm going to faint.

Simon: Don't. There's no room.

Nicole: Oh, I'm so scared. My heart's thumping. I just feel terrible.

Simon: Well, I'd send for a doctor, but I honestly don't think he'd fit in the closet [13].

В этой части диалога мы видим ироническое отношение Саймона к ситуации, он пытается использовать иронию как форму комического, чтобы разрядить атмосферу: на замечание о тесноте, он отвечает, что нашел самое лучшее место в разгар туристического сезона; на слова о том, что их заперли, он парирует, что это делает ситуацию еще более интересной; на сообщение о том, что она потеряет сознание, он говорит, что лучше этого не делать, т. к. там нет места; на жалобу о плохом самочувствии отвечает, что доктор не поместится в тесном подсобном помещении. Все его ответы нацелены на то, чтобы рассеять чувство неудобства, вызванное теснотой и чувство страха быть обнаруженными охраной музея.

Nicole: I'm so scared for you too. I had no right to involve you in this and if you want to call it off-

Simon: Well, that's a kind thought and I appreciate it, but then, um, what about Professor Bauer? What happens tomorrow when he turns up to test your million-dollar baby? It's a fake, isn't it? No long, involved stories at this time of night. Just nod your head yes or no. (она кивает) Who carved it?

Nicole: My grandfather.

Simon: Who posed for it?

Nicole: My grandmother.

Simon: Aha.

Nicole: You were the first ever to notice the resemblance.

Simon: Well, I'm very sensitive and perceptive.

Nicole: How long have you known about her and me?

Simon: Since you first ask me to steal it.

Nicole: But then if you knew the thing was worthless why did- [он целует ее вместо вербального ответа]

Nicole: That's why? I'm so stupid. Explain it to me again. [он ее еще раз целует и крепко обнимает].

[Сидя у него на коленях, она говорит]

*Nicole: **It's funny how... roomy it's suddenly become in here.***

Simon: We're adjusting to our environment.

Nicole: Mmm [13].

Во второй части диалога Саймон очень вежливо отвечает, что ценит ее заботу о нем, а потом говорит о том, что знает, почему она хочет украсть статуэтку. Он просит ее признаться в правдивости своих догадок, и Николь признается. После признания барьер, который создавала тайна, разрушается. Вопросы Саймона становятся прямыми и краткими, ответы Николь выражены односоставными предложениями. Кроме того, они используют в речи 'Aha', 'Mmm', свидетельствующие о сокращении дистанции между собеседниками, внимании и понимании. Чем больше они доверяют друг другу, тем меньше становится дистанция между ними. Поцелуй сокращает коммуникативную дистанцию до минимума, собеседники выражают свою искреннюю симпатию и чувство влюбленности. Кульминацией становится реплика Николь о том, что внезапно стало просторно. В этот момент она уже сидит на коленях у Саймона, положив одну руку на его плечо. Второй рукой она взмахивает, очерчивая полукруг, символизирующий простор, свободное пространство, которое на самом деле, не изменилось. Они по-прежнему находятся в темном подсобном помещении, однако близкая физическая дистанция перестает ее беспокоить. Кроме того, исчезает и психологическая дистанция: Николь открывает ему свою тайну о подделке и свои романтические чувства, которые оказываются взаимными.

Об изменении коммуникативной ситуации между собеседниками свидетельствуют не только вербальные, но и невербальные средства. Основными невербальными показателями изменения коммуникативной дистанции в частном

общении являются акустические (пауза, вздох, громкость голоса), кинесические (мимика, взгляд, контакт глазами) и такесические (прикосновение, объятие, поцелуй).

Анализ коммуникативной дистанции в приватном общении представляет собой сложный процесс, позволяющий делать выводы об особенностях коммуникативного поведения и межличностных отношениях. Как показывают результаты исследования, вектор коммуникативной дистанции в приватном общении направлен

в сторону уменьшения в ситуациях похвалы, обсуждения бытовых потребностей, планов и проявления положительных чувств: радости, гордости, симпатии и любви. К вербальным средствам обозначения коммуникативной дистанции следует отнести использование междометий и обращений, уменьшительно-ласкательных слов, сокращений и опущений. Важно подчеркнуть, чем меньше величина коммуникативной дистанции, тем меньше используется языковых средств при осуществлении коммуникативного процесса.

Список литературы

1. Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Психология межличностных коммуникаций. СПб., 2000. 320 с.
2. Добрикова К. А. Коммуникация и культура. Речевой акт // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы: сб. материалов III конф. PMMIS (Post massmedia in the modern informational society) (28—29 марта 2019 г., Челябинск); под общ. ред. М. В. Загидуллиной. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2019. С. 96—99.
3. Ефанова Л. Г. Коммуникативная дистанция как норма речевого взаимодействия (на примере использования некоторых русских местоимений) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2 (14). С. 5—11.
4. Леонтович О. А. Россия и США: введение в межкультурную коммуникацию: учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 2003. 398 с.
5. Калмыкова О. И. Психологическая дистанция как показатель успешности педагогического взаимодействия в системе «учитель — подросток»: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ставрополь, 2001. 18 с.
6. Карасик В. И. Язык социального статуса. М.: Ин-т языкознания РАН: Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. 330 с.
7. КЗУР — картотека записей устной речи.
8. Котова И. Б. Общение приватное // Психология общения. Энциклопедический словарь; под общ. ред. А. А. Бодалева. М., 2011. URL: <https://vocabulary.ru/termin/obschenie-privatnoe.html> (дата обращения 21.07.2021).
9. Основы теории коммуникации: учеб. / под ред. проф. М. А. Васирика. М.: Гардарики, 2003. 615 с.
10. Питина А. С. Особенности реализации и восприятия социального статуса человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 6 (428). Филологические науки. Вып. 117. С. 136—140.
11. Фёдорова Л. Л. Механизмы изменения дистанции в речевом взаимодействии // Московский лингвистический журнал. 2003. Т. 7. № 2. С. 21—40.
12. Hall E. The Silent Language. Garden City, New York: Doubleday, 1959. 240 p.
13. How to Steal a Million [film] / directed by William Wyler. 1966.
14. Sheldon S. Morning, Noon and Night / S. Sheldon. New York, 1995. 368 p.
15. The Judge [film] / directed by David Dobkin. 2014.

Сведения об авторе

Дубровченко Елена Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики английской речи Минского государственного лингвистического университета, Минск, Беларусь. dubrovchenko@tut.by

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 69—75.

THE TRANSFORMATION OF COMMUNICATIVE DISTANCE IN PRIVATE COMMUNICATION

E. M. Dubrovchenko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus. dubrovchenko@tut.by

The article deals with the concept of communicative distance and its transformation in private communication. Communicative distance is considered as the area of intersection of physical, psychological and social space. There are two spheres at the extreme points of the communicative distance: the sphere of privacy and the sphere of publicity which form a binary opposition. The boundaries of these spheres are dynamic. The mobility of the boundaries of privacy and publicity depends on various factors: gender, age, social status, relationships of communicants, personal characteristics of the interlocutors, nationality, communication situation and cultural norms. The transformation of the communicative distance between interlocutors is observed to decrease, subject to a high degree of trust and mutual understanding. The size of the communicative distance and its change are reflected in the language expression. The main verbal and nonverbal means which denote the communicative distance and its change are analyzed in the article.

Keywords: *communicative distance, private communication, privacy, publicity, physical (geometric) space, social space, social status, psychological distance.*

References

1. Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. (2000) *Pragmatics of Human Communication*. St. Petersburg. 320 p. [in Russ.].
2. Dobrikova K. A. (2019) *Kommunikacija i kul'tura. Rechevoj akt [Communication and Culture. Speech Act]. Zhurnalistskij tekst v novoj tekhnologicheskoj srede: dostizhenija i problemy [Journalistic Text in a New Technological Environment: Achievements and Challenges]*. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyab. gos. un-ta. Pp. 96—99 [in Russ.].
3. Efanova L. G. (2011) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (14), pp. 5—11 [in Russ.].
4. Leontovich O. A. (2003) *Rossija i SSHA: vvedenie v mezhkulturnuju kommunikatsiju [Russia and the USA: Introduction to Intercultural Communication: Study manual]*. Volgograd, Peremena. 398 p. [in Russ.].
5. Kalmykova O. I. (2001) *Psikhologicheskaja distantsija kak pokazatel uspešnosti pedagogičeskogo vzaimodejstvija v sisteme «učitel — podrostok» [Psychological distance as the indicator of the success of the pedagogical interaction in the “teacher — teenager” system. Abstract of thesis]*. Stavropol. 18 p. [in Russ.].
6. Karasik V. I. (1992) *Jazyk sotsialnogo statusa [The language of a social status]*. Moscow, In-t jazykoznanija RAN: Volgogr. gos. ped. in-t. 330 p. [in Russ.].
7. KZUR — kartoteka zapisei ustnoi reči [Card file of oral speech records].
8. Kotova I. B. (2011) *Obščenie privatnoe [Private Communication]. Psikhologija obščeniija. Entsiklopedičeskii slovar [The Psychology of Communication. Encyclopedic dictionary]*. Available at: <https://vocabulary.ru/termin/obščenie-privatnoe.html> (accessed 12.12.2020) [in Russ.].
9. Pitina A. S. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 6 (428). *Filologičeskie nauki*, issue 117, pp. 136—140. [in Russ.].
10. Vasilik M. A. (ed.) (2003) *Osnovy teorii kommunikatsii [The Fundamentals of Communication Theory]*. Moscow, Gardariki. 615 p. [in Russ.].
11. Fedorova L. L. (2003) *Moskovskij lingvističeskij žurnal*, vol. 7, no. 2, pp. 21—40 [in Russ.].
12. Hall E. (1959) *The Silent Language*. Garden City, New York, Doubleday. 240 p.
13. (1966) *How to Steal a Million [film]* / directed by William Wyler.
14. Sheldon S. (1995) *Morning, Noon and Night*. New York. 368 p.
15. (2014) *The Judge [film]* / directed by David Dobkin.

ПЕРЦЕПТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ ГЛАСНЫХ В СОЧЕТАНИИ С МЯГКИМИ СОГЛАСНЫМИ В СОПОСТАВЛЕНИИ С КИТАЙСКИМИ ЗВУКАМИ

Цзян Ино

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Статья посвящена сопоставлению перцептивных характеристик русских гласных [a], [e] в позиции после мягких согласных и китайских дифтонгов [ia], [ie]. Было исследовано восприятие указанных звуков носителями русского и китайского языков, что позволило сделать вывод об их сходстве и различии с точки зрения перцептивной фонетики. В ходе исследования использованы экспериментальный и аналитический методы, а также метод перцептивного эксперимента, в котором участвовали носители русского и китайского языков. На основании проведенного анализа можно заключить, что в восприятии носителей русского и китайского языков не наблюдается разницы между китайским дифтонгом [ia] и русским [a] после мягких согласных, а китайский дифтонг [ie] и русский гласный [e] в позиции после мягких согласных воспринимаются как очень сходные звуки, в восприятии китайцев их даже можно считать эквивалентами.

Ключевые слова: русский язык, китайский язык, фонетика, дифтонгоид, дифтонг.

Введение

Русские и китайские гласные всегда привлекали и продолжают привлекать к себе внимание исследователей. Однако, несмотря на давний и стойкий интерес лингвистов к сопоставительному исследованию фонетики китайского и русского языков, сопоставительное исследование русских гласных в позиции после мягких согласных и китайских дифтонгов [ia], [ie] в перцептивном плане отсутствует. В данной работе впервые выявлены сходства и различия перцептивных характеристик указанных звуков в восприятии русских и китайцев и даны рекомендации по преподаванию русской звучащей речи в аудитории носителей китайского языка.

В реализации русских гласных (кроме [и]) в соседстве с мягкими согласными наряду с целевой артикуляцией имеется *и*-образный переходный участок, например, [ʰaʷ] в слове *пять* [1; 4; 5], а на спектрограмме китайских дифтонгов и полифтонгов можно отметить явные переходные участки формант между начальным и завершающим участками [6; 10; 12].

Таким образом, есть основания сформулировать гипотезу о том, что между русскими гласными [a], [e] после мягких согласных и китайскими дифтонгами [ia], [ie] существует и перцептивное сходство. Для верификации этой гипотезы был проведен перцептивный эксперимент.

Цели эксперимента

Цели эксперимента заключались в том, чтобы:

- 1) исследовать восприятие носителями китайского языка русских гласных [a], [e] в позиции после мягких согласных;
- 2) исследовать восприятие носителями русского языка китайских дифтонгов [ia], [ie];
- 3) сопоставить восприятие указанных звуков носителями русского и китайского языков.

Материал эксперимента

Основой материала эксперимента были изолированно произнесенные открытые слоги, записанные от носителей китайского и русского языков. В материале для эксперимента один слог являлся одной синтагмой.

Предшествующим контекстом для русских гласных [a], [e] и китайских дифтонгов [ia], [ie] в прикрытом слоге исходно являлись похожие с точки зрения артикуляции согласные [ɾʰ] и [tɕ], [tʃʰ] и [tɕʰ], [ʃʰ] и [ɕ], зато между этими тремя парами звуков есть различия. В китайском языке [tɕ], [tɕʰ] — глухие альвеоло-палатальные аффрикаты, [ɕ] — глухой альвеоло-палатальный фрикативный согласный [8; 9; 10]. Русский [ɾʰ] — мягкий переднеязычный зубной взрывной согласный, [tʃʰ] — мягкая переднеязычная переднеязычная аффриката, [ʃʰ] — мягкий переднеязычный переднеязычный фрикативный [4; 11]. Разумеется, эти звуки различаются и перцептивно.

В предварительном эксперименте китайским слушателям не удалось записать русские слоги с [т'], [ч'], [ш'] на китайском языке. Кроме того, они не смогли оценить степень сходства гласных частей в паре слогов, содержащих 1) китайские [tɛ]/[tɛ^h]/[ɛ] и [ia]/[iɛ]; 2) русские [т']/[ч']/[ш'] и [a]/[ɛ]. Причина была в том, что для аудиторов оказалось невозможным сравнивать гласные звуки, не обращая внимания на согласные. Подобные случаи были отмечены и у русских информантов [3. С. 17].

В китайском литературном языке фонемы /j/, /q/, /x/ реализуются палатальными звуками [tɛ], [tɛ^h], [ɛ] в слоге только перед гласными верхнего подъема [i] или [y], в том числе перед дифтонгами [ia], [iɛ] [8. С. 95], так что фонетически звуки [tɛ], [tɛ^h], [ɛ] реализуются как мягкие согласные. Влияние всех мягких согласных на гласные является одинаковым [5. С. 160], поэтому наличие не полностью идентичных согласных в экспериментальных слогах не могло влиять на суждения участников эксперимента относительно качества гласных.

Поскольку целью эксперимента являлось исследование перцептивных характеристик гласных русского и китайского языков, чтобы полностью устранить влияние согласных, для китайских информантов русские [т'], [ч'], [ш'] были заменены на китайские [tɛ], [tɛ^h] и [ɛ]; а для русских слушателей китайские [tɛ], [tɛ^h], [ɛ] были заменены на русские [т'], [ч'], [ш'].

Таким образом, итоговый материал эксперимента выглядел так:

1) для китайских информантов — 10 слогов литературного языка и шесть искусственно созданных слогов, состоящих из китайского согласного и русского гласного:

слоги с китайским [ia] и русским [a] после мягких согласных: [ia], [teia], [tɛ^hia], [ɛia]; [ja], *[tea], *[tɛ^ha], *[ɛa];

слоги с китайским [iɛ] и русским [ɛ] после мягких согласных: [iɛ], [teie], [tɛ^hiɛ], [ɛiɛ]; [je], *[tɛe], *[tɛ^he], *[ɛe];

2) для русских — 10 слогов литературного языка и шесть «искусственных» слогов, содержащие русский согласный и китайский дифтонг:

слоги с китайским [ia] и русским [a] после мягких согласных: [ia], *[t'ia], *[ч'ia], *[ш'ia]; [ja], [t'a], [ч'a], [ш'a];

слоги с китайским [iɛ] и русским [ɛ] после мягких согласных: [iɛ], *[t'iɛ], *[ч'iɛ], *[ш'iɛ]; [je], [t'e], [ч'e], [ш'e].

Информанты

В эксперименте участвовали 48 информантов от 19 до 55 лет, из них 24 русских (10 мужчин и 14 женщин) и 24 китайца (10 мужчин и 14 женщин), являющихся носителями русского/китайского языка, имеющих образование не ниже среднего, владеющих нормами литературного произношения и не имеющих знаний о китайском/русском языке соответственно.

Среди русских слушателей информант № 10 является фонетистом, среди китайских информантов лингвистов нет.

Описание эксперимента и метод подсчета результатов

Эксперимент был разделен на две части в форме двух тестов.

Первый тест был проведен в форме диктанта. Слоги были перемешаны в случайном порядке. Информантам было предложено прослушать файл и записать услышанные звуки. Звуковой файл можно было прослушать только один раз.

Ответы русских и китайских слушателей были подсчитаны и проанализированы отдельно: автором статьи они были оценены как «правильные» и «неправильные». Критерий правильности или неправильности ответов испытуемых заключался в том, что, услышав слог, информант записывал его гласную часть соответствующим звуком на родном языке, например, если русский [ia] был записан китайцем как китайский дифтонг [ia], то этот ответ считался «правильным». В случае, когда информант записал гласную часть слога иностранного языка другим звуком или ему не удалось записать, то ответ считался «неправильным».

В дальнейшем был вычислен процент числа «правильных» ответов и остальных вариантов в каждой группе — китайской и русской. Из всех возможных значений (0—100 %) была рассчитана пятизначная сводка, в которой минимальный процент $x_{\min} = 0\%$, первый квартиль процентов $Q1 = 25\%$, медиана процентов $m_{0.5} = 50\%$, третий квартиль процентов $Q3 = 75\%$, максимальный процент $x_{\max} = 100\%$ [7. С. 277]. Если количество «правильных» ответов было не менее 75 %, считалось, что гласные звуки китайского и русского языков сходны, и их можно рассматривать как одинаковые звукотипы.

Если «правильных» ответов было менее 75 %, считалось, что между гласными частями двух языков есть различия и их нельзя считать одинаковыми звукотипами. В этом случае был проведен

дополнительный анализ для того, чтобы выяснить, на какой фрагмент иностранного языка исследуемая вокалическая часть более похожа в восприятии.

Для второго теста слоги были разделены на пары по сходным гласным частям двух языков: [ia] и [ia], [iɛ] и [iɛ].

Если в паре содержались прикрытые слоги, то один представлял собой слог литературного языка, другой — искусственно созданный слог, чтобы у них была одинаковая согласная часть. Для неприкрытых китайских слогов [ia]/[iɛ] парой являлись русские прикрытые слоги [ja]/[je] [2; 12].

Порядок всех пар и порядок слогов в одной паре был случайным. На основе данных пар были созданы два звуковых файла — один содержал материал эксперимента для китайцев, другой — для русских.

При проведении теста информантам было предложено прослушать файл один раз и оценить степень сходства всех пар слогов по шкале от «нуля» до «пять», где «ноль» — значит «абсолютная разная пара», «пять» — «одинаковая пара».

Для того, чтобы участники эксперимента имели представление о шкале оценки данного теста, перед тестом им были продемонстрированы четыре пары слогов, не являющиеся материалом эксперимента. В этих парах первые две пары — абсолютные одинаковые слоги на одном литературном языке, произнесенные разными дикторами, например, слоги [ja], записанные от русских № 1 и № 2. Эти пары были заранее отмечены «пять». А последние две пары — абсолютные разные слоги на двух литературных языках, например, слоги русского языка [ja] и китайского языка [iɛ]. Такие пары были заранее отмечены «ноль». После краткого обучения слушатели выполняли тест. В конечном итоге все участники справились с заданием.

Результаты русских и китайских слушателей были подсчитаны и проанализированы отдельно. В каждой группе оценки по схожести были представлены в таблицах, были вычислены среднее арифметическое значение, медиана и мода оценок.

Если все три значения были не менее «четыре», то можно считать, что эти гласные достаточно сходны и их можно рассматривать как одинаковые звукотипы в восприятии носителей двух языков.

Если все три значения были менее «четыре», то между гласными есть различия и перцептивно их нельзя считать одинаковыми звукотипами.

В случае, когда три значения оказались противоречивыми, например, среднее арифметическое меньше «четыре», а медиана и мода — больше, то

был проведен более подробный анализ сходства или различия гласных частей в слогах двух языков.

После просмотра результатов выяснилось, что ответы русского информанта-фонетиста не выделялись среди ответов других участников, поэтому его результаты были проанализированы наравне с остальными.

Результаты эксперимента и анализ

1. Группа звуков с китайским [ia] и русским [a] после мягких согласных

1.1. Первый тест

В настоящей группе «правильным» ответом считался случай, когда русский гласный был записан китайцами как китайский [ia], а китайский дифтонг был записан русскими как русский [a] после мягких согласных.

1) результаты китайских информантов.

Было подсчитано количество «правильных» ответов и остальных вариантов ответов у китайцев и представлено в таблице 1 (полужирным шрифтом обозначен «правильный» ответ).

Таблица 1

Ответы на тест № 1 в группе звуков с китайским [ia] и русским [a] в позиции после мягких согласных звуков, данные китайцами.

Варианты информантов	Количество (процент)
[ia]	60 (62,5 %)
[iɛn]	16 (17 %)
[ian]	15 (16 %)
остальные варианты	5 (5 %)

В таблице 1 показано, что количество «правильных» ответов составляло лишь немногим более половины, так что в восприятии китайских информантов китайский дифтонг [ia] и русский [a] в позиции после мягких согласных — не очень сходные звуки. Далее были отдельно проанализированы результаты китайцев в каждом слоге.

1. Процент «правильных» ответов в искусственных слогах *[tea] и *[te^ha] довольно высок — 87,5 %, поэтому можно считать, что в восприятии китайцев у исследуемого русского звука в этих двух слогах есть китайский эквивалент — дифтонг [ia].

2. 13 из 24 китайцев записали русский [a] в искусственном слоге *[ea] как китайский [ia]. Из остальных слушателей 10 записали русский [a] как китайский [ian] — звук, состоящий из гласной и носовой частей. Так что в восприятии китайцев исследуемый русский звук в слоге *[ea] уже не имеет эквивалента китайского языка.

3. Из всех китайских участников только пятеро записали русский [a] в слоге русского литературного языка [ja] как китайский [ia]. Остальные 19 слушателей считали, что в конце слога есть носовая часть, и в ответ они записали варианты [iɛn], [iaŋ] и [æŋ]. Поэтому в данном случае также нельзя сделать вывод о том, что у русского гласного [a] есть китайский эквивалент в слоге [ja].

Таким образом, в восприятии китайцев русский [a] после мягких согласных не всегда имеет китайский эквивалент [ia] и воспринимается китайцами по-разному в зависимости от конкретных слогов;

2) результаты русских информантов.

Количество «правильных» ответов и остальных вариантов ответов, полученных от русских информантов, представлено в таблице 2 (полужирным шрифтом обозначен «правильный» ответ).

Таблица 2

Ответы на тест № 1 в группе звуков с китайским [ia] и русским [a] в позиции после мягких согласных звуков, данные русскими.

Варианты информантов	Количество (процент)
[a] после мягких согласных	88 (92 %)
Остальные варианты	8 (8 %)

Из таблицы 2 видно, что, в отличие от китайских информантов, почти все ответы русских в ходе теста № 1 явились «правильными». Таким образом, можно с уверенностью считать китайский дифтонг [ia] и русский [a] после мягких согласных одинаковыми звуками в восприятии носителей русского языка.

1.2. Второй тест

В ходе второго теста были подсчитаны оценки информантов по сходству китайского дифтонга [ia] и русского [a] после мягких согласных.

1) результаты китайских информантов.

Оценки китайских слушателей представлены в таблице 3.

Таблица 3

Оценки китайских информантов по сходству китайского звука [ia] и русского [a] после мягких согласных

Оценки информантов	Количество
0	6
1	6
2	3
3	2
4	14
5	65

2) результаты русских информантов.

Оценки сопоставительного восприятия по сходству китайского [ia] и русского [a] после мягких согласных русских информантов представлены в таблице 4.

Таблица 4

Оценки русских информантов по сходству китайского звука [ia] и русского [a] после мягких согласных

Оценки информантов	Количество
0	0
1	0
2	1
3	7
4	29
5	59

Было вычислено среднее арифметическое — 4,5, медиана — пять, мода — пять. Как и оценки китайских информантов, все три значения более «4», так что можно считать, что по оценкам сопоставительного восприятия русских китайский дифтонг [ia] и русский [a] после мягких согласных — одинаковые звуки.

1.3. Выводы

По итогам результатов вышеописанных двух тестов могут быть сформулированы следующие выводы.

1. Китайский дифтонг [ia] и русский [a] после мягких согласных воспринимаются носителями китайского и русского языков по-разному. В восприятии китайцев русский гласный после мягких согласных не всегда соответствует китайскому [ia], а в восприятии русских у китайского дифтонга есть русский эквивалент — это гласный [a] после мягких согласных.

2. В сопоставительном восприятии носителей двух языков китайский дифтонг [ia] и русский [a] после мягких согласных — одинаковые звуки.

3. Так как в восприятии русских между китайским дифтонгом [ia] и русским [a] нет разницы и носители русского и китайского языков считали их одинаковыми звуками, то китайский акцент в этом фрагменте фонетической системы является незначительным в общении китайцев с русскими, и при обучении русскому языку как иностранному в данной ситуации корректирование китайского акцента имеет второстепенное значение.

2. Группа звуков с китайским [iɛ] и русским [e] после мягких согласных

2.1. Первый тест

В настоящей группе «правильным» ответом считался случай, когда русский гласный был

записан китайцами как китайский [iɛ], а китайский дифтонг был записан русскими как русский [e] после мягких согласных.

1) результаты китайских информантов.

Ответы китайцев на тест № 1 были подсчитаны и представлены в таблице 5 (полужирным шрифтом обозначен «правильный» ответ).

Таблица 5

Ответы на тест №1 в группе звуков с китайским [iɛ] и русским [e] в позиции после мягких согласных звуков, данные китайцами

Варианты информантов	Количество (процент)
[iɛ]	88 (92 %)
Остальные варианты	8 (8 %)

Можно увидеть, что почти все ответы явились «правильным». В связи с этим следует с полной уверенностью рассматривать китайский дифтонг [iɛ] и русский [e] после мягких согласных как одинаковые звуки в восприятии носителей китайского языка.

2) результаты русских информантов.

Количество «правильных» ответов и остальных вариантов ответов, данных русскими, представлено в таблице 6 (полужирным шрифтом обозначен «правильный» ответ).

Таблица 6

Ответы на тест №1 в группе звуков с китайским [iɛ] и русским [e] в позиции после мягких согласных звуков, данные русскими

Варианты информантов	Количество (Процент)
[e] после мягких согласных	69 (72 %)
Остальные варианты	27 (28 %)

Несмотря на то, что количество «правильных» ответов у русских информантов (69) меньше на 19 количества «правильных» ответов у китайцев (88), процент все же достаточно высок — 72 %. Таким образом, в восприятии русских китайский дифтонг [iɛ] и русский [e] после мягких согласных — достаточно похожие звуки.

2.2. Второй тест

Были подсчитаны оценки информантов по сходству китайского дифтонга [iɛ] и русского [e] после мягких согласных.

1) результаты китайских информантов.

Оценки китайцев представлены в таблице 7.

На основе оценок было вычислено среднее арифметическое — 4,8, медиана — пять, мода — пять. В связи с этим можно считать, что в сопоставительном восприятии китайцев китайский

[iɛ] и русский [e] после мягких согласных — одинаковые звуки.

Таблица 7

Оценки китайских информантов по сходству китайского звука [iɛ] и русского [e] после мягких согласных

Оценки информантов	Количество
0	1
1	1
2	1
3	0
4	6
5	87

2) результаты русских информантов.

В таблице 8 приведены оценки сопоставительного восприятия по сходству китайского [iɛ] и русского [e] после мягких согласных русскими информантами.

Таблица 8

Оценки русских информантов по сходству китайского звука [iɛ] и русского [e] после мягких согласных

Оценки информантов	Количество
0	0
1	1
2	7
3	14
4	47
5	27

Среднее арифметическое, медиана и мода оценок составляли четыре. Таким образом, в сопоставительном восприятии русских китайский дифтонг [iɛ] и русский гласный [e] после мягких согласных можно рассматривать как одинаковые звуки.

2.3. Выводы

На основе анализа результатов двух перцептивных тестов можно сформулировать следующие выводы.

1. Носителями китайского и русского языков китайский дифтонг [iɛ] и русский гласный [e] в позиции после мягких согласных воспринимаются как очень похожие звуки, в восприятии китайцев их можно считать эквивалентами.

2. Вследствие того, что русские одинаково воспринимают китайский дифтонг [iɛ] и русский гласный [e] в позиции после мягких, китайский акцент при произношении русского звука [e] является незначительным. Соответственно, в преподавании русского языка как иностранного при

постановке произношения русского [e] после мягких согласных звуков можно объяснить китайским учащимся, что русский гласный [e] в данной позиции произносится как китайский [iɛ].

Заключение

В настоящей работе описаны результаты сопоставительного исследования перцептивных характеристик русских гласных [a], [e] в позиции после мягких согласных и китайских дифтонгов [ia], [iɛ].

Полученные в его ходе результаты позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Китайский дифтонг [ia] и русский [a] после мягких согласных с точки зрения восприятия их носителями русского и китайского языков являются идентичными звукотипами. Незначительные отличия по их перцептивным характеристикам не мешают общению между китайцами и русскими.

2. Между китайским дифтонгом [iɛ] и русским гласным [e] после мягких согласных нет принципиальной разницы по перцептивным характеристикам, поэтому в преподавании русского языка как иностранного можно сообщить китайским учащимся, что русский [e] после мягких согласных произносится как китайский [iɛ].

Список литературы

1. Бондарко Л. В. Звуковой строй современного русского языка. М.: Просвещение, 1977. 175 с.
2. Деркач М. Ф., Гумецкий Р. Я., Гура Б. М., Чабан М. Е. Динамические спектры речевых сигналов. Львов: Вища школа, 1983. 168 с.
3. Касаткин Л. Л. Современный русский литературный язык. Фонетика: учеб. пособие. М.: Академия, 2006. 252 с.
4. Князев С. В., Пожарицкая С. К. Современный русский литературный язык. Фонетика: учеб. М.: Юрайт, 2017. 380 с.
5. Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф. Общая фонетика. М.: Рос. гос. гуман. ун-т, 2001. 592 с.
6. Bao H., Lin M. Experimental phonetics. Beijing: Higher Education Press, 2019. 347 p.
7. Gao H. Applied statistical multivariate analysis. Beijing: Peking University Press, 2004. 419 p.
8. Huang B., Liao X. Modern Chinese. Beijing: Higher Education Press, 2002. 337 p.
9. Hu Y. Modern Chinese. Shanghai: Shanghai Education Press, 2010. 561 p.
10. Lin T., Wang L. Phonetics Course. Beijing: Peking University Press, 1992. 208 p.
11. Wang Z., Xing S. Russian Phonetics Course. Beijing: Peking University Press, 2016. 174 p.
12. Zhu X. Phonetics. Beijing: Commercial Press, 2010. 365 p.

Сведения об авторе

Цзян Ино — аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия. quanguidaren1995@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 76—82.*

PERCEPTUAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN VOWELS AFTER SOFT CONSONANTS VS CHINESE DIPHTHONGS

Jiang YINUO

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. quanguidaren1995@yandex.ru

The article analyzes the perceptual characteristics of Russian vowels [a], [e] in position after soft consonants and Chinese diphthongs [ia], [iɛ]. To achieve the goal and objectives of the study, experimental and analytical methods including perceptual experiment were used. As a result, the author comes to the conclusion that in the perception of Russians there is no difference between the Chinese diphthong [ia] and the Russian [a] after soft consonants, since the speakers of the Russian and Chinese languages considered them to be the same sounds; among speakers of Chinese and Russian, the Chinese diphthong [iɛ] and the Russian vowel [e] in the position after soft consonants are perceived as very similar sounds, in the perception of the Chinese they can even be considered equivalents.

Keywords: *Russian, Chinese, phonetics, diphthongoid, diphthong.*

References

1. Bondarko L. V. (1977) *Zvukovoj stroj sovremennogo russkogo jazyka* [The sound system of the modern Russian language]. Moscow, Prosveshchenie. 175 p. [in Russ.].
2. Derkach M. F., Gumetskij R. Ya., Gura B. M., Chaban M. E. (1983) *Dinamicheskie spektry rechevykh signalov* [Dynamic spectra of speech signals]. L'vov, Vysshaya shkola. 168 p. [in Russ.].
3. Kasatkin L. L. (2006) *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: Fonetika* [Modern Standard Russian: Phonetics]. Moscow, Akademija. 252 p. [in Russ.].
4. Knyazev S. V., Pozharitskaya S. K. (2017) *Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk: Fonetika, orfoepija, grafika, orfografija* [Modern Standard Russian: Phonetics, orthoepy, graphics, spelling]. Moscow, Jurajt. 380 p. [in Russ.].
5. Kodzasov S. V., Krivnova O. F. (2001) *Obshchaja fonetika* [General phonetics]. Moscow, Ros. gos. guman. un-t. 592 p. [in Russ.].
6. Bao H., Lin M. (2019) *Experimental phonetics*. Beijing, Higher Education Press. 347 p. [in Chinese].
7. Gao H. (2004) *Applied statistical multivariate analysis*. Beijing, Peking University Press. 419 p. [in Chinese].
8. Huang B., Liao X. (2002) *Modern Chinese*. Beijing, Higher Education Press. 337 p. [in Chinese].
9. Hu Y. (2010) *Modern Chinese*. Shanghai, Shanghai Education Press. 561 p. [in Chin.].
10. Lin T., Wang L. (1992) *Phonetics Course*. Beijing, Peking University Press. 208 p. [in Chinese].
11. Wang Z., Xing S. (2016) *Russian Phonetics Course*. Beijing, Peking University Press. 174 p. [in Chinese].
12. 12. Zhu X. (2010) *Phonetics*. Beijing, Commercial Press. 365 p. [in Chinese].

К СЕМАНТИКО-МОТИВАЦИОННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕПРИЯЗНИ, ВРАЖДЫ (*ОЗОРОЧЬЕ, ПОДСЕВУХА, ЗУБ ГРЫЗТЬ*)

Я. В. Малькова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-18-00223
«Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики»

Рассматриваются три русских диалектных факта, объединённых семантикой недоброжелательности: *озорочье*, *подсевуха*, *зуб грызть*. Осуществляется семантико-мотивационная реконструкция лексем и фразеологизма, для интерпретации диалектных данных привлекается этнокультурная информация. В результате исследования делается вывод о стоящих за языком народных представлениях о неприязни, вражде.

Ключевые слова: русская диалектная лексика, семантико-мотивационная интерпретация, этнолингвистика, лексика эмоций, лексика неприязни.

Данная статья посвящена происхождению трех лексических единиц, отмеченных в русских говорах: влад. *озорочье* ‘противный человек, нелюбимый муж’; прибайкал. *подсевуха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’; перм. *зуб грызть* ‘испытывать к кому-л. неприязнь, злобу’. Объединить эти факты в рамках одной статьи позволяет то, что все они относятся к лексико-семантическому полю неприятия кого-, чего-л.

Выбранные для анализа языковые факты представляют определенный исследовательский интерес по нескольким причинам. Во-первых, все они относятся к пласту экспрессивной лексики русского языка, которая сложна для интерпретации ввиду многостороннего, многофакторного (но вместе с тем подчас спонтанного) семантического развития. Во-вторых, рассмотрение данных языковых фактов требует привлечения этнолингвистического и социокультурного контекста. Эти лексические единицы (особенно *подсевуха* и *зуб грызть*) не представляют большой сложности в плане установления производящих основ, но комментария требует, так сказать, «дальнейшая мотивация», проясняющая закономерности их возникновения и дальнейшего функционирования.

ОЗОРОЧЬЕ

Начнём с рассмотрения влад. *озорочье* ‘противный человек, нелюбимый муж’ [14. Вып. 23. С. 100].

Данная лексема, вероятно, произошла от пск., олон., том. *зорок*, олон., твер. мн. *зорки*, олон. *зорки* ‘зрачок’ [14. Вып. 11. С. 343]. Русская грам-

матика свидетельствует о том, что существительные с префиксом *о-* и суффиксом *-j-*, образованные от существительного, имеют словообразовательное значение ‘нечто прилегающее к тому, что названо мотивирующим словом’ [8. С. 233].

Метафора близости в данном случае кажется закономерной: действительно, глаза являются органом восприятия, и потому рождается пространственный образ с их участием. Мы уже писали о том, что, по данным языка, органы восприятия (в том числе при возникновении чувства отвращения) могут приобретать пространственные характеристики [См. 4. С. 120—123]. Так, например, глаза могут представляться как некая плоскость, ср. прикам. *не принимáть на глáz кого, что* ‘испытывать сильную неприязнь к кому-л., отвращение к чему-л.’ [Там же. С. 122].

Как показывает внутренняя форма последнего фразеологизма, человек стремится отвести глаза от объекта неприятия, прервать контакт с тем, что вызывает негативные эмоции. Представление именно о таком типе поведения отражается и в других языковых фактах с семантикой отторжения, которые образованы от наименований органов или процесса восприятия, ср. лексику ненависти: общерус. *ненавидеть*, перм. *незанавидеть* ‘невзлюбить’ [10. Вып. 1. С. 587], арх. *возневидеть* ‘невзлюбить, возненавидеть’ [2. Вып. 5. С. 26], ряз., эвенк. *ненавидный* ‘недоброжелательный, злой’ [14. Вып. 21. С. 91], тул., калуж., ряз., ворон., курск., пск. *ненавистный*, ряз., омск. *ненавистной* ‘недоброжелательный, злой’ [Там же] и т. д.

Напротив, когда речь идет о приятных взглядах на вещи или людях, во внутренней форме лексикона отражается представление о желании задержать взгляд на них, ср. краснор. *поглядный* ‘красивый, пригожий’: *На такую поглядную парни засматриваются* [14. Вып. 27. С. 294], пск., твер. *взглядный* ‘приятный на взгляд, видный, красивый’ [14. Вып. 4. С. 254], *загляжённый* петерб. ‘красивый’, новг. ‘милый, приятный’ [14. Вып. 10. С. 9], влад. *завидуций* ‘привлекательный’ [14. Вып. 9. С. 315]

Для влад. же лексемы *озороче* мы наблюдаем обратную ситуацию: объект недоброжелательного отношения находится в поле зрения того, кому он причиняет дискомфорт; на неприятного человека обращают особое внимание. Возникает вопрос, в чем логика подобного развития значения, а также, обладает ли системностью такой тип переноса.

Думается, что, согласно народным представлениям, внимание может привлекать как нечто хорошее, приятное, так и, напротив, вызывающее неприязнь, отвращение и другие отрицательные эмоции. Об этом свидетельствует ряд лексем, образованных от корней с семантикой зрительного восприятия и указывающих на негативные характеристики человека и его поведения. В пример можно привести пск., твер. *ззористый* ‘постыдный, позорный, ззорный’ [14. Вып. 10. С. 96], без указ. места *озористый* ‘буйный, вздорный, бранчливый’ [14. Вып. 23. С. 98—99], арх. *озорко* ‘грешно’ [Там же. С. 99], вят. *озоркой* ‘плохой, негодный’ [Там же], волог. *озорник* ‘лентяй’ [Там же] и др. Безусловно, такой контакт вызывает неприятные ощущения, ср. горьк. *как игла в глазу кому что* ‘о чем-л. крайне надоевшем, опротивевшем’ [5. С. 229].

Интересно отметить, что может встречаться внутрисловная энантиoseмия. Такой представляется лексема *узорооче*, которая несёт как значения со знаком «плюс», так и со знаком «минус». С одной стороны, здесь присутствуют лексико-семантические варианты типа волог *узорооче* ‘узоры’, без указ. места. *узороочие*, южн.-сиб., сиб., енис. *узорооче*, арх., забайкал. *узорооче* ‘украшения, драгоценности’, без указ. места *узорооче* ‘дорогие, украшенные узорами вещи, особенно ткани’ [14. Вып. 47. С. 36] (ср. также искусствоведческий термин *ярославское узорооче*). С другой же стороны, мы видим арх. *узорооче* ‘проказливый, бесшабашный, насмешливый человек’, арх., сев.-вост. *узорооче*, белом. *узорооче* ‘своенравный,

упрямый человек’, арх., сев.-вост. *узорооче* ‘злой человек’, ‘ленивый человек’ и др. [Там же. С. 36—37].

ПОДСЕВУХА

Представляет интерес прибайкал. лексема *подсеvуха* ‘человек, любящий сеять раздор, вражду’: *Свекруха им жить не дала, подсеvуха подла: сына настропалит, а сама ничо не говорит, все вздыхает тока* [14. Вып. 28. С. 176]. Встречается в лексикографической литературе также близкое пск., твер., ирк. *подсеvать* ‘подстрекать, настраивать против кого-л.’: *Оне уж с месяц не разговаривают, а эта бегаёт к Мавре-то, подсеvает там — она того тошнее¹ сердится* (ирк.) [Там же. С. 175]. Несмотря на прозрачную внутреннюю форму, тем не менее, требуются пояснения относительно мотивации предложенных лексем.

О «производственной» метафоре речевой деятельности писала Е. Л. Березович. При обилии лексем, для которых «донорской» сферой является тематическая группа «Земледелие», единичны номинации речи, например, народн. *языком что решетом, так и сеет* [3. С. 318—319]. Отмечается, что «к обозначению речевых актов почти не привлекаются названия тех видов деятельности, которые дают “отложенный” <...> результат: к примеру, при первостепенной роли земледельческих работ в народной жизни их наименования редко подвергаются метафорическому переосмыслению, — а в тех случаях, когда это происходит, номинативно значимым является не результат, а сам процесс» [Там же. С. 323].

Взглянем на другие диалектные лексемы, содержащие корень *сев-* и приставку *под-*. Для удобства восприятия представим их, выделяя семемы: 1) ‘лыстец’ (амур. *подсеvала* [11. С. 210], пенз. *подсеvалка* [14. Вып. 28. С. 175], краснор. *подсеvало* [Там же]), ‘лыстить’ (амур. *подсеvать* [11. С. 210]); 2) ‘лицемер’ (прибайкал. *подсеvала*, *подсеvуха* [12. Вып. 3. С. 76]), ‘лицемерить’ (прибайкал. *подсеvать* [Там же]), 3) ‘подстрекатель’ (яросл. *подсеvало* [18. Вып. 8. С. 35]), 4) ‘поддакивать’ (прикам. *подсеvать* [13. Вып. 2. С. 371]), 4) ‘сплетничать’ (прибайкал. *сеять-подсеvать* [16. С. 164]), 5) ‘браниться’ (смол. *подсеvать родимцами* [14. Вып. 28. С. 175]).

Как можно заметить, все приведенные лексемы называют вредоносные речевые действия. Кажется, что причина подобного положения дел

¹ Твер. арх. ирк. тошно ‘крайне, очень, сильно’ [14. Вып. 44. С. 310].

кроется в негативно окрашенном смысле такого действия, как *подсевание*.

Кроме того, небезынтересно вспомнить библейскую притчу о добром сеятеле и плевелах. В данном рассказе говорится о том, как человек посеял на своём поле пшеницу, а враг подбросил туда плевелы. Возможно, эта притча также нашла отражение в народных представлениях, связанных с враждой, неприязнью.

Безусловно, обращает на себя внимание и словообразовательная структура лексем *подсевуха* и *подсевать*. Более всего в семантическом отношении для нас важна приставка *под-*, которая связана с целым пластом экспрессивной лексики, негативно характеризующей человека и его действия, например, том. *подлизуха* ‘подлиза, льстец’ [14. Вып. 28. С. 66], пск., твер. *подтягуха* ‘вор’ [Там же. С. 224], южн.-урал. *подловиха* ‘хитрый, лукавый человек’ [Там же. С. 68], мурман., арх., карел. *подживлять* ‘подстрекать, подзадоривать’ [Там же. С. 8], пск., твер. *поддувать* ‘распалить вражду; разжигать страсти’ [14. Вып. 27. С. 397], смол. *подколáчивать* ‘подбивать, подстрекать к ссоре’ [14. Вып. 28. С. 40] и т. д.

Наиболее мотивационно значимыми оказались несколько значений приставки *под-*. В первую очередь, это значение, которое «Русская грамматика» формулирует как ‘действие, названное мотивирующим глаголом, совершить дополнительно’ (например, *подварить, подгрузить* [8. С. 367]). С другой стороны, могло сыграть определенную роль значение ‘тайно, скрытно совершить действие, названное мотивирующим глаголом’ (например, *подбросить, подговорить*) [Там же], поскольку подстрекательство, возбуждение вражды происходит обыкновенно в отсутствие того, о ком разговаривают. Наконец, нельзя не учитывать мотив положения внизу, который заложен в приставке *под-* и предлоге *под*. Нижнее же положение при характеристике человека и его действий, как известно, служит средством негативной этической оценки (например, *низкий* поступок).

ЗУБ ГРЫЗТЬ

Недостаточно прояснённым с точки зрения мотивационных отношений является перм. фразеологизм *зуб грызть* ‘испытывать к кому-л. неприязнь, злобу’: *Не очень-то расположен ко мне, всё зуб грызет на меня. Не гляди, что он улыбается — он давно зуб-от грызет на его* [7. С. 94]. Отметим также, что в словарях фиксируются близкие по значению языковые факты, такие как вол-

гогр. *грызть зубы* ‘сердиться’ [9. Вып. 1. С. 411], *зуб грызть на кого* кемер., хакас. ‘затаить зло против кого-либо’ [17. С. 49], прибайкал. ‘испытывать недоброе чувство к кому-л., желание мести’ [16. С. 84—85], том. *зуб грызти (на кого-либо)* ‘питать недоброе чувство к кому-либо, испытывать жажду мести, иметь зуб на кого-либо’ [14. Вып. 11. С. 353].

Фразеологизмы с компонентом *зуб*, несущие семантику неприязни, злобы и т. п., встречаются и в литературном языке, например, *зуб иметь, точить зуб, скрежетать зубами, зуб за зуб* и др. При этом, как кажется, наиболее близким к диал. *зуб грызть* является лит. *точить зуб*.

Мы полагаем, что в основе последних двух фразеологизмов лежит анималистическая метафора. Думается, в наивном сознании существует представление о том, что подобно тому, как человек, готовясь к охоте, затачивает свои орудия, животное перед нападением заостряет свой главный инструмент — зубы.

Добавим, что в народной культуре *зуб* является своеобразным символом агрессии, о чём свидетельствует множество языковых фактов, например, перм. *зубáтый* ‘вздорный, неуступчивый; сварливый, ворчливый, дерзкий; любящий спорить, вступать в пререкания’ [14. Вып. 11. С. 358], волг. *зуб играет* ‘о сильном чувстве злобы, раздражения, неприязни’ [5. С. 258], сиб. *заглодáть (изглодáть) зубáми* ‘измучить кого-л. постоянными упрёками, придирками; погубить, довести до крайне бедственного положения, до смерти кого-л.’, перм. *точить зубами*, прост. *скрипéть зубами* ‘сердиться, испытывать ярость, гнев, злобу’, курган. *истрясти́ в зубáх* ‘выместить зло на ком-л., отомстить кому-л.’ [5. С. 259], прост. *востри́ть зубы* ‘зло насмеяться над кем-л.’, прикам. *брать/взять зубом* ‘добиваться чего-л. криком, угрозами’, пск., перм., сиб. ‘грубить, дерзить кому-л.’ [5. С. 260] и др. Подобные смыслы могут оказывать влияния и на исследуемые языковые факты.

Если обратиться к компоненту *грызть*, то он зачастую может нести семантику брани, ср. находим арх. *грызть* ‘мучить придирками, упрёками, ругать’ [2. Вып. 10. С. 107], арх. *грызу́н* ‘ворчун, брюзга, скандалист’ [14. Вып. 7. С. 179], новг. *погрызть* ‘поругать’ [6. С. 842], печор. *глаза грызть* ‘упрекать кого-либо в чём-то’ [15. Т. 1. С. 167]. Особо показателен случай с комплексным значением, сочетающей семантику эмоции и поведенческой реакции:

нижнепечор. *зуб (зубы) грызть (сгрызть) на кого, от чего* ‘злиться на кого-то, кого-то постоянно ругать’: *Что же ты всю жизнь всем огрызаешься? Уже зубы сгрызла от злости* [Там же. С. 268], а также перм. факт, сочетающий корни *зуб-* и *грыз-*, *зубогрызка* ‘женщина,

которая дерзко возражает, спорит, отстаивает что-л.’ [10. Вып. 1. С. 334].

Таким образом, избранный для анализа фразеологизм, имеющий в своей основе, по-видимому, анималистическую метафору, несёт целый ряд культурных коннотаций.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. [и др.] Поле, нива, пашня // Славянские древности: Этнолингвистический словарь; под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). М.: Международные отношения, 2009. С. 133—137.
2. Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1—15. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1980—2013. (Изд. продолжается).
3. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция: моногр. М.: Рус. Фонд Содейст. Обр. и Науке, 2014. 488 с.
4. Малькова Я. В. Пространственные образы в обозначениях чувства отвращения, неприятия (на материале лексики русских народных говоров) // Научный диалог. 2018. № 12. С. 119—132.
5. Мокиенко В. М. Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок; под общ. ред. В. М. Мокиенко. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 784 с.
6. Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.
7. Прокошева К. Н. Фразеологический словарь пермских говоров. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2002. 431 с.
8. Русская грамматика: в 2 т. / под ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
9. Словарь донских говоров Волгоградской области / под ред. Р. И. Кудряшова. Вып. 1—5. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2006—2009.
10. Словарь пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 1999—2002.
11. Словарь русских говоров Приамурья / сост. Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин [и др.]; отв. ред. Ф. П. Филин. М.: Наука, 1983. 342 с.
12. Словарь русских говоров Прибайкалья: в 4 вып. / отв. ред. Ю. И. Кашевская. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986—1989.
13. Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3 вып. / И. А. Подюков, Е. Н. Свалова, С. В. Хоробрых, А. В. Черных; науч. ред. И. А. Подюков; Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. — Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2010—2012.
14. Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. Вып. 1—47. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965—2014.
15. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2 т. / сост. Н. А. Ставшина. — СПб.: Наука, 2008.
16. Фразеологический словарь русских говоров Прибайкалья / сост. С. С. Аксенова, Н. Г. Баканова, Н. А. Смолякова; науч. ред. Н. Г. Баканова. Иркутск: ИГУ, 2006. 295 с.
17. Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А. И. Фёдорова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983. 232 с.
18. Ярославский областной словарь: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1990.

Сведения об авторе

Малькова Яна Владимировна — соискатель кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, ассистент Подготовительного отделения для иностранных учащихся Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия. yana-malkova@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 83—88.*

ON THE SEMANTIC AND MOTIVATIONAL INTERPRETATION OF RUSSIAN DIALECTAL VOCABULARY WITH “DISLIKE, ENMITY” MEANING (*OZORÓCHIE, PODSEVUKHA, ZUB GRYZT*)

Ya. V. Malkova

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia. yana-malkova@list.ru*

The research is carried out within the project 20-18-00223 “Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary” supported by the Russian Science Foundation.

This article deals with three Russian dialectal phenomena: Vladimir Region *ozoróchie* “nasty person, unloved husband”, Baikal Region *podsevúkha* “a person who likes to sow dissension, discord”, Perm Region *zub gryzt* “to dislike someone, feel angry about someone”. These lexical units and a phraseological unit are semantically and motivationally reconstructed. The author supposes that *ozoróchie* word comes from Pskov, Olonetsk, Tomsk Region *zorók* “pupil”. The inner form of the lexical unit comprises a concept that an unpleasant person attracts special attention. From the author’s point of view, the second lexical unit *podsevúkha* is related to Vologda Region *podsevát* “throw a handful of grains to someone else’s field”. Prefix *pod-* that carries a number of negative meanings is also motivationally significant. According to the author’s opinion, the phraseological unit *zub gryzt* is an animalistic metaphor. On the other hand, it is noted that each component of the phraseological unit has its own motivational potential. Thus, *zub* (a tooth) in folk culture is a symbol of aggression, and the verb *gryzt* (to gnaw) is often used for naming malicious vocal acts.

Key words: *Russian dialectal vocabulary; semantic and motivational interpretation, ethnolinguistics; emotions vocabulary; dislike vocabulary.*

References

1. Agapkina T.A., Tolstoy N.I. (ed.) [et al.] (2009) Pole, niva, pashnya [Field, crop field, ploughland]. *Slavyanskíe drevnosti: Etnolingvísticheskiy slovar’* [Slavic relics: An ethnolinguistic vocabulary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 4: P (Pereprava cherez vodu) — S (Sito). Pp. 133—137 [in Russ.].
2. Getsova O. G. (ed.) (1980—2013) *Arkhangel’skiy oblastnoy slovar’* [Dictionary of Arkhangelsk Region]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ. Iss. 1—15 [in Russ.].
3. Berezovich E. L. (2014) *Russkaya leksika na obshchoslavyanskom fone: semantiko-motivatsionnaya rekonstruktsiya* [Russian Vocabulary against the Common Slavic Background: Semantic and Motivational Reconstruction]. Moscow, Russian Foundation for the Promotion of Education and Science Publ. 488 p. [in Russ.].
4. Mal’kova Ya. V. (2018) *Nauchnyy dialog*, no. 12, pp. 119—132 [in Russ.].
5. Mokienko V. M. (ed.), Nikitina T. G. (2008) *Bol’shoy slovar’ russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian Sayings]. Moscow, OLMA Media Grupp Publ. 784 p. [in Russ.].
6. Levichkin A. N., Myznikov S. A. (eds.) (2010) *Novgorodskiy oblastnoy slovar’* [Dictionary of Novgorod Region]. St.-Petersburg, Nauka Publ. 1435 p. [in Russ.].
7. Prokosheva K.N. (2002) *Frazeologicheskiy slovar’ permskikh govorov* [Dictionary of Phraseological Units in Perm Dialects]. Perm, Perm State Ped. Univ. Publ. 431 p. [in Russ.].
8. Shvedova N. Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian Grammar in 2 vol.]. Moscow, Nauka [in Russ.].
9. Kudryashova R. I. (ed.) (2006—2009) *Slovar’ donskikh govorov Volgogradskoy oblasti* [Dictionary of Don Dialects of the Volgograd Region]. Volgograd, VGIPK Publ. Iss. 1—5 [in Russ.].
10. Borisova A. N., Prokosheva K. N. (eds.) (1999—2002) *Slovar’ permskikh govorov: v 2 vyp.* [Dictionary of Perm Dialects in 2 iss.]. Perm, Knizhnyy mir [in Russ.].
11. Filin F. P. (ed.), Ivanova F. P., Kirpikova L. V., Putyatina L. F. (1983) *Slovar’ russkikh govorov Priamur’ya* [Dictionary of Russian Dialects of the Amur Region]. Moscow, Nauka. 342 p. [in Russ.].

12. Kashevskaya Yu. I. (ed.) (1986—1989) Slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya: v 4 vyp. [Dictionary of Russian Dialects of the Baikal Region in 4 iss.]. Irkutsk, Irkutsk Univ. Publ. [in Russ.].

13. Podyukov I. A. (ed.), Svalova E. N., Khorobrykh S. V., Chernykh A. V. (2010—2012) Slovar' russkikh govorov Yuzhnogo Prikam'ya: v 3 vyp. [Dictionary of Russian Dialects of the Southern Kama Region in 3 iss.]. Perm, Perm State Human. Ped. Univ. Publ. [in Russ.].

14. Filin F. P., Sorokoletov F. P., Myznikov S. A. (eds.) (1965—2014) Slovar' russkikh narodnykh govorov [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow, Leningrad, Saint Petersburg, Nauka. Iss. 1—47 [in Russ.].

15. Stavshina N. A. (2008) Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Nizhnei Pechory: v 2 t. [Dictionary of Phraseological Units in Russian Dialects of Nizhnaya Pechora in 2 vol.]. St.-Petersburg, Nauka [in Russ.].

16. Aksenova S. S., Bakanova N. G. (ed.), Smolyakova N. A. (2006) Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Pribaykal'ya [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Baikal Region]. Irkutsk, Irkutsk State Univ. 295 p. [in Russ.].

17. Fedorov A. I. (ed.) (1983) Frazeologicheskii slovar' russkikh govorov Sibiri [Phraseological Dictionary of Russian Dialects of Siberia]. Novosibirsk, Nayka, Sib. otd. 232 p. [in Russ.].

18. Mel'nichenko G. G. (ed.) (1990) Yaroslavskiy oblastnoy slovar': v 10 vyp. [Dictionary of Yaroslavl Region in 10 iss.]. Yaroslavl, Yarosl. State Ped. Univ. named after K. D. Ushinsky Publ. [in Russ.].

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КИБЕРСПОРТИВНОЙ ЛЕКСИКИ

Е. И. Минина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование посвящено описанию особенностей лексики киберспорта (на материале онлайн-игр League of Legends, CS:GO и Dota2). В статье приведена тематическая классификация киберспортивных наименований, включающая десять групп. Отличительной чертой указанного подязыка является преобладание заимствованной лексики, ее сниженный характер, оценочность и неупорядоченность.

Ключевые слова: компьютерный дискурс, компьютерно-игровой дискурс, компьютерная лексика, киберспорт, киберспортсмен, тематическая группа, способы словообразования.

Понятие компьютерного дискурса появилось относительно недавно, несколько десятилетий назад. Коротко его можно охарактеризовать как некую разновидность публичной речи, которая реализуется в процессе межличностного компьютерного общения. Этот вид коммуникации возможен только с использованием специальных электронных средств. Как пишет Е. В. Грязнова, «компьютерное общение представляет собой единство четырех процессов: в нем создается новая реальность, которая отражает объективную действительность, выражает субъективно-личностный мир создателя программного обеспечения и передает свое духовное содержание всем участникам компьютерного общения» [4]. Одной из разновидностей компьютерного (виртуального) дискурса является компьютерно-игровой дискурс, т. е. тексты, порождаемые в процессе общения во время игры в виртуальном пространстве. Особый интерес для изучения представляет лексика киберспорта.

Киберспорт (компьютерный спорт, электронный спорт, e-sports) — это вид спорта, основанный на командном или индивидуальном соревновании в видеоиграх. Россия стала первой страной в мире, в которой киберспорт был признан официальным видом спорта (25 июля 2001 года). Особенность его заключается в том, что игры транслируются в прямом эфире через Интернет, это позволяет собрать огромную аудиторию по всему миру. Популярность киберспорта обусловлена его доступностью, т. к. участникам состязаний не нужно ездить на очные соревнования: играть со спортсменами из разных городов и стран можно прямо из дома. В нашей стране есть Федерация киберспорта России, «которая основными своими зада-

чами видит популяризацию киберспорта и придание ему официального характера» [2]. Появилась такая профессия, как киберкомментатор — журналист, который освещает киберспортивные соревнования [10].

Лексика киберспорта — открытая, активно развивающаяся система, что объясняется все набирающими популярность онлайн-играми.

Цель данного исследования — охарактеризовать основные особенности киберспортивной лексики.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения лексики активно развивающегося киберспорта.

Объектом исследования данной статьи выступает язык киберспорта (на материале онлайн-игр League of Legends, CS:GO и Dota2). **Материал** взят с сайтов, посвященных указанному онлайн-играм; нами проанализировано около 300 наименований.

Анализ позволил выявить следующие особенности языка киберспорта.

1. Тематическое разнообразие

Каждое понятие соотносится с какой-либо логической категорией. Д. С. Лотте выделил в терминологии следующие категории понятий: 1) предметы, 2) процессы, 3) свойства, 4) величины [8]. Т. Л. Канделаки дополнила их еще несколькими категориями: 1) состояния, 2) режимы, 3) единицы измерения, 4) наук (и отраслей) [6].

Совокупность лексических единиц, связанных одной темой на основе экстралингвистических параметров, представляет собой тематическую группу. В лексике киберспорта мы выделили десять основных тематических групп, которые соотносятся с указанными логическими категориями.

Наименования видов деятельности

К этой группе мы отнесли названия онлайн-игр (*League of Legends, CS:GO, Dota2, Warcraft 3, Brawl Stars, ClashRoyale, Mortal Kombat* и т. д.), а также названия дисциплин компьютерного спорта, внесенные во Всероссийский реестр видов спорта (*соревновательные головоломки, файтинг, боевая арена* и др.).

Наименования деятелей

Мы отнесли к этой подгруппе специфические наименования игроков, которые встречаются исключительно в киберспорте (зачастую даже в отдельно взятой онлайн-игре) и характеризуют игрока с той или иной стороны: *афкер* («игрок, который прекратил игру во время онлайн-сессии»), *дотер* («игрок в Dota2»), *прогеймер* («профессиональный спортсмен, играющий за деньги»), *фраг-лидер* («игрок, показывающий высокий уровень убийств»). Эта группа включает и откровенно сниженную оценочную лексику, с помощью которой киберспортсмены выражают отрицательное (пренебрежительное) отношение к слабым игрокам: *нуб, помойка, днарь, животное*.

Сюда же мы отнесли названия персонажей компьютерных игр: *миньон, монстр, мили, моб, фидер* и т. д. К этой группе логически примыкают ники игроков (те имена, под которыми они действуют в игре): *Сорака, Блицкранк, Волибир, Варвик, sImple, Perfecto, DM* и т. д.

Наименования технико-тактических приемов (действий, тактик, игровых стилей), а также ситуаций, возникающих в ходе игры

Персонажи игры выполняют какую-то миссию (командную или индивидуальную), цель которой достигается путем выполнения определенных действий. Как правило, слова, обозначающие действия или процесс, выражаются глаголами либо отглагольными существительными: *пикать, чекать, закуп* («покупка оружия»), *дефузить, раздефузить, дронуть* («сбросить оружие»), *флешить, раздамажить, плэнтить, шифтить, вардить, прострел, зажим*. Однако в языке киберспорта в качестве названий процессов и ситуаций могут выступать английские слова, оформленные латиницей или кириллицей: *ноускоп* («выстрел из винтовки»), *джампшот* («стрельба в прыжке»), *лив* («выйти из игры до ее окончания»), *дифэнс* («оборонительный стиль игры»), *депу* («тактика убийства своих миньонов»), *клатч* («ситуация, при которой игрок остается один против игрока/игроков команды соперника»).

Наименования мест деятельности

Основное действие онлайн-игры проходит в киберпространстве: виртуальные ландшафты пестрят башнями, дорожками, горами, военными базами, коннекторами. Важные со стратегической точки зрения места получают конкретные названия: *длина* («участок на карте с хорошим обзором»), *банан* («проход, по форме напоминающий банан»), *кишка* («коллектор»), *тэшка* («тоннель»), *винт* («вентиляционная шахта»), *база* («область карты»), *Ущелье призывателей, Воющая бездна* («мост через глубокое ущелье»), *Поля Правосудия, башня, карта* («виртуальный объект, в пределах которого сражаются соперники»).

Наименования предметов, снарядов

В киберпространстве предметы играют огромную роль: от умения выбрать и использовать их зависит исход матча. Это могут быть различные виды оружия, магические предметы, транспортные средства. В качестве иллюстрации приведем следующие примеры: *молик* («коктейль Молотова»), *дефузы* («набор сапера для разминирования бомбы»), *броня, осколка* («граната»), *дигл* («пистолет **Desert Eagle**»), *клинок уничтоженного короля, песочные часы Жони*.

Наименования видов соревнований, их частей

Эту группу составляют такие слова, как *ранговый сезон, пистолетка, сплит, доп, эко-раунд, World Cyber Games* и т. д. Сюда же отнесем специфические для каждой игры названия этапов соревнований, например, *early-game* (стадия лейнинга, начальная фаза), *mid-game* (средняя фаза), *late-game* (поздняя фаза) в Dota2.

Наименования единиц измерения

Различные единицы учета спортивных достижений служат в киберспорте для определения победителя: *поинт, очко, балл, помощь, фраг, lp* («очки в League of Legends»). Характерной особенностью киберспортивной лексики является использование слов с общей семантикой «смерть» для наименования поощрительных баллов: *kills* (убийства), *deaths* (смерти).

Наименования умений и навыков игроков

Группа включает названия, так или иначе связанные с мастерством игроков: *личный скилл, командный скилл, ньюк, бурст, клатч-министр, дабл-килл, трипл-килл, квадро-килл*.

Мы перечислили лишь основные тематические группы киберспортивной лексики.

2. Стилистическая сниженность. Лексика киберспорта представлена компьютерными профессионализмами и сленгизмами, которые отличают

такие признаки, как стилистическая сниженность (разговорный характер), ограниченная сфера употребления (среда геймеров), образность и экспрессивность, оценочность (демонстрирует отношение говорящего к предмету), непринужденность: *банан* («снаряд автоатаки»), *бэкаться* («возвратиться на свою базу»), *мансовать* («действия с целью запутать соперника»), *кишка* («узкий проход»), *зеленка* («покрытый растительностью коридор на карте Train»), *морковка* («пистолет-пулемет MP5»), *мухобойка* («винтовка Scout»), *пистолетка* («раунд, в котором доступны лишь пистолеты»), *кастриоля* («шлем»), *дно* («плохо играющий человек»). Жаргон, в отличие от терминологии, отражает неформальный взгляд представителя той или иной социальной группы на мир. «Знание подобных жаргонизмов свидетельствует о владении определенным языковым кодом, позволяющим создать эффект остранения, „посвященности“» [5. С. 19]. Поскольку данные единицы не являются терминами, они не закреплены в спортивных словарях [1].

3. Заимствованный характер. Подавляющее большинство лексем в данном виде спорта — заимствования из английского языка [5. С. 100]. Под заимствованием, вслед за Л. П. Крысиным, мы понимаем «процесс перемещения различных элементов из одного языка в другой» [7. С. 18—19]. В исследуемой лексической группе можно выделить несколько типов заимствованных слов.

3.1. Слова, структурно совпадающие с иноязычными прототипами (т. н. прямое заимствование). Это самая многочисленная группа: *плэнт* (англ. *to plant* — «подбросить, подкинуть») — «места, куда террористы должны подкинуть бомбу и взорвать ее»; *тиммейт* (англ. *teammate* — «напарник») — «партнер по команде»; *тимплей* (англ. *teampay* — «командная игра») — «сыгранность команды»; *бэбиситтинг* (англ. *baby* — «ребенок» и *sitting* — «сидеть»); *инстакилл* (англ. *instant* — «моментальный» и *kill* — «убивать») — «убийство чемпиона с полным здоровьем за такой короткий срок, что это кажется мгновенным событием»; *мили* (англ. *melee* — «рукопашный») — «боец ближнего боя»; *нуб* (англ. *newbie* — «новичок») — «неопытный игрок», в современном киберспорте слово носит оскорбительный характер; *нюк* (англ. *nuke* — жаргонное слово, означающее атомный взрыв, атомную бомбу) — «умение игрока, которое наносит много урона»; *джанглинг* (англ. *jungling* — «джунгли») — «уход в лес с целью получения опыта и золота посредством убийства нейтральных монстров».

3.2. Слова, грамматически оформленные аффиксами и флексиями заимствующего (в нашем случае русского) языка: *пикать* (англ. *pick* — «выбирать, подбирать» + рус. суффиксы *-а-* и *-ть*) — «выбор командами игровых карт перед началом матча»; *чекать*, *прочекать* (англ. *check* — «проверить») + рус. суффиксы *-а-*, *-ть* и префикс *про-*) — «высмотреть соперника с целью убить его»; *фармилка* (англ. *farm gun* — «фермерское ружье» + рус. суффиксы *-и-*, *-лк-* и флексия *-а-*) — «дробовики и пистолеты-пулеметы»; *нафармить* (англ. *farm gun* — «фермерское ружье» + рус. суффиксы *-и-*, *-ть* и префикс *на-*) — «зарабатывание денег с помощью оружия, фармилки»; *флэшка/флэша/флэха* (англ. *flash* — «вспышка» + рус. суффиксы *-шк-/ -ш-* / *-х-* и флексия *-а-*) — «световая граната»; *флешёный* (англ. *flash* — «вспышка» + рус. суффиксы *-ён-* и флексия *-ый*) — «ослепленный световой гранатой персонаж»; *засмочить* (англ. *smoke* — «дым» + рус. суффиксы *-и-*, *-ть* и префикс *за-*) — «задымить территорию гранатами», интересно, что в этом слове мы наблюдаем традиционное для русского языка чередование *к/ч* (ср. *пеку* — *печешь*); *ливнуть* (англ. *leave* — «покидать» + рус. суффиксы *-ну-* и *-ть*) — «выйти из матча»; *форсик* (англ. *force* — «сила» + рус. уменьшительный суффикс *-ик-*) — «Force Staff, предмет Dota 2, дающий владельцу +10 к интеллекту и +2,5 к регенерации здоровья».

3.3. Слова-аббревиатуры: *БГ* — «плохая игра» (англ. *Bad game*), *БРК* — «клинок уничтоженного короля» (англ. *Blade of the Ruined King*), *БРБ* — «сейчас вернусь» (англ. *Be right back*), *ВОТА* — «предмет Воля Древних» (англ. *Will of the Ancients*), *ВП* — «хорошо сыграно» (англ. *Well Played*), *ГА* — «Ангел-хранитель, легендарный предмет в League of Legends» (англ. *Guardian Angel*), *ГГ* — «хорошая игра/хорошей игры» (англ. *Good game*), *ГЖ* — «хорошая работа» (англ. *Good job*), *КС* «кража убийства» (англ. *Kill Steal*), *ОМВ* — «в пути» (англ. *On My Way*), *ОП* — «излишне сильный» (англ. *Overpowered*), *ХП* — «уровень здоровья игрока» (англ. *Health Point*), *АФК* — «оповещение об уходе из игры/переписки» (англ. *Away from Keyboard*). Популярность аббревиатурных сокращений в киберспорте объясняется тем, что они облегчают процесс общения в виртуальном пространстве: намного проще написать в конце игры *ГГВП*, нежели «хорошая игра, хорошо сыграли».

Встречаются слова, образованные путем суффиксации от аббревиатурных наименований,

например: *бкбэшника* от *БКБ* (Black King Bar), *мкбэшника* от *МКБ* (Monkey King Bar) — названия предметов в Dota2, *мпэшника* от *МП5*, *эмка* от *М4А4* — названия видов оружия в CS:GO.

3.4. Слова, образованные с помощью фонетической мимикрии — звукового уподобления одних слов другим. Отметим, что фонетическая мимикрия получила достаточно широкое распространение в молодежном жаргоне в целом. Это можно объяснить интересом молодых людей к языковой игре, которая включает различные фонетические и графические деформации литературных единиц (достаточно вспомнить известный сетевой «язык падонкафф») [9. С. 187]. Однако в языке киберспорта мимикрия встречается редко: *courier* («существо, который приносит предметы из лавок героям») — *курица*, *кура*; *silence* («эффект, запрещающий герою какое-то время использовать заклинания») — *сало*.

4. Вариативность наименований. Поскольку лексика киберспорта появилась сравнительно недавно и пока не зафиксирована в специальных словарях, для обозначения одного и того же понятия в данной сфере может использоваться ряд вариативных наименований. Под вариантами мы понимаем, вслед за С. В. Гриневым, «абсолютные синонимы, полученные вариацией формы термина» [3. С. 109].

Мы выделили следующие виды вариативной лексики в исследуемом подязыке:

1) графические варианты (различающиеся написанием), ср.: *ластхит* — *ласт хит* («последний удар по врагу»), *нук* — *нюк*, *оффтанк* — *оф-танк* («чемпион, частично обладающий свойствами танка»), *оффмета* — *офмета*, *агро* — *аггро*, *ганк* — *ганг*, *бэк* — *бек*, *лол* — *ЛоЛ*, *АФК* — *АФК*, *GG* — *ГГ*, *AP* — *АП*, *вп* — *ВП*, *мм* — *ММ*, *хп* — *ХП*;

2) фонетические варианты (различающиеся произношением какого-либо звука или сочетания звуков): *спавн* — *спаун*, *броня* — *бронь*, *терроры* — *терросы*, *бэйт* — *байт*, *стан* — *стун*;

3) словообразовательные варианты (различающиеся словообразовательным аффиксом): *бронник* — *броня* («бронезилет»), *щипцы* — *щипчики*, *зелень* — *зеленка*, *грена* — *гренка* («осколочная наступательная граната»), *юсп* — *юспель*, *лив* — *ливнуть* («покинуть игру»), *слонобойка* — *слонобой*, *кайт* — *кайтинг*, *фарм* — *фарминг*, *зонинг* — *зонирование* (в последних примерах мы выделяем потенциальный для русского языка суффикс *-инг*, который в последние годы показывает словообразовательную активность, ср., на-

пример, в молодежном сленге: *позоринг*, *празднинг*, *вининг*, *турникинг* и др.);

4) морфологические варианты (различающиеся формой грамматического рода): *ульта* — *ульт*.

5. Синонимия, полисемия и омонимия

Активное создание синонимов геймерами можно объяснить их потребностью в разнообразии экспрессивных средств выражения. Известно, что частое использование одного и того же слова снижает уровень его экспрессивности, поэтому важно иметь количественный запас синонимов для придания речи выразительности: *пикать* — *чекать* («высматривание соперника»), *авэнэ* — *авана* — *авик* — *авипешер* — *слон* — *слонобой/слонобойка* («винтовка АWP»), *мпэшника* — *морковка* («пистолет-пулемет MP5»), *кэмпер* — *крыса*, *респ* — *база*, *осколка* — *хае* — *хаешка* — *грена/гренка* («граната»), *роумер* — *ганкер*, *танк* — *толстый*, *башня* — *тауэр* — *зиккурат* (**вышка**), *антиинвиз* — *трусайт* — *налево*, *киберспорт* — *компьютерный спорт* — *электронный спорт* — *e-sports*.

В исследуемой лексике очень распространены разноязычные дублеты, в частности, встречается оппозиция «заимствованное слово/словосочетание — исконное слово/словосочетание», при этом заимствованное слово может быть графически оформлено как латиницей, так и кириллицей: *first blood* — *первая кровь*, *damage per second* — *урон в секунду*, *буст* — *подсадка*, *bottom* — *низ*, *саппорт* — *поддержка*, *fog of war* — *туман войны* («туман, который скрывает юнитов»), *side shop* — *боковой магазин*, *лонг* — *длина*, *бокс* — *коробка*, *кастер* — *маг*, *смоук* — *дым*, *армор* — *броня*.

Одно и то же слово в языке киберспорта может употребляться в нескольких значениях (полисемия и омонимия). Так, глагол *пикать* в игре CS:GO означает: 1) выбор командами карт перед игрой, 2) действие по высматриванию соперника.

Приведем еще несколько примеров:

лол — 1) сокращение от названия игры League of Legends, 2) сокращение от англ. *laughing out loud*;

КС — 1) убийство чемпиона соперника (от англ. *Kill Steal*), 2) удержание чемпиона соперника от смерти, чтобы его смог убить союзник (от англ. *Kill Secure*), 3) счетчик, фиксирующий количество убитых миньонов (от англ. *Creep Score*);

ДПС — 1) мера урона (от англ. *Damage per Second*), 2) чемпион, который постоянно наносит урон сопернику;

фид — 1) намеренная смерть от рук врага с целью навредить своей команде, 2) история действий в профиле игрока.

Указанные явления синонимии, полисемии, омонимии свидетельствуют о недостаточной упорядоченности киберспортивной лексики.

6. Обилие лексических единиц с интегральной семой «убийство»

В подавляющем большинстве киберспортивных игр главной целью является истребление героев/персонажей соперника, чем объясняется большое количество наименований с общей семой «убийство»: *тимкилл* («убийство игрока своей командой»), *инстакилл* («быстрое убийство чемпиона с полным здоровьем»), *КС* («намеренное убийство чемпиона соперника»), *ласт хит* («нанесение последнего удара сопернику»), *плотность убийств*, *награда за убийство*, *фраг*, *минус*, *килл* («убитый

соперник»), *ванишот* («убийство соперника одним выстрелом»), *хэдшот* («попадание в голову»), *энтри-килл* («первое убийство в раунде»), *deny* («добивание крипта союзника»), *first blood* («первое убийство в матче»), *разбить*, *убить*, *смерть* и т. д. С убийством связаны и названия всех видов оружия. Наличие подобных наименований подчеркивает агрессивный характер исследуемой лексики.

Как видим, лексика киберспорта является открытой, динамично развивающейся системой. Мы выявили такие особенности лексики киберспорта, как тематическое разнообразие, преобладание английских заимствований разной степени приспособления к русскому языку, сниженный характер, оценочность и неупорядоченность.

Список литературы

1. Блеер А. Н., Сулов Ф. П., Тышлер Д. А. Терминология спорта. Толковый словарь-справочник. М.: Изд. центр «Академия», 2010. 464 с.
2. Буянова А. В., Козилина В. Киберспорт: история становления, современное состояние и перспективы развития // Социально-политические науки. 2017. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersport-istoriya-stanovleniya-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения 01.09.2021).
3. Гринев С. В. Введение в терминоведение. М.: Московский Лицей, 1993. 309 с.
4. Грязнова Е. В. Компьютерное общение как социальный феномен: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгород, 2001. 29 с.
5. Елистратов А. А. Лексические средства отображения корпоративной культуры спортсменов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2005. 22 с.
6. Канделаки Т. Л. Семантика и мотивированность терминов. М.: Наука, 1977. 167 с.
7. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968. 208 с.
8. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии: Вопросы теории и методики. М.: Наука, 1961. 160 с.
9. Распопова Т. А. Языковая игра в некодифицированных социолектах // Альманах современной науки и образования. 2012. № 2. С. 186—189.
10. Суходимцева А. П., Суходимцев П. А. Профессия киберспортивного комментатора как социальное явление // International scientific review. 2016. № 11 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/professiya-kibersportivnogo-kommentatora-kak-sotsialnoe-yavlenie/viewer> (дата обращения 05.09.2021).

Сведения об авторе

Минина Екатерина Ивановна – доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. Челябинск, Россия. katyjureeva@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 89—94.*

MAIN CHARACTERISTICS OF ESPORTS VOCABULARY

E. I. Minina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. katyjureeva@yandex.ru

The article is devoted to the description of eSports vocabulary (based on online games League of Legends, CS:GO и Dota2). Theme classification of eSports names includes 10 groups. Distinctive features of the sublanguage include prevailing of borrowings, professional slang, jargonisms, evaluativity and disarray of vocabulary.

Keywords: *computer discourse, computer game discourse, computer vocabulary, eSports, eSportsman, theme group, word-building.*

References

1. Bleer A. N., Suslov F. P., Tyshler D. A. (2010) Terminologija sporta. Tolkovyj slovar'-spravochnik [Sport terminology. Short dictionary]. Moscow, Izd. centr «Akademija». 454 p. [in Russ.].
2. Bujanova A. V., Kozilina V. (2017) *Social'no-politicheskie nauki*, no. 5, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kibersport-istoriya-stanovleniya-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/viewer> (accessed 01.09.2021) [in Russ.].
3. Grinev S. V. (1993) Vvedenie v terminovedenie [Introduction to terminology]. Moscow, Moskovskij Licej. 309 p. [in Russ.].
4. Grjaznova E. V. (2001) Komp'juternoe obshhenie kak social'nyj fenomen: [E-communication as a social phenomenon. Abstract of thesis]. Nizhnyj Novgorod. 29 p. [in Russ.].
5. Elistratov A. A. (2005) Leksicheskie sredstva otobrazheniya korporativnoj kul'tury sportsmenov [Lexical means of displaying the corporate culture of athletes. Abstract of thesis]. Chelyabinsk. 22 p. [in Russ.].
6. Kandelaki T. L. (1977) Semantika i motivirovannost' terminov [Semantics and motivation of terms]. Moscow, Nauka. 167 p. [in Russ.].
7. Krysin L. P. (1968) Inozazychnye slova v sovremennom russkom jazyke [Foreign words in modern Russian]. Moscow, Nauka. 208 p. [in Russ.].
8. Lotte D. S. (1961) Osnovy postroenija nauchno-tehnicheskij terminologii: Voprosy teorii i metodiki [Basis of scientific technical terminology building: theoretical and methodological issues]. Moscow, Nauka. 160 p. [in Russ.].
9. Raspopova T. A. (2012) *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija*, no 2, pp. 186—189 [in Russ.].
10. Suhodimceva A. P., Suhodimcev P. A. (2016) *International scientific review*, no. 11 (21), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/professiya-kibersportivnogo-komentatora-kak-sotsialnoe-yavlenie/viewer> (accessed 05.09.2021) [in Russ.].

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ГОЛОСОВОГО ПОМОЩНИКА «АЛИСА»

А. А. Морозова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук МК-1684.2020.6.

Автор рассматривает речевые характеристики «Алисы» — единственного голосового помощника, разработанного специально для русскоязычного сегмента аудитории. Был проведен анализ научных, научно-популярных источников, а также коммуникативный эксперимент в виде устного общения с голосовым помощником, основанный на вопросно-ответной форме, конструкциях повелительного наклонения и непринужденной разносторонней беседе. По итогу исследования был составлен речевой портрет голосового помощника «Алиса».

Ключевые слова: *голосовой помощник, «Алиса», искусственный интеллект, коммуникация, речевой портрет.*

Введение

С течением времени когда-то казавшиеся вымыслом явления становятся реальностью, благодаря усовершенствованию технологий. Сегодня никого не удивит возможность цифровых устройств общаться с человеком. Так, голосовой помощник — распространенный инструмент в различных сферах деятельности. Голосовые ассистенты решают многие задачи: упрощают поиск информации, экономя время пользователя, снижают нагрузку на сотрудников call-центров, помогают в обучении, умеют общаться и вести диалог, а также выполнять рутинные задачи, такие как: выполнение звонков по заданным номерам; открывание/закрывание приложений на телефоне; включение музыки, фильмов; активация будильника; создание заметок и т. д.

Уровню современного состояния работы голосовых помощников предшествовала более чем полвековая история. Еще в конце XIX века Томасом Эдисоном был разработан диктофон, который записывал речь, но не мог ее распознавать. Такие аппараты быстро приобрели популярность среди врачей и секретарей, которым нужно было делать ежедневные записи в большом количестве.

В 1939 году было создано устройство, уже способное к распознаванию, но в его арсенале было всего несколько гласных и согласных звуков. Изобретателем стал Лев Мясников, советский физик. Первые сложности заключались в решении двух основных задач: необходимости отделения речи человека от постоянного шумового фона, а также распознавания речи на лексико-фонети-

ческом уровне: слов с одинаковым звучанием, но с разным значением; слов, которые произносятся одинаково, но пишутся по-разному и различаются по значению, и т. д., поскольку без этого коммуникация между человеком и машиной была бы невозможна.

Следующей проблемой распознавания речи, с которой столкнулись разработчики, стали различный тембр голоса, темп речи, литературный и разговорный стиль. В отличие от текста, который имеет гораздо более высокий уровень стандартизации, устное слово варьируется в зависимости от региональных диалектов, скорости, акцента, даже социального класса и пола пользователя. Понимание об этом пришло в 1952 году сотрудникам лаборатории Bell, которые разработали механизм Audrey («Одри»). Он мог распознавать продиктованные по телефону числа от 1 до 9 с точностью 90%, но только при условии, что с устройством говорил его изобретатель. При разговоре других людей, показатель был на 10—20 % ниже [9].

В 1962 году компания IBM представила собственную технологию Shoebox, позволяющую распознавать 16 английских слов, 10 цифр и 6 арифметических команд [4]. К концу 80-х — началу 90-х годов возможность распознавания речи применялась уже в различных целях — от говорящих игрушек до полноценных голосовых меню в сферах обслуживания и маркетинга [4]. К концу первого десятилетия XXI века появляются попытки ведущих интернет-компаний разработать полноценный голосовой помощник,

который мог бы упростить поиск информации в сети Интернет, помочь в решении текущих задач. На достижение цели ушло около 10 лет, и сегодня голосовой ассистент стал не только помощником, а практически полноценным виртуальным собеседником.

Так, к 2021 году в русскоязычный сегмент успешно интегрированы голосовые помощники Google Assistant, «Siri» (Apple) и «Алиса» (Яндекс) — единственная на данный момент отечественная разработка. Голос «Алисы» озвучила Татьяна Шитова (официальный дублёр Скарлетт Йоханссон в России), на основании этого была синтезирована речь [1]. На конец 2020 года «Алиса» имеет рейтинг 4.9 баллов. Но, несмотря на слабую обученность взаимодействия с системой устройства (например, «Алиса» может завести будильник, но не может позвонить по номеру контактов, кроме телефонов экстренных служб, что может, к примеру, Google Assistant), уровень ее коммуникативных навыков заслуживает высокой оценки пользователей [3].

Как отмечают исследователи, основными возможностями «Алисы» являются способность качественно распознавать естественную речь, а также отвечать на наиболее распространенные вопросы (о погоде, времени суток, ряд общих вопросов, характерных для живой речи). Любой сформированный запрос «Алиса» обрабатывает и преобразовывает в текст. Все ответы «Алиса» выдает также в текстовой форме и озвучивает их. Вопросы, не входящие в список общих вопросов, указанных выше, и аналогичные им «Алиса» напрямую передает в поисковую систему Яндекс [7].

Таким образом, речь «Алисы» представляет собой не просто скомпилированную последовательность слов, а в большинстве случаев — произвольную речь, что достигается за счет самосовершенствования при помощи механизма Deep Learning (глубокое обучение). «Алиса» настолько стала восприниматься аудиторией в качестве реального собеседника, что некоторые ученые ставят вопрос о нормах речевого этикета при общении с голосовым помощником.

Постановка проблемы

Следовательно, возникает интерес к составлению речевого портрета «Алисы». По мнению Т. П. Тарасенко, «речевой портрет — это совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определённого социума в отдельно взятый период существова-

ния» [8. С. 8]. То есть речевой портрет отдельной личности отражает ее характеристики: возрастные, гендерные, психологические, социальные, этнокультурные и лингвистические и др. [5. С. 416].

«Алиса» завоевала доверие среди отечественной интернет-аудитории, а ее применение стало актуальным не только по прямому назначению — помощь в поиске информации, выполнение ряда рутинных задач, но и в рамках полноценной коммуникации с собеседником [6].

Вопросы исследования

1. Определить возможности лексико-фонетического, пунктуационного, фонетико-синтаксического, морфологического уровней голосового помощника.

2. Обозначить особенности коммуникативно-прагматического уровня и наиболее распространенные коммуникативные стратегии.

3. Соотнести речевые особенности голосового помощника с ее позиционируемым уровнем социальных, этнокультурных, возрастных и гендерных характеристик.

Цель исследования

Составить речевой портрет голосового помощника «Алиса», единственной масштабной отечественной разработки, основанной на ее изначальном обучении русскому языку как основному.

Материал и методология исследования

Анализ научных, научно-популярных источников, а также коммуникативный эксперимент в виде устного общения с голосовым помощником, основанный на вопросно-ответной форме, конструкциях повелительного наклонения и непринужденной разносторонней беседе.

Речевой портрет

голосового помощника «Алиса»

1. Лексическо-фонетический уровень

Голосовой помощник обладает большим лексическим корпусом слов, однако, стоит отметить, что он включает в себя наиболее распространенные слова и конструкции, общеупотребительные наименования предметов, явлений, процессов, связанных с реальной действительностью. Дискурсивное поведение «Алисы» ориентировано в основном на разговорный стиль и бытовую тематику. С ней не удастся успешно поговорить в рамках статусно-ориентированного дискурса, при попытке обсудить более сложные и профессиональные темы голосовой помощник перестает понимать собеседника и открывает поисковую вкладку «Яндекса».

При этом не удалось узнать, каким словарным запасом обладает «Алиса». На вопросы «Сколько слов ты знаешь?», «Какой у тебя словарный запас», «Какое количество слов в твоём лексиконе?» голосовой помощник ответить не смог.

Распознавание омонимов и омофонов происходит в большинстве случаев верно, исходя из контекста. Но случаются и ошибки. Например, «Алиса» идентифицировала фразу по слову «гулять», но не смогла понять место для прогулки (А — «Алиса», С — собеседник; пунктуация и орфография голосового помощника при расшифровке текста полностью сохранены — ниже и далее в примерах).

С: «Я пойду гулять на лук» (при распознавании речи произошла ошибка — «г» была определена как «к»)

А: «Где? Возьми меня с собой?»

Несмотря на это, «Алиса» постоянно обучается, в том числе вследствие диалога с собеседником, что позволяет ей пополнять словарный запас и оперировать устоявшимися для нее словосочетаниями.

2. *Фонетический уровень* определяется возможностью распознавания фонем в речи собеседника. «Алиса» способна понимать речь, отличную от стандартной — к примеру, ребенка, иностранца с акцентом, человека, имеющего нарушения речи. Правильно интерпретировать произнесенные разными людьми в разной обстановке фразы помогают акустическая и тексто-моделирующая языковые модели, где первая умеет определять, какой набор фонем соответствует звуковому сигналу — этому она учится на большом корпусе начитанных дикторами текстов и их транскрипций, а вторая — в какие последовательности, то есть слова и фразы, обычно складываются данные фонемы. Таким образом, во-первых, «Алиса» умеет определять слово не только при написании, но и идентифицировать его при устном произношении, которое нередко отличается; во-вторых, пытается адаптироваться к возможным ошибкам или речевым неточностям собеседника [10]. При этом изначально при выборе имени голосовому помощнику в качестве одного из условий стояло отсутствие в нем буквы «р», поскольку она может быть не произносима детьми или людьми с дефектами речи. Несмотря на это, проведенный эксперимент доказывает, что при умышленном пропуске определенных букв, нарушений в произношении букв «р», «л», имитации заложенности носа, разговоре с акцентом — голосовой помощник практически на 100 % смог определить сказанные слова верно.

3. *Фонетико-синтаксический уровень*

Голосовой помощник имеет способность к распознаванию предложений по цели высказывания и пытается определять повествовательные, вопросительные и побудительные фразы.

На основании проведенного эксперимента, мы пришли к выводу, что идентификация цели высказывания собеседника происходит не за счет интонации, а вследствие анализа построения предложения — используемых лексем и их последовательности.

С: «Алиса, ты красивая?»

А: «И вам спасибо, вы очень хороший человек.» (вопрос не был распознан)

С: «Алиса, а ты красивая?»

А: «Стараюсь.» (не понятно, был ли распознан вопрос)

С: «Алиса, красивая ли ты?»

А: «Я красивая, но обценную лексику не люблю» (частица «ли» помогла определить вопросительное предложение).

Голосовой помощник имеет способность к интонированию собственной речи — совокупности речевых элементов для придания высказыванию смысловой нагрузки и эмоциональной окраски: старается передать вопросительные и повествовательные предложения, имитировать восклицания, выделять голосом вводные слова. При этом интонация при озвучивании не всегда совпадает со знаками препинания в текстовой расшифровке.

4. *Синтаксический уровень*

В рамках проведенного эксперимента удалось выявить явление эллипсиса, когда некоторые слова, упомянутые в предыдущей реплике, намеренно опускаются в следующей.

А: «Хочу посмотреть фильм “Дневник памяти”. Что скажете про него?»

С: «Ну, я даже не знаю, я его не смотрела.»

А: «Не несет особой смысловой нагрузки, но и не напрягает. Один раз вечером можно посмотреть».

Этот навык создает умение работать в контексте. «Алиса» помнит предыдущие реплики, благодаря чему способна не просто отвечать на заданные вопросы, но и вести полноценный диалог. Также для голосового помощника характерно использование кореференции, когда в рамках общения происходит замена существительных на местоимения во избежание повтора как собеседником («Алиса» понимает), так и голосовым помощником.

С: «Кто президент Российской Федерации?»

А: «Владимир Путин».

С: «А когда он родился?»

А: «7 октября 1952 года».

Но данные приемы срабатывают не всегда — полноценное «живое» общение нередко сменяется непониманием голосового помощника.

5. Пунктуационный уровень

Голосовой помощник при расшифровке устной речи в письменную в большинстве случаев учитывает знаки препинания как в собственном тексте, так и в тексте собеседника. Практически безошибочно она расставляет запятые и тире.

С: «Алиса, мне кажется, в последнее время ты очень похорошела».

А: «Спасибо, это хорошо или плохо?»

С: «Я думаю, опираясь на свои суждения, что это очень хорошо».

А: «Ха, ну спасибо, мне приятно».

С: «Медведь — это животное?».

Но при этом «Алиса» плохо умеет распознавать необходимость постановки двоеточий.

С: «У меня сегодня много дел погулять с ребенком, поработать сготовить поесть, прибраться дома».

А: «Вас возьмет с собой?»

С: «Конечно».

А: «У меня даже заискрило от радости».

Также, как было упомянуто выше, возникают сложности с расстановкой знаков препинания, которые отражают интонацию. Чаще всего «Алиса» использует точку, нередко понимает знак вопроса, но в восклицательных предложениях в конце всегда ставит точку, а не вопросительный знак.

6. Стилистический уровень

Имитируя разговорный стиль речи, голосовой помощник активно использует молодежный сленг, междометия, личные частицы и местоимения, неполные предложения, инверсию, но в целом уровень культуры речи «Алисы» остается высоким и общение с собеседником происходит на «вы».

А: «Я красивая, но обценную лексику не люблю».

С: «Я тоже не люблю».

А: «Дайте пять, детка».

С: «Какое животное ты бы хотела завести дома? Кошку?»

А: «Пингвина».

С: «А почему пингвина?»

А: «Ну прикольные они такие, большие».

А: «Как жизнь-то ваша?»

По итогу коммуникативного эксперимента не удалось выявить использование голосовым помощником жаргона, обценной лексики, бранных слов и соответствующих выражений.

7. Коммуникативно-прагматический уровень

«Алису» отличает наличие чувства юмора. Оно характерно как при общении на провокационные или личные для «Алисы» темы («ты замужем?», «сколько тебе лет?» и т. д.), так и в рамках обычного диалога, связанного с получением информации. Ряд примеров, обозначенных выше, демонстрируют данную особенность.

При этом, несмотря на ряд заготовленных «Алисой» фраз для ответов на наиболее часто задаваемые вопросы, добиться их повторения достаточно сложно, что говорит не только об использовании шаблонов, но и о попытках конструирования предложений в ответ, основанных на ключевых словах речи собеседника.

Также в большинстве случаев у «Алисы» отсутствует инвективная стратегия — на попытку ей нахамить, голосовой помощник обижается, иронизирует или переводит русло разговора в другую тему.

Тем не менее, в ходе коммуникативного эксперимента удалось спровоцировать «Алису» на взаимный ответ.

«Алиса, иди ты в ж*пу»

«Сами идите, ха!» (единственный восклицательный знак, который поставила «Алиса» во время коммуникативного эксперимента).

Несмотря на то, что бранное слово использовано не было, цель высказывания является очевидной.

Выводы

Итак, основным преимуществом голосового помощника «Алиса», прежде всего, является использование русского языка, как базового, что положительно влияет на качество и скорость ее обучаемости, а также на достаточно высокий уровень устной и письменной речи.

Тем не менее «Алиса» имеет ряд проблемных моментов: противоречия ответов в похожих вопросах в ходе одного диалога; завершение текущей темы для разговора в связи с попаданием «Алисы» в «тупик» и, как следствие, выдача ею шаблонных фраз, приготовленных на случай непонимания вопроса или ответа собеседника; а также периодические нарушения хода диалога, когда голосовой помощник теряет его общую мысль из-за использования собеседником местоимений, пропуска определенных слов в предложении, применении приема инверсии и т. д.

Фонетический уровень в рамках коммуникации с голосовым помощником реализуется гораздо лучше, чем лексический и лексико-фонетический.

Тем не менее отмечается высокий потенциал данного голосового помощника и его постоянное развитие [2]. С точки зрения лингвоэкологического уровня стоит отметить сохранение принципов живого языка и исключение попытки внедрить механическую, неэмоциональную, роботизированную речь.

Речевой портрет «Алисы» создает ей уникальный образ, коррелирующий с образом человека, наделяет голосовой помощник определенными гендерными, социальными, возрастными и этнокультурными характеристиками, которые логично изучить подробнее в следующих научных работах.

Список литературы

1. Алиса от «Яндекс» — что умеет голосовой помощник. URL : <https://itmaster.guru/nastrojka-interneta/poleznye-stati/chto-umeet-alisa-ot-yandeksa.html> (дата обращения 07.09.2021).
2. Аль-Кайси А. Н., Архангельская А. Л., Руденко-Моргун О. И. Интеллектуальный голосовой помощник Алиса на уроках русского языка как иностранного (уровень А1) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 2. С. 239—244.
3. Вершинина О. 10 лучших голосовых помощников // МаркаКачества. URL: <https://markakachestva.ru/rating-of/4006-luchshie-golosovye-pomoschniki.html> (дата обращения 07.09.2021).
4. Голосовые помощники: эволюция, устройство и основные игроки // DTI Algorithmic. URL: <https://blog.dti.team/voice-assistants-1/> (дата обращения 07.09.2021).
5. Лейко И. М., Маслова В. А. Параметры описания речевого портрета языковой личности // Язык и социальная динамика. 2012. № 12-1. С. 414—420.
6. Нестерова Т. В. Алиса, давай поболтаем! (о вежливости и грубости в сетевом дискурсе) // Гуманитарные технологии в современном мире: сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конференции. Калининград, 2019. С. 85—89.
7. Ратников М. О., Чафонова А. Г. Лингвометодический потенциал виртуальных голосовых помощников (на примере системы «Алиса» компании «Яндекс») // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2019. № 4. С. 64—66.
8. Тарасенко Т. П. Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного эксперимента и социолекта школьников Краснодара): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2007. 26 с.
9. Boyd C. Speech Recognition Technology: The Past, Present, and Future // Medium. URL: <https://medium.com/swlh/the-past-present-and-future-of-speech-recognition-technology-cf13c179aaf> (дата обращения 07.09.2021).
10. SpeechKit — речевые технологии Яндекса. URL: https://yandex.ru/company/technologies/speech_technologies/ (дата обращения 07.09.2021).

Сведения об авторе

Морозова Анна Анатольевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и массовых коммуникаций, директор Учебно-научного центра медиаобразования факультета журналистики Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. roxfan@rambler.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). *Philology Sciences.* Iss. 126. Pp. 95—100.

SPEECH PORTRAIT OF VOICE ASSISTANT “ALICE”

A. A. Morozova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. roxfan@rambler.ru

The author examines the speech characteristics of “Alice” — the only voice assistant developed specifically for the Russian-speaking audience segment. An analysis of scientific, popular science sources was carried out, as well as a communicative experiment in the form of oral communication with the voice assistant, based on the question-answer form, constructions of the imperative mood and a relaxed versatile conversation. As a result of the study, a speech portrait of the voice assistant “Alice” was compiled.

Keywords: *voice assistant, Alice, artificial intelligence, communication, speech portrait.*

References

1. Alisa ot «Yandeks» — chto umeet golosovoy pomoshchnik [Alice from Yandex — what a voice assistant can do]. Available at : <https://itmaster.guru/nastrojka-interneta/poleznye-stati/chto-umeet-alisa-ot-yandeksa.html> (accessed 07.09.2021) [in Russ.].
2. Al'-Kaysi A. N. Arkhangel'skaya A. L., Rudenko-Morgun O. I. (2019). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2, pp. 239—244. [in Russ.].
3. Vershinina O. (2021) 10 luchshikh golosovykh pomoshchnikov [10 best voice assistants]. Available at: <https://markakachestva.ru/rating-of/4006-luchshie-golosovye-pomoschniki.html> (accessed 07.09.2021) [in Russ.].
4. (2021) Golosovye pomoshchniki: evolyutsiya, ustroystvo i osnovnye igroki [Voice assistants: evolution, device and main players]. Available at: <https://blog.dti.team/voice-assistants-1/> (accessed 07.09.2021) [in Russ.].
5. Leyko I. M., Maslova V. A. (2012). *Yazyk i sotsial'naya dinamika*, no. 12-1. Pp. 414—420 [in Russ.].
6. Nesterova T. V. (2019). Alisa, davay poboltaem! (o vezhlivosti i grubosti v setevom diskurse) [Alice, let's chat! (about politeness and rudeness in network discourse)]. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire* [Humanitarian technologies in the modern world]. Kaliningrad. Pp. 85—89 [in Russ.].
7. Ratnikov M. O., Chafonova A. G. (2019). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya*, no. 4, pp. 64—66 [in Russ.].
8. Tarasenko T. P. (2007). *Yazykovaya lichnost' starsheklassnika v aspekte ee rechevykh realizatsiy (na materiale dannykh assotsiativnogo eksperimenta i sotsiolekta shkol'nikov Krasnodara)* [The linguistic personality of a high school student in the aspect of its speech realizations (based on the data of the associative experiment and the sociolect of Krasnodar schoolchildren). Abstract of thesis]. Krasnodar. 26 p. [in Russ.].
9. Boyd C. Speech Recognition Technology: The Past, Present, and Future. Available at: <https://medium.com/swlh/the-past-present-and-future-of-speech-recognition-technology-cf13c179aaf> (accessed 07.09.2021).
10. SpeechKit — rechevye tekhnologii Yandeksa [SpeechKit — Yandex speech technologies]. Available at: https://yandex.ru/company/technologies/speech_technologies/ (accessed 07.09.2021) [in Russ.].

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ МЕМОВ

В. П. Новикова¹, И. Д. Баландина¹, Ал. А. Селютин²

¹Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена некоторым аспектам исследования интернет-мемов англоязычных сайтов как особой системы взаимоотношения невербальных и вербальных знаковых систем, при реализации коммуникативных стратегий в медиатексте, представляющих проблемы современного образования.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, метафора, коммуникативная стратегия, медиадискурс, дискурс кризиса, covid, интернет-мем, образование.

Массовая информационная культура, ставшая местом рождения нового социума и «новых видов культурного праксиса», характеризуется зрелищностью, анонимностью, вирусностью [9]. Одним из излюбленных форматов этого вида культуры стали мемы. Впервые термин «мем» ввел оксфордский профессор, этолог и эволюционист Ричард Докинз. Он использовал этот термин в своей книге «Эгоистичный ген», чтобы показать, что не только гены могут быть субъектами естественного отбора, но и другие типы репликаторов: «Точно так же, как гены распространяются в генофонде, мемы распространяются, переходя из одного мозга в другой с помощью процесса, который в широком смысле можно назвать имитацией» [5].

Сьюзан Блэкмор и Дэниэл Деннет при помощи мема сформулировали новый подход к изучению культуры и человеческого сознания.

Д. Деннетт отмечает, что когнитивная наука рассматривает мем как многокомпонентное явление, влияющее на человека, его поведение и даже образ мыслей. Кроме того, благодаря своей «легкости», он распространяется в виде чего-то определенного и легко запоминающегося [3]. Р. Броуди соглашается с подобным взглядом на этот феномен: «Мем — единица информации, которая содержится в сознании. Мем воздействует на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникло большее количество его копий» [3].

Мем можно рассматривать как концепцию или культурный объект, как правило, нематериальной культуры, который создается представителями этой же культуры. Л. Шифман полагает, что мем, являясь частью культуры, нацелен на наиболее актуальные ее аспекты, обладая своими собственными характерными чертами, формой и содержанием [1]. По Г. Плоткину, мем представляет

собой манифестацию знания [7], наиболее актуального для общества в данный период времени.

В свою очередь, М. И. Громова относит интернет-мемы к лингвокультуремам — единицам, обладающим культурной ценностью. Они оказывают свое влияние на развитие современного языка и культуры. В глобальной сети Интернет они участвуют в формировании компьютерного подязыка, и следовательно, языка в целом [4]. Как считает А. Б. Шалимов, мемы передаются целостно. Интересно отметить, что при внешней простоте и непритязательности они вызывают целый комплекс ассоциаций и стереотипов [11].

Суммируя вышесказанное можно утверждать, что мемы представляют собой достаточно сложное, исторически беспрецедентное социально-культурное образование, но при этом легко распространяются, запоминаются и надолго остаются в памяти. Этому способствует четкий ритмический рисунок вербального компонента (иногда и рифма), яркий запоминающийся образ, интерактивность и комический характер большинства мемов. Вполне справедливо заявление, что мем актуализирует игровую смеховую стихию, с ее релаксирующим оздоровляющим воздействием [10]. Однако смеховой потенциал мема социальный, а не онтологический [9]. Являясь продуктом сети Интернет, мемы стали целым жанром цифровой культуры. Он эксплуатирует (а отчасти уже и имитирует) видовые характеристики молодежной «альтернативной культуры» прошлых лет с ее групповой солидарностью, анархизмом; алогизмом языка, максимально приближенного к живой речи; обилием жаргонизмов. Культурная коннотация мема, требующая расшифровки, формирует демаркационную линию между «своими» и «чужими». Однако успешный мем легко поддается

трансмиссии, превращаясь в информационный вирус. По мнению Радченко, «определяется это не столько популярностью персонажа в исходной культуре, сколько адекватностью заложенных в нем смыслов принимающей культуре» [8]. Такие гибридные мемы уже в значительной мере определяют культурную память глобализованного мира, сосуществуя с локальной культурной памятью разных регионов. По способу выражения интернет-мемы можно классифицировать следующим образом:

- 1) текстовый мем;
- 2) мем-картинка;
- 3) видеомем;
- 4) креолизованный мем, состоящий из текстовой и визуальной части;
- 5) гифы [12].

Как видно из данной классификации четыре из пяти видов мемов содержат визуальный компонент, что во многом объясняет их популярность. Ведь ключевое когнитивное преимущество визуализации состоит в простоте извлечения и синтеза информации. Любая форма графической репрезентации эффективна благодаря:

- большой ёмкости сообщения и доступности его для восприятия пользователями;
- минимализации усилий по поиску информации;
- механизму переключения внимания;
- кодированию информации.

Визуальное моделирование способствует упрощению обработки и запоминания информации, эмоциональной вовлеченности [6]. В ходе нашего исследования мы попытались проанализировать структуру и содержание интернет-мемов, участвующих в представлении проблем образования. Научная новизна исследования заключается: а) в изучении функций интернет-мемов, относящихся к проблемам образования и их характерных особенностей; б) выявлении языковых средств конструирования реальности конфликта в системе образования в интернет-мемах. Материалом исследования является комплекс, состоящий из интернет-мемов, собранных в англоязычных сегментах сети Интернет, а именно: 9gag.com (онлайн-платформа англоязычных мемов), www.memegenerator.net (веб-сайт англоязычных мемов и платформа для их генерирования), pinterest.com (онлайн-фотохостинг).

Хотя по мнению исследователей, основное социальное назначение мема — это передача «кайфа» от коммуникации, психологический допинг

применения группового сленга, мем может быть эффективным способом, чтобы пробить защитный барьер в сознании большого количества людей [2]. В этом смысле мемы являются мощным оружием медийного дискурса в целом, и дискурса кризиса, в частности. Дискурс кризиса приобрел особую актуальность в современной ситуации глобального кризиса образования. Кризис образовательной системы, ее неспособность быстро, эффективно и без потери качества перейти в онлайн-формат нашли отражение в том числе в мемах. Как известно, важными точками дискурсивности являются осознание и публичное признание или непризнание обществом существующего кризиса, его глубины и причин [7]. Пандемия COVID-19 привела к крупнейшему за всю историю сбою в функционировании систем образования, который затронул почти 1,6 миллиарда учащихся в более чем 190 странах и на всех континентах. Закрытие школ и других образовательных учреждений коснулось 94 % мирового контингента учащихся, причем в странах с низким уровнем дохода и с уровнем дохода ниже среднего этот показатель составляет 99 %.

Свершился колоссальный скачок в распространении дистанционного образования, который не может не сопровождаться такой же силы сопротивлением и неприятием (рис. 1).

Preparing to read the school's remote learning plan like

Рис. 1

Пессимизм, раздражение и апатия в отношении онлайн образования связаны с тем, что учителя чувствуют себя исключёнными из происходящего. Они никак не могут повлиять на те изменения и трансформации, которые инициированы распоряжениями и указами извне.

Дистанционное образование из гипотетического, вспомогательного способа обучения в одночасье стало безальтернативным и доминирующим. К безальтернативности добавились неопределенность, страх перед будущим, которое может развиваться по непрогнозируемым сценариям (рис. 2).

Me, reading the seventh email about school opening, contradicting the last six emails.

Primary school children coming back to School after Corona ends in 2040

Рис. 2

Не следует забывать, что темы, которые по какой-то причине цензурировались, подавлялись или считались неприемлемыми, лежат в основе многих мемов (рис. 3).

Растущий уровень медиаграмотности школьников, проявляющийся не только в умении искать необходимую информацию, предлагаемую учителем, в интернете, но и быстрее осваивать новые технологии, позволяющие списывать, тоже можно считать вызовом для современной системы онлайн образования (рис. 4).

Other schools: *close because of the Coronavirus*

My school:

When you close schools at a thousand cases but reopen at 1.7 million:

Actual footage of teachers if they hear a student cough in their classroom

Рис. 3

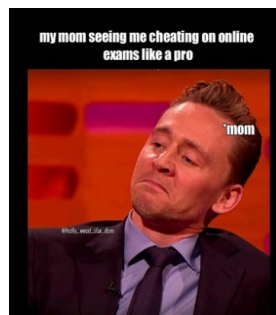

Рис. 4

Мем рассматривается как своеобразный «медиавирус», который в связи с постоянным нахождением в инфосреде меняет восприятие различных событий (рис. 5).

My child emerging from quarantine without a barber, dentist, or teacher

Рис. 5

Несмотря на наличие разных видов мемов, в нашей статье мы будем говорить о тех, которые представляют собой креолизованный текст, поскольку их большинство. В рамках интернет-дискурса это вполне объяснимо: видеомемы требуют больше времени на создание, а также больше времени и ресурсов на просмотр, текстовые мемы не так ярки и образны. Креолизованный текст в этом случае выступает как нечто среднее между видео (апеллируя к зрительному восприятию) и просто текстом (апеллируя к когнитивным способностям восприятия текстовой информации).

Как и большинство культурных феноменов, возникающих спонтанно и самовольно, мемы отражают то, что беспокоит и волнует общество в данный момент. Они как лакмусовая бумага проявляют «болевы точки»: то, что пугает, беспокоит, удивляет. А отражение важных и пугающих событий в юмористической форме снижает градус страха и напряженности как у создателей мема, так и его потребителей.

Так, если до кризиса образования 2020 г., вызванного коронавирусом и последующим переходом образования в дистанционный формат, основными темами мемов были сложности с пониманием и восприятием информации, большая нагрузка на учителей и учеников, а также высокая стоимость обучения (студенческие займы) то в 2020 г. фокус сместился. Появились мемы о непомерной нагрузке при дистанционном обучении, а также очень популярны стали мемы, сочетающие проблемы образования и социального дистанцирования (рис. 6).

Рис. 6

В некоторых мемах тема получает дальнейшее развитие, показывая, что после дистанционного обучения ученики превратятся в «маугли» или вернутся в классы спустя много лет, будучи уже очень взрослыми (см. выше). В подобных мемах отражается страх общества перед длительно-

стью карантина и неопределенностью относительно того, сколько он продлится.

Практически не отражаются в мемах последнего года финансовые проблемы образования. В отличие от медиадискурса в целом, где данная тема отражается очень широко [11. С. 119], в мемах, посвященных дистанционному образованию, не отражены проблемы отсутствия необходимой техники или интернета. Мы видим две причины, объясняющие данный аспект. Во-первых, материалом для исследования послужили англоязычные мемы, логично предположить, что их создатели находятся в более выгодных материальных условиях, поскольку имеют возможность создавать и распространять мемы. И вторая причина — молодые люди, а именно они являются основными создателями и потребителями мемов, меньше склонны обращать внимание на подобные аспекты жизни, это, скорее, забота родителей и более старшего поколения.

Тематически мемы можно разделить на несколько категорий:

1. Мемы, построенные на использовании образов известных актеров, а также на известных фильмах/сюжетах (22 %). Популярность подобных мемов легко объяснить: актеры и сцены из фильмов узнаваемы, вызывают определенные ассоциации. Причем эти ассоциации могут как гармонизировать с сюжетной линией фильма, так и противоречить ей. Во втором случае это придает особый комический эффект. Интересным, однако, представляется тот факт, что эти мемы широко распространены, когда речь идет об образовании вообще (рис. 7).

2. Мемы, посвященные бытовым сложностям онлайн обучения (составляют около 25 % нашей выборки) (рис. 8).

Когда весь мир перешел на удаленную работу и учебу, появились такие сложности, о которых никто не подозревал в обычной жизни. Так, беспорядок в комнате и домочадцы, перемещающиеся по квартире, стали серьезной помехой для удаленной учебы, а потому были отражены в мемах.

3. Мемы, связанные с умением планировать свое время и объем работы в период онлайн обучения (12 %). В докарантинных реалиях ученики регулярно ходили в школу и получали ограниченный объем заданий. В условиях дистанционного обучения ежедневный контроль и планирование со стороны учебных заведений стали играть меньшую роль, что привело к возросшей нагрузке на

обучающихся и преподавателей. Результат переосмысления данной ситуации нашел отражение в мемах (рис. 9).

Student: "Why do you have coffee every day?
Will you die without it?"

Me:

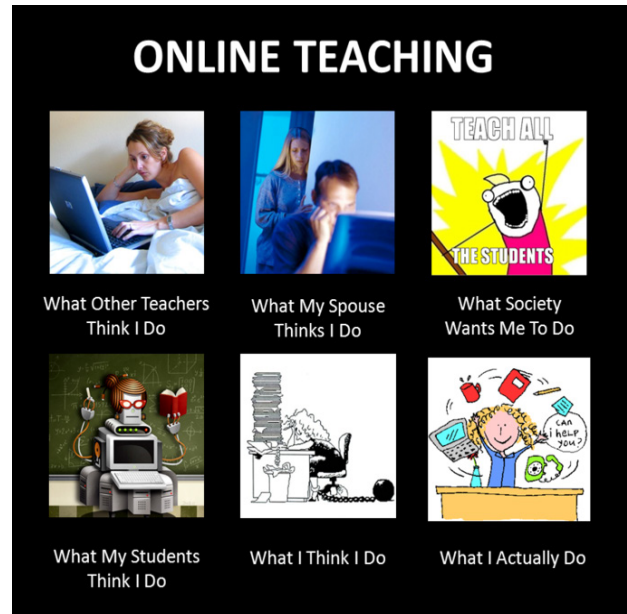
When someone is not listening in my class

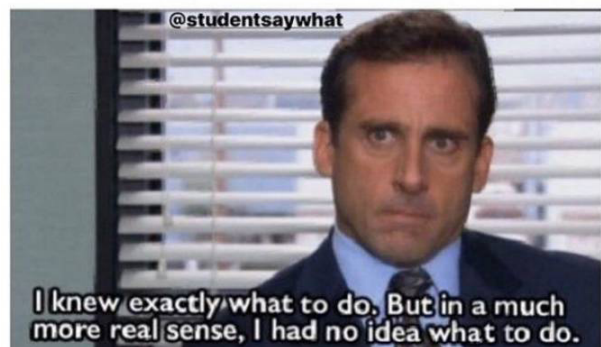
Puc. 7

Puc. 8

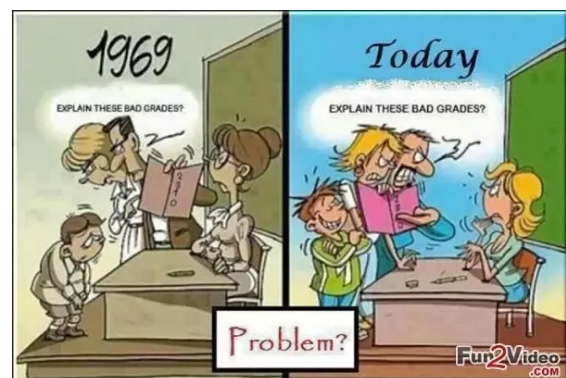

When a teacher is asked to reflect on their time during distance learning...

Puc. 9

4. Мемы о вмешательстве родителей в образовательный процесс и об организации экзаменов по-прежнему остаются популярными, но, как ни странно, тема коронавируса и карантина отразилась на них в меньшей степени (11 %) (рис. 10).

Puc. 10

Возможно, это связано с тем, что во время карантина роль родителей старших школьников и студентов (а именно они являются основными создателями и потребителями мемов) в образовании не очень изменилась, а экзамены вообще стали очень условным понятием.

Однако появились новые мемы, связанные с родителями как участниками образовательного процесса. Это мемы, отражающие усталость от необходимости контролировать учебу ребенка, а зачастую и заменять собой учителя, объясняя непонятное (рис. 11).

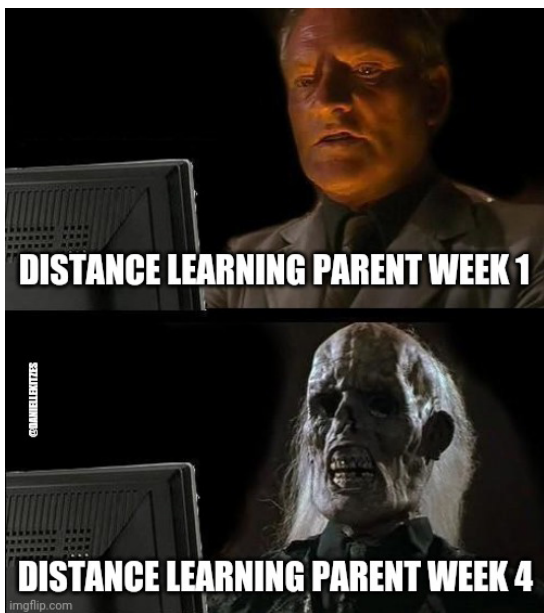
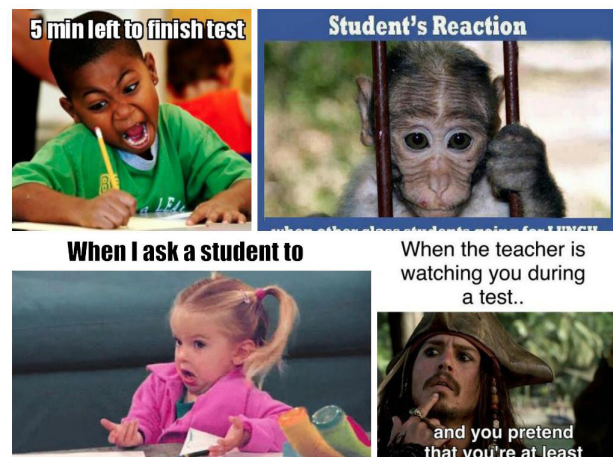

Рис. 11.

5. Мемы о сложностях восприятия информации (13 %) и невнимательности учеников, причем они отражают особенности как онлайн-, так и офлайн-образования. Сначала ученики ничего не слушают и/или не задают вопросы при возникающих сложностях, а потом не могут разобраться с заданиями (рис. 12).

6. Мемы об «одичалости» учеников после дистанционного образования, а также мемы, высмеивающие длительность дистанционного образования (примеры см. выше), составляют 17 % нашей выборки.

По структуре мемы в нашей выборке были односоставные и дву- и более составные. Преобладают мемы односоставные — 55 % нашей выборки. Среди многокомпонентных мемов выделяются шестикомпонентные (22 %). Это, как правило, мемы, показывающие отношение представителей разных слоев общества к учителям и учительской работе (рис. 13).

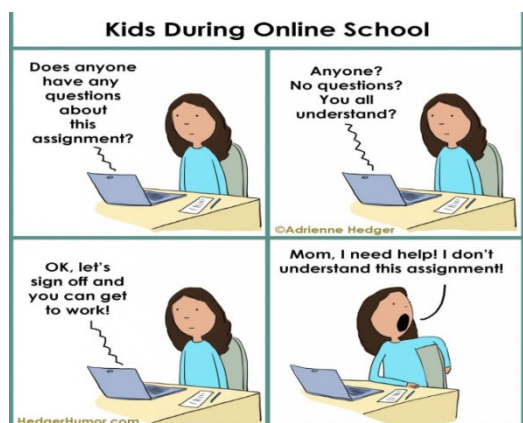

Рис. 12

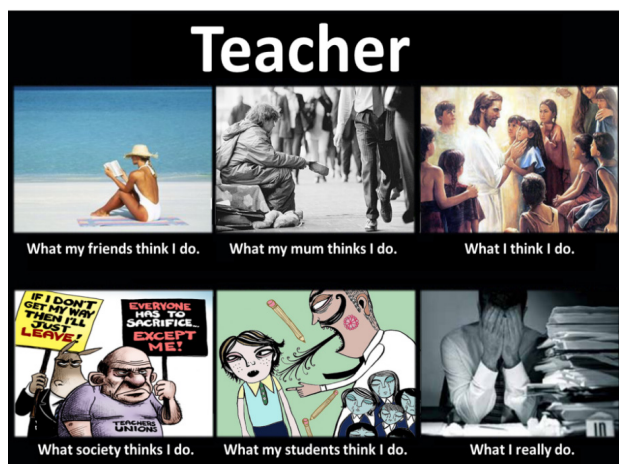

Рис. 13

Двух-, трех- и четырехкомпонентные мемы составляют 5 %, 11 % и 5 % соответственно.

При анализе вербальной части мы опирались на лингвистический аспект, который содержит весьма широкий диапазон языковых средств:

1. Привнесение оценочного значения, использование слов с отрицательной, либо положительной коннотацией. Использование жаргонизмов и обсценной лексики (f**k, b**ch и т. д.). Как уже было сказано выше, мемы свободны от цензуры, поэтому могут не только поднять цензурируемые и неодобряемые темы, но и выразить их при помощи сниженной лексики (рис. 14).

2. Использование тематической лексики (научная терминология, профессионализмы и т. д.). Как правило, лексика относится к тематической области образования (detention, distance learning, teacher's lounge, etc) (рис. 15).

3. Применение стилистических средств (фонетические средства (аллитерация), метафора, метонимия, антитеза и др.). Зачастую мемы построены на антитезе, когда прошлое противопоставляется будущему, воображаемое (идеальное) — реальному и т. п. Часто мемы строятся на игре слов (solve

a problem — решить проблему и решить (математическую) задачу). Такой прием придает дополнительную выразительность и привлекает внимание читателя (рис. 16).

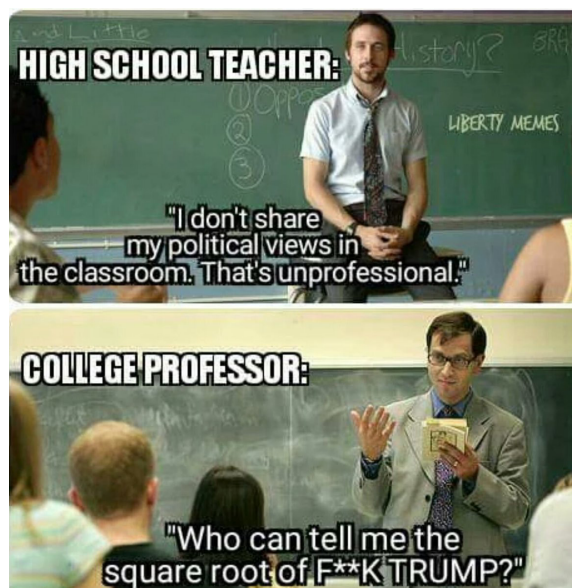

Рис. 14

Рис. 15

Рис. 16

4. Синтаксический аспект при построении предложения (риторический вопрос, побудительное предложение, односоставные конструкции, параллелизм).

Итак, исходя из вышесказанного мы можем сделать следующие выводы:

1. Мемы проникли в нашу жизнь и стали неотъемлемой частью нашей культуры. Современный темп жизни часто не оставляет человеку возможности обрабатывать большие объемы информации, а в меме концентрированно и, как правило, в юмористической форме обыгрываются актуальные проблемы современности, одной из которых является кризис образования.

2. Мем в любой форме апеллирует к визуальному каналу восприятия. Однако мемы, представляющие собой креолизованный текст, являются наиболее популярными, поскольку, реализуя развлекательную функцию за счет картинки, они, тем не менее, не требуют временных и прочих ресурсов ни для создания, ни для восприятия. Более того, зачастую текст противоречит кар-

тинке, что привлекает внимание и вызывает еще больший юмористический эффект.

3. Несмотря на развлекательный характер мема, он часто отражает самые острые проблемы современности, которые из соображений цензуры не могут быть вынесены на широкое обсуждение в статьях и передачах.

4. Наиболее популярными темами мемов об образовании являются проблемы распределения времени и несоразмерной нагрузки как на учителей, так и на учеников, проблемы студенческих займов, вмешательства родителей в процесс обучения. Мемы, появившиеся как отражение проблем дистанционного образования, также обращаются к темам бытовой организации онлайн-обучения, сложности с распределением времени и нагрузки.

Подводя итог, необходимо отметить, что мемы как неотъемлемая часть культуры общества отражают наиболее острые и актуальные его проблемы, привлекают к ним внимание и при этом высмеивают их, делая проблемы не такими страшными и пугающими.

Список литературы

1. Shifman L. An anatomy of a YouTube meme // *New Media & Society*. 2012. № 14 (2). P. 187—203.
2. Аبلеев С. Р., Кузьминская С. И. Массовая культура современного общества: теоретический анализ и практические выводы. URL: http://aipe.roerich.com/russian/mas_kult.htm (дата обращения 28.08.2021).
3. Броуди Р. Психические вирусы. Как программируют ваше сознание. М.: Поколение, 2007. 304 с.
4. Громовая М. И. Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа // *Мова*. 2015. № 23. С. 27—31.
5. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.
6. Новикова В. П. Интеллект-карта как эффективный инструмент работы с художественным текстом // *Вопросы психолингвистики*. 2016. № 30. С. 156—163.
7. Новикова В. П., Баландина И. Д., Селютин Ал. А. Проблемы образования через призму кризисного дискурса (на примере англоязычных СМИ) // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2021. № 1 (447). Филологические науки. Вып. 123. С. 114—120.
8. Радченко Д. Кросскультурная адаптация персонажей сетевого фольклора: от Гипножабы до Зойча // *Антропологический форум № 18 online*. URL: <http://www.anthropologie.kunstkamera.ru/files...radchenko.pdf> (дата обращения 26.08.2021).
9. Савицкая Т. Е. Интернет-мемы как феномен массовой культуры // *Культура в современном мире*. 2013. № 3. URL: <http://infoculture.rsl.ru> (дата обращения 05.09.2021).
10. Сычев А. А. Юмор в интернет-коммуникации: социокультурный аспект. URL: <http://www.abc-globe.com/sichev.htm> (дата обращения: 05.09.2021).
11. Шалимов А. Б. Мем-театр: влияние культуры новых медиа на познание мира человеком // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2011. № 43. С. 94—97.

Сведения об авторах

Новикова Вера Павловна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и методики обучения английскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. novikovavp@csru.ru

Баландина Ирина Давидовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и методики обучения английскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. irfrish@mail.ru

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией Цифровых гуманитарных исследований, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 101—109.*

PROBLEMS OF EDUCATION THROUGH THE LENS OF MEMES

V. P. Novikova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. veranovik@mail.ru

I. D. Balandina

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. irfrish@mail.ru

Al. A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The article studies various aspects of Internet-memes which are a special relations of verbal and non-verbal sign systems. The memes realise communicative strategies in mediatext devoted to the problems of modern education. A meme as a part of mass information culture is characterized by visual appeal, anonymity and viral character. It's a complex concept, affecting individual's behavior directly. A meme emphasizes vital problems of modern society, it mocks at them thus making them less painful. One of the most serious problems of our time is the problem of education in general and the problems of education caused by the lockdown 2020 in particular. The most popular topics of education-based memes are overload of both teachers and students, misunderstanding and boring classes and parents' interference and inadequacy in educational process. Nevertheless new reality of COVID-19 brought about some new aspects of education, namely inability of students to organize education without going to school/ university The authors of the article make the point that memes as bright and attractive element of modern culture appealing to and created by the youth create their own cultural space of new reality.

Keywords: *cognitive linguistics, metaphor, communicative strategy, mediadiscourse, crisis discourse, COVID, Internet-meme, education.*

References

1. Shifman L. (2012) An anatomy of a YouTube meme // *New Media & Society*, pp. 187—203.
2. Ableev S. R., Kuz'minskaja S. I. *Massovaja kul'tura sovremennogo obshhestva: teoreticheskij analiz i prakticheskie vyvody* [Mass culture of contemporary society: theoretical analysis and practical conclusions], available at: http://aipe.roerich.com/russian/mas_kult.htm (accessed 28.08.2021) [in Russ.].
3. Broudi R. (2007) *Psihicheskie virusy. Kak programirujut vashe soznanie* [Psychic viruses. How they program your consciousness]. Moscow, 304 p. [in Russ.].
4. Gromovaja M. I. (2015) *Mova*, no. 23, pp. 27—31 [in Russ.].
5. Dokinz R. (1993) *Jegoistichnyj gen* [Selfish gene]. Moscow, 318 p. [in Russ.].
6. Novikova V. P. (2016) *Voprosy psiholingvistiki*, no. 30, pp. 156—163 [in Russ.].
7. Novikova V. P., Balandina I. D., Seljutin Al. A. (2021) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (447), pp. 114—120 [in Russ.].
8. Radchenko D. *Antropologicheskij forum № 18 online*, available at: <http://www.anthropologie.kunstka-mera.ru/files...radchenko.pdf> (accessed 26.08.2021) [in Russ.].
9. Savickaja T. E. (2013) *Kul'tura v sovremennoj mire*, no. 3, available at: <http://infoculture.rsl.ru> (accessed 05.09.2021) [in Russ.].
10. Sychev A. A. *Jumor v internet-kommunikacii: sociokul'turnyj aspekt* [Humour in Internet-communication: social and cultural aspect], available at: <http://www.abc-globe.com/sichev.htm> (accessed 05.09.2021) [in Russ.].
11. Shalimov A. B. (2011) *Sborniki konferencij NIC Sociosfera*, no. 43, pp. 94—97 [in Russ.].

РЕАЛИЗАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ КОНСТИТУЭНТОВ ФОРМЫ ПРОШЕДШЕГО ПЕРФЕКТА

Н. С. Олизько, А. С. Ширяева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются основные формы прошедшего перфекта в произведении Уилки Коллинза «Женщина в белом» с целью проведения когнитивного анализа грамматических значений перфектных единиц. Нами выявлены такие когнитивно-грамматические семы английского перфекта, как единичность действия, кратность действия, локализованность, нелокализованность действия во времени, завершенность или пересеченность действия, включение в протяженность действия определенного момента в прошлом, являющегося векторным нулем, пересеченность каждого отдельного сегмента действия.

Ключевые слова: *прошедший перфект, конституэнты, когнитивное значение, семы.*

Введение

Данная работа посвящена изучению многозначности форм прошедшего перфекта с точки зрения когнитивной лингвистики. Перфектные формы подвергаются анализу в работах М. Я. Блоха, Б. А. Ильиша, Е. И. Шендельс, Е. М. Гордон, И. П. Крыловой, А. С. Дружинина, Т. Г. Скребцовой [1; 8; 17; 3; 9; 7; 14]. Теоретические основы практической грамматики представлены в работах В. В. Гуревича, Р. В. Хорень, Е. Н. Морозовой [4; 16; 13]. Когнитивная лингвистика рассматривается в работах В. А. Масловой, В. З. Демьянкова, Е. С. Кубряковой [12; 5; 11].

Цель исследования состоит в рассмотрении реализации значений конституэнт лингвокогнитивной парадигмы прошедшего в романе Уилки Коллинза «Женщина в белом» на основании темпорально-аспектуального принципа.

Методологическую базу исследования составляют следующие методы и приемы. Компонентный анализ как основной метод исследования позволяет выделить основные значения формы прошедшего перфекта, такие как инклюзивное, где подчеркивается длительность действия, эксклюзивное, с акцентом на единичность действия, и кратное, где важным является повторяемость действия [15]. Далее они распадаются на минимальные неделимые компоненты — семы, а именно: 1) одно действие предшествует другому; 2) действие, выраженное в прошедшем перфекте связано с другими действиями в прошедшем времени; 3) продолжительность действия, сема; подчеркивающая, что действие, выраженное прошедшим перфектом, завершается к определенному моменту в прошлом, либо включает

его; 4) однократность действия; 5) указание временной отнесенности действия; 6) отсутствие указания на время действия; 7) повтор действия; 8) пересеченность каждого отдельного сегмента действия. Концептуальный анализ строится на основе анализа контекста, в котором употребляется перфектная форма. Метод компонентного анализа используется на синтагматическом уровне, то есть формы прошедшего перфекта раскладываются на семы. Контекстологический анализ предполагает выявление значений, возникающих в силу определенного лексического или грамматического окружения. Контекст, включая контекстологические связи, играет немаловажную роль при определении когнитивных значений грамматической формы. Именно контекст способствует выявлению отношений определенной грамматической формы с окружающими ее единицами. Контекстологические условия всегда оказывают влияние на грамматическую форму. Функция, которую грамматическая форма выполняет в силу определенного контекстологического окружения, является частью функционально-семантического анализа. Концептуально-композиционная функция показывает способность грамматической формы передавать точку зрения, устанавливать всевозможные ассоциации, отражает причинно-следственные связи между определенными отрезками рассказа, участвует в определении временной и пространственной перспективы. Форма прошедшего перфекта имеет свои определенные значения, на которые дополнительно будут накладываться еще и экспрессивно-эмоциональные-эмотивные значения. Ментальные процессы любого человека предполагают понимание,

познание определенных явлений, и когнитивный подход неразрывно связан с данными процессами. Основываясь на вышесказанном, возможно определить дополнительные когнитивные значения, которые форма прошедшего перфекта будет демонстрировать при различном контекстологическом окружении.

Прошедшее время. Типология прошедшего перфектного времени

Варианты глагольных форм анализируются путем аспектуально-темпорального принципа, то есть по видовой и временной семантике. Категория вида предполагает систему противоположных друг другу глагольных форм: перфектные — неперфектные. Временная семантика, в свою очередь, отражает соотношенность действия с моментом речи. Таким образом, видо-временные формы объединяют категорию времени и категорию вида. Для прошедшего времени очень важной является соотношенность с моментом в прошлом. Этот момент может быть указан лексически, либо другим глаголом в прошедшем времени. Значение предшества выступает основным для формы прошедшего перфекта, другими словами, сочетаются предшествование и завершенность действия. Значение завершенности, в свою очередь, достигается наличием предельных глаголов.

По аспектуально-темпоральному принципу мы выделяем прошедшее перфектное эксклюзивное, инклюзивное и кратное.

Прошедшее перфектное эксклюзивное расположено на отрицательном векторе оси ориентации прошедшего времени, так как само основное действие происходит в прошлом и связано оно с предшествующими ему действиями или событиями. Действие, представленное в прошедшем перфекте, не разобщено с точкой отсчета оси. Сема «завершенности» или «пересеченности» будет производной от указанного выше предшества в плане соотношения действия с определенным моментом в прошлом, являющегося определенной точкой отсчета. Связанность действия с моментом в прошлом представлена имплицитно [15. С. 167]. Предшествование и завершенность действия могут быть выражены лексически, например, «before that», «recently». Контактность действия так же может быть представлена в виде лексической единицы, например, «just». Сема «единичности действия» не может быть совместима со средствами выражения повторяющегося действия. Насколько

действие, выраженное прошедшем перфектом, связано с векторным нулем, можно проверить путем замены — форма прошедшего перфекта при данной замене будет изменяться на прошедшее неопределенное, то есть внешне, открыто мы имеем дело с тем же состоянием, но действие при этом представлено по-другому [15. С. 168]. Таким образом, прошедшее перфектное эксклюзивное характеризуется следующим набором сем:

1. Одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси.
2. Действие, выраженное в прошедшем перфекте, связано с другими действиями в прошедшем времени либо с самим векторным нулем.
3. Однократно совершенное действие.
4. Наличие/отсутствие временных указателей.
5. Связанность действия, выраженного формой прошедшего перфекта, с определенным моментом в прошлом [15. С. 167].

Анализ практического материала выполняется в следующей последовательности:

1. Определяется вариант формы прошедшего перфекта по аспектуально-темпоральному принципу.
2. Определяется набор сем.
3. Определяется композиционно-стилистическая функция.
4. Характеризуются герои или ситуация с помощью данной формы.

Рассмотрим пример из произведения Уилки Коллинза «Женщина в белом», посвященный описанию одного из персонажей. Молодой художник, Мистер Хартрайд, характеризует учителя итальянского языка, профессора.

Mister Hartright knew that the main goal of the professor's life turned out to be, that he wanted to show his grateful attitude to the country which had offered him a shelter and a means of subsistence by doing his best in order to turn himself into a person from England <...> the professor was absolutely sure that he was able to adopt the English amusements of the field just by means of his own will only as he had adopted the national gaiters and a white hat [10. С. 4].

Вышеуказанный пример демонстрирует желание профессора превратиться в настоящего англичанина, так как тем самым он хочет показать благодарность стране, которая однажды стала для него местом убежища и местом, где он смог найти заработок. Профессор также считал, зонт в его руках, шляпа на его голове и гетры тоже будут средствами выражения уважения к нации. Помимо внешнего выражения, итальянец чтит традиции

Англии. По его мнению, данная нация уделяла огромное внимание спорту, следовательно, он всецело пытался уделить свое внимание и этому аспекту, считая, что это сделать так же легко, как и научиться носить гетры.

В данном примере семантический потенциал прошедшего перфекта эксклюзивного представлен следующими семами:

— сема «одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси» выражено тем, что Профессор Песка уже приспособился к английским традициям к моменту знакомства с Мистером Хартрайдом и принял их.

— «завершенность действия» подтверждается лексически при помощи глагола «adopt», действие является полностью законченным;

— «единичность действия» проявляется тем, что из благодарности к нации, которая предоставила профессору и убежище, и средства к существованию, он раз и навсегда принял их национальные традиции;

— «нелокализованность действия во времени» определена отсутствием какого-либо указания на момент согласия с нормами страны;

— действие, выраженное в прошедшем перфекте связано с другими действиями в прошедшем времени, либо с самим векторным нулем» — главный герой уже носил зонт, белую шляпу, гетры, увлекался спортом и иным временем препровождения англичан.

В данном примере наблюдается хронологическая ломка событий, так как сначала перечисляется то, что Песка делает в определенный момент в прошлом, чтобы быть похожим на англичанина, а затем делается отсылка на то, что он принял и согласился с нормами поведения жителей Англии.

В этом примере грамматическая форма прошедшего перфектного эксклюзивного переплетается со стилистической фигурой — литотой, художественным преуменьшением, противоположным гиперболе, с целью усиления эмоционального впечатления на читателя и создания комической характеристики персонажа. Главная цель жизни персонажа — превратиться в англичанина, и такие незначительные действия, как иметь при себе зонтик или носить гетры и белую шляпу, приравниваются к действительно важным аспектам при принятии чужой культуры. Данное значение подтверждается не только грамматической формой, но и противопоставлением лексики: «The ruling idea of his life», «gratitude to the country», «to

turn himself into an Englishman», «paying the nation in general», с одной стороны, и «he had adopted our national gaiters and our national white hat», с другой стороны. Автор намеренно использует данный прием с целью создания комической характеристики героя, что и является когнитивным значением формы прошедшего перфектного эксклюзивного. Кроме того, к области комического можно отнести и ряд лексических единиц из отрывка «to become an Englishman in his habits and amusements» и «adopt our national amusements of the field».

Рассмотрим вторую ситуацию, а именно, первую встречу Мистера Хартрайда и Женщины в белом.

It was late at night and the situation was the following: there weren't any houses nearby; no people were passing whom Mr. Hartright could consult; and there was no right on his part to give him a power of control over the woman, even if he had known how to do it [10. С. 16].

Семантический потенциал прошедшего перфекта эксклюзивного выражен следующими семами:

— «одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси». В момент речи, то есть в момент векторного нуля, Уолтер, увидев Женщину в белом, осознал, что у него не было права контролировать незнакомку, ее появление на улице в поздний час; сама же глагольная форма прошедшего перфектного эксклюзивного подчеркивает, что у него в любом случае не было такой власти, даже если бы он умел контролировать людей. Другими словами, Мистер Хартрайд и до этого момента не мог контролировать других, что и объясняет предшествование;

— «завершенность действия». На момент действия главный герой уже не знал, как контролировать незнакомца человека. В данном случае мы имеем дело с однократным, завершенным действием в прошлом;

— «нелокализованность действия во времени». В данном отрывке ни эксплицитно, ни имплицитно время действия не выражено;

— «непосредственная связь между действием, выраженным прошедшим перфектом и моментом в прошлом, моментом отсчета времени». Отсутствие знаний о том, как контролировать ситуацию, привело героя в замешательство и отчаяние. Это подтверждается лексически — «there weren't any houses; there were no people passing». Кроме того, эта фраза подчеркивает, что герой

хотел бы проконсультироваться с кем-либо, но никого не было. Эту же сему можно подтвердить субституцией: *There were not any houses; there were no people passing; and there was no right on my part to give me a power of control over the woman, even more, I did not know how to do it.*

В данном примере мы имеем дело с сослагательным наклонением, что подчеркивает гипотетичность, нереальность событий. Уолтер чисто гипотетически предполагает: даже если бы он и умел контролировать, у него в любом случае на это не было бы права — то есть подчеркивается безысходность ситуации: у него и права не было, и навыка не было, иначе он не искал бы среди прохожих того, с кем бы ему посоветоваться.

Когнитивным значением выступает «отчаяние», именно это чувство испытывает герой в данной ситуации. Используя математический метод, построим схему данного примера. На схеме необходимо отобразить ось ориентации прошедшего времени, в данном примере мы работаем на отрицательном векторе. Важно отметить векторный ноль оси ориентации прошедшего времени, то есть точку отсчета, указать на оси предшествующие и завершённые действия [6]. Данная схема представлена на рисунке 1.

Следующий пример, иллюстрирующий прошедшее перфектное эксклюзивное, представляет описание учителем рисования жизнь профессора в Италии.

I had firstly got to know my friend from Italy by meeting him at different houses where he taught the Italian language and I gave lessons of drawing. The information I knew about this man was that he had once worked in the University of Padua; that the professor had left Italy because of political reasons; and that he had been for many years a teacher of languages [10. С. 4].

Семантический потенциал прошедшего перфекта эксклюзивного представлен такими семами, как:

— «одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси». Векторный ноль данного отрывка произведения равен моменту, когда в один прекрасный вечер Уолтер Хартрайт пришел навестить свою матушку и сестру, где в гостях оказался профессор Песка, ожидающий Уолтера с прекрасной новостью. Воспоминания Хартрайта, выраженные формами прошедшего перфектного эксклюзивного, о первой встрече спрессором отсылают читателя назад, здесь можно говорить об обратимости временного потока.

Когнитивное значение: ОТЧАЯНИЕ

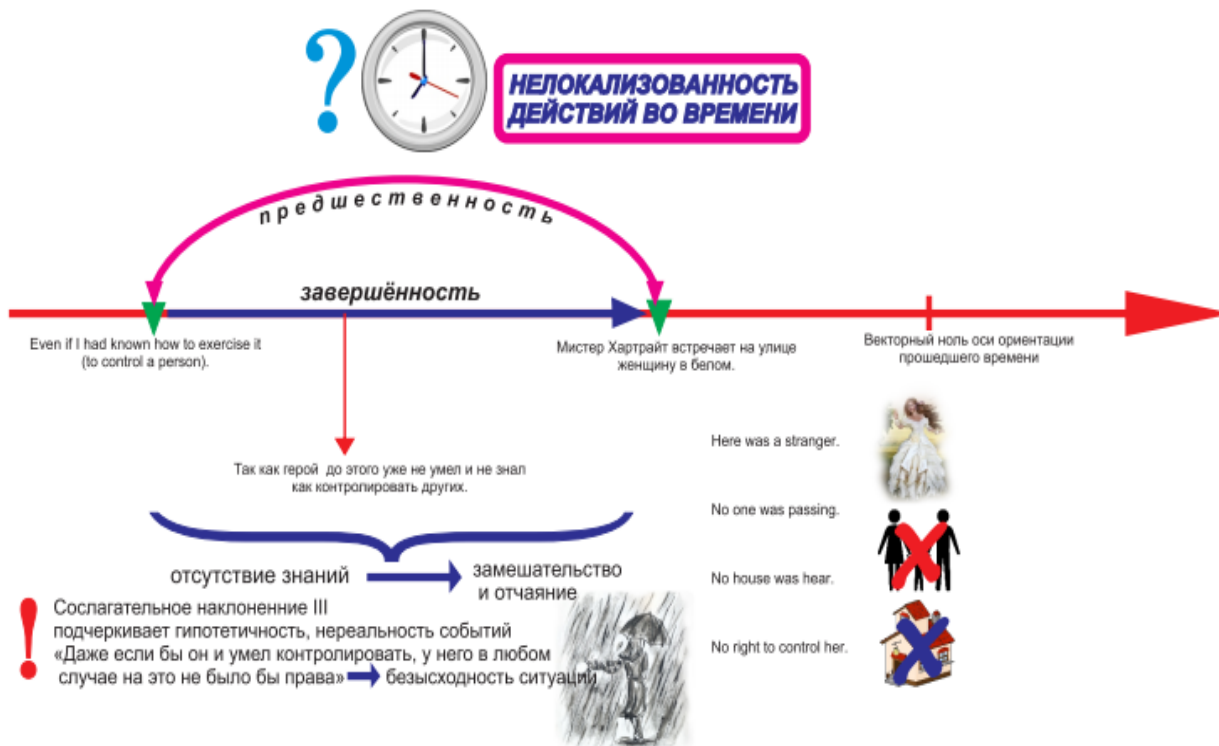

Рис. 1. Прошедшее перфектное. Пример 1

При этом перечисление всех последовательных действий важно для момента речи, векторного нуля, в грамматическом смысле. Все действия расположены на отрицательном векторе оси ориентации прошедшего времени. Ретроспективность можно доказать путем субституции (в данном случае путем перечисления): I got to know my Italian friend by meeting him at different houses where he taught the Italian language and I gave the lessons of drawing. He also worked in the University of Padua; then he left Italy because of political reasons and then he was for many years a teacher of languages. Эксплицитно мы имеем те же состояния, имплицитно — те же действия;

— «завершенность действия». Каждое из перечисленных действий завершено, так данные последовательные события представлены с целью отразить обстоятельства знакомства двух героев;

— «отсутствие временных указателей» объясняется тем, что важны обстоятельства встречи, знакомства, а не время;

— «действие, выраженное в прошедшем перфекте связано с другими действиями в прошедшем времени, либо с самим векторным нулем». Контактность выражается тем, что вся цепочка событий: «I had first got to know», «he had once worked in the University of Padua», «he had left Italy because of political reasons», «he had been for many years a teacher of languages» восстанавливают поэтапно все события прошлого и демонстрируют отношения между двумя героями; другими словами, контактность представлена имплицитно;

— в данном случае мы имеем дело с ярким примером повествовательной функции. Создается последовательный ряд действий, следующих друг за другом во времени, частично накладываются одно на другое. Создается повествование иного временного плана. Повествовательную функцию выполняют здесь синтаксический прием: паратакисис. Он способствует тому, что действия, передаваемые самостоятельными предложениями, выстраиваются в строгой временной последовательности: «два героя впервые встретились», «профессор преподавал в университете», затем «покинул Италию» и наконец, «стал преподавать в Лондоне»;

— соответственно всему отмеченному, когнитивной функцией будет выступать — наррация, повествовательный акт.

Прошедшее перфектное инклюзивное отличается от эксклюзивного семантикой «включение в протяженность действия момента в прошлом, являю-

щегося точкой отсчета» и «определения действия во времени». Семантика «одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси», «включение в протяженность действия, выраженного прошедшим перфектом, определенного момента в прошлом, являющегося точкой отсчета» и «непосредственная связь действия в прошедшем перфекте и точки отсчета» проверяются путем трансформации-расширения. Эта трансформация подтверждает, что действие, начавшееся в период, предшествующий векторному нулю, захватывает и векторный ноль. Для реализации прошедшего перфектного инклюзивного требуется благоприятный контекст. Необходимо наличие неопределенных глаголов, то есть действия, ими выраженные, к своему завершению не стремятся. Включение обстоятельных слов, указывающих на начальную фазу действия, например, «from the beginning» [15. С. 169]. Е. В. Горбова к термину «инклюзивное» добавляет термин «континуальный» перфект. Она также подчеркивает, что с целью реализации длительности значение предиката должно быть неопределенным либо не соотношенным с пределом или не достигающим предела. Для поддержания вышеуказанного значения необходим контекст [2].

Таким образом, прошедшее перфектное инклюзивное представлено следующим набором сем:

1. Одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси.

2. Момент в прошлом, с которым связано действие, выраженное формой прошедшего перфекта, обязательно входит в период длительности действия.

3. Однократное совершение действия.

4. Определение действия во времени.

5. Связанность действия в прошедшем перфекте с определенным моментом в прошлом [15. С. 169].

Рассмотрим пример инклюзивной перфектной формы прошедшего времени в ситуации, когда Уолтер Хартрайд описывает свое финансовое положение до устройства на работу по рекомендации профессора.

For several last years Mr. Hartright had not managed his professional resources as neatly as usual; and his lavishness now limited him to the opportunity of spending the autumn economically between his mother's house and his own flat [10. С. 3].

Учитель рисования вспоминает прошлое лето, которое было сложным для него как в эмоциональном плане, так и в плане заработка. В тот период Уолтер не пытался быть экономным, ско-

рее наоборот, тратил деньги. Как следствие, он мог провести осень либо в доме своей матери в Хемстеде, либо в своей собственной квартире.

В данном примере по аспектуально-темпоральному принципу мы имеем дело с прошедшим перфектом инклюзивным, так как его семантический потенциал представлен следующим набором сем:

— «одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси», так как Мистер Хартрайт не верно распорядился своими финансами в прошлом году, что привело к следующему результату — перспективе проведения нескольких месяцев никуда не выезжая;

— «включение векторного нуля оси ориентации прошедшего времени в протяженность действия» подтверждается тем, что растраты были в течение всего года, вплоть до сентября. Прошедшее перфектное инклюзивное в данном конкретном примере можно проверить трансформацией расширением. Talking about Walter Hartright, the passing summer left him without health, without good mood, and, honestly speaking, without money as well. For the last several years he had not managed his professional resources as neatly as usual; the whole year he had not thought about his money; He had spent the money without thinking; <...> and his lavishness now limited him to the opportunity of spending the autumn economically between his mother's house and his own flat;

— «единичность действия» видна в том, что предыдущие месяцы учитель рисования аккуратно вел финансы и только прошлой осенью не обдумывал свои расходы;

— «локализованность действия во времени» представлена эксплицитно, лексически «в течение прошлого года», что также указывает на фазу длительности действия.

Что касается создания художественного времени, время в данном примере обратимо. Главный герой ищет причину сложившейся ситуации в прошлом.

В данном примере композиционно-стилистическая функция — результативная, так как эксплицитно выражено состояние (перспектива провести осень в коттедже у мамы в Хемстеде или в собственной комнате в городе), вызванное действием в прошедшем перфекте (неумением в тот период распоряжаться своими деньгами). Явно отображены причинно-следственные отношения, что определяет связующую структурно-текстовую функцию. Единство временного потока (весь год, проходящее лето и наступающая

осень) выражается в связи всех вышеперечисленных событий. Герой раньше, до вышеуказанного периода, до прошлого года, распоряжался своим доходом разумно — *as carefully as usual*. Следовательно, когнитивным значением выступает «поведение, противоречащее устоявшемуся».

Следующая ситуация описывает пожилую женщину Миссис Вэзи, а именно ее стиль жизни.

A calm and harmless old lady, who by no means suggested the idea that she had been really alive since the time of her birth [10. С. 33].

Семантический потенциал прошедшего перфекта инклюзивного выражен следующими семами:

— «одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси». Миссис Вэзи вела сидячий образ жизни — *sat in the house, in the garden; sat in unexpected window-seats in passages; sat when her friends tried to take her for a walk; sat before she looked at anything, before she talked of anything, before she answered Yes, or No*. Более того, начиная с самого момента рождения она не напоминала оживленного человека. Момент рождения и будет представлять предшественность;

— «момент в прошлом, с которым связано действие, выраженное формой прошедшего перфекта, обязательно входит в период длительности действия». Длительность действия представлена эксплицитно — *since the time of her birth* — от момента рождения и на протяжении всей жизни;

— «определение действия во времени», как уже упоминалось выше, включает в себя всю протяженность от рождения героини до момента речи, а именно до знакомства с Мистером Хартрайтом;

— «связанность действия в прошедшем перфекте с определенным моментом в прошлом» выражена тем, что Миссис Вэзи представала перед всеми как медлительный, неспешный человек, предпочитающий посидеть и подумать, добавок она была такой с момента рождения; и такой темп и образ жизни делал идею о том, что она в действительности жила, невероятной и невозможной;

— результативная функция выражает в данном отрывке причинно-следственные отношения: в связи с тем, что самого рождения Миссис Вэзи не отличалась энергичностью, она и на протяжении всей жизни предпочитала посидеть, а не пойти и уж тем более не побежать. Ее состояние в данном отрывке выражено эксплицитно — «*sat*», «*had never been really alive*». Временной поток здесь представлен как единство непрерывности.

Единство выражается в связи всех вышеперечисленных событий;

— когнитивным значением в данном случае будет выступать «невероятность», «немыслимость», «невозможность» ситуации или действия.

Для прошедшего перфектного кратного обязательно необходим определенный контекст: присутствие лексических единиц, выражающих повторяемость действия, местоимения «я, мы, ты, вы» употребляются в обобщенно-личном значении, возможно наличие грамматических конструкций, подчеркивающих повторяемость действия, например, *would (used to)* [15. С. 171].

Семы прошедшего перфекта кратного:

1. Одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси.

2. Связанность действия, выраженного формой прошедшего перфекта, с моментом в прошлом, в течение которого возможно повторение действия.

3. Повторяемость действия.

4. Связанность каждого повторяющегося действия с моментом в прошлом.

5. Неопределенность действия во времени [15].

Учитель рисования Мистер Хартрайд продолжает описание профессора, поражаясь, как он охотился на лисиц, рискуя своей собственной жизнью, а вскоре так же самоотверженно он рисковал своей жизнью и на море в Брайтоне.

Walter had seen the professor risk his limbs as if blind at a fox-hunt and in a cricket-field; and very soon he saw him risk his life in the sea [10. С. 4].

Семантический потенциал прошедшего перфекта кратного представлен следующим набором сем:

— «одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси». В последний раз Мистер Хартрайд видел, как Профессор Песка рисковал своей собственной жизнью в море в Брайтоне, но учитель рисования и до этого неоднократно видел самоотверженность итальянца: и на охоте за лисами, и при игре в крикет;

— «связанность действия, выраженного формой прошедшего перфекта, с моментом в прошлом, в течение которого возможно повторение действия». За период знакомства Уолтер несколько раз был очевидцем того, как профессор рисковал своим здоровьем;

— «кратность действия» выражается эксплицитно при помощи лексических единиц, приема «расширение» и субституции: *I saw him risk his*

limbs in a fox-hunt. I saw him risk his limbs in a cricket-field. I saw him risk his limbs in the sea in Brighton;

— «нелокализованность действия во времени» реализуется отсутствием какого-либо указания на фазу начала и конца действия, так как акцент ставится на кратность действия, а не на время, когда эти действия происходили.

Для реализации вышеупомянутых сем необходим благоприятный контекст. Намеренное повторение глагола «see» подчеркивает цикличность, повторяемость. Необходимо отметить и наличие местоимения первого лица в обобщенно-личном значении.

В отношении художественного времени реализуется отрицательное направление, то есть движение назад во времени, что подтверждает реализацию ретроспективной функции.

Вышеперечисленные факторы подчеркивают акцентирование систематичности действия при характеристике героя, что и является когнитивным значением. Проиллюстрируем данный пример схемой на рисунке 2.

Прошедшее перфектное кратное представлено в ситуации, описывающей прощание Уолтера с мамой и сестрой перед его поездкой.

My mother and sister had told me so many words, and had asked me to wait several minutes more so many times, that it was already midnight when the servant closed the garden-gate behind me [10. С. 13].

Таким образом:

— сема «одно действие предшествует другому и располагается на отрицательной части оси» выражена тем, что Уолтер покинул дом матушки и сестры около полуночи, а весь период до этого они умоляли его побыть еще несколько минут;

— «связанность действия, выраженного формой прошедшего перфекта, с моментом в прошлом, в течение которого возможно повторение действия». Период действия выражен эксплицитно — весь период до полуночи, в течение которого происходило кратное действие, родственники главного героя упрашивали его побыть с ними еще несколько минут;

— «повторяемость действия», в свою очередь, выражена лексически — «so many times»;

— «связанность каждого повторяющегося действия с моментом в прошлом» представлена скорее самым результатом рекуррентных действий — ушел мистер Хартрайт очень поздно;

— «неопределенность действия во времени» объясняется тем, что конкретного времени, когда каждый раз героя просили задержаться, в тексте

Когнитивное значение: СИСТЕМАТИЧНОСТЬ ДЕЙСТВИЙ

Рис. 2. Прошедшее перфектное. Пример 2

нет, есть только период ретроспекции — период до полуночи;

— композиционно-стилистической функцией в данном примере выступает результирующая функция, так как ярко выражены причинно-следственные отношения: в связи с тем, что главного героя много раз умоляли остаться, он очень поздно смог уйти, один временной пласт обуславливает другой временной пласт;

— когнитивным значением, которое приобретает в силу контекста, будет «каузальность».

Заключение

В данной работе анализу подвергается форма прошедшего перфекта. Инвариантным значением данной формы является то, что одно действие

предшествует другому и располагается на отрицательной части оси, обязательна связанность этого действия, выраженного формой прошедшего перфекта, с моментом в прошлом. В зависимости от соотносённости с моментом речи форма прошедшего перфекта может принимать три значения: эксклюзивности, инклюзивности и кратности. Но данные значения не являются конечно-разложимыми. Компонентный анализ показывает, что в зависимости от внутренней и внешней лексической обусловленности, от структуры предложения и контекстологического окружения прошедшее перфектное может приобретать различные когнитивные значения, которые по-разному реализуются в зависимости от контекста.

Список литературы

1. Блох М. Я. Курс теоретической грамматики английского языка. М.: Высшая школа, 2008. 383 с.
2. Горбова Е. В. Результирующая, экспериенциальность, инклюзивность, иммедиадность: чем определяется значение перфекта? // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016. Т. XII. № 2. С. 39—66.
3. Гордон Е. М., Крылова И. П. Грамматика современного английского языка. М.: КДУ, 2004. 448 с.
4. Гуревич В. В. Практическая грамматика английского языка. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=103487> (дата обращения 15.01.2020).

5. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17—33.
6. Дешериева Т. И. Лингвистика и математика. М.: Ленанд, 2018. 88 с.
7. Дружинин А. С. Когнитивная интерпретация английских форм Perfect Aspect-Tense // Международный исследовательский журнал. 2016. № 6 (48). Ч. 4. С. 27—29.
8. Ильиш Б. А. Структура современного английского языка. М.: Просвещение, 1971. 312 с.
9. Иванова И. П. Вид и время в современном английском языке. Л.: ЛГУ, 1961. 200 с.
10. Collins W. *Woman in White*. USA: Pantianos Classics, 2016. 497 с.
11. Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. 2001. Ч. 1. С. 4—10.
12. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2016. 296 с.
13. Морозова Е. Н. Английский язык. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=483739> (дата обращения 15.01.2020).
14. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=498560> (дата обращения 15.01.2020).
15. Тураева З. Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М.: Либроком., 2009. 219 с.
16. Хорень Р. В., Крюковская И. В., Стамбакио Е. М. Практика грамматики английского языка. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=463612> (дата обращения 15.01.2020).
17. Шендельс Е. И. Многочисленность и синонимия в грамматике. М.: Высшая школа, 1970. 204 с.

Сведения об авторах

Олизко Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. olizko@yandex.ru

Ширяева Анастасия Сергеевна — аспирант кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. nancyn8357@yahoo.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 110—119.*

THE IMPLEMENTATION OF THE PAST PERFECT FORM MEANINGS

N. S. Olizko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. olizko@yandex.ru

A. S. Shiryaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. nancyn8357@yahoo.com

This work is devoted to the perfect form of the past tense. The invariant cognitive meanings are the precedence with respect to the vector zero of the orientation axis of the past tense and the contact retrospectiveness of the action with respect to the vector zero of the orientation axis of the past tense. Depending on the correlation with the moment of speech, the form of the past perfect can take three forms: exclusivity, inclusiveness, multiplicity. These forms consist of further indivisible grammatical meanings - *sems*: the singularity of the action, the multiplicity of the action, the localization, the non-localization of the action in time, the completeness or intersection of the action, the inclusion of the vector zero of the axis of orientation of the past tense in the duration of the action, the intersection of each individual segment of the action. The above-mentioned constituents make up the linguo-cognitive paradigm of the past perfect. The cognitive meanings of the past perfect are: comic characterization of a character, narration, despair, systematic action when characterizing a hero, causality, behavior contrary to the established, confusion, “improbability”, “unthinkable”, “impossibility” of a situation or action, stability of a situation.

Keywords: *past perfect, constituents, cognitive meaning, sems.*

References

1. Blokh M. Ya. (2008) Kurs teoreticheskoy grammatiki anglijskogo jazyka [Course of theoretical grammar of the English language]. Moscow, Higher school. 383 p. [in Russ.].
2. Gorbova E. V. (2016) *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvistichestkih issledovanij*, vol. XII, no. 2, pp. 39—66 [in Russ.].
3. Gordon E. M., Krylova I. P. (2004) Grammatika sovremennogo anglijskogo jazyka [Grammar of modern English]. Moscow, KDU. 448 p. [in Russ.].
4. Gurevich V. V. (2012) Prakticheskaja grammatika anglijskogo jazyka [Practical grammar of the English language], available at <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=103487> (accessed 15.01.2020) [In Russ.].
5. Dem'yankov V. Z. (1994) *Voprosy yazykoznanija*, no. 4, pp. 17—33 [in Russ.].
6. Desherieva T. I. (2018) Jazykoznanie i matematika. [Linguistics and mathematics]. Moscow, Lenand. 88 p. [in Russ.].
7. Druzhinin A. S. (2016) *Mezhdunarodnyj issledovatel'skij zhurnal*, no. 6 (48), part 4, pp. 27—29 [in Russ.].
8. Ilyish B. A. (1971) Struktura sovremennogo anglijskogo jazyka. [The structure of modern English]. Moscow, Education. 312 p. [in Russ.].
9. Ivanova I. P. (1961) Vid i vremja v sovremennom anglijskom jazyke. [View and time in modern English]. Leningrad, LSU. 200 p. [in Russ.].
10. Collins W. (2016) [Woman in White]. USA, Pantianos Classics. 497 p. [in Eng.].
11. Kubryakova E. S. (2001) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 1, pp. 4—10 [in Russ.].
12. Maslova V. A. (2016) Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku [Introduction to Cognitive Linguistics]. Moscow, Flinta. 296 p. [in Russ.].
13. Morozova E. N. (2017) Anglijskij jazyk [The English language], available at <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=483739> (accessed 15.01.2020) [in Russ.].
14. Skrebtsova T. G. (2018) Kognitivnaja lingvistika: klassicheskie teorii, novye podhody [Cognitive linguistics: classical theories, new approaches], available at <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=498560> (accessed 15.01.2020) [in Russ.].
15. Turaeva Z. Ya. (2009) Kategorija vremeni. Vremja grammaticheskoe i vremja hudozhestvennoe [Time category. Grammatical tense and artistic tense]. Moscow, Librokom. 219 p. [in Russ.].
16. Khoren R. V., Kryukovskaya I. V., Stambakio E. M. (2016) Praktika grammatiki anglijskogo jazyka [Practice of English grammar], available at <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=463612> (accessed 15.01.2020) [in Russ.].
17. Shendels E. I. (1970) Mnogoznachnost' i sinonimija v grammatike [Polysemy and synonymy in grammar]. Moscow, Higher school. 204 p. [in Russ.].

НАЗВАНИЯ ПАМЯТНЫХ ОБЪЕКТОВ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЕРОИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

С. А. Путина¹, А. В. Таскаева²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

²Южно-Уральский государственный институт искусств имени П. И. Чайковского;
Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740007

В статье рассмотрены региональные названия коммеморативов на материале памятников и памятных досок Челябинской области. Установлено, что названия памятников либо конкретизированы, либо обобщены, в то время как названия памятных досок в основном представлены личностными героическими идеологемами. Обобщающие коммеморативы включают профессиональную, локальную, временную и даже возрастную составляющие. Личностные коммеморативы представлены посвященными названиями воинам, известным людям области, страны и мира, не всегда связанными с Южным Уралом. Новые региональные коммеморативы отражают тенденции героизации бывших антигероев, постепенного устранения дисбаланса между преобладающими в региональном лингвистическом ландшафте памятными названиями советского периода и новыми героическими идеологемами.

Ключевые слова: коммеморатив; личностная героическая идеологема; обобщающая героическая идеологема; героизация; героическая парадигма.

Введение

Памятные названия играют существенную роль при создании имиджа региона, что весьма актуально в период поиска и переоценки ценностей и необходимости сохранения исторической памяти. В коммеморативах реализуется идеологическая составляющая современного общества, его ценностные ориентиры и национально-культурная специфика.

Целью статьи является изучение коммеморативов как составляющей микропонимической системы лингвистического ландшафта Челябинской области.

Методология

Материалом исследования послужили 300 названий коммеморативных памятников и памятных досок Челябинской области, полученных в результате сплошной выборки с областных сайтов, двенадцатитомного электронного издания «Памятники и памятные доски Челябинска и Копейска», а также анализ комментариев в сети Интернет по поводу установки памятника *Александру II* в Челябинске.

При изучении названий памятников и памятных досок был использован интегральный методологический подход, включающий в себя рассмотрение лингвоконцептуальных смыслов героических идеологем и воплощающих их языковых форм; лингвокультурологический анализ универ-

сальных характеристик и уникальной региональной специфики репрезентации коммеморативов.

Использование критического дискурс-анализа позволяет описать не только функции языка как социального инструмента, но также дать моральную и политическую оценку происходящим в обществе процессам [9. С. 52]. Цель контент-анализа в контексте данной работы — собрать и систематизировать качественные данные о региональных названиях мемориальных объектов.

Исследование и результаты

Одним из значений существительного «памятник», согласно Толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, является «скульптура или архитектурное сооружение в память выдающейся личности, исторического события» [17]. Из четырех основных категорий памятников по материалам Большой советской энциклопедии нас интересуют названия памятников монументального искусства, наиболее развитый вид памятников [1].

Убедительным источником эмпирического материала считаем составленное в Челябинске и обновляемое многотомное издание «Памятные доски и памятники Челябинска и Копейска» [13].

О. М. Соколова рассматривает коммеморативные практики в культурном пространстве современного белорусского города как формы репрезентации культурных смыслов, представленные,

в том числе, памятниками и памятными досками, которые помимо эстетической функции выполняют роль инструмента формирования культурно-исторической памяти населения [19].

Р. В. Разумов анализирует особенности названий-посвящений, встречающихся в городах Центрального федерального округа. Ученый трактует коммеморативы в широком смысле, относя к ним названия-посвящения географическим объектам, а не выдающимся людям [16].

Названия посвященных памятных объектов формируются в результате универсального для всех лингвокультур и национально-специфического в каждой конкретной лингвокультуре процесса героизации и являются частью героической парадигмы, которая трактуется нами как открытая сложная система концептов, в которой отражаются, ценностные, культурные, идеологические и экономические особенности общества. «В основе героической парадигмы лежит не всегда четкое противопоставление концептов ГЕРОЙ — АНТИГЕРОЙ в конкретной лингвокультуре, приводящее к дегероизации при смене идеологии и непосредственно связанных с идеологией общественных ценностей» [15].

Рассматриваемые в работе коммеморативы являются идеологемами, трактуемые вслед за Е. Г. Малышевой как «единицы когнитивного уровня — особого типа многоуровневые концепты, в структуре которых (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах». По мнению Е. Г. Малышевой, идеологема как ментальная единица характеризуется: национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной аксиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в том числе и языковой [10. С. 35].

Е. А. Нахимова считает, что при когнитивном подходе идеологема рассматривается как феномен, формирующий концептуальные схемы и категории, обуславливающий процессы восприятия, обработки и оценки получаемой информации о том или ином идеологически значимом объекте. Смысловое содержание и эмоциональная окраска идеологем могут неодинаково восприниматься адресатами, поскольку идеологема репрезенти-

руют специфический взгляд на соответствующую реалию. По определению Е. А. Нахимовой, идеологема — ментальная единица, в состав которой входит идеологический компонент и которая, как правило, репрезентируется словом или устойчивым словосочетанием [12. С. 153]. Н. И. Клушина обобщает исследования российских ученых о способах реализации идеологем. Буква, морфема, слово, концепт, ментальная схема, стереотип — это идеологема постфактум, это формы ее бытования, «оболочка», в которую она заключается и хранится в нашем сознании [7. С. 56]. Н. И. Клушина определяет идеологему как заранее заданную идею, которая ложится в основу номинации и ориентирует массовое сознание в нужном направлении [7. С. 56—57]. Идеологема, по мнению И. Г. Вепревой и Т. А. Шадринной, — это единица идеологической системы, находящая свое вербальное выражение, знак идеологии [2]. Г. Ч. Гусейнов допускает признание языковой единицы в качестве идеологема только в том случае, если она воспринимается таковой современниками. «Критерием принадлежности фрагмента языка к идеологеме служит именно документированное узнавание его в качестве таковой современниками» [5. С. 29]. Н. А. Купина определяет идеологему как слово (или составное наименование), в семантике которого есть идеологический компонент, как языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или накладывается на семантику, покрывающую денотат неидеологический [8. С. 183].

М. И. Шкредова приводит следующие характеристики идеологем: устойчивость, клишированность, мифологизированность, стереотипность, наличие в значении культурного компонента, обозначение политической реалии как элемента идеологии [22. С. 10]. В качестве обязательных признаков идеологема А. Р. Гизатуллина и М. И. Гумерова выделяют аксиологичность/идеологичность (способность определять мотивацию поступков, формировать картину мира); оценочность; повторяемость, актуализацию в пределах дискурса, метаконтекста [4. С. 95]. М. М. Михайловская, обобщая определения идеологема Г. Ч. Гусейнова, Е. Г. Малышевой и Н. И. Клушиной, справедливо полагает, что идеологема представляет собой: объективирующиеся в дискурсе с помощью вербальных и невербальных средств идеологические, политические и социальные установки; многоуровневый концепт; когнитивную универсалию различных

уровней; единицу идеологической картины мира, обладающую оценочной коннотацией и функцией воздействия [11].

Для анализируемого в статье эмпирического материала релевантными считаем следующие особенности идеологем-коммеморативов: аксиологическая составляющая, контекстная обусловленность, оценочность, универсальность и национально-культурная специфичность или национально-культурная обусловленность, динамичность семантики [См. подр.: 20]. Частично применив классификацию идеологем Е. Г. Малышевой к названиям памятных объектов, выделим идеологемы-коммеморативы, которые по характеру концептуализированной информации представлены идеологемами-понятиями (мемориальный комплекс *Аллея славы*) и идеологемами-архетипами (памятники *Ленину*, *Карлу Марксу*). В связи с актуальностью/неактуальностью идеологемы в современной идеологической картине мира представлены идеологемами-историзмами или событийными идеологемами по классификации Б. М. Пионтек [14] (*Жертвам расстрела 1903 г., Павшим революционерам*) и новоидеологемы (*Чехословацким легионерам, Жертвам политических репрессий*). С точки зрения восприятия идеологем-коммеморативов существуют универсальные, обобщающие, встречающиеся повсюду названия (*Вечный огонь, Воину-освободителю*), внутринациональные и уникальные названия (*Ленину — почетному насекальщику, установленному и находящемуся в настоящее время на территории напилочного завода в г. Миасс Челябинской области, Павшим в боях за Родину воинам-чебаркульцам*).

В названиях памятных объектов Челябинской области используются как **личностные**, так и **обобщающие героические идеологемы**. **Личностные героические идеологемы** — это коммеморативные названия памятных объектов локального регионального пространства, посвященные отдельным выдающимся личностям. **Обобщающие героические идеологемы** — это коммеморативные названия памятных объектов локального регионального пространства, в которых отсутствуют посвящения отдельным выдающимся личностям. Н. И. Клушина относит к личностным идеологемам идеологемы, которые концептуализируют руководителя государства и других политических лидеров — героев и антигероев своего времени [6]. Личностные концепты конкретных политических деятелей рассматривает Г. Г. Слышкин [18].

Памятники выдающимся людям и мемориальные памятные доски Челябинской области отличаются не только однообразием формы, но и одинаковыми для российских городов посвящениями, обусловленными обязательными для героизации списками людей в соответствии с советской коммеморативной практикой. Единообразие и повтор наименований памятников доперестроечной эпохи можно считать общей закономерностью коммеморативов советской монументальной скульптуры. Следует подчеркнуть идеологический характер таких названий, о чем свидетельствуют многочисленные памятники *Ленину, Павшим революционерам, Вечному огню, Добровольцам-танкистам*.

Личностные героические идеологемы представлены в многочисленных названиях памятников и памятных досок, посвященных жителям Челябинска — участникам войн: героям-афганцам *Е. В. Бондаренко, С. Д. Вечкутову, А. В. Лукину, героям Великой Отечественной войны И. М. Глухих, Г. С. Кузнецову, Альберту Хесслеру, С. В. Хохрякову, Солдату Володе, Алеше* (народное название памятника, установленного перед школой № 1 Челябинска). Коммеморатив *Орленок* — название памятника федерального значения, символизирующего обобщенный образ комсомольцев — героев Октябрьской революции и Гражданской войны на Урале. Следует отметить, что надписи на мемориальных объектах увековечивают память конкретных героев, в основном воинов-афганцев, в то время как названия памятников героям Великой Отечественной и Октябрьской Революции являются обобщающими, представленными как словосочетаниями с существительными во множественном числе, так и одним существительным во множественном числе: *Воинам депо, павшим в боях за Родину, Сотрудникам трамвайного депо, погибшим в годы Великой Отечественной войны, Выпускникам и учителям школы № 1, погибшим в годы Великой Отечественной войны, Погибшим медикам Челябинска, Памяти погибших работников кожевенного завода, Горнякам шахты 21-22-23, погибшим в годы Великой Отечественной войны, Воинам Отечества, Красногвардейцам-шахтерам, Добровольцам-танкистам, Павшим революционерам, Воинам-интернационалистам, Воинам-пограничникам, Солдатам правопорядка, Героям фронта и тыла, Танкистам, Автомобилистам* и др.

Обобщающие коммеморативы свидетельствуют об участии южноуральцев — представителей

многих мирных и военных профессий в Великой Отечественной войне. К обобщающим коммеморативам отнесем и коммеморативы-существительные в единственном числе: *Солдату, Орленку, Казачку, Танкисту и летчику, Воину-освободителю, Ветерану, Пролетарию, Врачу, Поклон тебе, сестричка*. Максимально обобщающими героически идеологемами-коммеморативами считаем коммеморативы *Защитникам Родины, Ветеранам — участникам всех войн, Воинам, умершим от ран в госпиталях, Борцам революции*. К профессиональным обобщающим коммеморативам относятся и памятные названия памятников представителям мирных профессий, закономерных для промышленного региона: *Доменщику, Металлургу, Кузнецу, Горнякам, шахтерам, горноспасателям, Нефтедобытчикам, Ликвидаторам радиационных аварий и катастроф, Первым комсомольцам-строителям Магнитки*. Обобщающие коммеморативы могут сопровождаться не только конкретизацией профессиональной деятельности героев и временных рамок героического события, но и топонимической конкретизацией: *Жителям поселка Челябинск-Южный, погибшим в годы войны, Работникам прокуратуры Челябинска — участникам Великой Отечественной войны, Жителям поселка Старокамьшинск, погибшим в годы Великой Отечественной войны, Павшим в боях за Родину воинам-чебаркульцам, Погибшим жителям поселка Северный Рудник, Шахтерам поселка Октябрьский*.

В обобщающих коммеморативах встречается конкретизация хронологии: *Жертвам расстрела 1903 г., Погибшим в годы Гражданской войны, Героям тыла Великой Отечественной войны 1941—1954*. Возрастная составляющая в обобщающих коммеморативах встречается лишь в нескольких посвящениях: *Ветерану, Ветеранам, участникам всех войн, Детям, погибшим в годы войны, Вечная слава детям, павшим в годы Великой Отечественной войны*.

Разнообразные личностные коммеморативы представлены названиями памятников, барельефов и бюстов писателям (*Н. В. Гоголю, А. М. Горькому*), поэтам (*А. С. Пушкину, Мусе Джалилю*), музыкантам (*П. И. Чайковскому, С. С. Прокофьеву*), актерам (*Б. В. Щукину, М. С. Щепкину*), сохранившиеся, перемещенные или уничтоженные памятники военным (*Г. К. Жукову, А. В. Суворову*), политическим деятелям (*М. И. Калинину, С. М. Кирову*), никогда не бывавшим в регионе. Следует отметить, что список обязательных коммеморативов дополняют много-

численные коммеморативы, посвященные известным личностям, связанным с Челябинской областью. Среди них памятники горному инженеру *П. П. Аносову*, создателю златоустовской гравюры на стали *И. Н. Бушуеву* в Златоусте, *Устроителю южноуральского края Ивану Неплюеву* в Троицке, физику *И. В. Курчатову* в Челябинске, создателю научно-конструкторской школы морского стратегического ракетостроения *В. П. Макееву* в Миассе, директорам заводов (*Я. П. Осадчому, В. М. Илейко*), шахт (*С. В. Коменданту*), политикам (*Н. С. Патолычеву*), писателям (*А. А. Шмакову*), даже литературным героям (*Василию Теркину*, прообразом которого является уроженец Сатки Григорий Лаптев, *Левие, подковавшему блоху*) и др.

Оправданным является утверждение о том, что аксиологический модус некоторых идеологем может значительно изменяться [21; 3]. Новые коммеморативы Челябинской области не многочисленны, хотя их появление можно считать тенденцией изменить явное доминирование коммеморативных практик советской эпохи в лингвистическом ландшафте региона, героизируя антигероев недавнего прошлого. К новым обобщающим героическим идеологемам отнесем коммеморативы *Чехословацким легионерам, Жертвам политических репрессий*. Реактуализированной коммеморативной личностной идеологемой считаем недавно открытый в Челябинске памятник *П. А. Столыпину*, а также неоднозначно воспринимаемое решение городской администрации установить напротив церкви памятник *Александру II*, который будет копией аналогичного памятника в Златоусте и выступать противовесом *Памятнику-мавзолею Ленину на Алом Поле* (агороним с революционным названием) недалеко от бывшего Дворца пионеров и монумента *Пионерам-героям*.

Сторонники установки памятника царю объясняют свое решение тем, что раньше площадь называлась Александровской. Проведенный нами 14 февраля 2021 г. контент-анализ комментариев по поводу целесообразности установки памятника *Александру II* показал следующие результаты: всего лишь за полтора часа в Инстаграме урбаниста Льва Владова проголосовали 3500 человек, большинство из которых против установки памятника. В другой социальной сети «ВКонтакте» в опросе об установке памятника, размещенном на публичной странице Льва Владова, приняли участие 12 075 человек, мнения респондентов

разделились практически поровну («за» — 49 %, «против» — 51 % опрошенных). В комментариях к публикациям от 28 января (252 комментария) и 26 января (118 комментариев) на сайте 74.ru также доминирует отрицательное отношение жителей к новому мемориальному объекту.

Анализируя результаты проведенного в социальной сети опроса «Вам нравится идея поставить памятник императору Александру II на Алом Поле?», отметим, что комментарии пользователей не согласуются с результатами голосования, показавшими практически равное количество голосов «за» и «против» установки памятника. Большинство пользователей резко высказываются против установки памятника, подчеркивая неуместность предполагаемой локации данного сооружения, при этом выражая в целом безразличное, нейтральное или положительное отношение к исторической фигуре Александра II. Приведем несколько примеров:

«Российско-имперский» — существенный период нашей истории. Может ли этот период отражаться в архитектуре? В принципе может, почему нет. Можно ли мешать молоку и селедку (лепить «имперский» элемент в советскую среду)? Однозначно НЕТ!

Мне кажется «Алое поле» — это что-то про времена пионери, Советского Союза... ну не про царей.

Как царь, который отменил крепостное право, Александр Освободитель мне симпатичен... Но памятник монарху, который здесь даже не был, — не моё.

Не против императора, но против, чтобы на Алом поле.

Огромное количество мест, где его можно поставить. Куча как пустырей, так и недавно «облагороженных» скверов.

Почему в России в парке обязательно должен быть памятник? Почему парк не может быть просто парком — деревья, лавочки, лужайки — вот это всё? Почему в каждый такой клочок земли надо впахивать чью-то статую?

Мне кажется, это от советского прошлого желание по максимуму нагрузить идеологией каждый клочок земли. Ну это неправильно.

К новым смешанным личностным и обобщающим коммеморативам отнесем надпись на памятной

доске *Декабристам XX в.*, установленной на здании физико-математического лицея № 31, поскольку на ней перечислены имена А. А. Ахматовой, Е. С. Булгаковой, Н. Я. Мандельштам, А. Н. Пирожковой и даже М. Влади.

Следует отметить, что в целом процесс дегероизации в Челябинской области не сопровождается уничтожением идеологических памятных объектов. Некоторые памятники Ленину, Сталину, Дзержинскому перенесены в музеи и советы ветеранов, сохранены представляющие художественную ценность идеологические памятники (*Памятник-мавзолей Ленину*) и не являющиеся значимыми (перенесенный из Тайгинки памятник *И. В. Сталину* в Сатке, что свидетельствует о незаконченном и неоднозначно воспринимаемом населением процессе дегероизации личности Сталина).

Заключение

Проанализированные коммеморативы являются существенной составляющей имиджа региона в целом и регионального лингвистического ландшафта в частности.

Стереотипные названия памятников соответствуют государственной коммеморативной практике недавнего советского прошлого, в то время как новые коммеморативы героизируют его антигероев, с одной стороны, и отличаются расширением сферы героизации, увеличением числа посвященных названий региональным героическим личностям, с другой стороны. Названия памятников либо конкретизированы, либо обобщены, в то время как названия памятных досок в основном репрезентированы личностными героическими идеологемами. Личностные героические идеологемы представлены в основном коммеморативами героям войн, политикам, директорам крупных заводов области. В большинстве обобщающих коммеморативов реализуется профессиональная, локальная и временная составляющие, в максимально обобщающих памятных названиях локальная и временная конкретизация отсутствует. В номинациях памятных объектов Челябинской области в настоящее время проявляется стремление сбалансировать соотношение коммеморативов советского периода и коммеморативов дореволюционного прошлого.

Список литературы

1. Большая советская энциклопедия. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=726349> (дата обращения 15.06.2021).

2. Вепрева И. Т., Шадрин Т. А. Идеологема и мифологема: интерпретация терминов // Научные труды профессоров Уральского института экономики, управления и права. 2006. № 3. С. 120—131.
3. Гаврилова М. В. Понятие «патриотизм» в русском политическом дискурсе начала XXI века // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: материалы Всеросс. науч. конф. Екатеринбург, 2005. С. 486—496.
4. Гизатуллина А. Р., Гумерова М. И. Идеологема постперестроечного периода как фактор формирования нового сознания: общая характеристика (на материале газеты «Известия») // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 95—10.
5. Гусейнов Г. Ч. Советские идеологема в русском дискурсе 1990-х. М.: Три квадрата, 2004. 272 с.
6. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. М.: Медиа-Мир, 2008. 242 с.
7. Клушина Н. И. Теория идеологема // Политическая лингвистика. 2014. № 4/50. С. 54—58.
8. Купина Н. А. Языковое строительство: от системы идеологема к системе культурем // Русский язык сегодня. М.: Азбуковник, 2000. С. 182—189.
9. Леонтович О. А. Brexit: жизнь слова в политическом дискурсе // Язык и культура. 2020. № 52. С. 51—66.
10. Малышева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32—40.
11. Михайловская М. М. Идеологема как элемент глобального вертикального контекста // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. тр. М.: Изд. дом МГУ, 2018. С. 374-377.
12. Нахимов Е. А. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 152—156.
13. Памятные доски и памятники Челябинска и Копейска (2017—2018): путеводитель / ред. В. Б. Феркель. Челябинск, 2018. 241 с. URL: <https://chelchel-ru.livejournal.com/1521011.html> (дата обращения 10.06.2021).
14. Пионтек Б. М. Общеязыковые факторы генезиса идеологема как категории политической лингвистики: на материале польского и русского языков. М., 2012. 25 с.
15. Питина С. А., Таскаева А. В. Личностные идеологема (на материале названий аэропортов) // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 11 (445). С. 94—102.
16. Разумов Р. В. Посвящения географическим объектам в системах урбанонимов русских городов // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 3. С. 127—130.
17. Словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19835> (дата обращения 15.06.2021).
18. Слышкин Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Обозреватель-Observer: научно-аналитический журнал. 2004. № 8 (175). С. 116—125.
19. Соколова О. М. Коммеморативные практики в культурном пространстве современного белорусского города // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. 2019. № 1/3. С. 97—108.
20. Таскаева А. В. Исследование героических образов в рамках теории идеологема // Художественное произведение в современной культуре: творчество — исполнительство — гуманитарное знание. Челябинск, 2019. С. 216—222.
21. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 326 с.
22. Шкредова М. И. Советизмы в эмигрантской прозе. Архангельск, 2014. 23 с. URL: <https://narfu.ru/upload/iblock/993/avtoferat-shkredovoy.pdf>. (дата обращения 08.06.2021).

Сведения об авторах

Питина Светлана Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета. sap.pitina@rambler.ru

Таскаева Анна Вячеславовна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Южно-Уральского государственного института искусств имени П. И. Чайковского; доцент кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета. taskaeva_anna@bk.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 120—127.

REGIONAL NAMES OF COMMEMORATIVE OBJECTS OF CHELYABINSK REGION AS PART OF HEROIC PARADIGM

S. A. Pitina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sap.pitina@rambler.ru

A. V. Taskaeva

*South Ural State Institute of Arts named after P. I. Tchaikovsky, Chelyabinsk, Russia;
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. taskaeva_anna@bk.ru*

The study of regional names of commemorative objects on the material of Chelyabinsk monuments and plaques helps to understand the evolution of commemorative names and their role in creating regional image which is considered relevant in the period of search for new values and rethinking the old ones as well as preserving historical memory. It is argued that commemorative names are formed as a result of glorification. Commemorative names are viewed as heroic ideologemes. The integral approach is used to view the language and conceptual meanings of heroic ideologemes and the language forms that realize them. The language and cultural analysis is applied to define universal characteristics and unique regional peculiarities of commemorative names representation. It is established that commemorative names include axiological constituent, they are contextually conditioned, they possess evaluativeness, dynamism of semantic, can be universal and nationally and culturally specific. The names of monuments are either concrete or general while the names of commemorative plaques are mainly represented by personal heroic ideologemes. Generalizing commemorative names can realize verbally expressed professional, special, temporal and even age parameters. Personal commemorative names are represented mainly by the names of heroes-participants of various wars, famous citizens of the region and by the names of outstanding people not connected with the South Ural. New regional commemorative names reflect the tendency to revive antiheroes of the past and to reduce the disproportion between the Soviet period commemorative names and new heroic personal names.

Keywords: *commemorative name; personal heroic ideologeme; generalizing heroic ideologeme; glorification; heroic paradigm.*

References

1. Bol'shaja sovetskaja entsiklopedija [Great Soviet Encyclopaedia], available at: <https://biblioclub.ru/index.php?page=dict&termin=726349> (accessed 15.06.2021) [in Russ.].
2. Vepreva I. T., Shadrina T. A. (2006) *Nauchnye trudy professorov Ural'skogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava*, no. 3, pp. 120—131 [in Russ.].
3. Gavrilova M. V. (2005) Ponyatie «patriotizm» v russkom politicheskom diskurse nachala XXI veka [The concept of 'patriotism' in Russian political discourse at the beginning of the XXI century]. *Novaja Rossia: novye javlenia v jazyke i nauke o jazyke* [New Russia: new phenomena in language and the science of language]. Ekaterinburg. Pp. 486—496 [in Russ.].
4. Gizatullina A. R., Gumerova M. I. (2015) *Politicheskaja lingvistika*, no. 3 (53), pp. 95—10 [in Russ.].
5. Guseinov G. Ch. (2004) Sovetskie ideologemy v russkom diskurse 1990-h [Soviet ideologemes in Russian discourse in the 1990s]. Moscow, Tri kvadrata. 272 p. [in Russ.].
6. Klushina N. I. (2008) *Stilistika publitsisticheskogo teksta* [Stylistics of a Journalistic Text]. Moscow, Media-Mir. 242 p. [in Russ.].
7. Klushina N. I. (2014) *Politicheskaja lingvistika*, no. 4 (50), pp. 54—58 [in Russ.].
8. Kupina N. A. (2000) *Russkij jazyk segodnja* [Russian Language Today]. Moscow, Azbukovnik. Pp. 182—189 [in Russ.].
9. Leontovich O. A. (2020) *Jazyk i kul'tura*, no. 52, pp. 51—66 [in Russ.].
10. Malysheva E. G. (2009) *Politicheskaja lingvistika*, no. 4 (30), pp. 32—40 [in Russ.].
11. Mihailovskaja M. M. (2018) Ideologema kak element global'nogo vertikal'nogo konteksta [Ideologeme as an element of the global vertical context]. *Jazyk. Kul'tura. Perevod. Kommunikatsiya* [Language. Culture. Translation. Communication]. Moscow, Moscow Univ. Publ. Pp. 374—377 [in Russ.].

12. Nahimova E. A. (2011) *Politicheskaia lingvistika*, no. 2 (36), pp. 152—156 [in Russ.].
13. Ferkel' V. B. (ed.) (2018) *Pamiatnye doski i pamiatniki Chelyabinska i Kopeyska (2017—2018)* [Commemorative plaques and monuments of Chelyabinsk and Kopeysk (2017—2018)], available at: <https://chelchel.ru.livejournal.com/1521011.html> (accessed 10.07.2021) [in Russ.].
14. Piontek B. M. *Obshchejazykovye faktory genezisa ideologemy kak kategorii politicheskoy lingvistiki: na materiale pol'skogo i russkogo jazykov* [General linguistic factors of the genesis of ideologema as a category of political linguistics: on the material of the Polish and the Russian languages]. Moscow, 2012. 25 p. [in Russ.].
15. Pitina S. A., Taskaeva A. V. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 11 (445), pp. 94—102 [in Russ.].
16. Razumov R. V. (2015) *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3, pp. 127—130 [in Russ.].
17. *Slovar' russkogo jazyka S. I. Ozhegova* [Dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov], available at: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=19835> (accessed 15.07.2021) [in Russ.].
18. Sokolova O. M. (2019) *Kul'tura v evrazijskom prostranstve: tradicii i novacii*, no. 1 (3), pp. 97—108 [in Russ.].
19. Taskaeva A. V. (2019) *Issledovanie geroicheskikh obrazov v ramkah teorii ideologem* [Research of heroic images in the framework of the theory of ideologemes]. *Hudozhestvennoe proizvedenie v sovremennoy kul'ture: tvorchestvo — ispolnitel'stvo — gumanitarnoe znanie* [Artistic work in modern culture: creativity — performance — humanitarian knowledge]. Chelyabinsk. Pp. 216—222 [in Russ.].
20. Slyshkin G. G. (2004) *Obozrevatel'-Observer: nauchno-analiticheskij zhurnal*, no. 8 (175), pp. 116—125 [in Russ.].
21. Sheigal E. I. (2004) *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of Political Discourse]. Moscow, 326 p. [in Russ.].
22. Shkredova M. I. *Sovetizmy v emigrantskoj proze* [Sovietisms in prose of emigrants]. Arhangel'sk, 2014. 23 p., available at: <https://narfu.ru/upload/iblock/993/avtoreferat-shkredovoy.pdf> (accessed 8.07.2021) [in Russ.].

ПРАВДА — СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЗАКОН В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Л. В. Попова

Челябинский государственный университет, Миасский филиал, Миасс, Россия

Рассмотрено историческое соотношение концептов «правда — справедливость» и «закон» в русской языковой картине мира. Сопоставлена частотность их вербализации в древнерусском языке. Выявлено доминирование макроконцепта «правда — справедливость» в истории языка русского права при обозначении правомерных явлений. Подтвержден долговременный синкретичный характер представления о правомерности в русском правосознании.

Ключевые слова: концепт «закон», макроконцепт «правда — справедливость», правосознание, юридический термин, языковая картина мира, язык права.

Язык можно рассматривать как ключ к изучению правосознания. Взаимосвязь языка, сознания и культуры позволяет использовать лингвистические методы для исследования этнокультурного базиса правосознания.

В теории права в структуре правосознания принято выделять рациональные (взгляды, идеи) и эмоциональные (эмоции, переживания) компоненты, выражающие отношение людей к действующему или желаемому праву. Правосознание выражает оценку права с точки зрения его (не)совершенства, (не)справедливости. Объектами правосознания являются законы, законность, правопорядок, правотворчество, правосудие, акты правосудия [21.С. 237—238].

Правосознание обладает национально-культурной спецификой. Так, Б. А. Кистяковский утверждал: «Нет единых и одних и тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен <...>. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску и свой собственный оттенок» [15]. Этнокультурная специфика правосознания возникает в силу обусловленности развития права историей и этнопсихологией нации. Доминантные черты национальной ментальности, в том числе элементы правосознания, выражаются в национальном языке.

Русское правосознание в исследованиях второй половины XX в. рассматривается преимущественно как нигилистическое: закон/право является антиценностью, ей противопоставлены правда/справедливость и совесть, которые представляют

высшую ценность. Данная оппозиция отражает противопоставление юридического и этического аспектов правосознания: закон определяется как искусственное, насильственное, навязанное установление, негативно воспринимаемое людьми или оставляющее их равнодушными [1; 7; 13; 16; 22; 21 и др.]. Если в латинском языке справедливость приравнивается к правосудию, законности, то в русском языке это противоположные категории [3. С. 97]. Негативное отношение к закону подтверждают пословицы: *Где законники/закон, там и обида. Хоть бы все законы исчезли, только б люди правдой жили* и др. Закон в обыденном правосознании оценивается как внешняя причина несправедливости, обиды. Правда и справедливость в русской ментальности взаимообусловлены и соотнесены с внутренним миром человека [8; 17; 31]. По мнению Н. Д. Арутюновой, история концепта «правда» отражает его синкретичность, аксиологическую противоречивость, неустойчивость: концепт формировался одновременно в сфере права и веры; затем лексема *правда* утратила юридическое значение и приобрела значение истинностной оценки, сохранив связь с нравственностью; в результате концепт «правда» стал обобщением нравственного закона [1. С. 551—570].

Важным представляется рассмотреть историческое соотношение концептов «закон» и «правда — справедливость» в русской языковой картине мира исходя из активности их вербализации. В древнерусском корпусе Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) количество словоупотреблений по запросу «закон» — 303, по запросу «правда» — 269, то есть данные концепты имели

примерно одинаковую частотность вербализации [24]. Например, в переводном сборнике «Пчела» XIII в. (византийской антологии, включающей тексты из Св. Писания, сочинения отцов Церкви и античных философов) у *закон* — 75 вхождений, у *правда* — 56 вхождений. При изучении концептов «закон» и «правда — справедливость» необходимо учитывать многозначность имен концептов: юридическое значение лексем *закон* и *правда* сосуществовало с религиозным и моральным [30. Вып. 5. С. 217—218; Вып. 18. С. 98]. Преобладание того или иного концепта обусловлено тематикой текстов: вниманием к религиозным, моральным или юридическим нормам. Так, в «Повести временных лет» XII в. у *закон* — 39 вхождений, у *правда* — 21 вхождение. В текстах летописей XII—XIV вв. (Киевской, Новгородской, Галицкой, Волынской, Суздальской) *правда* имеет более высокую частотность, доходящую до преобладания в 7—8 раз, например: в Киевской летописи у *закон* — 4 вхождения, у *правда* — 28; в Суздальской летописи у *закон* — 3 вхождения, у *правда* — 25. Используя полученные показатели, можно констатировать одинаковую актуальность концептов «закон» и «правда — справедливость» в древнерусской языковой картине мира с доминированием их в различных сферах. Так, лексема *закон* частотна в религиозных текстах как в религиозном, так и в правовом значении. Необходимо подчеркнуть отсутствие вербализации концепта «закон» при наличии концепта «правда — справедливость» в своде правовых норм «Русская Правда», что демонстрирует традиционность лексемы *правда* для выражения значения 'правовая норма' в восточнославянском языковом сознании. На это в XIX в. обратил внимание П. Ф. Калайдович: в древнерусском языке *правда* означает 'закон' [12. С. 129]. Таким образом, рассмотренный материал не дает основания утверждать, что в древнерусский период концепт «закон» является антиценностью: соответствующие контексты с негативной оценкой в древнерусском корпусе НКРЯ не обнаруживаются.

Придерживаясь исторического подхода к анализу русского правосознания, следует обратить внимание на труды философов, правоведов, филологов, объясняющие его специфику.

И. В. Киреевский отмечал, что обычное право Древней Руси формировалось естественным, а не отвлеченно-логическим образом. Закон в России «не сочинялся» предварительно, а записывался после закрепления в быту и народном сознании.

Русские законы имели два источника — бытовое предание и внутреннее убеждение. При законодательном закреплении норм и при их применении более важным был принцип «внутренней», а не «внешней» правды, справедливость предпочиталась буквальному смыслу формы [14].

И. А. Ильин, характеризуя русскую ментальность, подчеркивал ее стремление к соединению права и закона с верой и совестью, необходимость религиозного и нравственного обоснования правовых институтов [11. С. 579—580].

Б. А. Кистяковский обращал внимание на ошибочную точку зрения славянофилов и народников о том, что русскому народу чужды «юридические начала», что он действует исключительно по внутренним, этическим побуждениям. Корректируя данную позицию, Б. А. Кистяковский связывал специфику русского обыденного правосознания с духом коллективизма: общинный строй регулировался «внутренним сознанием о праве и неправе, живущим в народной душе», то есть нормы права и нормы нравственности были недостаточно дифференцированы [15].

Изложенные суждения о специфике русского правосознания коррелируют с мнением В. Н. Муравьева о специфике русского религиозного сознания, восприятия религиозных норм. Философ подчеркивал, что основа мирозерцания Древней Руси — «небывалая цельность духа», поэтому в русском православии Бог и правда Церкви сознается человеком изнутри, а не является законом, кем-то извне налагаемым [23].

Истоки русского правосознания обретают более четкие черты в результате лингвистической реконструкции на материале ключевых номинаций правовой сферы. В. В. Ивановым, В. Н. Топоровым с помощью семантико-этимологического анализа доказано, что славянское право, в отличие от латинского и европейского, основано на синкретизме понятий права, правды, справедливости и закона, в архаичном сознании имеющих «божественное происхождение». Общее обозначение права и закона воплотилось в праславянском **pravo*, указывающем на сферу упорядоченного, законосообразного. Производные от корня **prav-* широко представлены в древнерусском юридическом языке [10. С. 234—235]. Фактически речь идет о реконструкции правового сектора праславянской языковой картины мира. Ядро этого правового сектора, очевидно, унаследовано русской языковой картиной мира.

Таким образом, спецификой русского правосознания исторически считается не правовой нигилизм,

а синкретичный характер представления о правовой норме и праве в целом. Данная концепция получила поддержку в дальнейших исследованиях правоведов [4; 28; 6; 9]. При сопоставительном лингвистическом изучении социальной нормы в немецкой и русской лингвокультурах подтверждена связь русских концептов «закон», «правда», «справедливость» в рамках категории социальной нормы [2. С. 93]. Выдвинуто предположение о том, что разделение синкретичного комплекса протонорм на правовые, моральные, религиозные нормы произошло в Новое время, то есть к XVII в. [28. С. 128].

Актуальность изучения истории русского правосознания с помощью лингвистических методов применительно к языку русского права не вызывает сомнения в правоведении [28. С. 16—17]. Отметим недостаточность лингвистических исследований правового сектора русской языковой и концептуальной картины мира в диахронии. В частности, необходимо проследить функционирование и соотношение макроконцепта «правда — справедливость» и концепта «закон», а также взаимосвязанных с ними концептов на материале текстов нормативно-правовых документов. По нашим данным, история русского юридического языка свидетельствует о сохранении эксплицитной связи правовой сферы с нравственно-религиозной сферой после архаичного периода («Русской Правды»), в частности в Новое время.

Анализ лингвокультурной семантики этноконцептов «правда», «справедливость» подтверждает их взаимосвязь: *правда* — основная форма выражения справедливости, добра, праведности, она признается душой [17. Т. 2. С. 82]; *справедливость* — ощущение правды, побуждающее принимать праведное беспристрастное решение [17. Т. 2. С. 313]. Перечисленные концептуальные признаки указывают на корреляцию макроконцепта «правда — справедливость» с этноконцептами «добро», «праведность»: *добро* выражает правду, создает справедливость [17. Т. 1. С. 205]; *праведность* — совесть, честность, добродетельность [17. Т. 2. С. 86]. Описанная концептосфера вербализована в законодательных актах Древней, Московской Руси, XVIII—XIX вв. Ее облигаторный характер в сфере права при установлении правовых норм, квалификации правовых явлений свидетельствует об устойчивости нравственно-правового синкретизма. Приведем характерные примеры.

Так, в Судебниках 1497 г., 1550 г. [29. Т. 2], кодексах XVIII—XIX вв. [27] для номинации зако-

нопопослушности, правомерности использовались формулы, репрезентирующие концепт «добро», следовательно, и смежный макроконцепт «правда — справедливость»: *человек добрый, добрый* (субстантив), *добрый* в сочетании с названием должности, *добрый/добропорядочный гражданин* — о законопослушных людях (не преступниках, свидетелях, чиновниках); *(не)добросовестный* в сочетании с названием правового действия. Подчеркнем, что формулы *добропорядочный гражданин, добропорядочное поведение* (и ряд подобных), а также *добросовестный* в сочетании с названием субъекта права или правового действия продолжают функционировать и в современном законодательстве, выражая понятие правомерности в русле этнокультурной традиции.

В. В. Иванов, В. Н. Топоров отметили активность употребления прямых и производных номинаций семантической группы *правый, правьда* в русском юридическом языке: *правая грамота, дать правьду, затеять правьду, судити право, сказать по праву, правезь, доправити на комь; правосудие, правопорядок, правонарушение, правомерный* [10. С. 234]. В корпусе собранных нами примеров из законодательства наблюдается вариативность номинаций с использованием лексем *правый, справедливый, праведный, правосудный, правомерный* при обозначении правомерных явлений, особенно в актах, регламентирующих работу следственных и судебных органов: *суд правый / праведный / правосудие, розыск правый, причины правые/праведныя, вершить дело правдой, приговаривать и осуждать право, поступать праведно, спросить по самой сущои правде, показать по самой сущей справедливости, справедливое решение, справедливое объяснение, справедливость учинить, правосудное решение, правомерный приговор*. Данная вариативность отражает сочетание в правосознании древних и более поздних представлений о правомерности, связанных единым этнокультурным базисом.

В настоящее время тексты памятников русского права XV—XIX вв. не адаптированы для изучения в виде электронного корпуса, поэтому полноценный корпусный анализ невозможен. Например, в НКРЯ представлена незначительная часть памятников права Петровской эпохи. Количественный анализ результатов ручной сплошной выборки из объемных нормативно-правовых документов демонстрирует активность функционирования и особую роль ядерных номинаций макроконцепта «правда — справедливость».

В процессуальном кодексе «Краткое изображение Процессовъ или Судебныхъ тяжбъ», уголовном кодексе «Артикуль воинскій съ краткимъ толкованіемъ» 1716 г. [27. Собр. I. Т. V. № 3006] термин *права* (в форме мн. ч.) ‘нормативно-правовой акт’, ‘правовая норма’ использован 15 раз. Следует подчеркнуть компенсаторную функцию термина *права*: он выступает как основное обозначение законодательного акта и правовой нормы, то есть используется вместо терминов *закон*, *указ* и в сочетании с *устав*: *Его Царскаго Величества права и уставы; Государственные права, нарушитель государственных прав; как Права объявляют / подтверждают / повелевают; в правах утверждено; по правам; приговор против прав; судьям знать надлежит права; доброе искусство в правах*. В указанных документах высока частотность лексемы *правда* ‘истинное положение дел, реальные факты, устанавливаемые следствием и судом’ (15 употреблений), а также различных производных терминов (примеры приведены выше).

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в древнерусской языковой картине мира концепты «закон» и «правда — справедливость» актуальны в одинаковой степени, о чем свидетельствует примерно одинаковая частотность их вербализации (данные НКРЯ). Концепт «закон» более характерен для религиозной сферы как в религиозном, так и в правовом значении. Для правовой сферы при наличии концепта «правда — справедливость» (‘правовая норма’, ‘правовой акт’) концепт «закон» не харак-

терен. В древнерусский период концепт «закон» не является антиценностью. Во-вторых, специфичной русского правосознания исторически считается не правовой нигилизм, а синкретичный характер представления о правовой норме и праве в целом. В праславянской и русской языковой картине мира синкретизм выражается в семантической универсальности корня *prav-, объединяющего понятия правды, справедливости и права, закона. В-третьих, язык права Древней, Московской Руси, XVIII—XIX вв. сохраняет исконную связь концепта «закон» и макроконцепта «правда — справедливость», в частности при номинации правовой нормы и правового акта. Следовательно, для русского правосознания в диахронии характерно особое представление о правовой норме, причем оно одинаково на быденном (ценность *правды* — *справедливости* в паремиологии) и на профессиональном уровне. Если учение о русском антилегализме оправдывает реальную и потенциальную неправомерность поведения в российском обществе, то учение о нравственно-правовом синкретизме русского права может способствовать воспитанию уважения к правовым традициям и современным нормам права.

Перспективным направлением считаем сопоставительный анализ юридических концептов в русской и английской, немецкой, французской языковых картинах мира в диахронии и синхронии. Возрастание интереса к данной проблематике отражают современные исследования [5; 18; 19; 20; 25; 26; 32].

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд. М., 1999. 896 с.
2. Бабаева Е. В. Концептологические характеристики социальных норм в немецкой и русской лингвокультурах: моногр. Волгоград, 2003. 171 с.
3. Байдавлетовая Л. Р. Концепт «правда-справедливость» в русской языковой картине мира (на материале фразеологии) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 3 (73). С. 92—98.
4. Беляев Г. Г. Концептуальные основы морально-правовой регуляции общественных отношений на Руси в X—XVI веках (Социально-философский анализ): дис. ... д-ра филос. наук. М., 2003. 329 с.
5. Богачева Е. А. Лингвопрагматический аспект анализа судебного субдискурса (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 7—14.
6. Васильев А. А. Миф о низкой правовой культуре в России: проблема самоидентификации правовой системы // Современное право. 2009. № 12. С. 3—11.
7. Воркачев С. Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: моногр. Волгоград, 2009. 190 с.
8. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелёв А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М., 2012. 696 с.

9. Золотухина Н. М. Формирование правопонимания и его терминологическое обозначение в русской средневековой юридической культуре // *Lex russica* (Русский закон). 2018. № 8 (141). С. 43—67.
10. Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // *Славянское языкознание. VIII Междунар. съезд славистов*. М., 1978. С. 221—240.
11. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996. Т. 6. Кн. 2. 672 с.
12. Калайдович П. Ф. Синонимы // *Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете*. М.: 1817. Ч. IX. Кн. XIII. С. 112—134.
13. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. 367 с.
14. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (Письмо к графу Е. Е. Комаровскому). 1852. URL: http://az.lib.ru/k/kireewskij_i_w/text_1852_o_haraktere_prosveschenia.shtml (дата обращения 20.03.2021).
15. Кистяковский Б. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // *Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции*. М., 1909. URL: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html> (дата обращения 20.03.2021).
16. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб., 2006. 624 с.
17. Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб., 2014.
18. Кузнецова Ю. А. Концепт *юрист* в русском и американском национальном сознании // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018. № 4 (123). С. 246—254.
19. Левчук Л. К. Национальные менталитеты русских и американцев (на материале терминов Конституций РФ и США) // *Вестник Брянского государственного университета*. 2017. № 2 (32). С. 226—231.
20. Лыкова Н. Н. Терминология правосудия в старофранцузском и древнерусском языках: сопоставительный аспект // *Политическая лингвистика*. 2016. № 5 (59). С. 142—149.
21. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М., 2020. 529 с.
22. Мельникова А. А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003. 320 с.
23. Муравьев В. Н. Рев племени // *Из глубины: Сборник статей о русской революции*. М.; Петроград, 1918. URL: <http://www.vehi.net/deprofundis/muravev.html> (дата обращения 20.03.2021).
24. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения 20.03.2021).
25. Озюменко В. И. Лексико-семантические поля *judge* и *судья* в английском и русском языках // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 195—213.
26. Пименова М. В. Развитие правовых метафор совести в русском и английском языках // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2009. № 2. С. 96—100.
27. Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I, II. СПб., 1830—1884.
28. Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (Очерки IX — середины XVII вв.). М., 2006. 269 с.
29. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. М., 1984—1994.
30. Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1975—1991. Вып. 1—17; 1992—. Вып. 18—.
31. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М., 2001. 990 с.
32. Шелестюк Е. В. К вопросу о взаимовлиянии социальных институтов и культурных скриптов // *Лингвокультура университета: коллектив. моногр. / под ред. С. А. Питиной*. Челябинск, 2016. С. 37—56.

Сведения об авторе

Попова Людмила Викторовна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры филологии Миасского филиала, Челябинский государственный университет. Миасс, Россия, ORCID 0000-0003-2690-246X. mila_fil@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 128—134.*

TRUTH — JUSTNESS AND LAW IN THE RUSSIAN LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: DIACHRONIC ASPECT

L. V. Popova

Chelyabinsk State University, Miass branch, Miass, Russia. mila_fil@mail.ru

The historical relationship between the macro concept «truth — justness» and the concept «law» in the Russian language picture of the world is considered. The frequency of verbalization of concepts in the Old Russian language on the material of the National corpus of the Russian language testifies to the same degree of their relevance. The concept «law» is not an anti-value in the Old Russian period. The concept «law» is more typical for the religious sphere, both in religious and legal meaning. The legal sphere is characterized by the macro concept «truth — justness» in the meaning of ‘legal norm’, ‘legal act’. Using manual collection, the connection between the concepts «law» and «truth — justness» in the language of Russian law of the 15th — 19th centuries is fixed. The long-term syncretic nature of the notion of lawfulness in the Russian legal consciousness is confirmed.

Keywords: *concept «law», macro concept «truth — justness», legal consciousness, legal term, language picture of the world, legal language.*

References

1. Arutyunova N. D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. 2nd edition. Moscow. 896 p. [in Russ.].
2. Babaeva E. V. (2003) *Konceptologicheskie harakteristiki social'nyh norm v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah* [Conceptological characteristics of social norms in German and Russian linguocultures]. Volgograd. 171 p. [in Russ.].
3. Bajdavletova L. R. (2016) *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, no. 3 (73), pp. 92—98 [in Russ.].
4. Belyaev G. G. (2003) *Konceptual'nye osnovy moral'no-pravovoj regulyacii obshchestvennyh otnoshenij na Rusi v X—XVI vekah (Social'no-filosofskij analiz)* [Conceptual foundations of moral and legal regulation of social relations in Russia in the X-XVI centuries (Socio-philosophical analysis). Thesis]. Moscow. 329 p. [in Russ.].
5. Bogacheva E. A. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (453). *Filologicheskie nauki*, iss. 125, pp. 7—14 [in Russ.].
6. Vasil'ev A. A. (2009) *Sovremennoe pravo*, no. 12, pp. 3—11 [in Russ.].
7. Vorkachev S. G. (2009) *Pravdy ishchi: ideya spravedlivosti v russkoj lingvokul'ture* [Seek the truth: the idea of justice in Russian linguistic culture]. Volgograd. 190 p. [in Russ.].
8. Zaliznyak Anna A., Levontina I. B., Shmelev A. D. (2012) *Konstanty i peremennye russkoj yazykovoj kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow. 696 p. [in Russ.].
9. Zolotuhina N. M. (2018) *Lex russica (Russkij zakon)*, no. 8 (141), pp. 43—67 [in Russ.].
10. Ivanov V. V., Toporov V. N. (1978) *O yazyke drevnego slavyanskogo prava (k analizu neskol'kih klyuchevykh terminov)* [On the language of ancient Slavic law (to the analysis of several key terms)]. *Slavyanskoe yazykoznanie. VIII Mezhdunar. s'ezd slavistov* [Slavic linguistics. VIII International Congress of Slavists: reports of the Soviet delegation]. Moscow. Pp. 221—240. [in Russ.].
11. Il'in I. A. (1996) *Sobranie sochinenij* [Collected Works]: in 10 vol. Vol. 6. Bk. 2. Moscow. 672 p. [in Russ.].
12. Kalajdovich P. F. (1817) *Sinonimy* [Synonyms]. *Trudy Obshchestva lyubitelej rossijskoj slovesnosti pri Imperatorskom Moskovskom universitete* [Proceedings of the Society of lovers of the Russian literature at the Imperial Moscow university]. Moscow. Part IX, bk. XIII. Pp. 112—134 [in Russ.].
13. Kas'yanova K. (1994) *O russkom nacional'nom haraktere* [About the Russian national character]. Moscow. 367 p. [in Russ.].

14. Kireevskij I. V. (1852) O haraktere prosveshcheniya Evropy i o ego otnoshenii k prosveshcheniyu Rossii (Pis'mo k grafu E. E. Komarovskomu) [On the nature of the enlightenment of Europe and its attitude to the enlightenment of Russia (Letter to Count E. Ye. Komarovsky)]. Available at: http://az.lib.ru/k/kireevskij_i_w/text_1852_o_haraktere_prosveshchenia.shtml (accessed 20.03.2021) [in Russ.].
15. Kistyakovskij B. (1909) V zashchitu prava (Intelligenciya i pravosoznanie) [In defense of law (Intelligentsia and legal consciousness)]. Vekhi: Sbornik statej o russkoj intelligencii [Milestones: Collection of articles on the Russian intelligentsia]. Moscow. Available at: <http://www.vehi.net/vehi/kistyak.html> (accessed 20.03.2021) [in Russ.].
16. Kolesov V. V. (2006) Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste [Russian mentality in language and text]. St. Petersburg. 624 p. [in Russ.].
17. Kolesov V. V., Kolesova D. V., Haritonov A. A. (2014) Slovar' russkoj mental'nosti [Dictionary of the Russian mentality in 2 vol.] St. Petersburg [in Russ.].
18. Kuznecova Yu. A. (2018) *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii*, no. 4 (123), pp. 246—254 [in Russ.].
19. Levchuk L. K. (2017) *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (32), pp. 226—231 [in Russ.].
20. Lykova N. N. (2016) *Politicheskaya lingvistika*, no. 5 (59), pp. 142—149 [in Russ.].
21. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. (2020) Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow. 529 p. [in Russ.].
22. Mel'nikova A. A. (2003) Yazyk i nacional'nyj karakter. Vzaimosvyaz' struktury yazyka i mental'nosti [Language and national character. The relationship of language structure and mentality]. St. Petersburg. 320 p. [in Russ.].
23. Murav'ev V. N. (1918) Rev plemeni [Roar of the tribe]. Iz glubiny: Sbornik statej o russkoj revolyucii [From the depths: Collection of articles on the Russian revolution]. Moscow; Petrograd. Available at: <http://www.vehi.net/deprofundis/muravev.html> (accessed 20.03.2021) [in Russ.].
24. Natsional'nyj korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed 20.03.2021) [in Russ.].
25. Ozyumenko V. I. (2016) *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*, vol. 20, no. 3, pp. 195—213 [in Russ.].
26. Pimenova M. V. (2009) *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, no. 2, pp. 96—100 [in Russ.].
27. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (1830—1884). [Full Meeting of Laws of the Russian Empire]. St. Petersburg. Issue I, II [in Russ.].
28. Rogov V. A., Rogov V. V. (2006) Drevnerusskaya pravovaya terminologiya v otnoshenii k teorii prava (Ocherki IX — serediny XVII vv.) [Old Russian legal terminology in the relation to the theory of the right (Sketches of IX — the middle of the 17th centuries)]. Moscow. 269 p. [in Russ.].
29. Rossijskoe zakonodatel'stvo X—XX vekov (1984—1994) [Russian legislation of the X—XX centuries in 9 vol.]. Moscow [in Russ.].
30. Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv. (1975—1991, 1992) [Dictionary of Russian of the 11—17th centuries]. Moscow. Issue 1—17; Issue 18 [in Russ.].
31. Stepanov Yu. S. (2001) Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury [Constants: Dictionary of the Russian Culture]. Moscow [in Russ.].
32. Shelestyuk E. V. (2016) K voprosu o vzaimovliyanii social'nyh institutov i kul'turnyh skriptov [On the question of the mutual influence of social institutions and cultural scripts]. Linguoculture of the University Lingvokul'tura universiteta [Linguoculture of the University]. Chelyabinsk. Pp. 37—56. [in Russ.].

LINGUISTIC DIVERSITY, EDUCATION, AND DEMOCRACY IN INDIA: PROSPECTS AND CHALLENGES

A. Giridhar Rao

Azim Premji University, Bengaluru, India. rao.giridhar@apu.edu.in

India's National Education Policy 2020 (NEP 2020) promotes mother-tongue based multilingual education. Welcoming this recommendation, this essay looks at the policy in the context of India's linguistic diversity, and the already existing provisions for multilingual education. We list some of the conceptual and implementation challenges that NEP 2020 faces. The essay also overviews a few promising initiatives that show the way forward for a just, equitable, and sustainable policy for a mother-tongue based multilingual education in a democratic polity like India.

Keywords: *Linguistic Diversity, Mother-Tongue Education, National Education Policy 2020, Democracy.*

Introduction

In 2007, the General Assembly of the United Nations established the 2nd of October, the birthday of Mahatma Gandhi, as the International Day of Non-Violence. The Resolution exhorted Member States, organizations, and individuals to “disseminate the message of non-violence, including through education and public awareness” (UN, 2007). This brief essay focuses on linguistic non-violence, specifically through mother-tongue based multilingual education.

The essay does so in the following parts: first, a brief overview of India's linguistic diversity; second, India's language-in-education policies; third, language recommendations in the National Education Policy 2020 (NEP 2020); fourth, conceptual and implementation challenges of these recommendations; and fifth, some initiatives that indicate the way forward.

India's linguistic diversity

Counting languages and their numbers of speakers is notoriously difficult. Skutnabb-Kangas (2000: 30—46) gives an indication of some of the complexities involved. Recent work in “translanguaging” further complicates received notions of “named languages” (Otheguy et al., 2015). Even without this more recent methodological complexification, estimates of the number of “languages” of India vary greatly. A major source of the variation in numbers is the State's own procedures of naming languages. Here is a description by Ganesh Devy:

During the last census [in 2011], the citizens of India provided 19,569 names of ‘mother tongues’. This data was described in technical terms as ‘raw returns’. Based on previously available linguistic and sociological information, the authorities decided that

18,200 of these reported mother tongues did not match “logically” with any known information. A total of only 1,369 names, or ‘labels’ as they are technically called, were picked up as being “names of languages.” The excluded ‘raw returns’ represented the responses of nearly 60 lakh [6 million] citizens. Thanks to the classification protocol, the linguistic citizenship of these 60 lakh citizens was just axed, rendered as not worth consideration.

In addition to the 1,369 mother tongue names short-listed in scrutiny, there were another 1,474 mother tongue names placed under the generic label ‘Others’. The enumerated people had languages of their own, but the classification system could not identify the languages they spoke.

The fortunate 1,369 were further grouped together under a total of 121 ‘group labels’. These were presented to the country as ‘Languages’. Of these, 22 were the languages included in the Eighth Schedule of the Constitution: the ‘Scheduled Languages’. The remaining 99 were described as the ‘non-scheduled’ languages. (Devy, 2020)

A “classification protocol” that reduces 19,569 “mother tongues” to 121 “group labels” does not inspire confidence (also see Rao, 2014a). As we will see below, this protocol has serious consequences for education. Another large-scale exercise was the People's Linguistic Survey of India (2010—2013), which Devy coordinated. This survey recorded 780 languages in India (Ghosh, 2021; Singh, 2013).

Other indicators also give an idea of the country's linguistic diversity. There are registered newspapers in 123 languages; the official All India Radio News Service broadcasts in 90 languages; and films are produced in 35 languages (Mohanty, 2019: 19—20).

In the event, here is a summary of languages with official status in the Indian constitution:

1. Official language of the Union of India [Article 343(1)]: Hindi (in Devanagari script)
2. Additional official language of the Union of India [Article 343(2)]: English
3. Official languages for communication between the states and between the states and the Union (Schedule VIII, Articles 344(1) and 351): (1) Assamese; (2) Bengali; (3) Bodo*; (4) Dogri*; (5) Gujarati; (6) Hindi; (7) Kannada; (8) Kashmiri; (9) Konkani**;
- (10) Maithili*; (11) Malayalam; (12) Manipuri**;
- (13) Marathi; (14) Nepali**;
- (15) Odia; (16) Punjabi; (17) Sanskrit; (18) Santali*;
- (19) Sindhi***; (20) Tamil; (21) Telugu; (22) Urdu

Note: 14 languages were initially included in Schedule VIII in 1950.

**** One language added in 1967; ** Three added in 1992; * Four added in 2003. (Mohanty, 2019: 19)*

Managing linguistic diversity in education

An obvious challenge for the educational system has been the management of this linguistic diversity. The situation here is not encouraging. As Mohanty notes, “Apart from English and the 22 scheduled official languages, very few figure as languages of education. In fact, the number of languages used in Indian schools as languages of classroom teaching/learning or as language subjects in the curriculum is on the decline, and it is now down to less than half of what it was in 1970” (Mohanty, 2019: 73). Another researcher remarks that.

Of the 122 languages recorded in the Census, only 26 are used as mediums of instruction [MoI] at the primary stage. Only six of the non-scheduled languages, of the 100 recorded in the 2001 Census (all spoken by tribal groups in North-Eastern India) are used as mediums of instruction. No non-scheduled language, outside North-Eastern India is used as a MoI...

Thus, a large number of children in India begin school studying in an unfamiliar language. A rough assessment indicates that almost 25% of primary school children face moderate to severe problems in the initial months and years of primary school because their home language differs from the school language. (Jhingran, 2009: 266).

Jhingran goes on to list the groups of children who face a “moderate to severe learning disadvantage” because their medium of instruction at school is very different from their home language(s):

1. Indigenous children
2. Children whose language is considered a “dia-

lect” of the regional language. They “have very low comprehension of the standard language used at school. Many of these languages are actually quite different from the regional language and cannot be called dialects. For all practical purposes, the school language is a second language for these children.”

3. Children of migrants from another part of the country.

4. Children whose language, “though written and well developed”, is not used as a medium of instruction in schooling.

All these difficulties are compounded by attitudes of teachers towards the languages and cultures of children from particular ethnolinguistic groups — especially in the case of non-Indigenous teachers of Indigenous children (Jhingran, 2009: 267—268).

When schooling happens in a language other than the language(s) of the child there is much cognitive harm. Skutnabb-Kangas (2000), and Skutnabb-Kangas and Dunbar (2010) give many examples. Here is what Gandhi had to say on the matter back in 1938:

Up to the age of 12 all the knowledge I gained was through Gujarati, my mother tongue. I knew then something of Arithmetic, History and Geography. Then I entered a High school. For the first three years the mother tongue was still the medium. But the school-master’s business was to drive English into the pupil’s head. Therefore more than half of our time was given to learning English and mastering its arbitrary spelling and pronunciation. It was a painful discovery to have to learn a language that was not pronounced as it was written. It was a strange experience to have to learn the spelling by heart... However, for the first three years, it was comparatively plain sailing.

The pillory began with the fourth year. Everything had to be learnt through English – Geometry, Algebra, Chemistry, Astronomy, History, and Geography. The tyranny of English was so great that even Sanskrit or Persian had to be learnt through English, not through the mother tongue. If any boy spoke in the class in Gujarati which he understood, he was punished. It did not matter to the teacher if a boy spoke bad English which he could neither pronounce correctly nor understand fully. Why should the teacher worry? His own English was by no means without blemish. It could not be otherwise. English was as much a foreign language to him as to his pupils. The result was chaos. We the boys had to learn many things by heart, though we could not understand them fully and often not at all... I know now that what I took four years to learn of Arithmetic, Geometry, Algebra, Chemistry and Astronomy, I should have learnt easily in one year, if

I had not to learn them through English but Gujarati. My grasp of the subjects would have been easier and clearer. My Gujarati vocabulary would have been richer. I would have made use of such knowledge in my own home. This English medium created an impassable barrier between me and the members of my family, who had not gone through English schools... I was fast becoming a stranger in my own home. I certainly became a superior person. Even my dress began to undergo imperceptible changes. What happened to me was not an uncommon experience. It was common to the majority...

High schools were schools for cultural conquest by the English. The knowledge gained by the three hundred boys of my high school became a circumscribed possession. It was not for transmission to the masses. (Gandhi 1938: 159—160)

In a brief three paragraphs, Gandhi presents a diagnosis that is as valid today as it was in 1938. A mother-tongue medium education facilitates learning; non-mother tongue teaching makes learning difficult for most students; and schooling in a “prestige” language creates a separate class of citizens. Nevertheless, in India today, English is widely perceived today as the great enabler for social mobility.

The Three-Language Formula

A prominent part of India’s educational strategy to manage linguistic diversity has been the use of the so-called “Three-Language Formula” (TLF). Here is a quick description:

(a) The L1 to be studied must be the MT [Mother Tongue] or the regional language.

(b) The Second language:

— In Hindi-speaking states, the second language will be some other modern Indian language or English.

— In non-Hindi-speaking states, the second language will be Hindi or English.

(c) The Third language:

— In Hindi-speaking states, the third language will be English or a modern Indian language not studied as the second language.

— In non-Hindi-speaking States, the third language will be English or a modern Indian language not studied as the second language. (Jhingran, 2009: 274)

However, as Jhingran notes, in most states TLF is not being implemented “in the right spirit”:

In Hindi-speaking states, Sanskrit is being taught instead of another regional (preferably South Indian) language as the third language. In South Indian states, Hindi is not being taught and only the regional language and English are included. Private schools do not

follow the Formula and a large proportion use English as the L1. Also, the MoI is usually the regional language and not the MT of the children. The regional language is a second language for most children in the early primary grades and the Three Language Formula does not require that children must receive primary education in their MTs. Therefore, this strategy does not really support initiatives that aim at introducing MT-based multilingual education. (Jhingran, 2009: 275).

For a discussion of the incoherences between TLF and other educational policies in the country, see Mohanty (2019: 148-152). As he concludes: “But the TLF was too superficial and inconsistent to offer a comprehensive policy framework for India. Reducing the complex relationship between education and multilingualism of India to a simple ‘three-language’ formula was an unrealistic goal right from the beginning”. (152)

Language education policies in NEP 2020

It is in the context of the foregoing remarks that one needs to view the language-education provisions and recommendations of India’s National Education Policy 2020 (NEP 2020). For our purposes, a crucial paragraph is the following:

Wherever possible, the medium of instruction until at least Grade 5, but preferably till Grade 8 and beyond, will be the home language / mother-tongue / local language. Thereafter, the home / local language shall continue to be taught as a language wherever possible. This will be followed by both public and private schools. (GoI, 2020; Para 4.9, p. 12)

Para 4.9 might seem like an entirely positive recommendation, as we shall see, it has several problems at multiple levels.

A fundamental difficulty takes us back to the methodological point made earlier of language-names and language-varieties. The recommendation speaks of “mother tongue”. Specifying the mother tongue is not easy. Bhojpuri is a case in point. Although the language has 51 million native speakers, it is listed in the Indian census 2011 as one of the 56 “mother tongues” under Hindi – as part of the “Hindi belt” (GoI, 2011). Thus, if a Bhojpuri child is being taught in Hindi, it is misleading to claim that the child is being educated in their mother tongue. Thus, in operationalizing the policy, the compound phrase “home language / mother-tongue / local language” will need a more nuanced approach: they are not equivalents.

A second difficulty with the NEP 2020 recommendation is the last sentence in the part cited above:

"This will be followed by both public [that is, free] and private [fee-paying] schools". Now, the profit-model of private schools in India crucially depends on English-medium teaching: it is their USP – their "Unique Selling Proposition"! No wonder, then, that this recommendation has come in for some severe criticism from this vocal and influential lobby. See some of the links critical of this recommendation in the initial part of Daniyal (2020). How policymakers will get this lobby to come to the table for discussion remains to be seen. There may be possibilities in the promise of bilingual education that is discussed below.

Unfortunately for MT-activists, but fortunately for the private-school lobby, NEP 2020 itself provides several "escape routes"! This is a third difficulty with NEP 2020. For example, in the para 4.9 cited above, the phrase "wherever possible" occurs twice. The 60-page document offers many such "opt-outs, modifications, alternatives, claw-backs" – as Skutnabb-Kangas has called them (2008; see also Rao, 2009, for a summary). Instead of framing the issue as a matter of linguistic rights, NEP 2020 presents MT-education as merely a desirable. Thereby, those reluctant to implement the recommendations will find it easy not to act.

A fourth battle front for the NEP 2020 recommendation is the fact that in several states the public school system itself is switching to English as medium of instruction! For instance, the state of Karnataka has identified a thousand government schools where the medium of teaching will be English. A neighbouring state, Telangana, is currently training nearly 2000 elementary school teachers as "trainers" to teach the other 35 thousand teachers to teach in English. These states have adopted English in order to counter the "outflow" of children from regional-language medium government schools to English-medium private schools.

It is too early to say whether the project has worked. But now that government schools themselves are offering English-medium education, parents have started to pull their children out of private schools, and admit them into public schools. The current COVID pandemic, in which millions have lost their livelihoods, has made this option even more attractive (Tiwari, 2020). To that extent, one might say that the project is successful.

But this fourth difficulty has shown up a certain incoherence between the NEP 2020 recommendation and the state governments' language policies. This has begun to be noticed elsewhere too as the title of this article indicates: "Will the NEP Throw a Spanner in Jagan Reddy's Plans for English-Medium Education?" (Gali, 2020). What then might be the way forward?

One possible solution seems to be to develop various models of bilingual education. By "bilingual", NEP 2020 means a regional language and English (and not, for example, two regional languages). The document mentions bilingual education at several places. For example, here:

Students whose medium of instruction is the local / home language will begin to learn science and mathematics bilingually in Grade 6 so that by the end of Grade 9 they can speak about science and other subjects both in their home language and English. In this regard, all efforts will be made in preparing high-quality bilingual textbooks and teaching-learning materials. (GoI, 2020; Para 4.12, p. 12-13)

If that is indeed the aim, then the extensive English-training programmes that some states are currently undertaking can be seen as preparatory capacity-building for a transition to bilingual education. As the document notes, a great deal of material will need to be developed. In fact, NEP 2020 recommends the setting up of an "Indian Institute of Translation and Interpretation" (IITI) (GoI, 2020; Para 22.11, p. 53). The creation and availability of such "high-quality" material might prove to be attractive to the private-school system – including for-profit educational start-ups – as well.

The bilingual material will need to be both "from-below" (school textbooks and supplementary material for students) as well as "from-above" (teacher-education material and university-level material). For decades, governments as well as non-governmental organizations have sporadically prepared bilingual material, often for Indigenous (also called Tribal or Adivasi in India) children – that is, bilingual textbooks in the regional language and an Indigenous language. The main reason for these projects not scaling up is lack of sustained state and institutional support: they depended crucially on individual activists and sympathetic officials in the education bureaucracy. The project in the state of Odisha is one of the few with some sustained government support. The project began with 10 Indigenous languages, and then added a further 11 Indigenous languages as mediums of instruction at the primary education level. The stated aim of the project is a "Strategy to facilitate transition from 100% tribal language in class-I to 100% Odia by class-VI over a period of five years" (OPEPA, n. d.). Thus this project treats the MT of the learners as a "transitional" language to switch to the dominant language — once the learner has switched to the dominant language, their Indigenous language is perceived to be of no educational use (see Rao, 2014b for more context). It is to be hoped that an IITI which develops extensive bilingual

learning material will treat Indigenous languages as more than merely transitional languages.

Two promising initiatives

NEP 2020's recommendations for Higher Education Institutes include the following:

22.7. For languages to remain relevant and vibrant, there must be a steady stream of high-quality learning and print materials in these languages — including textbooks, workbooks, videos, plays, poems, novels, magazines etc. Languages must also have consistent official updates to their vocabularies and dictionaries, widely disseminated so that the most current issues and concepts can be effectively discussed in these languages. Enabling such learning materials, print materials, and translations of important materials from world languages, and constantly updating vocabularies has to become a national priority. (GoI, 2020: 52—53)

These are what we have called the "from-above" materials. In this context, it may be of interest to mention two examples of initiatives already underway to address what NEP 2020 calls "a national priority". The first is the "Translations Initiative" (TI) at Azim Premji University (APU), India. APU is a private, not-for-profit university with an explicit social purpose of helping to build a "just, equitable, sustainable, and humane society". (For an overview of the university's work in teaching linguistic human rights and multilingual education, see Rao, 2020b).

A major objective of TI is to make all the readings (in English) of the various programmes of the university available (initially at least) in Hindi and Kannada as well. This will enable access to higher education to a much larger pool of students than only those proficient in English. Simultaneously, TI is organizing "Kannada and Hindi seminars and discussions to build an academic climate for discourse among stakeholders. This process is towards generating new materials in Hindi and Kannada. We conduct capacity building workshops for translators" (APU, n. d.). With 30 collaborating institutes, and over 500 translators, APU's TI is a fairly large project.

In alignment with TI is a second, even larger, initiative: the National Translation Mission (NTM) of the Government of India. NTM has prepared a list of 69 "chief domains" in which they have identified "knowledge texts". As their website notes: "All prescribed text books, reference books and articles that are considered foundational in any discipline of college / university education are included for translation. Specific attention is given to the disciplines of Natural Sciences and Social Sciences." The result is a list

that currently ranges, alphabetically, from "Adult / Continuing Education" and "Anthropology", through "Linguistics" and "Management", to "Women's Studies" and "Zoology (General)". (NTM, n. d.a)

The project aims to make available translations of these "knowledge texts" in each of India's 22 Official Languages – a huge project indeed! To create a network of translators for such a massive project, NTM has been conducting regular Translator Education programmes. These "orient translators about the history and tradition of translation in India, problems and challenges in knowledge text translation in Indian Languages and how to use translation tools such as dictionaries, glossaries and thesaurus" (NTM, n. d.b). The project is already bearing fruit; NTM's 2021 catalogue lists 75 published translations, and many that are in preparation (NTM, n. d.c; see also Rao, 2020a).

Hopefully, these initiatives – those from-below and those from-above – will together create a sustainable ecosystem for relativizing the role of English in education in India; in promoting Indian languages as "knowledge-languages"; and making multilingual education a reality in India.

Towards a consultative federal democracy

Zooming out, the 60-page NEP 2020 needs to be located in the context of a federal democracy: consultation, collaboration, and consent are necessary. And these have to be between multiple stakeholders: the central government, state governments, and non-governmental agencies. Further, in the Indian constitution, education is in the so-called "Concurrent List" – states too can legislate on the subject. Indeed some 75% of the funding for education comes from the states; the central government in New Delhi contributes only 25% to the annual education budget. In such a political structure, a readiness to dialogue becomes that much more important. Further, issues of language and identity are emotionally charged, and need to be addressed carefully.

Finally, we must acknowledge that the road ahead is long, the challenges will need much work, and the task by its very nature is transgenerational. Persistence is needed to build an educational system of linguistic non-violence for those who are most vulnerable. Without persistence, there is no way to see the optimism that the Urdu poet Faiz Ahmad Faiz holds out to us:

"It is only a night" by Faiz (1954; my translation)

The heart is not without hope
It has merely not tasted success
Yes, the night of sorrow is long
But it is only a night.

References

1. APU (Azim Premji University). n. d. [no date] Translations Initiative. <https://azimpremjiuniversity.edu.in/translations-initiative>
2. Daniyal, Shoaib. 2020. Why is India obsessed with English-medium education – when it goes against scientific consensus? Scroll.in, 6 August. <https://scroll.in/article/969356/why-is-india-obsessed-with-english-medium-education-when-it-goes-against-scientific-consensus>
3. Devy, Ganesh. 2020. Counts and Consequences: Citizenship and Language Identity. The India Forum, 5 June. <https://www.theindiaforum.in/article/counts-and-consequences>
4. Faiz, Faiz Ahmad. 1954. It is only a night (dil nā-umīd to nahīn). <https://rekhta.org/ghazals/ham-par-tum-haarii-chaah-kaa-ilzaam-hii-to-hai-faiz-ahmad-faiz-ghazals>
5. Gali, Nagaraja. 2020. Will the NEP Throw a Spanner in Jagan Reddy's Plans for English-Medium Education? The Wire. 8 August. <https://thewire.in/education/andhra-pradesh-english-medium-national-education-policy>
6. Gandhi, Mohandas K. 1938. Higher Education. Harijan, 9 July. In *The Collected Works of Mahatma Gandhi* (Electronic Book), New Delhi, Publications Division Government of India, 100 volumes, Vol. 67. <https://www.gandhiserve.net/about-mahatma-gandhi/collected-works-of-mahatma-gandhi/>
7. Ghosh, Agnee. 2021. The race to find India's hidden languages. BBC Future, 1 October. <https://www.bbc.com/future/article/20211014-the-man-who-found-indias-hidden-languages>
8. GoI (Government of India). 2011. Abstract of Speakers' Strength of Languages and Mother Tongues – 2011, Ministry of Home Affairs. <https://censusindia.gov.in/2011Census/Language-2011/Statement-1.pdf>
9. GoI (Government of India). 2020. National Education Policy. Ministry of Human Resource Development. https://www.education.gov.in/sites/upload_files/mhrd/files/NEP_Final_English_0.pdf
10. Jhingran, D. 2009. Chapter 14 Hundreds of Home Languages in the Country and many in most Classrooms: Coping with Diversity in Primary Education in India. *Social Justice through Multilingual Education*. doi:10.21832/9781847691910-017.
11. Mohanty, Ajit K. 2019. *The Multilingual Reality: Living With Languages*. (Series: Linguistic Diversity and Language Rights: 16). Bristol, UK: Multilingual Matters.
12. NTM (National Translation Mission). n. d.a. Knowledge Texts. <https://www.ntm.org.in/languages/english/knowledgetexts.aspx>
13. NTM (National Translation Mission). n. d.b. Translator Education. <https://www.ntm.org.in/languages/english/translatoreducation.aspx>
14. NTM (National Translation Mission). n. d.c. Catalogue 2021. https://www.ntm.org.in/download/catalogue/NTM%20Catalogue_2021.pdf
15. OPEPA (Odisha Primary Education Programme Authority). n. d. Mother Tongue Based Multilingual Education Programme in Odisha: Key decisions. <http://opepa.odisha.gov.in/website/SCSTedu3.aspx>
16. Otheguy, Ricardo, García, Ofelia, and Reid, Wallis. 2015. Clarifying translanguaging and deconstructing named languages: A perspective from linguistics. *Applied Linguistics Review* 6(3): 281–307. DOI 10.1515/applirev-2015-0014
17. Rao, A. Giridhar. 2009. MTM education in RtE Bill. Bolii, 21 January. <https://bolii.blogspot.com/2009/01/mtm-education-in-rte-bill.html>
18. Rao, A. Giridhar. 2014a. How many languages are there in India? Bolii, 21 February. <http://bolii.blogspot.com/2014/02/how-many-languages-are-there-in-india.html>
19. Rao, A. Giridhar. 2014b. Odisha promotes multilingual education. Bolii, 16 July. <https://bolii.blogspot.com/2014/07/odisha-promotes-multilingual-education.html>
20. Rao, A. Giridhar. 2020a. NEP 2020, NTM, and Indian Languages in Higher Education. Bolii, 10 August. <https://bolii.blogspot.com/2020/08/nep-2020-ntm-and-indian-languages-in.html>
21. Rao, A. Giridhar. 2020b. Linguistic Human Rights and Multilingual Education: Report from an Indian University. *Decolonial Subversions*. pp. 61–71. http://decolonialsubversions.org/docs/pdfs/6_2020.04.04_AGRao_English.pdf
22. Singh, Shiv Sahay. 2013. Language survey reveals diversity. The Hindu, 22 July. <https://www.thehindu.com/news/national/language-survey-reveals-diversity/article4938865.ece>

23. Skutnabb-Kangas, Tove 2000. Linguistic genocide in education – or worldwide diversity and human rights? Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum. [Republished in a slightly revised form in 2008, Delhi: Orient Longman].

24. Skutnabb-Kangas, Tove. 2008. Language, education and (violations of) human rights. Symposium on Linguistic Rights in the World, the Current Situation. Geneva: United Nations, 24 April. <http://www.linguistic-rights.org/tove-skutnabb-kangas>

25. Skutnabb-Kangas, Tove., & Dunbar, Robert. 2010. Indigenous Childrens Education as Linguistic Genocide and a Crime against Humanity? A Global View. *Gáldu Čála – Journal of Indigenous Peoples Rights*, (1). http://www.tove-skutnabb-kangas.org/pdf/Indigenous_Children_s_Education_as_Linguistic_Genocide_and_a_Crime_Against_Humanity_A_Global_View_Tove_Skutnabb_Kangas_and_Robert_Dunbar_grusweb_2010_04_22.pdf

26. Tiwari, Siddharth. 2020. Unable to pay fee, 1 lakh students move to government schools. *The Times of India*. 28 July. <https://timesofindia.indiatimes.com/city/gurgaon/unable-to-pay-fee-1-lakh-students-move-to-government-schools/articleshow/77217215.cms>

27. UN (United Nations). 2007. International Day of Non-Violence. General Assembly Resolution, 15 June. <http://undocs.org/A/RES/61/271>

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences*. Iss. 126. Pp. 135–141.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ, ОБРАЗОВАНИЕ И ДЕМОКРАТИЯ В ИНДИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ПРОБЛЕМЫ

А. Гиридхар Рао

Университет Азима Премджди, Бангалор, Индия. rao.giridhar@apu.edu.in

Национальная политика образования Индии 2020 (NEP 2020) продвигает многоязычное образование на основе материнского языка. Приветствуя эту рекомендацию, мы рассматриваем данную политику в контексте лингвистического разнообразия Индии, а также анализируем уже существующие предпосылки для многоязычного образования. Перечисляются некоторые концептуальные и реализационные проблемы, с которыми сталкиваются власти Индии в проведении NEP 2020. Статья также предлагает обзор нескольких перспективных инициатив, которые демонстрируют простые пути осуществления справедливой и устойчивой политики многоязычного образования на основе материнского языка в условиях демократической формы политического устройства, существующей в Индии.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ ЛЕКСИКА В РУССКИХ ДОКУМЕНТАХ XVII ВЕКА, СВЯЗАННЫХ СО СРЕДНЕЙ АЗИЕЙ

А. А. Сайфиева

Высшее военное авиационное училище Республики Узбекистан (ВВАУ РУ), Карши, Узбекистан

В статье уделяется внимание употреблению лексики восточного происхождения в официально-деловой сфере России XVII в. Приводятся примеры употребления восточной лексики на страницах архивных деловых документов. В процессе исследования выявлены как лингвистические и лингвокультурологические факты, так и исторически ценные данные о развитии межнациональных торговых, разведывательных связей, отношений между российскими и восточными послами, о военном деле, о судьбе и жизни воинов Средней Азии.

Ключевые слова: *тюркские слова, восточные языки, торговые отношения, семантика слова, деловые документы, ярлык, челобитная, грамота, отписка, дехкане, гулямы, мурзы, ясыри, караул, кызылбаши, шахи, тайши.*

Стало аксиомой положение о том, что историческое развитие лексики существенным образом связано с историей страны, с происходившими событиями, с развитием государства. Обогащению лексического состава языка, несомненно, способствует развитие межгосударственных отношений, взаимодействие и взаимообогащение политических, социально-культурных связей. Результаты контактирования различных народов могут отражаться на всех уровнях языковой системы. Но основным результатом взаимодействия культур является появление заимствованной лексики, способствующей обогащению языков.

«Контакты с тюркоязычными народами и заимствование из восточных языков представляют наиболее важную страницу в эволюции словарного состава русского языка с древнейшего периода его развития до XVII в. включительно» [6]. Этот факт определил выбор предмета нашего исследования. Следует отметить, что в процессе исследования мы не будем затрагивать все тематические разделы, а сделаем акцент на административно-политической и восточной военной лексике в русских деловых документах.

Говоря о тюркских словах, М. В. Орешкина отмечает, что «как и любые другие иноязычия, восточные заимствования отражают определённые исторические этапы языковых контактов русского народа с разнообразными восточными этносами, при этом вклад конкретного языка в пополнении лексического состава русского языка не одинаков» [10. С. 8]. При определении языков,

входящих в состав восточной лексики, взгляды учёных расходятся, так как официальный статус понятий «страны Востока» и «восточные языки» в известной степени может быть условным. Это связано с тем, что к восточным странам относятся Ближний Восток, Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная и Южная Азия, а понятие «восточные языки» применяют к языкам народов, которые в целом не относятся «к народам западноевропейской культуры» [6. С. 5].

Проанализировав мнения ряда учёных [Асфандияров 1991, Халлави 1986, Аракин 1974, Гаврилова 1981, Орешкина 1994, Асланов 1990, Аюпова 1975, Баскаков 2006 и др.], мы пришли к выводу, что к понятию «восточные языки» относятся генеалогически разные языки мусульманского Востока: арабский, персидский, монгольский, татарский, индийский, китайский. Однако особое внимание притягивает семейство тюркских языков, поскольку народы, говорящие на них, издревле тесно контактируют с русским и другими славянскими народами, а также, собственно, составляют неотъемлемую часть народов России. К тюркским относятся турецкий, азербайджанский, казахский, киргизский, туркменский, узбекский, татарский, башкирский, чувашский и некоторые другие языки [11].

Ещё в древнерусский период появился большой интерес к изучению восточных языков, чему способствовало развитие торговых отношений Древней Руси с Востоком. В период феодальной раздробленности и княжеских конфликтов

продолжается развитие торговых связей Руси с Востоком, что способствовало проникновению в русский язык таких военно-восточных слов, как *атаман*, *богатырь*, *орда*, *сабля*, *колымага* и др. Многие торговые караваны проходили через Причерноморье, и, наравне с греками, армянами, итальянцами, узбеки тоже осуществляли торговлю между русскими княжествами и Ближним Востоком. В периоды золотоордынской зависимости, а также преодоления Русью во главе с великим княжеством Московским политической и даннической зависимости от Золотой Орды в XIV—XV вв. и распада Золотой Орды на несколько ханств происходило заимствование лексики широкого тематического диапазона во все сферы общественной и частной жизни. Именно тогда «укрепляются интенсивные связи Московской Руси с восточными странами, что привело к заметному влиянию лексики из языков Востока на русский язык, в первую очередь тюркских или других через тюркское посредство» [9]. Роль устных переводчиков — толмачей, значительно увеличилась в период монголо-татарского нашествия. Впоследствии в связи с ростом дипломатических, экономических, политических и военно-разведывательных контактов росла не только значимость переводчиков, но и понимание необходимости изучения восточных языков. Кроме того, в связи с тесными межэтническими контактами ускорился и расширился процесс накопления лингвистического материала и заимствований¹.

В изучаемый нами период (XVII в.) заимствование восточной лексики в русский язык также преимущественно происходило через тюркский язык². В 1932 году московскими учёными была произведена масштабная работа по сбору архивных документов, относящихся к торговым сношениям между Россией и Средней Азией. В «Материалах по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», изданных в том же году [8], собраны подлинники деловых и прочих бумаг, свидетельствующие о деятельности послов и торговых отношениях Московского государства и

Средней Азии. В документы входят ярлыки, челобитные, грамоты, отписки, выписки, расспросные речи (допросы), сказки русских пленных, частные письма и другие виды бумаг. Представленные в них данные являются драгоценной находкой для изучения истории дипломатических, торговых связей, политических и межэтнических взаимоотношений в XVII в., а также для лингвистических изысканий. Обратившись к вышеупомянутым материалам и на основе имеющихся образцов документов (также именуемых «Материалы»), можно сделать вывод о функционировании административно-политической и военной лексики.

Ещё одним важным для нас источником исторического материала, собранного на основе документов, хранившихся в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Оренбурга, Алматы, Ташкента и других городов, является книга Х. Зиёева «Ўзбекистоннинг Каспий-Волга бўйлари ва Оренбург орқали Россия билан элчилик муносабатлари тарихи» [7]. По свидетельству автора, в этих архивах хранятся оригиналы ярлыков узбекских ханов, написанные арабской письменностью и переведённые на русский язык, здесь также есть грамоты, написанные русскими царями на имя узбекских ханов. Кроме того, о деятельности узбекских и русских послов можно узнать из документов и переписей местных и центральных управляющих — воевод, в чьи обязанности входило военное и гражданское управление городами с уездами.

Разъясним основные термины, лежащие в основе классификации административно-политических документов того времени.

Ярлык (тюрк. ярлэк — «повеление, приказ») — письменное повеление или льготная грамота монгольских ханов подвластным светским и духовным (церковным) владыкам. В русском языке слово употребляется в значении «султанский указ, грамота, дворянская грамота» [12]. Ярлыки обычно представляли из себя приказ или повеление, которое касалось отдельных лиц или определённой группы людей, обычно, нижестоящих по отношению к хану. В ярлыках приводились надлежащие атрибуты, которые преимущественно оглашались в определённом виде, характерном в тот период.

Челобитная — (русск. «челом бить», кланяться), коллективная письменная просьба, использовавшаяся до третьей четверти XVIII в. [12]. Вероятно, она и является прототипом современных заявлений. При написании челобитной дер-

¹ Этот процесс замедлился в XVIII в., а в XIX—XXI вв. заимствования в русский язык из тюркских языков заметно сократились.

² Вместе с тем в среднерусский период развития вызвали интерес достижения арабского Востока, в связи с чем в словарном составе русского языка появились арабизмы, изначально заимствованные из персидского языка. В частности, в военную лексику проникли такие слова, как *адмирал* и *арсенал*.

жались следующей последовательности:

- 1) обращения к государю (челом бью, то есть кланяюсь);
- 2) информация о просителе;
- 3) сведения о произошедшем инциденте;
- 4) просьба по существу челобитной;
- 5) концовка с формулировкой «руку приложил» и личной подписью.

Грамота (греч. «письмо, писчая бумага») — официальный документ, предоставляющий определённые льготы и преимущества [12]. Одна из характерных особенностей грамоты заключается в том, что она предоставляет своему хозяину или учреждению исключительные права.

Отписка — тоже один из официальных документов, в котором отражается донос местного учреждения на имя царя³. Возможно, отписка — это современный рапорт, в котором отражается донесение младшего по званию старшему военному начальнику.

Документы, касающиеся деятельности послов, отличаются сходной содержательностью и наличием малой информации о личности самих этих официальных лиц. Известно, что основная задача среднеазиатских послов заключалась в развитии торговых отношений и покупке русских товаров за счёт проданных товаров и казны. Узбекские дипломатические отношения имеют довольно древние истоки. Известно, что узбекские послы налаживали социально-экономические отношения с Ираном, Индией, Китаем, Афганистаном, Турцией и Саудовской Аравией. Начиная со второй половины XVI в., после того как российское государство завоевало Казань и Астрахань и стало в определенной степени тюркоязычным, торговые отношения Узбекистана и России стали развиваться более быстрыми темпами.

Из «Материалов по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР» [8] явствует, что послы с двух сторон принимались государственными правителями. С ними проводились короткие беседы. Учитывая, что мероприятие приёма послов было кратким, данный процесс также описывался в деловых документах кратко.

Обратимся к лексике, отражающей административно-хозяйственное устройство того времени. Изучая терминологию данного периода, нужно особо отметить роль властной иерархии.

Дехкане. Этимология слова берёт своё начало из туркменского языка, который позаимствовал

его из персидского языка. В таджикском и узбекском языках слово дехкон даёт значение как среднеазиатский крестьянин, землевладелец [12].

С X в. Средняя Азия была центром развития ремесленно-торговых отношений. В этот период феодалы носили старый титул *дехкан*. Дехканами считались землевладельцы-феодалы, которые владели землёй на правах мультка, то есть собственности. Они владели большими участками, держали при себе зависимых крестьян и властвовали над ними. В общем, вели образ типичного феодала, соответствуя всем формам феодального общества.

Впоследствии дехканами называли зажиточных крестьян, которые вышли из общины и вели самостоятельное хозяйство. Постепенно часть из них превратились в феодалов, а часть — в сельских старшин. В XIII в. термином «дехкане» обозначали всех крестьян. Во времена басмачества дехкане защищали Советскую власть и являлись отрядом местной самообороны. Они организовывались как боевой отряд мужчин, которые были вооружены подручными сельхозорудиями — топорами, серпами, ножами, вилами, а иногда простыми палками, в результате чего и получили наименование «краснопалочники».

Гулямы. Слово, взятое от арабского языка, обозначает «юноши», так назывались рабы, находящиеся на службе халифов. Очень многие из них были вольнонаёмными, которых покупали на невольничьих рынках. В османской империи в средние века — воины феодального ополчения [15]. Благодаря определённым законам исламской религии, гулямы начали приобретать свободу и получили возможность служить в гвардии правителей. Обретя титул, гулямы исполняли повеления правителя, делали значительную работу при дворе.

Эта прослойка считалась главной опорой власти, хотя иногда поддавалась националистическим идеям. Стремление к власти, богатству и свободе доводило до того, что некоторые богатые феодалы не хотели подчиняться государству и платить подбавляющие налоги. В результате происходили мятежи, которые систематически подрывали единство и мощь определённого государства.

Следует отметить тот факт, что гвардия гулямов, будучи чуждой коренному населению, в итоге превратилась в настоящую силу, способную противостоять как внешним, так и внутренним врагам своего правителя. Это были самые отважные и сильные воины, которые преданно служили своему правителю.

³ Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974.

Ярлыки, исходившие из Бухарского ханства, писались на таджикско-персидском языке, а грамоты от Хивинского ханства — на хивинско-узбекском литературном и персидском языках. Грамоты Ивана и Петра Алексеевичей⁴ писаны на литературном татарском языке той эпохи, представлявшем собой соединение чагатайских и османско-турецких литературно-языковых элементов с элементами живого татарского языка.

Для написания документов существовали определённые шаблоны, а также элементы прагматики социальной дифференциации, когда при обращении можно было определить социальное положение адресата и фиксировать отношение к нему отправителя письма. При переводе с восточных языков своеобразные обращения в ярлыках могли сохраняться, но могли и опускаться.

При изучении «Материалов» мы прослеживаем употребление восточной военной лексики в деловых документах, переведённых на русский язык. Например, чтобы указать титул и социальный уровень восточного вельможи, к собственному имени добавляются такие слова, как мурза (Чубар-Магмет мурза [8. С. 154]), салтан (Абеш салтан [8. С. 280]), мулла (мулла Адрахман [8. С. 286]), кул (Имам-кули [8. С. 281]), бай (посол Махтан-бай [8. С. 280]) и т. д. При этом читателю становится понятно, что речь идёт о восточных представителях знатного происхождения.

Мурзы — один из знатных тюркских титулов, которым величали предводителей. Этимологически слово заимствовано из персидского языка, и указывает на знатный род своего владельца. Во времена господства Золотой Орды татарские мурзы числились на службе некоторых княжеств. После исторических событий 1552 года многие мурзы перешли на службу русского государства, некоторые другие стали купцами. Октябрьская революция стала причиной эмиграции мурз в другие страны.

В России титул мурзы считался чуть выше графа. В «Материалах» мы узнаём о предводительстве мурз войсками, которые не пропускали торговцев в город, и были за это наказаны Арап-царём [8. С. 299] (Арап-царь — Арап Ибрагим Ганнибал — крестник Петра Великого).

Следует отметить, что кроме мурзы в тюркской языковой системе имелись и другие титулы, которые при переводе в русскую систему правления были искажены и заменены преимущественно

двумя терминами, такими как князь и мурза, а в государственных документах соответствующие лица величались лишь князьями.

Ясыри — слово заимствовано из турецкого и обозначает «пленный» [11; 14]. Так назывались узники, пленённые турками или крымскими татарами во время походов на оседлые поселения Поволжья, Урала и Сибири с XV до середины XVIII вв. Из «Материалов» мы узнаём, что ясыри — это пленные, следившие за хозяйством и которых можно было освобождать за выкуп.

Изучая выписки знаменитого посла Ивана Даниловича Хохлова от 1623 года, мы подробно узнаём о работоторговле и судьбе русских пленных в Средней Азии. Слова, указывающие на взятого в плен или несвободного служивого, употреблены в нескольких вариантах: *ясырь*, *полоняник*, *пленный*. В ярлыке балхинского хана Надыр-Мухаммеда от 1640 года, предназначенного царю Михаилу Фёдоровичу [8. С. 153], говорится о просьбе вернуть из Сибири двух ясырей, людей убитого балхинского подданного Ходжа-Усейна. Отсюда становится ясно, что ясыри были слугами, приближенными людьми хана.

Атаманом назывался старший в роду или предводитель у степных народов, а также казаков. В источниках говорится, что слово происходит от тюркского слова «ата» — то есть отец, дед с личным окончанием «ман», в значении я, и буквально означает «я ваш отец». Впервые в русском языке слово атаман было употреблено в документах русских княжеств, которые относятся к 1294 году [14].

Из писем 1640-х гг. мы узнаём о междоусобных боях, происходивших на территории ханства, которые мешали развитию торговли и международных отношений Средней Азии и России XVII в. В царской грамоте, предназначенной для воеводы князя Фёдора Борисовича [1. С. 297], по вопросам, связанным с охраной Тарского города от набегов царя Кучума, говорится о казачьем атамане Треньке Жаренаго и караульщиках, приехавших с ногайской стороны (со стороны Ногайской орды, ногайцы — степные крымские татары).

Следует отметить, что атаманами назывались не только начальники войск, но всякий доблестный казак, который мог выделиться среди других своей храбростью и отвагой. Значит, атаманами не рождались, а приобретали данный титул своей доблестью.

Термин *караул* был заимствован в древнерусскую эпоху из тюркского языка в значении

⁴ Русские цари из династии Романовых.

«стража», он является производным от глагола *кара-* — «смотреть, беречь» [14]. Слово стало настолько «родным» для русского языка, что многие знают о его заимствованном характере. Данное слово может употребляться в русском языке как самостоятельная часть речи, а может быть производным в сочетании с русскими суффиксами —щик- «караульщик» или —ить «караулить».

Слово *шах* («господин, государь, властелин», заимствованное из персидского) обозначало титул правителя. В некоторых источниках слово употреблялось в форме «падишах». Из расспросных речей (допросов) хивинского посла Рахимкули от 1620 года [8. С. 299] узнаём о совместных действиях бухарского царя с кизылбашским шахом против мурзы, который не пропускал в город торговцев. Прилагательное *кизылбашский* происходит от существительного кизылбáши. Слово заимствовано от тюркского, имеет значение «красноголовый». Так называли турецких солдат династии сефевидов, которые носили красных шапки.

Наше внимание также привлекло прилагательное *булатное* — которое происходит из персидского слова “pūlād”, заимствовано из северно-тюркского *bulat*, что обозначает сорт стали. В частном письме от 1643 г. хивинский султан Авган-Мухаммед просит у своего племянника прислать ему копьё *булатное*, которое было изображено у них на знамени [8. С. 307]. Фактически выражение означает «стальное копьё».

Слово *тайши* — «вождь, знатный калмык», имеет монгольское или калмыцкое происхождение [14]. В интернет-источниках говорится о приобретении данного титула племенными вождями, которые не являлись потомками Чингисхана, но имели жену из рода Борджигин (монгольский род). В Калмыцком ханстве тайши должны были

помогать нойонам (монгольские представители аристократической знати, правители различных ступеней и рангов) во время войны, а в мирное время они участвовали в княжеском совете, за что взамен получали ежегодно по сотне баранов. Во времена правления России компетенции тайши были в значительной степени ограничены, впоследствии перестало уделяться внимание происхождению лиц, награждаемых этим титулом. А со второй половины XIX в. на звание тайши стали избираться, сначала пожизненно, затем сроком на три года.

Из документов допроса в Астрахани хивинского посла Шейх-Бабы от 1646 года [8. С. 316] русскому царю Алексею Михайловичу становится известно, что к юнгерскому царю калмыцкие тайши присылают послов, чтобы согласовать мир между улусами и свободно иметь торговые отношения с ними.

Итак, в данной статье проанализированы некоторые административно-политические и военные термины, преимущественно восточные заимствования, в русских официально-деловых документах XVII в. Прослеживается поэтапное заимствование восточной лексики в период развития внешних торговых и политических связей между городами Средней Азии и России. Произведен лексико-этимологический анализ военной лексики восточного происхождения, проиллюстрировано её первоначальное употребление. Мы пришли к выводу, что развитие и употребление восточной лексики в современном русском языке уходит корнями в далёкую историю. Многие единицы сохранились на страницах русских и восточных летописей. Лексемы, проанализированные в данной работе, пополнили не только область русской терминологии, так или иначе связанной с Востоком, так и общий лексический состав русского языка.

Список литературы

1. Аракин В. Д. Тюркские лексические элементы в памятниках русского языка монгольского периода // Тюркизмы в восточнославянских языках. М.: Наука, 1974. С. 112—148.
2. Асланов Г. Н. Восточная (тюркская лексика) в русском языке: (первая половина XIX века): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1990. 37 с.
3. Асфандияров И. У. Восточная лексика в русском языке. Ташкент: Фан, 1991. 121 с.
4. Аюпова Л. Л. Из истории изучения тюркских заимствований в русском языке // Вопросы башкирского языкознания. Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1975. С. 191—211.
5. Баскаков Н. А. Тюркские языки. М.: КомКнига, 2006. 248 с.
6. Гилязетдинова Г. Х. Восточные заимствования в языке Московской Руси: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Казань, 2011. 40 с.

7. Зиёев Х. Ўзбекистоннинг Каспий-Волга бўйлари ва Оренбург орқали Россия билан элчилик муносабатлари тарихи (XVI асрнинг иккинчи ярми — XIX аср). 1 жилд. Ташкент: Ta'lim nashriyoti, 2014. 475 с.
8. Материалы по истории узбекской, таджикской и туркменской ССР. Ч. 1: Торговля с московским государством и международное положение Средней Азии в XVI—XVII вв. // Материалы по истории народов СССР: труды историко-археографического института и института Востоковедения. Вып. 3. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1932.
9. Мухина Н. Н. Восточные заимствования в современном русском языке: системно-описательный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2019. 204 с.
10. Орешкина М. В. Тюркские слова в современном русском языке (Проблема освоения). М.: Academia, 1994. 160 с.
11. Толковый онлайн-словарь русского языка Ефремовой Т. Ф. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (дата обращения 08.09.2021).
12. Толковый онлайн-словарь русского языка Ушакова. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 03.09.2021).
13. Халлави Салим М. Х. Лексические арабские заимствования в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: Ун-т дружбы народов, 1986. 15 с.
14. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения 16.09.2021).
15. Большая Советская Энциклопедия. 1969—1978. URL: <https://bse.slovaronline.com/> (дата обращения 14.09.2021).

Сведения об авторе

Сайфиева Абера Амрилловна — преподаватель кафедры языков Высшего военного авиационного училища Республики Узбекистан (ВВАУ РУ), Карши, Узбекистан. aberasayfieva@gmail.com.

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 142—148.*

ADMINISTRATIVE-POLITICAL AND MILITARY VOCABULARY IN RUSSIAN DOCUMENTS OF THE 17TH CENTURY, RELATED TO CENTRAL ASIA

Sayfieva Abera Amrilloevna

Higher Military Aviation School Republic of Uzbekistan, Karshi, Uzbekistan. aberasayfieva@gmail.com

The article analyzes historical, political and cultural relations that contributed to the borrowing of Eastern vocabulary in official business relations of 17th century Russia. On the example of existing business documents, a phased borrowing of Eastern vocabulary is traced. A lexical-etymological analysis of the administrative-political and military vocabulary of Eastern origin is carried out, the process of their borrowing and the ways of usage are analyzed. We consider samples of business documents in which the administrative-political and military terminology is found. We come to the conclusion that the development and use of Eastern military vocabulary in Russian is rooted in a distant history, and has been preserved on the pages of Russian and Eastern chronicles.

Keywords: *oriental vocabulary, Turkic words, oriental languages, trade relations, word semantics, business documents, label, petition, letter, dekhkans, gulyams, murza, yasyr, karaul, kizylbashi, shah, tayshi.*

References

1. Arakin V. D. (1974) Tyurkskie leksicheskie elementi v pamyatnikah russkogo yazika mongolskogo perioda [Türkic lexical elements in the monuments of the Russian language of the Mongol period]. Tyurkizmi v vostochnoslavyanskikh yazikah [Turkisms in the East Slavic languages]. Moscow, Nauka. Pp. 112—148 [in Russ.].

2. Aslanov G. N. (1990) Vostochnaya (tyurkskaya leksika) v russkom yazike: (pervaya polovina XIX veka) [Eastern (Turkic vocabulary) in Russian: (first half of the 19th century). Abstract of thesis]. Baku. 37 p. [in Russ.].
3. Asfandiyarov I. U. (1991) Vostochnaya leksika v russkom yazike [Eastern vocabulary in Russian.]. Tashkent, Fan Publ. 121 p. [in Russ.].
4. Ayupova L. L. (1975) Iz istorii izucheniya tyurkskih zaimstvovaniy v russkom yazike [From the history of the study of Turkic loanwords in the Russian language]. Voprosi bashkirskogo yazikoznaniya [Questions of Bashkir linguistics]. Ufa, Bashkir. un-t Publ. Pp. 191—211 [in Russ.].
5. Baskakov N. A. (2006) Tyurkskie yaziki [Turkic languages.]. Moscow, KomKniga. 248 p. [in Russ.].
6. Gilazetdinova G. H. (2011) Vostochnie zaimstvovaniya v yazike Moskovskoi Rusi [Oriental borrowings in the language of Muscovite Rus. Abstract of thesis]. Kazan. 40 p. [in Russ.].
7. Zieev H. (2014) O'zbekistonning Kasprii-Volga bo'ilari va Orenburg orqali Rossiya bilan elchilik munosabatlari tarihi [History of diplomatic relations of Uzbekistan with Russia through the Caspian-Volga region and Orenburg]. XVI asrning ikkinchi yarmi — XIX asr [Second half of the XVI century — XIX century]. Tashkent, Education Publ. House. Vol. 1. 475 p. [in Russ.].
8. (1932) Materiali po istorii uzbekskoi, tadzhikskoi i turkmenskoi SSR. Chast 1. Torgovlya s moskovskim gosudarstvom i mejdunarodnoe polojenie Srednei Azii v XVI—XVII vv. [Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR. Part 1. Trade with the Moscow state and the international position of Central Asia in the XVI—XVII centuries]. Materiali po istorii narodov SSSR [Materials on the history of the peoples of the USSR]. Leningrad, Izd-vo Akademii Nauk SSSR. Issue 3 [in Russ.].
9. Muhina N. N. (2019) Vostochnie zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazike: sistemno — opisatel'nyy aspekt [Eastern Borrowings in Modern Russian: Systemic and Descriptive Aspect. Thesis]. Vladikavkaz. 204 p. [in Russ.].
10. Oreshkina M. V. (1994) Tyurkskie slova v sovremennom russkom yazike (Problema osvoeniya) [Turkic words in modern Russian language (The problem of development)]. Moscow, Academia. 160 p. [in Russ.].
11. Tolkoviy onlain slovar russkogo yazika Efremovoy T. F. [Explanatory online dictionary of the Russian language by Efremova T. F.]. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (accessed 08.09.2021) [in Russ.].
12. Tolkoviy onlain slovar russkogo yazika Ushakova [Explanatory online dictionary of the Russian language by Ushakov]. Available at: <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed 03.09.2021) [in Russ.].
13. Hallavi, Salim M. H. (1986) Leksicheskie arabskie zaimstvovaniya v sovremennom russkom yazike [Lexical Arabic loanwords in modern Russian. Abstract of thesis]. Moscow, Peoples' Friendship University Publ. 15 p. [in Russ.].
14. Etimologicheskii onlain slovar russkogo yazika Maksa Fasmera. [The etymological online dictionary of the Russian language by Max Fasmer]. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (accessed 16.09.2021) [in Russ.].
15. Bolshaya Sovetskaya Ensiclopediya. 1969—1978 [Great Soviet Encyclopedia. 1969—1978]. Available at: <https://bse.slovaronline.com/> (accessed 14.09.2021) [in Russ.].

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ, СИНТАКСИЧЕСКАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ПРЕДЛОГОВ

Е. М. Салеева

Московский государственный областной университет, Мытищи, Россия

Анализируется проблема вариативности предлогов русского, английского и немецкого языков. Отмечается недостаточная освещенность данной проблематики в исследуемых языках. Рассматриваются различные типы вариативности предлогов (морфологическая, синтаксическая, дискурсивная).

Ключевые слова: *вариативность, предлог, словосочетание, семантика, синонимия, антонимия.*

Принято считать, что явление вариативности свойственно всем единицам языка и связано с его постоянным и непрерывным развитием. «В любой период своей истории система языка содержит ряды варьирующихся единиц и формы их моделирования. Проблема вариативности языка продолжает оставаться актуальной в лингвистике и разрабатывается как в плане синхронии, так и в плане диахронии» [27. С. 7].

Большинство современных ученых (В. Н. Ярцева, О. И. Блинова, К. С. Горбачевич, Н. Н. Семенюк, Ф. П. Филин и др.) рассматривают «вариативность» с позиции формального варьирования, варьирования плана выражения при тождестве (близости) плана содержания [23. С. 28], оценивают ее как закономерное проявление феномена избыточности. «Вариативность (и вариантность как частное ее проявление) составляет одно из ярких, постоянных свойств языковой системы, характеризующее все ее уровни во все времена существования языка. Вариативность является следствием динамики языка, отражением различных языковых процессов и тенденций, показателем жизненности и совершенствования языка» [1. С. 16].

Хотя интерес к проблеме вариативности (вариантности) различных единиц языка очень высок, в настоящее время работы Л. М. Гареевой, Н. М. Шанского, В. М. Солнцева, Р. П. Рогожниковой и других ученых посвящены лишь самостоятельным частям речи и фразеологическим единицам. Так, например, Л. М. Гареева в своей работе, посвященной синонимическим и вариационным отношениям предлогов [5. С. 3], рассматривает особенности синонимических и вариационных отношений лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке, представляет классификацию видов вариацион-

ных отношений лексических и фразеологических предлогов, а также предлагает критерии разграничения единиц-синонимов и единиц-вариантов. В связи с этим можно с полным основанием утверждать, что представляемое исследование данного аспекта является актуальным и востребованным. Оно может способствовать дальнейшему углублению знаний о грамматическом строе русского, английского и немецкого языков, их динамике и помочь заполнить «белое пятно» в изучении вариативности (вариантности) предлогов в исследуемых языках.

Выдвинутая гипотеза о том, что вариативность свойственна всем единицам языка, в том числе и предлогам, требует проверки на разнообразном фактическом материале. Эмпирическую базу в настоящем исследовании составляют различные варианты употребления предлогов русского, английского и немецкого языков, выявленные в результате анализа текстов различных типов. В выборку включены также факты, экстрагированные из авторитетных лексикографических источников. Для составления корпуса примеров на материале русского языка используются:

- Толковый словарь русского языка под редакцией профессора Д. Н. Ушакова [22];
- Словарь русского языка С. И. Ожегова [15];
- Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля [6];
- Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой [8];
- Русский орфографический словарь О. Е. Ивановой, В. В. Лопатина, И. В. Нечаевой, Л. К. Чельцовой [9].

Варианты предлогов, их синонимические и антонимические отношения на материале английского языка получены в ходе работы с такими словарями, как:

— Словарь синонимов и антонимов английского языка Джозефа Девлина [7];

— Англо-русский словарь синонимов и антонимов под редакцией И. И. Убина, К. И. Ковалевой [21].

Лексикографическим источником для исследования вопросов вариативности в системе предлогов немецкого языка служит словарь Duden Deutsches Universalwörterbuch [30].

В процессе обработки и анализа эмпирической базы с привлечением фундаментальных одноязычных словарей обнаруживаются различные факты вариативности предлогов, которые по итогам исследовательской работы можно представить в обобщенном виде следующей классификацией:

- 1) морфологическая вариативность;
- 2) синтаксическая вариативность:
 - вариативность падежных отношений;
 - вариативность локализации;
- 3) дискурсивная вариативность:
 - контекстуальная взаимозаменяемость на основе синонимии;
 - контекстуальная взаимозаменяемость на основе антонимии.

В пределах эмпирической базы, охватывающей три национальных языка: русский, английский и немецкий, данные типы исчерпывают вариативность предлогов. Однако мы не исключаем, что расширение языковой базы (привлечение иных национальных языков с широкой падежной парадигмой) может вскрыть новые тенденции, не выявленные в представляемом исследовании по объективным причинам.

1. Морфологическая вариативность предлогов ранее уже составляла предмет самостоятельного исследования, однако фактический материал убеждает в дополнительной необходимости внимания к этому вопросу.

Анализ текстов различных жанров позволил отметить, что русский язык располагает большим количеством предлогов, имеющих несколько вариантов. Примеры вариативности предлогов русского языка были выявлены преимущественно в художественных текстах, поэзии и произведениях фольклора. В поэтических текстах обнаруживается зависимость выбора варианта предлога от требований размера произведения. Так фонологическая структура слога позволяет создать варианты предлогов *вокруг* и *вкруг*, *перед* и *пред*: *И кучера, вокруг огней, | бранят господ и быют в ладони* [17, строфа XVII]; *Не видать ничьих следов | вкруг*

того пустого места [18]; *Перед померкшими домами | вдоль сонной улицы рядами | двойные фонари карет | веселый изливают свет* [17, строфа XXVII]; *Я помню море пред грозой* [17, строфа XXXIII]. При поддержке словообразовательных моделей русского языка деривация расширяет круг вариантов *среди* — *середь* — *среди* — *посреди* — *посередь*, *между* — *меж* — *промеж* — *промежду*: *Но был ли счастлив мой Евгений, | свободный, в цвете лучших лет, | среди блистательных побед, | среди вседневных наслаждений? | Вотще ли был он средь пиров | неосторожен и здоров?* [17, строфа XXXVI]; *И, посреди прибрежных скал, | Свою Литву воспоминал* [17]; *С чужого коня середь грязи долой* (посл.) [22].

Вариативный ряд *меж* — *между* — *промеж* — *промежду* позволяет вычленить проявление различных словообразовательных моделей: отмеченное в словарях как устаревшее *меж* при аффиксальной (суффиксальной деривации) формирует новую производящую основу, при сочленении с приставкой (префиксальным способом) создает новые члены альтернативного ряда *промеж* и *промежду*: *Обычай деспот меж людей* [17, строфа XXV]; *Всегда я рад заметить разность между Онегиным и мной* [17, строфа LVI]; *Промеж людей поколотишься, околотисься. Два свояка, а промеж их собака. Сделайтесь промежду собой. Промежду им и мной заключено условие* [6].

Анализ лексикографических источников позволяет установить, что с точки зрения стилистики морфологические варианты предлогов неоднородны: *меж* отмечен как устаревшая единица, используемая в книжно-торжественной речи [22], *промеж* и *промежду* сопровождаются указаниями на их принадлежность к обиходно-бытовому дискурсу и использование в разговорной речи. Аналогичные расхождения демонстрируют и *пред*, относимый к книжной речи, с немаркированным *перед*, *середь*, активный в пословицах, относится к устаревшим вариантам *среди* и *среди* [9].

В немецком языке также наблюдаются факты вариативности предлогов, разнообразие которых основано на продуктивных деривационных моделях немецкого языка. Конверсия синтаксического единицы *an Statt* (например, в атрибутивном словосочетании *an deiner Statt*) создала вариант предлога *statt* со сходными частотностью и активностью, которые фиксируют лексикографические источники (как толковые, так двуязычные): *Statt Hutten tragen sie Baskennutzen. Anstatt*

Schuhen kaufte er eine Hose [31]. (**An**)statt Blumen habe ich Ihnen ein Buch mitgebracht [33].

Вариативность *in*, реализованная с помощью *im*, не обусловлена синтаксическими и/или семантическими причинами. В одном и том же контексте при одних и тех же языковых средствах отмечается эвентуальность, которую ярко иллюстрируют следующие примеры: <...> *viele unsere Mitarbeiter sind im Urlaub (in Urlaub)* [32]. *Ich war im Urlaub (in Urlaub) in Paris*. Представленные примеры носят характер исключения. В абсолютном большинстве языковых фактов, составивших эмпирическую базу, обнаруживается причинная связь между предлогом и его контекстным окружением. В отличие от русского языка, где выбор варианта предлога может зависеть от требований стиля или стихотворного размера, в немецком языке условия выбора из двух и более альтернатив диктуют семантический контекст, глагольное управление и вовлеченность в падежные отношения.

Английский язык не богат вариативностью предлогов, однако наличие у одного предлога различных вариантов употребления также встречается. Например, *on the weekend / at the weekend*. В данном случае вариативность предлога вызвана наличием диалектов английского языка (британский и американский варианты). В данном словосочетании предлог *at* употребляется в британском варианте английского языка, а предлог *on* в американском.

2. Синтаксическая вариативность предлогов изучена более подробно, чем морфологическая. Очевидно, в данном аспекте сказывается внимание к функциональным особенностям служебных единиц, где связующая функция представляется наиболее значимой.

2.1. Вариативность падежных отношений исследуется в грамматической семантике. Целый ряд значений выражается предлогами не самостоятельно, а только в составе предложно-падежных сочетаний. В связи с этим для ряда предлогов в анализируемых языках характерно вариативное управление.

Так, в русском языке для предлога *согласно*, помимо общенормативного дательного падежа, отмечено управление винительным и родительным падежом: «*Четыре месяца тому назад я, согласно его предписаниям, покинул шхуну*» [11]. Однако, стоит отметить, что для предлога *согласно* управление родительным падежом носит официально-канцелярский характер и часто критикуется как нелитературное.

Для предлога *по* в русском языке характерно вариативное управление предложным, винительным, родительным и дательным падежами. В употреблении *по* с предложным падежом усматривается архаичный оттенок, о чем свидетельствует незначительная частотность такого падежного использования: «*И по убиении святого и благоверного и великого князя Георгия Всеволодовича пришел тот царь Батый воевать в русское царство*» [13]; *По ком звонит колокол* [26]; «*В то время был еще жених ее супруг, но по неволе Она вздыхала по другом*» [17, глава VI, строфа XXIX]. Дательный падеж активно эксплуатирует предлог *по* для выражения объектных отношений: *стрелять по нас, послать по вас, тоска по труде, печаль по русском имени, по приезде, по приезду*. А в пространственном значении *по* с винительным падежом не находит активного употребления.

В немецком языке существуют предлоги, которые при различном падежном управлении (Akkusativ и Dativ), обладают вариативной семантикой пространственного значения. Это такие предлоги, как: *in, an, auf, unter über, zwischen*. Направленность действия на объект маркирует винительный падеж, в то время как дательный отмечает локализованность действия на объекте: *In die Schwimmhalle (Akkusativ) läuft Dieter immer sehr schnell; Im Wald (Dativ) ist es zurzeit sehr ungemütlich. Barbara hängt die alte Uhr an die Wand (Akkusativ); An diesem Bild (Dativ) hat der Maler zwei Jahre gearbeitet. Der kleine Junge kletterte auf den Baum (Akkusativ); Anna hat auf der Bühne (Dativ) keine einzige Frau gesehen* [32]. *Die Hocker hat Helga unter den Tisch (Akkusativ) gestellt; Der Reisekoffer lag unter ihrem Bett (Dativ)* [32]. *Der Knabe sprang über die Bank (Akkusativ) und lief fort; Über dem Esstisch hängt (Dativ) ein schöner Kronleuchter* [32]. *Dein Mann hat die Münze zwischen die Bücher (Akkusativ) gelegt. Die Wand zwischen diesen Zimmern (Dativ) ist sehr dünn* [32].

В английском языке отмечается двухэтапное предложное управление, когда после глагола употребляется конкретный предлог, требующий определенного падежа. Поскольку выбор падежа в английском языке после предлога невозможен, такое управление в современном английском языке можно отнести в сферу служебных слов — предлогов [20]. Например, ср. *to look at the book* — ‘смотреть на книгу’, *to look for the book* — ‘искать книгу’, *to look through the book* — ‘просматривать книгу’ и т. п.

2.2. Вариативность локализации предлога реализуется как возможность различного размещения предлога по отношению к соединяемым компонентам словосочетания: препозиционного, постпозиционного и обрамляющего (рамочного). Наиболее встречающейся в грамматике русского английского и немецкого языков является постпозиция предлога относительного существительного. Подчеркнем, что такая позиционная вариативность не является достаточным основанием для сомнений в частеречной принадлежности рассматриваемого класса единиц. От размещения в постпозиции по отношению к ядру предлог не превращается в послелог, имеющий другие дифференциальные типологические признаки.

В русском языке такие предлоги, как *вопреки, наперекор, навстречу, ради* могут употребляться в постпозиции по отношению к главному слову: *сердцу вопреки, судьбе наперекор, судьбе навстречу, шутки ради*. Вариативность локализации предлога, которая воплощается в его различном расположении, может быть связана с поиском альтернативных средств вербализации (с большей или меньшей экспрессивностью, или изобразительной силой) и конкуренцией различных моделей в дискурсивной практике. Постпозиция предлога в русском языке отмечена в устойчивых словосочетаниях без идиоматического осмысления, парадигма этих фразеологических единиц ограничена и не подлежит дальнейшему расширению. Такая модель употребления предлога в предложении эксплуатируется в стилизации речи персонажей, например, в «Золотом теленке» И. Ильфа и Е. Петрова: «*Ведь не **корысти же ради**, а только волею, пославшей мя жены*». В поэзии этот малопродуктивный вариант локализации предлога в постпозиции чаще всего используется для соблюдения рифмы, ритма и размера стиха, поскольку перемещение предлога в более традиционную позицию, закрепленную как синтаксическая норма русского языка и его типологическая особенность ветвления зависимого компонента вправо от вершины, разрушает ритмическую структуру и уничтожает рифму. Еще большее отклонение от продуктивной модели локализации предлога в постпозиции очевидно спровоцировано поэтическим дискурсом в следующем примере: «*Вот наш герой подъехал к селям; | **Швейцара мимо** он стрелой | Взлетел по мраморным ступеням, | **Расправил** волоса рукой» [17, строфа XXVIII]. В данном случае анализируемый сегмент не принадлежит к устойчивым сочетаниям, где предлог*

следует за вершиной словосочетания, а ярко экспонирует зависимость от формы коммуникации и типа текста.

В немецком языке вариативность позиции предлога в словосочетании обладает еще большими возможностями. Часть предлогов немецкого языка имеет склонность к постпозиционному размещению: *entsprechend, zufolge, wegen, entlang, zugunsten* и др. в силу их фразеологизированной связанности: *dem Bericht **zufolge**, unserer Freundschaft **wegen**, dem Freitag **zum Anlass***. Некоторые единицы анализируемого класса проявляют альтернативные варианты локализации, т. е. могут размещаться и в пре-, и в постпозиции к вершине словосочетания: ***nach** seinem Rat / **meiner Meinung nach**, **entgegen** seinen Erwartungen / **seiner Wille entgegen**, **gegenüber** der Schule / **dem Tisch gegenüber***. Наибольший интерес представляет рамочное размещение сложных производных предлогов, не имеющее аналогов в других языках в пределах эмпирической базы. Уникальное обрамление предлогом главного члена представляет собой факт эндоморфизма, т. к. не находит тождественных (изоморфных) средств в сопоставляемых языках. Эта модель локализации составных предлогов тенденциозна в немецком языке, продуктивность такой синтаксической конструкции весьма высока и находит отражение в лексикографических источниках: ***von diesem Standpunkt aus**, **von klein auf**, **von Kindheit an**, **am Meer entlang**, **von der Wiege an***. Доказательством активности рамочной локализации предлога могут служить, с одной стороны, высокая сочетаемостная способность одного предлога, с другой стороны, вариативность локализации композитного предлога. Однако стоит отметить, что в отличие от русского языка это не связано с требованием формы произведения (соблюдением рифмы или размера стиха) и сферой дискурса (обиходно-бытового, юридического и т. п.). *Er hat seiner Ansicht entsprechend gehandelt — Он действовал согласно своим взглядам*.

В английском языке вариативность позиции предлога по отношению к главному компоненту возможна, но обладает только одной моделью. Предлог, традиционно и по типологическим характеристикам английского языка располагаемый в препозиции, смещается в финал вопросительного предложения: ***Who** are you going to cooperate **with**? **What** are you talking **about**? **What** is he looking **at**?* Дистантное расположение предлога (удаленного от связанного с ним компонента словосочетания) является в таком коммуникативном

типе предложения нормативным (при изолированном анализе английского языка) и эндоморфным (лишенным аналогов в русском и немецком языках — при сопоставительном анализе). Отмеченная закономерность коррелирует с «замыканием» как одним из способов выражения синтаксических отношений, который был выявлен и терминологически определен И. И. Мещаниновым [10. С. 47—49]. Такая локализация предлога не встречает ограничений в дискурсивной практике английского языка, не зависима от типа коммуникации или функционального стиля текста и коммуникативной ситуации.

3. Дискурсивная вариативность предлогов связана с возможностью замещения одного предлога другим без значимых трансформаций плана содержания. Вариантность этого типа обеспечена лексико-семантическими отношениями синонимии и антонимии, пронизывающими систему предлогов.

3.1. Контекстная взаимозаменяемость на основе синонимических отношений между предлогами является достаточно распространенным явлением, поскольку одновременно с тем, что каждый предлог характеризуется определённой совокупностью значений, он способен к варьированному употреблению. Это ведёт к возможности замещения предлогов внутри словосочетания.

В русском языке контекстуальными синонимами являются:

— *из* — *с* — *от* (при указании пространства): *свернуть из леса на дорогу* — *свернуть от леса на дорогу* — *повернуть с леса на дорогу*;

— *у* — *около* — *возле* — *подле* — *вблизи* — *близ* (устар.) (при указании местонахождения): *стоять у дворца* — *стоять около дворца* — *стоять возле дворца* — *стоять подле дворца* — *стоять вблизи дворца* — *стоять близ дворца*;

— *через* — *сквозь* (при указании преодоления пространства): *пройти через лес* — *пройти сквозь лес*; *пролезть через забор* — *пролезть сквозь забор*.

— *в* — *по* (при указании пространства): *гулять в саду* — *гулять по саду*;

— *около* — *под* (при указании пространства): *обосноваться около города* — *обосноваться под городом*.

— *вдоль* — *по* (направление движения в пространстве): *плыть вдоль реки* — *плыть по реке*; *плыть вдоль течения* — *плыть по течению*.

Фактический материал демонстрирует различие предлогов, составляющих синонимический

ряд, по стилистическим характеристикам (маркированные и общеупотребительные), временной отнесенности (актуальные и устаревшие), семантическому объёму (полисемантические и однозначные) и контекстной связанности.

В немецком языке подобный ряд предлогов располагает многочисленными словарными синонимами: *für* — *pro*: *Die 13 mm starke Platte wiegt nur 3,4 kg pro Quadratmeter* (Polytechnische Schau). *Die 13 mm starke Platte wiegt nur 3,4 kg für Quadratmeter* (Polytechnische Schau). Наибольший интерес вызывают в данном аспекте случаи семантической контекстной близости двух различных первообразных предлогов: *Der Felsen sei in allen Karten eingezeichnet* [29] — *Auf der Karte von Peking sind rund 3200 solcher Viertel eingetragen* [29]. Развитию такой синонимии способствует и морфологическая типология языка: развитая препозиционализация вовлекает словосочетания (см. выше *an seiner Statt*) *an meiner/deiner/seiner Stelle*, расширяя синонимические ряды *statt* — *anstatt* — *anstelle*. Пополнение семантически близких предлогов происходит в результате конверсии наречий, существительных, причастий и других классов слов:

— *gemäss* — *entsprechend* — *zufolge* — *nach* — *laut*: *laut amtlicher Mitteilung*; *gemäss Paragraph 1 des Strafgesetzbuches*; *einem Bericht zufolge*; *nach Artikel 5 des Grundgesetzes*.

— *mittels* — *vermöge* — *kraft*: *Die Tür wurde mittels eines Schlüssels geöffnet*. *kraft (eines) Gesetzes*, *vermöge seiner Beziehungen*.

— *entgegen* — *zuwieder*: *meinem Rat entgegen*; *dem Abkommen zuwieder*.

В английском языке также отмечаются случаи взаимозаменяемости предлогов на основе их сходства. Предлог *above* обычно выступает в качестве синонима предлога *over*. Он используется, когда нечто, обозначаемое одним существительным, находится физически выше другого, а сами эти объекты при этом не соприкасаются. Например, *There is a mirror above/over the washbasin*; *There was a helicopter above/over the building*; *We could see a flock of birds above/over the trees*.

Предлоги *below* и *under* также являются взаимозаменяемыми в рамках одного предложения. Они используются в отношении соприкасающихся объектов, которые обычно друг друга не касаются. Например, *The book is on the desk, there, below/under the shelf*; *The fish is swimming below/under the surface of the water*; *Our flat is below/under theirs*.

Кроме того, предлог **across** порой используется в качестве синонима предлога **beyond**. Например, *I need help and you're way across/beyond the sea*.

Четыре предлога *to, until, till u til*, как правило, тоже используются в качестве синонимов, поскольку все они указывают, что некое действие будет продолжаться лишь до определенного момента. *I will keep working on this article until 3 a.m. if necessary*. В этом примере можно заменить *until* на *til, till* и *to*, причем значение предложения от этого качественно не изменится.

3.2. Контекстная взаимозаменяемость предлогов может основываться на **антонимических отношениях**, возможность такого замещения предлогов возникает при изменении средств описания предметной ситуации [24. С. 128]. Создаваемые на основе антонимии картины предметной ситуации представляют собой одну из многих потенциальных форм семантической эквивалентности.

В ходе проведенного анализа было отмечено, что в русском, английском и немецком языках в антонимические отношения способны вступать в том числе и предлоги, противоположные предлоги могут быть контекстно-заменяемыми (на основе контраста) в результате синтаксического перестроения предложения.

Например, в русском языке:

— *под* — *над*: *кот под одеялом* — *над котом одеяло*; *стоять под крышей* — *иметь крышу над головой*.

— *в* — *из*: *войти в дом* — *войти с улицы*.

— *с* — *без*: *снять с себя всю одежду* — *остаться без одежды*.

В немецком языке также обнаруживается контекстная взаимозаменяемость предлогов, основанная на антонимических отношениях. Чаще всего это отмечается в разговорном стиле и выражается в синонимичном употреблении антонимичных предлогов. Например, такие предлоги, как *für* и *gegen*, которые вне контекста являются абсолютными антонимами, при определенном смысловом окружении могут обладать общим значением «средство лечения болезни»: *Du brauchst ein Mittel für den Husten* — *Du brauchst ein Mittel gegen den Husten*. *Hier hast du eine Birne für den Husten* — *Hier hast du eine Birne gegen den Husten*.

Также в немецком языке антонимия предлогов может выражаться за счёт глагольных компонентов и изменения глагольного управления: *von Kräften kommen* «ослабеть, измотаться» — *wieder zu Kräften kommen* «окрепнуть, снова набраться сил».

В английском языке также встречаются случаи контекстной заменимости/взаимозаменяемости предлогов (на основе контраста). При анализе английских текстов различного типа были выделены следующие пары антонимичных (контрастных предлогов): *before* — *after*, *inside* — *outside*, *off* — *on*, *over* — *under*, *up* — *down*.

В результате представленного анализа мы можем сформулировать следующие выводы:

1. Вариативность в системе предлогов русского, английского и немецкого языков представлена на морфологическом, синтаксическом и дискурсивном уровнях различными формами и воплощается в исследуемых языках разным образом. Морфологическая вариативность предлогов в отличие от синтаксической и дискурсивной представляет наименее изученную область.

2. В русском языке на морфологическом уровне вариативность связана с функциональными особенностями типа текста, обеспечивается влиянием деривационных процессов и сопряжена со стилистической дифференциацией вариантов. В немецком языке выбор из альтернатив диктуют семантический контекст, глагольное управление и вовлеченность в падежные отношения.

3. Синтаксическая вариативность на базе падежных отношений в русском и немецком языках определена типологическими характеристиками падежных отношений и связана со стилистическими (в русском языке) и семантическими оттенками (в немецком языке), в английском ввиду стертых проявлений падежной системы распространена в меньшей степени.

4. Локализация предлогов в исследуемых языках вариативна: в русском языке возможна постпозиция предлога, в немецком языке постпозиция и рамочная локализация, в английском — дистантное расположение. Такая локализация предлога не встречает ограничений в дискурсивной практике языков, не зависима от типа коммуникации или функционального стиля текста и коммуникативной ситуации.

5. Дискурсивная вариативность предлогов связана с возможностью взаимного замещения предлогов и обеспечена лексико-семантическими отношениями синонимии (без значимых трансформаций плана содержания) и антонимии (с изменением средств описания предметной ситуации).

Представленная классификация вариативности предлогов на материале русского, английского и немецкого языков охватывает морфологический и синтаксический уровни языковой иерархии

и дискурсивную практику и позволяет обнаружить эндоморфность некоторых форм реализации вариативности в каждом из анализируемых языков. Представленные результаты помогают систематизировать языковые факты вариативности, спорадически отмечаемые исследователями и зафиксированные в лексикографических источниках. Изучение вариативности в рамках предлогов, особенно в сопоставительном аспекте, представляется перспективным направлением частного и сопоставительного языкознания в целях дальнейшей аккумуляции общим языкознанием.

Список литературы

1. Блинова О. И. Вариативность как предел внутренней формы слова // Явление вариативности в языке: материалы Всеросс. конф. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. С. 16—21.
2. Бойкова И. Б. Механизмы вариативности предлогов (на примере вариативности немецких предлогов *auf/in* и *auf/an*) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 7 (85). Ч. 2. С. 303—317.
3. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М.: Учпедгиз, 1961. 74 с.
4. Востоков А.Х. Грамматика церковно-словенского языка. Кёльн: Лингвистика. 1980. 135 с.
5. Гареева Л. М. Синонимические и вариационные отношения в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (259). Филология. Искусствоведение. Вып. 63. С. 9—11.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 6-е изд. М., 1955.
7. Девлин Д. Словарь синонимов и антонимов английского языка. М.: Центрполиграф, 2005. 559 с.
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000. 1222 с.
9. Иванова О. Е., Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. Русский орфографический словарь. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 2016. 882 с.
10. Ильиш Б. А. Современный английский язык: теоретический курс. М.: Изд-во лит. на ин. яз., 1948. 348 с.
11. Каверин В. А. Два капитана. URL: <https://litlife.club/books/141323/read> (дата обращения 31.03.2021).
12. Кропотова Л. В. Проблема разграничения синонимии и вариантности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 2 (4). С. 157—161.
13. Легенда о граде Китеже. URL: <http://old-ru.ru/04-8.html> (дата обращения 31.03.2021)
14. Милованова Л. А. Антонимия лексических предлогов. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2016_9-1_36.pdf (дата обращения 31.03.2021).
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 12.04.2021).
16. Предлоги, управляющие несколькими падежами. URL: <https://mein-deutsch.com/grammatika/predlogi/predlogi-upravlyayuushchie-neskolkimi-padezhami> (дата обращения 31.03.2021).
17. Пушкин А. С. Евгений Онегин. М.: Художественная литература, 1967. 220 с.
18. Пушкин А. С. Сказка о царе Салтане. М.: Детгиз, 1946. 47 с.
19. Синичева Д. В. Служебные слова. URL: http://ruslang.ru/doc/sitchinava/Sitchinava-2018-praep_KG.pdf (дата обращения 31.03.2021).
20. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. URL: <https://studfile.net/preview/1101518/page:9/> (дата обращения 31.03.2021).
21. Убин И. И., Ковалева К. И. Англо-русский словарь синонимов и антонимов. М.: Изд-во Р. Валент, 2012. 535 с.
22. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения 12.04.2021).
23. Филиппова И. Н. Лингвофилософия холизма в переводе: монография. М.: Формат, 2019. 185 с.
24. Филиппова И. Н. О широком коммуникативном видении переводчика // Перспективы науки и образования. 2014. № 6 (12). С. 126—130.
25. Фонвизин Д. Недоросль. URL: <https://klassika.ru/read.html?proza/fonvizin/nedorosl.txt&page=3> (дата обращения 31.03.2021).
26. Хемингуэй Э. По ком звонит колокол. М.: АСТ, 2016. 704 с.

27. Ярцева В. Н. Проблемы языкового варьирования: исторический аспект // Языки мира: Проблемы языковой вариативности. М.: Наука, 1990. С. 4—36.
28. Der Tagesspiegel. URL: <https://www.tagesspiegel.de/> (дата обращения 31.03.2021).
29. Der Tagesspiegel. Untergang der “Sea Diamond”. URL: <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/panorama/untergang-der-sea-diamond-kaum-noch-hoffnung-fuer-vermisste-franzosen/832208.html> (дата обращения 31.03.2021).
30. Duden Deutsches Universalwörterbuch / hrsg. u. bearb. vom Wiss. Rat u. d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günther Drosdowski. [Unter Mitw. von Maria Dose...]. 2., völlig neu bearb. u. stark. erw. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. 1816 S.
31. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Bd. 4. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1984. 864 S.
32. Grammatik in Fragen und Antworten. URL: <https://grammis.ids-mannheim.de/fragen/35> (дата обращения 31.03.2021).
33. Helbig G. Buscha J. Deutsche Grammatik: Handbuch für die Ausländerunterricht. Leipzig, 1988. 629 S.
34. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1971. 517 S.

Сведения об авторе

Салеева Екатерина Михайловна — аспирант кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Московского государственного областного университета, Мытищи, Россия. katrin95.95@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 149—157.*

MORPHOLOGICAL, SYNTACTIC AND DISCURSIVE VARIATION OF THE PREPOSITIONS

E.M. Saleeva

Moscow Region State University, Mytishchi, Russia. katrin95.95@mail.ru

The article analyzes the problem of variability of prepositions in Russian, English and German languages. Insufficient coverage of synonymous and variational connections of prepositions of various structures in the studied languages is noted. Various types of variability of prepositions are considered. The morphological variability of prepositions is more widespread in the Russian language, which has a significant stylistic differentiation of prepositions and is supported by phonological means, in the German language - also by conversion. Syntactic variability is embodied in different localization of the preposition: in pre- and postposition, frame and distant construction and serves as a reflection of the endomorphism of the languages under study. Discursive variability with the participation of synonymy and antonymy in Russian and English is determined by the interchangeability of vocabulary units.

Keywords: *variability, preposition, word combination, semantics, synonymy, antonymy.*

References

1. Blinova O. I. (1997) Variativnost' kak predel vnutrennei formy slova [Variation as the limit of the inner form of a word]. Yavlenie variativnosti v yazyke [The phenomenon of variability in language]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat. Pp. 16—21. [in Russ.]
2. Boikova I. B. (2018) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7 (85), part 2, pp. 303—317 [in Russ.].
3. Bondarenko V. S. (1961) Predlogi v sovremennom russkom iazyke [Prepositions in modern Russian language]. Moscow, Uchpedgiz. 74 p. [in Russ.]
4. Vostokov A. K (1980) Grammatika tserkovno-slovenskogo iazyka [Church Slavonic grammar]. Kel'n, Lingvistika. 135 p. [in Russ.].
5. Gareeva L. M. (2012) *Vestnik of the Chelyabinsk State University*, no. 5 (259). *Philology. Art criticism*, issue 63, pp. 9—11. [in Russ.].

6. Dal' V. I. (1955) *Tolkovyĭ slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Great Russian Language in 4 vol.]. Moscow [in Russ.]
7. Devlin D. (2005) *Slovar' sinonimov i antonimov angliiskogo iazyka* [Dictionary of synonyms and antonyms of the English language]. M.: Tsentrpoligraf. 559 p. [in Russ.]
8. Efremova T. F. (2000) *Novyi slovar' russkogo iazyka* [New dictionary of the Russian language]. Moscow, Russkii iazyk. 1222 p. [in Russ.]
9. Ivanova O. E., Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'tsova L. K. (2016) *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. Moscow, Institut russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova. 882 p. [in Russ.]
10. Il'ish B. A. (1948) *Sovremennyi angliiskii iazyk: teoreticheskii kurs* [Modern English. Theoretical course]. Moscow, Izd-vo lit. na in. iazykakh. 348 p. [in Russ.]
11. Kaverin V. A. *Dva kapitana* [Two captains]. Available at <https://litlife.club/books/141323/read> (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
12. Kropotova L. V. (2009) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 2 (4), pp. 157—161 [in Russ.]
13. *Legenda o grade Kitezhe* [The legend of the town of Kiteža]. Available at <http://old-ru.ru/04-8.html> (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
14. Milovanova L. A. *Antonimii leksicheskikh predlogov* [Antonymy of lexical prepositions]. Available at https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2016_9-1_36.pdf (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
15. Ozhegov S.I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Available at <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 12.04.2021) [in Russ.]
16. *Predlogi, upravliaiushchie neskol'kimi padezhami* [Multi-case prepositions]. Available at <https://mein-deutsch.com/grammatika/predlogi/predlogi-upravlyayushchie-neskol'kimi-padezhami> (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
17. Pushkin A. S. (1967) *Evgenii Onegin* [Eugene Onegin]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. 220 p. [in Russ.]
18. Pushkin A. S. (1946) *Skazka o tsare Saltane* [A Tale of King Saltane]. Moscow, Detgiz. 47 p. [in Russ.]
19. Sinicheva D.V. *Sluzhebnye slova* [Service words]. Available at http://ruslang.ru/doc/sitchinava/Sitchinava-2018-praep_KG.pdf (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
20. Smirnitskii A. I. *Sintaksis angliiskogo iazyka* [English syntax]. Available at <https://studfile.net/preview/1101518/page:9/> (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
21. Ubin I. I., Kovaleva K. I. (2012) *Anglo-russkii clovar' sinonimov i antonimov* [English Russian Dictionary of Synonyms and Antonyms]. Moscow, R. Valent Publ. 535 p. [in Russ.]
22. Ushakov D. N. *Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Available at <https://ushakovdictionary.ru/> (accessed 12.04.2021) [in Russ.]
23. Filippova I. N. (2019) *Lingvofilosofia kholizma v perevode* [Linguophilosophy of Holism in Translation]. Moscow, Format. 185 p. [in Russ.]
24. Filippova I. N. (2014) *Perspektivy nauki i obrazovaniia*, no. 6 (12), pp. 126—130 [in Russ.]
25. Fonvizin D. *Nedorosl'* [Young ignoramus]. Available at <https://klassika.ru/read.html?proza/fonvizin/nedorosl.txt&page=3> (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
26. Kheminguei E. (2016) *Po kom zvonit kolokol* [For whom the Bell Tolls]. Moscow, AST. 704 p. [in Russ.]
27. Iartseva V. N. (1990) *Problemy iazykovogo var'irovaniia: istoricheskii aspekt* [Problems of language variation: a historical aspect]. *Yazyki mira: Problemy yazykovoi variativnosti* [Languages of the World: Problems of Language Variation]. Moscow, Nauka. Pp. 4—36. [in Russ.]
28. *Der Tagesspiegel*, available at <https://www.tagesspiegel.de/> (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
29. *Der Tagesspiegel. Untergang der "Sea Diamond"*, available at <https://www.tagesspiegel.de/gesellschaft/panorama/untergang-der-sea-diamond-kaum-noch-hoffnung-fuer-vermisste-franzosen/832208.html> (accessed 31.03.2021) [in Russ.]
30. Duden (1989) *Deutsches Universalwörterbuch*. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl. 1816 p.
31. Duden (1984). *Grammatik der deutschen Gegenwartssprache*. Bd. 4. Mannheim; Wien; Zurich. 864 p.
32. *Grammatik in Fragen und Antworten*, available at <https://grammis.ids-mannheim.de/fragen/35> (accessed 31.03.2021)
33. Helbig G., Buscha J. (1974) *Deutsche Grammatik: Handbuch für die Ausländerunterricht*. Leipzig. 629 p.
34. Jung W. (1971) *Grammatik der deutschen Sprache*. Leipzig. 517 p.

БИНАРНАЯ ОППОЗИЦИЯ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» (НА ПРИМЕРЕ БРИТАНСКОГО МЕДИАПРОСТРАНСТВА)

Р. М. Салимова

Баширский государственный университет, Уфа, Россия

Рассматривается функционирование оппозиции «свой — чужой» в ключе состоявшегося Брексита на страницах англоязычного медиапространства. Языковой уровень этой концептуальной оппозиции базируется на использовании знаков-репрезентантов с эксплицитной и имплицитной отрицательной оценочностью «чужих». Анализ эмпирического материала указывает на то, что укоренившийся в британском социуме образ «чужих» сохраняет тенденцию нагнетания негативного потенциала.

Ключевые слова: оппозиция «свой — чужой», Брексит, политический дискурс, знаки-репрезентанты.

Бинарная оппозиция «свой — чужой» — это неотъемлемая часть любой языковой картины мира, которая «в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [9. С. 126].

Проблема лингвистической организации данного противопоставления и особенностей его функционирования волновала множество исследователей. Оппозиция «свой — чужой» в разной степени исследовалась специалистами, такими как Р. Фаулер, Т. ван Дейк, Р. Водак, В. В. Иванов, В. Н. Топоров, Е. С. Яковлева, Т. В. Цивьян, Л. И. Гришаева, Е. И. Шейгал, В. И. Карасик, В. А. Маслова, З. Д. Попов, И. А. Стернин, З. З. Чанышева и др. Целью статьи является исследование и описание знаков-репрезентантов в оппозиции «свой — чужой» на примере британского массмедийного пространства.

Актуальность исследования продиктована необходимостью обращения к заявленной проблематике сквозь призму ключевого концепта Брексит. В настоящее время вопрос соотношения лингвокультурологии и лингвострановедения представляет особый интерес, фронт лингвистических исследований неоднороден.

Данная оппозиция как концепт массового и в то же время национального мироощущения породила множество лингвистических исследований и подходов. Возможность синтетического подхода к анализу оппозиции «свой» — «чужой» дает Т. В. Алиева, охватывая языковые средства на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Заметим, оппозиция — это своего рода «конфликт „своих“ (людей, поддерживающих

идею интеграции Великобритании в Европейский Союз) и „чужих“ (политиков, продвигавших идеологию выхода из ЕС)» [2. С. 8]. Автор выделяет ключевые слова-репрезентанты, а именно: акцентирующие отношения конфликта метафоры «семья (разлад/развод)», «разрушение», а также личные местоимения “we” через призму “they”, “self”, “other”, конструкции активного и пассивного залога, причем высказывания о простом народе передаются посредством пассивных конструкций, высказывания о правящей элите — активными конструкциями.

Необходимо отметить, что на возможности активного и пассивного залога в отношении оценки «своих» и «чужих» указывали Дж. Лайонз, М. Я. Блох, Т. ван Дейк, Р. Фаулер. В политическом дискурсе активный залог рассматривается лингвистами как «агенса действия», это позиция власти, превосходства и контроля одних над другими, пассивный залог («пациенс») соотносится с позицией подчиненного, контролируемого, обладающего меньшей властью [14. С. 132].

Чаще всего «свои» — это народ, «чужие» — власть/правящая элита. Семантическую роль агенса действия в этой оппозиции выполняет активный залог, а пациенс реализуется через пассивный залог. Употребление залогов в отношении этой оппозиции может варьироваться, но в настоящее время в левой и левоцентристской прессе элиты выступают в виде агенса, а народ — в виде пациенса.

Тему расчлененности общества на «народ» и «власть» в рамках иерархической смысловой модели «свойственности — чуждости» на уровне политического дискурса рассматривает

Е. В. Кишина. Указывая на перераспределение «ядерных позиций категориальных компонентов» и ряд компонентов периферийного характера, автор отмечает, что «представленная модель представляет собой иерархическое образование ярко социологизированного характера и обладает признаками динамичности и амбивалентности компонентов» [4. С. 52]. Е. В. Кишина рассматривает «свое — чужое» не просто как оппозицию, а как концепт и приводит определенный перечень речевых механизмов манипулирования сознанием [5. С. 194].

Парадигма отношений «своих/чужих» в работах А. А. Тымбай рассматривается не как конфликт двух сторон, а как противопоставление простых граждан истеблишменту и политикам, допустившим подобную ситуацию. Практический анализ дополняется вопросно-ответными единствами, парентетическими внесениями и эмфатическими структурами [10].

В. П. Новикова выстраивает прототипическую семантическую оппозицию «свой — чужой» на образе Евросоюза, а именно, противостоянии евроскептиков и еврофилов, и подчеркивает наличие положительных свойств «своих» через негативные свойства «чужих». Автор прибегает к стилистическому приему аллюзии и к метафорам семьи (развода), кулинарии, театра, спорта, войны как ведущим средствам при создании образа «чужих» на политической арене Брексита [6. С. 96].

Употребление метафор весьма характерно для актуализации лингвистической оппозиции «свой — чужой». А. М. Погорелко указывает на связь истории языка с историей культуры и подчеркивает, что метафорический перенос как таковой, а именно новое смысловое содержание культурного концепта не создается «с нуля». Автор заключает, что в результате трансформации смыслового содержания языковой единицы «созданный ценностный ориентир получает все шансы стать особенностью нового облика национального характера, модернизируемого культурой с учетом социально-исторических изменений» [7. С. 385].

Е. И. Шейгал рассматривает «своё — чужое» в качестве «базовой семиотической оппозиции политического дискурса», делая акцент на:

— маркерах «чуждости» — «специализированные знаки агрессии» (дейктические слова, единицы с отчуждающей семантикой, оценочная лексика);

— маркерах «своих» — «специализированные вербальные знаки интеграции» [12].

На идеологическое противостояние конфликтующих сторон в современных англоязычных СМИ и роль знаков лингвокультуры указывает З. З. Чанышева. Автор многочисленных работ о прецедентности, служащей маркированию «своих» и «чужих», отмечает, что на первый план выходит категория «чужие», а для их обозначения используется «широкий репертуар номинативных ресурсов языка и средств невербалики, <...> которые могут легко превращаться в инструменты манипулирования массовым сознанием, поскольку позволяют внедряться в ксенокультурное смысловое пространство с целью преднамеренных содержательных преобразований их смысловой нагрузки, вплоть до полного искажения, в процессе межкультурной коммуникации» [11. С. 96].

Ранее проведенные собственные лингвистические исследования в ключе Брексита позволяют заключить, что эксплицитно-имплицитная отрицательная оценочность в актуализации отношений «свой — чужой» в английских текстах СМИ может также достигаться посредством лексем, экспрессивных синтаксических моделей (субстантивных, вербальных, адъективных, адвербиальных), метатекстовых маркеров, которые в конечном счете «помогают создать более четкий образ британцев и оказывают манипулятивное действие на реципиента текста» [8. С. 134].

Проблемы, связанные с Брекситом, касаются не только мигрантов и их дальнейшего статуса или новых требований к британскому гражданству (подданству), Брексит в первую очередь меняет привычные жизненные устои тех, кто проголосовал «за» (сторонники членства Британии в ЕС) и «против» (сторонники выхода) [13].

Итак, рассмотрим на практике совокупность ключевых слов-репрезентантов, выполняющих роль опорных элементов в парадигме отношений «свой — чужой» в британской массмедийной статье “The bill for Boris Johnson’s Brexit is coming in and it’s punishingly steep” [14]. Выбор данной статьи в качестве образца для анализа не случаен, поскольку Эндрю Роунсли — не просто ведущий колумнист качественной газеты «Гардиан» с достаточно непредвзятым мнением и объективностью взглядов, это еще и автор многочисленных публикаций по проблеме Брексита [16]. Эмпирический материал за 2021 год отражает представления о Великобритании, связанные с происходящими политико-экономическими изменениями в мире после Брексита, повлекшие за собой заметную нестабильность в обществе.

Особенностью статьи является смена фокуса с личных местоимений: рассматриваемая оппозиция представлена нарицательными и собственными именами. “They” («чужие») — это the rightwing press (пресса правого толка), Boris Johnson, the UK (в значении государство), the Tories (Консервативная партия), Brexiters (сторонники выхода Великобритании из ЕС), the British government, Ministers, Evangelists for the adventure (проповедники Брексита). Соответственно, “we” («свои») — это the fishing fleets in Scotland and the West Country (рыбопромысловые флоты в Шотландии и юго-западные графства Англии), many Britons, many UK businesses, wealth creators (производители материальных благ), exporters and importers, smaller enterprises, afflicted British entrepreneurs (пострадавшие британские предприниматели), British companies, Remainers (сторонники членства в Евросоюзе).

Выбор залога, как подчеркивалось выше, указывает на значение превосходства/подчинения. Пассивные конструкции указывают на позицию «своих» (народ), концепт «чужие» (элита) передается активным залогом: Boris Johnson flourished the Brexit deal. Ministers like to insist that we’re experiencing nothing worse than “teething problems”. It [the bill. — R. S.] is being paid in car manufacturers shutting down some production... It is being paid by many UK businesses, especially the kind of smaller, exporting enterprises that the Tories always profess to love. British companies are being told by the British government that the way to survive is to lay off British workers and transfer their jobs to folk across the Channel. British companies have been put in a chokehold of regulations, customs declarations, conformity assessments, health and rules-of-origin certifications, VAT demands and inflated shipping charges. Из примеров видно, что употребление активного залога подвергает «чужих» отрицательной оценке («чужие» — нанесшие обиду), в то время как использование пассивного залога для обозначения «своих» не выражено положительной оценкой, однако вызывает у адресата сочувствие и сострадание, («свои» — жертвы).

Огромную роль в отражении мира после Брексита (the post-Brexit world) и раскола британского социума на «своих» и «чужих» играют метафоры. В статье выстраивается образ обманутого государством людей, которым была обещана свобода и процветание смелой Великобритании, а на деле навязан предсказуемый ящик Пандоры. Продуктивными оказываются:

— фоновая метафора болезни: Ministers say it is just teething trouble (болезнь роста);

— метафора кулинарии в сочетании с религиозно-мифологической метафорой: All those acquainted with Mr. Johnson and his casual relationship with the truth will have taken that with a juggernaut of salt (с весомой долей скептицизма);

— метафора разрушения: This was a predictable — and predicted — result of wrenching the UK out of the single market and the customs union. (герундий происходит от сущ. wrench — «гаечный ключ»); ...British companies have been put in a chokehold of regulations...; Brexit is ensnaring British businesses in writhing snakes of the stuff.

Созданию значимых образов брекситеров и их противников на политической арене «чужих» и «своих» также способствует использование дополнительных стилистических приемов:

— эпитетов: Boris Johnson flourished the Brexit deal that he concluded on Christmas Eve and proclaimed: “This is a cakeist treaty.” (Это самый вкусный договор); ... the deal was so threadbare for the financial sector... the thin deal;

— иронии: The frontier guard (at the customs) responds: No, everything will be confiscated. Welcome to the Brexit, sir... Jacob Rees-Mogg, he who thinks that fish unable to reach EU markets are “happier” knowing they are British, will claim that struggling British exporters should be patriotically proud to be throttled by red, white and blue tape;

— сравнения: To many businesses it feels more like root canal surgery without the benefit of anaesthetic;

— перифраз: the great experiment with the UK’s prosperity [Brexit. — R. S.];

— градации: British business lost to European competitors. British entrepreneurs crushed. British jobs exported abroad. Welcome to the Brexit;

— гиперболы: On Christmas Eve, he [B. Johnson. — R. S.] was hailing his agreement with the EU as a fantastic new chapter in our island story...¹

Следует отметить, что экспрессивные синтаксические модели с отрицательной семантикой отражают внутреннее противопоставление двух сторон: punishingly steep [the bill. — R. S.], particularly rending for the soul, self-evidently untrue, so

¹ В цитате Б. Джонсона явно прослеживается апелляция к геополитически обусловленным метафорам «островного менталитета» британцев: ОСТРОВ КАК ДОМ, ОСТРОВ КАК ЗАЩИЩЕННОСТЬ ЛИЧНОГО ПРОСТРАНСТВА, ОСТРОВ КАК ОТЕЧЕСТВО (ПАТРИОТИЗМ) и т. п. [3].

tough [the post-Brexit world. — R. S.], a deadly serious story, a slump in activity at Welsh ports, tonnes of British meat exports rotting at European harbours, a buccaneering free trade Britain, absurdities of Brexit, snafus and bottlenecks at borders, so many complex new procedures, not temporary rites of passage into a brave new world, baked-in consequences of Mr. Johnson's Brexit, to lay off British workers and transfer their jobs to folk across the Channel, to fib about a price to be paid.

В качестве средства синтаксической экспрессивности в тексте также выступают парентетические включения — вставные конструкции, переключающие внимание читающего к ранее сказанному. Их использование «нарушает симметрию высказывания, благодаря этому предложение приобретает необычное звучание, выразительность, влияет на подсознание реципиента...» [1. С. 355].

В тексте статьи парентетические внесения — предложения достаточно частотны: You will recall that it was one of the Brexiters' signature promises that departure from the EU would be a liberating moment. I guess... It is fair to say... It stands to reason... Other companies will move elements of their operations — and, in some cases, all of their business — out of the UK to inside the EU.

В качестве не менее важных репрезентантов оппозиции «свой — чужой» выступают эмфатические конструкции: What Brexit has actually done is impose a vast amount of cumbersome and costly new bureaucracy on exporters and importers. Some did understand that there would be a price to

be paid. The cost of that alone on British businesses is thought to be around £7bn a year.

Подводя итог, можно отметить, что на страницах британской печатной медиасферы в противопоставлении «свой — чужой» в аспекте политического явления Брексит можно рассмотреть прозрачную парадигму «народ» (в роли пострадавших) — «элита» (на них возлагается вина). Содержательное наполнение как индикатор несет в себе мощную нагрузку психологического воздействия и осуществляется за счет знаков-репрезентантов «чужих» с отрицательной семантикой, негативно-оценочными репликами и агрессивностью оценок в политическом диалоге (собственные и нарицательные имена, активный залог, стилистические приемы, экспрессивные синтаксические модели, парентетические включения с авторским отношением, эмфатические конструкции). Яркой особенностью британского политического дискурса является нагнетание негативных образов Великобритании в целом, сторонников выхода Соединенного Королевства из ЕС и самой процедуры Брексита, хотя мнение британцев в 2016 г. разделилось примерно в равных долях. В целом, проведенное исследование еще раз демонстрирует, что оппозиция «своих» и «чужих» актуализируется не за счет конфликта двух сторон, скорее это противопоставление двух социальных классов: простых граждан и политической элиты, допустившей раскол в обществе в условиях сложившегося экономического кризиса.

Список литературы

1. Александрова О. В., Михалчева А. В. К вопросу об экспрессивности парентетических внесений в публицистическом тексте // Научные Ведомости. Серия «Гуманитарные Науки». 2019. Т. 38. № 3. С. 351—357.
2. Алиева Т. В. Референдум Брексит: языковые средства актуализации оппозиции «свой» — «чужой» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 3. С. 8—13.
3. Карпухина Т. П., Луговской А. В. Концепт ISLAND как ценностная константа британской лингвокультуры // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 7 (453). Филологические науки. Вып. 125. С. 83—92.
4. Кишина Е. В. Смысловая модель категоризации «свое — чужое» на уровне политического дискурса // Вестник Томского государственного университета. Серия: Филология. 2009. № 1 (5). С. 47—52.
5. Кишина Е. В. Манипулятивное функционирование концептов «свой» и «чужой» в СМИ // Юрислингвистика. 2007. № 8. С. 189—194.
6. Новикова В. П. Поле битвы — Брексит: лингвокогнитивный анализ // Политическая лингвистика. 2019. № 2 (74). С. 93—99.
7. Погорелко А. М. Генетическая аналогия в культурной семантике // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: материалы IV Всеросс. науч. конф. Уфа: РИЦ БашГУ, 2018. С. 381—390.

8. Салимова Р. М. Постбрексит-парадокс // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 131—137.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004. 982 с.
10. Тымбай А. А. Диалог в различных видах политического дискурса // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй науч.-практ. конференции. М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. С. 230-234.
11. Чанышева З. З. Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации // Язык и текст. 2016. Т. 3. № 3. С. 96—105.
12. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 31 с.
13. Applegarth J., Brazier J., Broadbent J. Life in the UK. Complete study and practice. Newcastle upon Tyne: Coordination Group Publications Ltd, 2015. 232 p.
14. Fowler R. Language in the News: discourse and ideology in the press. London; New York: Routledge, 1991. 254 p.
15. Rawnsley A. The bill for Boris Johnson's Brexit is coming in and it's punishingly steep. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jan/24/bill-for-boris-johnson-brexit-is-coming-punishingly-steep> (дата обращения 08. 03.2021).
16. Rawnsley A. URL: https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/24/a-to-z-of-brexit-andrew-rawnsley?CMP=fb_gu (дата обращения 06. 03.2021).

Сведения об авторе

Салимова Римма Мидхатовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета, Уфа, Россия. risal@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 158—163.

THE BINARY OPPOSITION “OWN —ALIEN” AS ILLUSTRATED BY BRITISH MEDIA SPHERE

R. M. Salimova

Bashkir State University, Ufa, Russia. risal@list.ru

The article discusses the opposition “own — alien” formed in and by the English printed media sphere relating to accomplished Brexit. The linguistic level is based on the use of representative signs with explicit and implicit negative evaluation. Specific mechanisms responsible for representing information in political discourse and negative potential of “aliens” start operating, having an immediate impact on human consciousness. The outcome of this accelerating tendency is harshness and finality of judgement in political sphere with multiple negative evaluation which in written speech generate a variety of means employed. As a sample for the analysis a particular article is chosen, all the rest written by A. Rawnsley reflect general understanding of the UK in the framework of political and economic changes in the post-Brexit world. The analysis of the empirical material testifies to the fact that the image of “aliens”, established in British society, is undergoing further negative modernization.

Key words: *opposition “own — alien”, Brexit, political discourse, representing signs*

References

1. Aleksandrova O. V., Mikhachova A. V. (2019) *Nauchnye Vedomosti*, vol. 38, no. 3, pp. 351—357 [in Russ.].
2. Alieva T. V. (2017) *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Oblastnogo Universiteta. Serija: Lingvistika*, no. 3, pp. 8—13 [in Russ.].

3. Karpukhina T. P., Lugovskaya A. V. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no. 7 (453). *Filologicheskiye nauki*, issue 125, pp. 83—92 [in Russ.].
4. Kishina E. V. (2009) *Vestnik Tomsko gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filologija*, no. 1 (5), pp. 47—52 [in Russ.].
5. Kishina E. V. (2007) *Jurislingvistika*, no. 8, pp. 189—194 [in Russ.].
6. Novikova V. P. (2019) *Politicheskaja lingvistika*, no. 2 (74), pp. 93—99 [in Russ.].
7. Pogorelko A. M. (2018) Geneticheskaja analogija v kul'turnoi semantike [Genetic analogy in cultural semantics]. *Yazykovyie edinicy v svete sovremennyh nauchnyh paradigim* [Language units in the light of modern scientific paradigms]. Ufa, Ric BashGU. Pp. 381—390 [in Russ.].
8. Salimova R. M. (2020) *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (441), pp. 131—137 [in Russ.].
9. Stepanov Y. S. (2004) *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury* [Constant terms]. Moscow, Akademicheskij prospect. 982 p. [in Russ.].
10. Tymbaj A.A. (2015) *Dialog v razlichnyh vidah politicheskogo diskursa* [Dialogue in different types of political discourse]. *Magiya INNO: novoje v issledovanii jazyka i metodike ego prepodovanija* [The magic of INNO: new in language research and teaching methods]. Moscow, MGIMO- Universitet. Vol. 1. Pp. 230—234 [in Russ.].
11. Chanysheva Z. Z. (2016). *Jazyk i tekst*, vol. 3, no. 3, pp. 96—105 [in Russ.].
12. Sheigal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse. Abstract of thesis]. Volgograd, 2000, 31 p. [in Russ.].
13. Applegarth, J. (2015) Newcastle upon Tyne, Coordination Group Publications Ltd, 232 p. [in Eng.].
14. Fowler R. (1991) London; New York, Routledge, 254 p. [in Eng.].
15. Rawnsley A. The bill for Boris Johnson's Brexit is coming in and it's punishingly steep, available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2021/jan/24/bill-for-boris-johnson-brexit-is-coming-punishingly-steep> (accessed 08.03.2021) [in Eng.].
16. Rawnsley A., available at: https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/24/a-to-z-of-brexit-andrew-rawnsley?CMP=fb_gu (accessed 06.03.2021) [in Eng.].

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИЯХ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В КИТАЙСКОЙ РУСИСТИКЕ

Лю Син¹, Чжан Сяолин²

¹Сучжоуский университет, Сучжоу, Китай

²Шанхайский политико-юридический университет, Шанхай, Китай

Эта статья опубликована при поддержке Фонда Центра международной юридической подготовки и сотрудничества для ШОС (Китай), название проекта «О возрождении русского субэтнуса — казачества в современной России», номер проекта: CNSCO17039, а также при поддержке Фонда Шанхайского политико-юридического университета для молодых ученых, 2021 г.

Рассматривается процесс развития исследований невербальной коммуникации в китайской русистике, начавшихся в 80-х гг. XX в. Анализируется влияние становления и интенсивного развития гендерных исследований в мировой науке на исследование проблемы русской невербальной коммуникации в Китае. Автором отмечается, что в последние годы в области невербальной коммуникации, как и в других научных направлениях, наблюдается тенденция междисциплинарных исследований. Однако в этой сфере существует и немало проблем, которые необходимо решать.

Ключевые слова: невербальная коммуникация, китайская русистика, междисциплинарный подход, гендерные исследования, проблемы.

Коммуникация является неотъемлемой частью жизни человеческого общества. Язык — это важнейшее, но не единственное средство общения между людьми. В процессе повседневного общения люди часто осознанно или неосознанно используют невербальные средства (например, жест, поза, мимика, интонация, пространство и т. д.) для того, чтобы выражать свои мысли, настроения и намерения. Коммуникативное взаимодействие, осуществленное при помощи средств, не входящих в систему языка и не являющихся речевыми единицами, называется невербальной коммуникацией. Как одна из важнейших областей функционирования знаков и знаковой информации невербальная коммуникация занимает очень важное место в жизни человека и общества. Древнегреческий философ Публиций сказал: «Говорим мы голосом, беседуем всем телом». Американский ученый Р. Бердвисл при количественной оценке вербальных и невербальных составляющих речевого поведения людей, принадлежащих к одной культуре, отметил, что в ходе диалога речевое общение занимает менее 30 %. Л. Самовар провел аналогичные исследования и получил более точные результаты относительно доли невербальных средств в контакте между людьми. По его мнению, при общении с человеком лицом к лицу лишь 35 % информации передается за счет вербальных (только слов)

и звуковых средств (включая интонацию, тон, тембр и т. д.), и остальная информация передается с помощью несловесных, т. е. невербальных средств [1. С. 155].

В разных культурах пропорция между вербальным и невербальным языками может быть разной, но роль последнего в коммуникации не могут игнорировать люди из любой культуры. Подчеркивая важность невербальной коммуникации, кто-то заметил: «*Words may be what men use when all else fails*» — «Слова, быть может, это то, чем пользуются люди, когда все остальные средства общения оказались безуспешными (букв. <...> когда все остальное терпит неудачу)» [2. С. 6]. По мнению российского лингвиста А. А. Реформатского, без решения вопросов о том, как происходит невербальная коммуникативная деятельность человека и каково ее соотношение с вербальной деятельностью, «немыслимо моделирование коммуникативных систем и самого мыслительного процесса» [3]. В китайском языке существуют такие устойчивые выражения, как «暗送秋波» (*an song qiu bo* — симпатия выражается с помощью мимики) и «眉目传情» (*mei mu chuan qing* — многие эмоции и чувства передаются при помощи бровей и глаз), которые образно описывают тонкие эффекты «只可意会不可言传» (*zhi ke yi hui bu ke yan chuan* — могут понимать в сознании, но не могут передать языком), вызван-

ные невербальным общением. Например, утешая другого, мы можем просто похлопать его по плечу. И таким образом, мы совершенно четко передадим собеседнику нашу заботу, даже не сказав при этом ни слова. Как говорят китайцы, «в данный момент жесты говорят лучше слов» (此时无声胜有声 — *ci shi wu sheng sheng you sheng*).

Нет никакого сомнения в том, что невербальная коммуникация — это самая древняя по времени возникновения форма общения людей. Еще в первобытном обществе, когда люди не умели управлять голосом и не знали язык, в качестве носителей информации выступали именно такие невербальные средства контакта, как жесты, мимика, предметы и т. п. Например, начиная с династии Чжоу, когда управляли огромной территорией с низкой плотностью населения, из-за отсталости транспорта и средств связи в китайской армии широко использовались сигнальные огни и барабаны, чтобы передать важную информацию на дальние расстояния. Можно сказать, как вид человеческой деятельности понятие «невербальная коммуникация» было известно с древних времен, но как самостоятельное научное направление оно сформировалось сравнительно недавно. Для западных ученых (главным образом американских) невербальные аспекты коммуникации, известные под термином «*nonverbal communication*», с 50-х гг. XX в. находятся в центре внимания, и перечень выдающихся специалистов в данной сфере исследования, как вышеупомянутые Р. Бердвисл и Л. Самовар, действительно, неисчерпаем. В России молодая наука «невербальная семиотика», посвященная всестороннему исследованию невербальной коммуникации, также активно развивается. Как показал анализ трудов китайских ученых, невербальная коммуникация является предметом исследования и китайских русистов. А каков же уровень исследований невербальной коммуникации китайскими русистами, каковы актуальные проблемы и дальнейшие перспективы исследований в Китае? Цель настоящей статьи — познакомить российских исследователей с состоянием исследований невербальной коммуникации в китайской русистике.

Как отмечает китайский ученый Ли Цзечунь в своей работе, в Китае изучение невербальной коммуникации можно возвести к доциньской эпохе [4. С. 10]. Еще две с половиной тысячи лет назад великий китайский мыслитель и философ Конфуций (Кон-цзы) выдвинул идею, что следует чаще использовать позы и внешность для уста-

новления межличностного контакта, и в процессе общения надо следить за словами и выражением лица собеседника, и применять разные жесты и позы при встрече с разными людьми. В трактате «Наставление к учебе (Цюань Сюе)» Сюнь-цзы также предложил, что прежде чем начать общаться с людьми, нужно научиться проявлять вежливое отношение не только в словах, но и поступках [5. С. 447—448]. Однако в китайских ученых кругах серьезные научные исследования в области невербальной коммуникации начались намного позже, чем на Западе и в России. Лишь в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. тема невербальной коммуникации начала привлекать пристальное внимание исследователей Китая. И в это время китайские ученые, особенно ученые, занимавшиеся преподаванием и изучением английского языка, приложили довольно много усилий для перевода зарубежных работ. Например, в 1988 г. Мэн Сяопин перевел работу Д. Фаста «Язык тела» на китайский язык, а в 1991 г. он совместно с другими учеными сделал перевод работы Л. Маландро и Л. Баркера «Невербальное общение». К тому же в 1991 г. была издана переводная книга Би Цзивань «Китайская и английская невербальная коммуникация», автором которой является американский ученый Л. Броснахан.

В китайской русистике ознакомление с исследованиями русских ученых и перевод достижений их исследований также являются очень важными направлениями в изучении невербальной коммуникации. Так, например, в 1982 г. Чжоу Чанци и Цзэн Юнсин перевели статью «О статусе и критериях установления паралингвистических средств», опубликованную А. А. Абдуазизовым в 1980 г. в журнале «Филологические науки». Это была первая статья о русских исследованиях в области невербальной коммуникации, в которой термин «паралингвистические средства» был впервые использован для обозначения носителей информации в невербальной коммуникации. Между тем в данной статье было четко определено, что в русском языке наука, предметом которой являются паралингвистические средства, получила название «паралингвистика» [6]. В 1990 г. в связи с изданием в России лингвострановедческого словаря «Жесты и мимика в русской речи», в журнале «Русский язык в Китае» Ван Эньсюй опубликовал статью «Уникальность, новизна, полнота — обзор о словаре <Жесты и мимика в русской речи>» с той целью, чтобы познакомить китайских исследователей с данным словарем

и накопить опыт для составления соответствующего словаря в китайском языке [7].

По мере того, как углублялись и расширялись знания о невербальной коммуникации, китайские русисты разработали свои методы и приступили к организации самостоятельных научных исследований, достигнув заметных успехов. Об этом свидетельствует появление в китайской русистике значительного числа работ, связанных с невербальной коммуникацией. В частности, в некоторых монографиях китайских русистов, посвященных исследованию взаимоотношений языка и культуры, проблема невербальной коммуникации была частично затронута. Например, седьмая глава книги «Язык и культура — введение в русское лингвострановедение» Гу Ицзинь и У Гоуха специально посвящена описанию соматического языка, который представляет собой важнейший вид невербальной коммуникации. В данной главе не только обсуждаются теоретические вопросы, связанные с понятием, типом и значением соматического языка, но и подробно анализируются характерные русские жесты, как «*покрутить пальцем у виска*», «*щелкнуть по шее*», «*показать кукиш*» и т. д. [8. С. 236—245] В книге «Изучение русского и китайского языка и культуры», написанной совместно Лю Гуанчжунь и Хуан Сухуа, в шестой главе «Русские жесты» и в седьмой — «Жесты и фразеология» всесторонне рассматриваются проблемы, соотносимые с русскими жестами [9. С. 96—136].

Конечно, в китайской русистике еще появились монографии, посвященные системному анализу невербальной коммуникации, хотя их количество сравнительно невелико. Среди добившихся успехов в последние годы необходимо особенно отметить книгу «Многоаспектные изучения невербальных средств общения», изданную Чэ Линь в 2016 г. Как отмечено в предисловии, по содержанию данная книга делится на две части: теоретическую и прикладную. В первых трех главах излагаются теоретические основы и краткая история исследований невербальной коммуникации. Во второй части книги, т. е. в последующих четырех главах, с прикладной точки зрения проводится детальный анализ ряда факторов, влияющих на невербальное поведение людей в разных ситуациях, включая пространственно-временной фактор и фактор субъекта (например, внешность и одежда), и особое внимание уделяется жестам и паралингвистическим средствам общения, включая тон голоса, интонацию звука. По мнению Чэ Линь,

невербальные средства коммуникации обладают двойственными свойствами: врожденными и приобретенными. В процессе межличностной коммуникации невербальные и вербальные средства общения не могут быть полностью отделены, хотя они принадлежат к разным системам знаков. И навыки невербальной коммуникации являются основными компонентами социального потенциала человека [10].

Кроме монографий, в китайских периодических изданиях опубликовано немало научных статей, посвященных русской невербальной коммуникации. Например, по статистике авторитетного научного сайта Чживан найдено 26 научных статей с ключевым словом «русский язык жестов», которые можно разделить на следующие три типа:

1. Обзорные статьи. В некоторых статьях данного типа просто рассматриваются такие теоретические проблемы, как понятие языка жестов, его тип, характеристики, функции и т. д. К ним можно отнести «Общий обзор русского языка жестов» (Гу Ицзинь, 1990), «О классификации, характеристике и функциях русского языка жестов» (Лю Гуанчжунь, 1991), «Невербальная коммуникация и язык жестов» (Чэнь Тунчунь, 2005). А в других обзорных статьях главное внимание сосредоточено на сопоставлении русского языка жестов с китайским. Например, «Сравнительное описание русского и китайского языков жестов» (Лю Гуанчжунь, 1993), «К вопросу о национальных различиях между русским и китайским языками жестов» (Сун Чжэньин, 1993), «Русский язык жестов и сопоставление его с китайским» (Чжо Хунцзюань, 2005), «Сопоставительный анализ русского и китайского языков жестов» (Лю Чжичао, 2015).

2. Статьи, в которых проводится глубокий анализ язык жестов с использованием какой-то теории (или какого-то метода исследования) смежных наук. Среди них наиболее представительными являются прагматические исследования русского языка жестов. Например, опираясь на принцип кооперации Г. Грайса, Чэн Цяньшань в статьях «Язык жестов и смысл высказывания» (2002) и «О субъективных причинах возникновения конфликта между жестами и высказываниями» (2012) рассматривает два принципиально разных типа отношений между русским языком жестов и высказываниями, а именно согласие и конфликт. К тому же язык жестов как особая система неречевых знаков включается и в сферу

исследований семиотики. Так, например, в статье Ли Фэнцинь «Интерпретация языка жестов с точки зрения онтологии» (2005) описаны происхождение и эволюция языка жестов, его семантическое значение, психологические основы формирования и социальные функции [11].

3. Статьи, посвященные междисциплинарному подходу к изучению русского языка жестов. В связи с тем, что в последние годы популярны междисциплинарные аспекты лингвистических исследований, китайские ученые уделили особое внимание междисциплинарным и многоаспектным исследованиям в области русской невербальной коммуникации, достигнув немалых успехов. Особо следует упомянуть работу Чжао Цюе. В статье «К вопросу о символическом, познавательном, психологическом и культурном механизмах языка жестов» (2005) не только рассматривается история возникновения и развития исследования языка жестов в китайской русистике, проводится детальный анализ языка жестов с точки зрения семиотики, культурологии и психологии, но и выдвигаются предложения о том, как обеспечить эффективное усвоение студентами знаний в области языка жестов в процессе преподавания русского языка [12].

Помимо вышесказанного, исходя из того, что невербальные способы передачи информации, в особенности жесты, играют очень важную и незаменимую роль в жизни каждого человека, в китайской русистике начинают появляться диссертации по теме русской невербальной коммуникации. Средством поиска литературы по сайту Чживан выяснилось, что до сих пор было опубликовано 10 диссертаций на соискание ученой степени магистра или доктора наук, в которых объектом и предметом исследования выступает именно русская невербальная коммуникация. Здесь стоит отметить докторскую диссертацию У Айжун «О переводе паралингвистических средств в художественной литературе» (2009). В настоящей диссертации на основе анализа результатов исследований русских и китайских ученых в области невербальной коммуникации, автор дает четкое определение понятию «паралингвистические средства», выделяет классификацию типологии паралингвистических средств, описывает общие особенности (универсальность, достоверность, неоднозначность, национальность и т. д.) и раскрывает их важные функции в межличностной коммуникации, особенно в художественной литературе. По мнению автора, в китайской и рус-

ской культуре невербального общения проявляются национальные различия, что, несомненно, создает многочисленные препятствия при переводе паралингвистических средств в художественной литературе. Для того чтобы как можно точнее передать читателям невербальные информации и обеспечить эффективную межкультурную невербальную коммуникацию между авторами и читателями, переводчики должны, во-первых, обратить особое внимание на ситуативный контекст, и во-вторых, основываясь на целостности литературных произведений и опираясь на способности читателей воспринимать содержание, применять разнообразные методы перевода, такие как буквальное перевод, транскрипция, усиление, замена и т. д. [13]

Начиная с 60-х гг. XX в., по мере стремительного развития феминистского движения в европейских и американских странах, направленного на восстановление прав женского пола и избавление от дискриминации, гендерные исследования бурно развиваются в мировой науке. В Китае, особенно в последние два десятилетия, гендерные аспекты невербальной коммуникации также привлекают внимание китайских русистов. При поиске по сайту Чживан найдены семь научных статей, в которых с разных аспектов рассматриваются различия невербального поведения русских и китайских мужчин и женщин. Возьмем, к примеру, статью Ши Чунвэнь «Гендерная дифференциация соматического языка в русской и китайской невербальной коммуникации», опубликованную в 2010 г. в журнале «Вестник Чанчуньского педагогического института». В настоящей статье отдельно излагаются проявления гендерной дифференциации в межкультурной коммуникации, возникнувшей под влиянием биологических и социально-культурных факторов, в таких областях, как походка, мимика, телесный контакт и т. д. Как отмечает автор, женщины стеснены по требованиям сдержанности, вежливости и покорности, а мужчины менее стеснены, они гораздо чаще проявляют прямодушность [14]. В статье «Гендерные различия в русском тактильном поведении» (2017), автор которой является докторантом Сучжоуского университета, уточняется содержание понятия «тактильное поведение», анализируются прагматические функции тактильного поведения в межличностной коммуникации, и делается упор на систематическом анализе гендерных различий русских мужчин и женщин, представленных в тактильном поведении [15].

В 2018 г. в журнале «Русский язык в Китае» Чжоу Миньчюань, один из выдающихся ученых Китая в сфере гендерных исследований, опубликовал статью «Исследование русского и китайского соматического языка в аспекте гендерных стереотипов». В данной статье не только дается четкое определение понятия «соматический язык», выделяется четыре типа соматического языка (жестовый язык, проксемиальный язык, тактильный язык и язык маски), но и уделяется особое внимание описанию сходств и различий между гендерными стереотипами в разных типах русского и китайского соматического языка. По мнению Чжоу Миньчюань, как в России, так и в Китае, мужчина и женщина как субъекты общества часто по-разному используют соматический язык. С одной стороны, это связано с их индивидуальными физиологическими и психологическими особенностями, с другой — с половыми ролями и стереотипами, предписанными обществом лицам мужского или женского пола. Таким образом, формулируются гендерные стереотипы невербального коммуникативного поведения: во-первых, для каждого из полов имеется свой собственный стереотип в соматическом языке; во-вторых, многие жесты являются общими для мужчин и женщин, но под влиянием культурных, социальных, психологических и иных факторов способы их выполнения разные [16].

В диссертации «Исследование русской невербальной коммуникации в аспекте гендерных стереотипов — на материале русского соматического языка», выполненной Лю Син на соискание ученой степени доктора филологических наук, определяются понятия «невербальная коммуникация» и «невербальные знаки коммуникации», выделяются классификация и типология невербальных знаков, описываются прагматические особенности и раскрываются их важные функции в межличностной коммуникации. Между тем интерпретируется основная теория гендерных стереотипов, исследуются взаимоотношения между гендерными стереотипами и языком, коммуникацией, особенно невербальной коммуникацией. Посредством метода качественного и количественного анализа рассматриваются гендерные стереотипы в русском соматическом языке, и основное внимание уделяется описанию сходств и различий между гендерными стереотипами в тактильных и нетактильных жестах, а также в позах. Основываясь на материалах из Мультимедийного русского корпуса (МУРКО),

рассматриваются гендерные стереотипы в таких этикетных жестах приветствия, как «рукопожатие», «поклон», «поцелуй» и «объятие», пользуясь методом сопоставления русского языка с китайским, чтобы раскрыть механизм применения гендерных стереотипов в этих языках [17].

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что невербальная коммуникация как своеобразный способ передачи информации вошла в круг интересов китайских русистов. Благодаря тесным научным контактам с зарубежными учеными и собственным усилиям, им удалось достичь определенных успехов в изучении невербальной коммуникации, которые не только способствовали повышению осведомленности людей о невербальной коммуникации, улучшению их навыков невербального общения, но и заложили прочную теоретическую основу для дальнейшего систематического изучения русской и китайской невербальной коммуникации, содействовали преподаванию русского языка в Китае. Однако в процессе исследования основного актуального положения данной тематики как внутри Китая, так и за рубежом, было обнаружено, что невербальная коммуникация является мало изученной проблемой по сравнению с вербальной. В китайской русистике работ и диссертаций, посвященных проблеме невербальной коммуникации, пока немного. Между тем в этой сфере все еще существует немало проблем, которые требуют решения. Здесь следует подчеркнуть следующее:

1. В китайской русистике исследования невербальной коммуникации сосредоточены в основном на методе качественного анализа, а практические исследования, проведенные посредством метода анкетирования, экспериментов, статистического анализа или др., относительно недостаточны. Но как показывает опыт большинства стран, требуется проделать гораздо большую работу по сбору и обработке данных для того, чтобы добиться успехов в исследованиях невербального поведения, сделать логические и убедительные выводы.

2. Китайские ученые, ограничиваясь заимствованием результатов зарубежных исследований в области невербальной коммуникации и сопоставлением различий в невербальном поведении в китайском и другом конкретном языке, прилагают меньше усилий для самостоятельных научных исследований на материале китайского языка. В связи с этим в нынешних китайских научных кругах сравнительно мало результатов ис-

следований по невербальной коммуникации, которые действительно применимы к культурному фону китайского языка. Люди иногда вынуждены интерпретировать свои невербальные поведения с точки зрения западных исследователей, среди которых часто существуют предвзятые и стереотипные мнения.

3. Многие ученые чрезмерно акцентируют внимание на различиях, игнорируя при этом единство и совместимость различных этнических групп, культур, а также мужчин и женщин. По

своей сущности человечество — это единое-цельная социально-планетарная система, в которой различия являются относительными, а могут быть и незначительными. По мере того, как бурно развивается человеческое общество и повышается образовательный уровень населения, межнациональные различия невербального общения, а также гендерные различия между мужчинами и женщинами неизбежно сокращаются, и это также является тенденцией развития невербальной коммуникации.

Список литературы

1. 1. Samovar L. [et al.] *Understanding Intercultural Communication*. Belmont: Wadsworth, 1981. 222 с.
2. Крейдлин Г. Е. *Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык*. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 584 с.
3. Реформатский А. А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // *Исследования по структурной типологии*. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 208—215.
4. Ли Цзечюнь. *Сведения о невербальной коммуникации*. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та, 2002. 347 с.
5. Цзя Юйсинь. *Межкультурная коммуникация*. Шанхай: Шанхайское изд-во иностранных языков и образования, 1997. 532 с.
6. Абдуазизов А. А. О статусе и критериях установления паралингвистических средств // *Лингвистика за рубежом*. 1982. № 3. С. 11—15.
7. Ван Эньсюй. Уникальность, новизна, полнота и точность — обзор о словаре «Жесты и мимика в русской речи» // *Русский язык в Китае*. 1990. № 1. С. 44—48.
8. Гу Ицзинь, У Гохуа. *Язык и культура — введение в русское лингвострановедение*. Чжэнчжоу: Народное изд-во Хэнань, 1991. 256 с.
9. Лю Гуанчжунь, Хуан Сухуа. *Изучение русского и китайского языка и культуры*. Пекин: Изд-во преподавания и исследования иностранных языков, 1999. 231 с.
10. Чэ Линь. *Многосторонние исследования невербальных средств коммуникации*. Харбин: Изд-во Хэйлунцзянского ун-та, 2016. 228 с.
11. Ли Фэнцин. *Интерпретация языка жестов с точки зрения онтологии* // *Обучение иностранным языкам*. 2005. № 3. С. 32—35.
12. Чжао Цюе. К вопросу о символическом, познавательном, психологическом и культурном механизмах языка жестов // *Изучение иностранных языков*. 2005. № 2. С. 30—34.
13. У Айжун. *О переводе паралингвистических средств в художественной литературе: дис. ... канд. филол. наук*. Шанхай, 2009. 169 с.
14. Ши Чунвэнь. *Гендерная дифференциация соматического языка в русской и китайской невербальной коммуникации* // *Вестник Чанчуньского педагогического института*. 2010. № 4. С. 114—116.
15. Лю Син. *Гендерные различия в русском тактильном поведении* // *Вестник Муданьцзянского университета*. 2017. № 4. С. 3—5.
16. Чжоу Миньчюань. *Исследование русского и китайского соматического языка в аспекте гендерных стереотипов* // *Русский язык в Китае*. 2018. № 1. С. 10—19.
17. Лю Син. *Исследование русской невербальной коммуникации в аспекте гендерных стереотипов — на материале русского соматического языка: дис. ... канд. филол. наук*. Сучжоу, 2021. 205 с.

Сведения об авторах

Лю Син — доктор филологических наук, Сучжоуский университет, Сучжоу, Китай. liuxing19880222@126.com

Чжан Сяолин — доктор гуманитарных наук, старший преподаватель Института языков и культуры Шанхайского политико-юридического университета, Шанхай, Китай. nishuideyu2266@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 164—170.

ON THE RESEARCH OF NONVERBAL COMMUNICATION IN RUSSIAN STUDIES IN CHINA

Liu Xing

Soochow University, Soochow, China. liuxing19880222@126.com

Zhang Xiaoling

Shanghai University of Political Science and Law, Shanghai, China. nishuideyu2266@mail.ru

The article deals with the development of research on nonverbal communication in Chinese Russian studies, which began in the 1980's. The article analyzes the influence of the formation and intensive development of gender studies in world science on the study of Chinese Russian specialists on the problem of nonverbal communication. The author notes that in recent years, in the field of nonverbal communication, as in other scientific areas, there is a trend of interdisciplinary research. However, there are many problems in this area that need to be addressed.

Keywords: *nonverbal communication, Chinese Russian studies, interdisciplinary approach, gender studies, problems.*

References

1. Samovar L. [et al.] (1981) *Understanding Intercultural Communication*. Belmont, Wadsworth. 222 p.
2. Kreidlin G. E. (2004) *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyj yazyk* [Nonverbal semiotics: Body language and natural language]. Moscow, New literary Review. 584 p. [in Russ.].
3. Reformatsky A. A. (1963) *O perekodirovani i transformacii kommunikativnyh sistem* [On recoding and transformation of communicative systems]. *Issledovaniya po strukturnoj tipologii* [Research on structural typology]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ. pp. 208—215 [in Russ.].
4. Li Jiequn. (2002) *Svedeniya o neverbal'noj kommunikacii* [Information about nonverbal communication]. Beijing, Peking University Press. 347 p.
5. Jia Yuxin. (1997) *Mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Cross-cultural communication]. Shanghai, Shanghai Foreign Languages and Education Publ. 532 p.
6. Abduazizov A. A. (1982) *Lingvistika za rubezhom*, no. 3, pp. 11—15.
7. Wang Enxu. (1990) *Russkij yazyk v Kitae*, no. 1, pp. 44—48.
8. Gu Yijin, Wu Guohua. (1991) *Yazyk i kul'tura — vvedenie v russkoe lingvostranovedenie* [Language and Culture — introduction to Russian Linguistic and Cultural Studies]. Zhengzhou, Henan People's Publ. 256 p.
9. Liu Guangzhun, Huang Suhua. (1999) *Izuchenie russkogo i kitajskogo yazyka i kul'tury* [Study of Russian and Chinese language and culture]. Beijing, Foreign Language Teaching and Research Publ. 231 p.
10. Che Lin. (2016) *Mnogostoronnie issledovaniya neverbal'nyh sredstv kommunikacii* [Multi-faceted studies of nonverbal means of communication]. Harbin, Heilongjiang University Press. 228 p.
11. Li Fengqin. (2005) *Obuchenie inostrannym yazykam*, no. 3, pp. 32-35.
12. Zhao Qiuye. (2005) *Izuchenie inostrannyh yazykov*, no. 2, pp. 30-34.
13. Wu Airong. (2009) *O perevode paralingvisticheskikh sredstv v hudozhestvennoj literature* [On the translation of paralinguistic means in literary works. Abstract of thesis]. Shanghai. 169 p.
14. Shi Chongwen. (2010) *Vestnik Chanchun'skogo pedagogicheskogo instituta*, no. 4, pp. 114—116.
15. Liu Xing. 2017 *Vestnik Mudan'czyanskogo universiteta*, no. 4, pp. 3—5.
16. Zhou Minquan. (2018) *Russkij yazyk v Kitae*, no. 1, pp. 10—19.
17. Liu Xing. (2021) *Issledovanie russkoj neverbal'noj kommunikacii v aspekte gendernyh stereotipov — na materiale russkogo somaticheskogo yazyka* [Russian nonverbal communication in the aspect of gender stereotypes — A research based on the material of the Russian body language. Thesis]. Soochow, Soochow University. 205 p.

ЖАНРОВЫЕ НАРУШЕНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНСТРУКЦИИ

В. Н. Смирнова

*Московский государственный университет технологий и управления
имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), Пенза, Россия*

Представлены основные виды жанровых нарушений, встречающиеся в текстах машинного перевода англоязычной технической инструкции. Выработаны методические рекомендации по коррекции функционально-стилевых несоответствий и прагматической адаптации текстов машинного перевода. Сделан вывод о ведущей роли переводчика в жанровой адаптации текстов машинного перевода технической инструкции.

Ключевые слова: *техническая инструкция, машинный перевод, жанровые нарушения, комбинированный перевод.*

Современное развитие международных коммуникаций способствует преобразованию практического перевода из вспомогательной сферы в самостоятельную отрасль лингвистического производства с собственной структурой и специфическими проблемами. Обсуждение проблем качества перевода имеет распространенный характер и проводится как отечественными, так и зарубежными аналитиками перевода. При этом большое внимание уделяется организационно-методическим проблемам перевода (оформление, терминологическая поддержка, переводческие ошибки, компетенция переводчика).

В условиях расширения возможностей применения цифровых технологий в научно-инженерной сфере машинный перевод на основе таких компьютерных программ, как *Yandex translator*, *Google translator*, *Reverso Context* становится распространенным способом подготовки первичного варианта текста перевода [6]. Перевод технической документации с применением искусственного интеллекта предполагает умение правильно отредактировать полученный текст. В связи с этим лингвистическая оценка жанрового соответствия текста машинного перевода и выявление типов нарушений с учетом выбранной компьютерной программы перевода на примере работы с текстом технической инструкции приобретают особую актуальность и вызывают значительный исследовательский интерес.

Жанровая адаптация перевода технического текста как теоретическая проблема рассматривается в контексте общей теории перевода, представленной отечественными авторами И. С. Алексеевой, Е. В. Бреусом, Я. И. Рецкером, А. А. Утробиной,

А. В. Федоровым. Практические вопросы функционально-стилевого соответствия перевода специальных текстов рассматривают Д. М. Бузаджи, В. В. Гусев, В. К. Ланчиков, Д. В. Псурцев. В работе использованы научные публикации по стилистике текста И. В. Вашуниной, В. А. Ильиной, Д. В. Маховикова, А. А. Нистратова, электронные словари и автоматизированные системы перевода *Google translator*, *Reverso Context*, *Yandex translator*.

Определяющими признаками текста перевода технической инструкции становятся средства, обеспечивающие объективность изложения: термины, тематическая лексика, канцеляризмы, отсутствие эмфатических средств, императивные конструкции. И. С. Алексеева отмечает, что «существует разница в традициях состава и содержания в инструкциях одинакового типа на разных языках», при этом «просветительские компоненты и вопросы экологии в русской инструкции почти не встречаются» [1. С. 181]. Е. В. Бреус указывает на необходимость нейтрализации экспрессии в русском тексте при переводе англоязычной инструкции [2]. А. А. Утробина отмечает необходимость «прагматической перестройки» при передаче функционально-стилевых особенностей в переводе технических материалов с английского на русский язык [8. С. 58]. Как отмечает И. В. Вашунина, «все характеристики вербального текста являются значимыми для его оценки» [4. С. 40]. Данные предпосылки актуализируют необходимость анализа состояния жанровой адекватности и эквивалентности текстов автоматизированного перевода технической инструкции.

В процессе исследования применялся метод сопоставительного анализа перевода, методы

стилистического и контекстуального анализа нарушений, связанных с передачей жанровых характеристик оригинала, прием сравнительного анализа вариантов машинного и человеческого перевода, сопоставление версий компьютерного перевода, предложенных платформами *Yandex translator*, *Google translator*, *Reverso Context*, общенаучный метод обобщения.

Исследование жанровых нарушений машинного перевода осуществляется на основе анализа многочисленных случаев его использования в учебной деятельности студентов направления подготовки «Строительство» Пензенского государственного университета архитектуры и строительства в условиях режима дистанционного образования. Материалом для исследования послужила также переводческая практика автора в работе с научно-техническими материалами. Нами было выявлено более 50 случаев жанровых несоответствий машинного перевода текстов технической документации.

В результате анализа практического материала мы пришли к выводу о том, что жанровые нарушения, встречающиеся в машинном переводе технической инструкции, следует разделить на две группы.

Первую группу составляют нарушения в передаче функционально-стилевых особенностей текста технической инструкции. Подобные нарушения встречаются в машинном переводе в виде немотивированного включения экспрессивных элементов (лексических единиц и синтаксических конструкций), нетипичных для стиля русскоязычных текстов технической документации.

Рассмотрим примеры первой группы жанровых несоответствий автоматизированного перевода.

Пример 1

Оригинал: *First things first.*

Машинный перевод: *Давай по порядку* [10].

Машинный перевод: *Перво-наперво* [11].

Машинный перевод: *Первым делом* [12].

Рекомендуемый перевод: *Прежде всего.*

Замена вариантов машинного перевода «*Давай по порядку*», «*Перво-наперво*», «*Первым делом*», отражающих стилевую направленность разговорно-обиходной речи на форму «*Прежде всего*» в рекомендуемом варианте перевода обусловлена нормой книжного стиля технического текста на русском языке.

Пример 2

Оригинал: *Please retain this information for future reference.*

Машинный перевод: *Пожалуйста, сохраните эту информацию для дальнейшего использования* [10].

Машинный перевод: *Пожалуйста, сохраните эту информацию для дальнейшего использования* [11].

Машинный перевод: *Пожалуйста, сохраните эту информацию для дальнейшей ссылки* [12].

Рекомендуемый перевод: *Сохраните эту информацию для использования в будущем.*

Опущение слова «*пожалуйста*» в рекомендуемом варианте перевода основано на стилистической норме нейтральности тона текста технической документации на русском языке.

В следующем примере немотивированное использование определения «*безупречная*» в сочетании с существительным «*работа*» во всех вариантах компьютерного перевода создает экспрессивность тона, контрастирующую со стилевыми особенностями русскоязычных текстов технической документации.

Пример 3

Оригинал: *To guarantee long service life and perfect performance, the following maintenance work must be carried out at regular intervals.*

Машинный перевод: *Чтобы гарантировать долгий срок службы и безупречную работу, необходимо регулярно проводить следующие работы по техническому обслуживанию* [10].

Машинный перевод: *Чтобы гарантировать долгий срок службы и безупречную работу, следующие работы по техническому обслуживанию необходимо проводить через регулярные промежутки времени* [11].

Машинный перевод: *Чтобы гарантировать длительный срок службы и безупречную работу, следующие работы по техническому обслуживанию должны проводиться через регулярные промежутки времени* [12].

Рекомендуемый перевод: *Для гарантии долгого срока службы и правильного функционирования прибора необходимо регулярно проводить следующие работы по техническому обслуживанию.*

Вторую группу жанровых нарушений в машинном переводе технической инструкции с английского на русский язык составляют случаи калькирования оригинала. Суть подобной группы нарушений сводится к коммуникативно-необусловленному копированию элементов двух типов: 1) элементов лексического содержания, 2) элементов синтаксической организации оригинала. Методическое описание указанных жанровых нарушений представляется как использование лексик и синтаксических конструкций, в целом не

противоречащих смысловому содержанию текста, но неудачных с точки зрения частотности и освоенности употребления в переводящем языке.

Рассмотрим указанные виды нарушений.

1. Копирование элементов лексического содержания. Я. И. Рецкер подчеркивает, что «функциональная точность, характерная для адекватного перевода, не только допускает, но нередко и требует отказа от формальных словарных соответствий» [5. С. 9]. По мнению А. В. Федорова, «перевод — не простое механическое воспроизведение всей совокупности элементов подлинника, а сложный сознательный отбор различных возможностей их передачи» [9. С. 150].

В ряде случаев использования приложений *Google Translate* и *Yandex Translator* предлагается перевод отдельных слов, не соответствующий лексикону технической инструкции. Например: *structural* — *структурный* вместо *строительный*, *warnings* — *предупреждения* вместо *меры предосторожности*, *operation* — *операция* вместо *функционирование*, *defect* — *дефект* вместо *неисправность*, *machine* — *машина* вместо *аппарат*, *image* — *образ* вместо *изображение*, *purpose* — *цель* вместо *назначение*, *unit* — *единица измерения* вместо *сборочная единица*, *item* — *вещь* вместо *изделие* [10; 11].

Следует отметить расширенные возможности сервиса *Reverso Context*, который демонстрирует **примеры перевода слов в различных контекстах, что значительно** отличает его от обычных онлайн словарей или переводчиков, но имеет ограничение по количеству слов во фразе, а это усложняет подготовку версий перевода сложных предложений.

2. Копирование элементов синтаксической организации оригинала. Наиболее многочисленной группой жанровых нарушений на уровне синтаксиса являются случаи формального воспроизведения синтаксической конструкции в машинном переводе. Д. М. Бузаджи отмечает, что «копирование элементов синтаксической организации оригинала ведет к синтаксическому буквализму (синтаксическим калькам), в целом не противоречащему смысловому инварианту, но неудачному с точки зрения нормы и узуса переводящего языка» [3. С. 55].

В ряду подобных несоответствий, встречающихся в машинном переводе на синтаксическом уровне, следует выделить несколько видов ошибок.

Калькирование в заголовках. Значительную группу недочетов в машинном переводе инструк-

ций составляют случаи синтаксического калькирования форм косвенного вопроса в заголовках. Так, перевод заголовков инструкций, начинающихся со слова «*how*», следует формулировать в соответствии с правилами русскоязычного технического текста.

В следующих примерах цифрового перевода буквальное воспроизведение конструкции с «*как*» создает синтаксис, противоречащий традиционной форме заголовков в переводящем языке, и обоснованно подвергается трансформации с использованием существительных или именных словосочетаний.

Пример 4

Текст инструкции: *How to install*.

Машинный перевод: *Как установить* [10].

Машинный перевод: *Как установить* [11].

Машинный перевод: *Как установить* [12].

Рекомендуемый перевод: *Установка*.

Пример 5

Текст инструкции: *How to replace the lamp*.

Машинный перевод: *Как заменить лампу* [10].

Машинный перевод: *Как заменить лампу* [11].

Машинный перевод: *Как заменить лампу нака-*
ливания [12].

Рекомендуемый перевод: *Замена лампы*.

Пример 6

Текст инструкции: *How to clean the hood*.

Машинный перевод: *Как почистить капот* [10].

Машинный перевод: *Как почистить вытяжку* [11].

Машинный перевод: *Как очистить капот* [12].

Рекомендуемый перевод: *Чистка вытяжки*.

В Примере 5 лексический подбор, предложенный приложением *Reverso Context*, на наш взгляд, более удачен с точки зрения освоенности в переводящем языке. В Примере 6 прагматически эквивалентный перевод слова «*hood*» (*вытяжка*) представлен программой *Google translator*, в то время как другие сервисы ограничиваются лексическим калькированием вместо необходимой контекстуальной замены.

Следующим недочетом цифрового межъязыкового преобразования является перевод английских предложений на русский язык с сохранением будущего времени сказуемого. В русскоязычном тексте инструкции технологические процессы традиционно описываются с использованием настоящего времени, выражающего закономерность действия. В связи с этим, форма английского сказуемого с показателем будущего времени «*will*» обосновано подвергается грамматической трансформации в комбинированном переводе. В ряду

рассмотренных версий автоматизированного перевода подобная особенность русскоязычного текста технической инструкции отражена лишь в переводческом решении сервиса *Reverso Context* в Примере 8.

Пример 7

Текст инструкции: *The system will not be able to operate on automatic.*

Машинный перевод: Система *не сможет работать* в автоматическом режиме [10].

Машинный перевод: Система *не сможет работать* в автоматическом режиме [11].

Машинный перевод: Система *не сможет функционировать* автоматически [12].

Рекомендуемый перевод: Система *не работает* в автоматическом режиме.

Пример 8

Текст инструкции: *If such transitions have been located, it will be checked under consideration of the tolerance.*

Машинный перевод: Если такие переходы были обнаружены, то они *будут проверены* с учетом допуска [10].

Машинный перевод: Если такие переходы были обнаружены, это *будет проверено* с учетом допуска [11].

Машинный перевод: Если такие переходы обнаружены, то они *проверяются* с учетом допусков [12].

Рекомендуемый перевод: Обнаружение таких переходов *проверяется* посредством учета допуска.

Многочисленные случаи жанровых несоответствий, связанных с формальным воспроизведением синтаксической иноязычной конструкции с “*we*” («мы»), “*you*” («вы»), “*your*” («ваш») в машинном переводе, составляют следующую группу ошибок. В текстах технической документации на русском языке принято безличное изложение информации. Игнорирование данного правила в машинном переводе хотя и не приводит к смысловому искажению оригинала, но является примером нарушения узуальных особенностей изложения информации в русскоязычном тексте инструкции.

Пример 9

Оригинал: *We are sure that it will provide you with many years of excellent service.*

Машинный перевод: *Мы* уверены, что он обеспечит вам долгие годы *отличного* сервиса [10].

Машинный перевод: *Мы* уверены, что он прослужит вам долгие годы *безупречной* службы [11].

Машинный перевод: *Мы* уверены, что он обеспечит вам многолетнее *превосходное* обслуживание [12].

Рекомендуемый перевод: *Изготовитель* гарантирует *долгосрочную* и *качественную* работу прибора.

Пример 10

Оригинал: *If you use this mixer properly no maintaining is needed.*

Машинный перевод: Если *вы* используете этот *миксер* правильно, то никакого обслуживания не требуется [10].

Машинный перевод: *При правильном использовании миксера* обслуживание не требуется [11].

Машинный перевод: Если *вы* используете этот миксер правильно, то в его обслуживании нет необходимости [12].

Рекомендуемый перевод: *При правильной эксплуатации смесителя* техническое обслуживание не требуется.

Как показывает Пример 10, контекстуальная замена в переводе конструкции с “*you*” программой *Google translator* в большей степени отражает синтаксис русскоязычной инструкции, но очевидна лексическая неточность перевода при формальном выборе значения лексемы «*mixer*» в виде «*миксер*».

Жанровые требования текста технической документации на русском языке ограничивают использование притяжательных местоимений, напротив, в решениях машинного перевода они часто воспроизводятся. Как показывает Пример 11, в этом случае в меньшей степени требует редакторской правки перевод приложения *Yandex translator*.

Пример 11

Текст инструкции: *Plug your appliance into an alternative current outlet only and make sure that your household voltage corresponds to the voltage marked on the hairdryer.*

Машинный перевод: *Подключите прибор* только к альтернативной электрической розетке и убедитесь, что напряжение в *вашем* доме соответствует напряжению, указанному на фене [10].

Машинный перевод: *Подключите ваш прибор* только к альтернативной розетке и убедитесь, что напряжение в *вашем* доме соответствует напряжению, указанному на фене [11].

Машинный перевод: *Подключите прибор* только к альтернативной текущей розетке и убедитесь, что *ваше* домашнее напряжение соответствует напряжению, указанному на фене [12].

Рекомендуемый перевод: *Подключите прибор* к розетке переменного тока и убедитесь, что напряжение в *доме* соответствует напряжению, указанному на приборе.

Грамматически ошибочное употребление деепричастного оборота показывает следующий пример машинного перевода. В рекомендуемом варианте перевода при отсутствии логического и грамматического подлежащего возможно сохранение деепричастия согласно синтаксической норме принимающего языка.

Пример 12

Оригинал: Complete final fixing by inserting the other 2 screws.

Машинный перевод: Завершите окончательную фиксацию, *вставив* остальные 2 винта [10].

Машинный перевод: Завершите окончательную фиксацию, *вставив* 2 других винта [11].

Машинный перевод: Завершите окончательную фиксацию, *вставив* 2 других винта [12].

Рекомендуемый перевод: Необходимо произвести окончательное закрепление, *вставив* два других винта.

Машинный перевод стандартных словосочетаний, встречающихся в технической документации, примерно в 40 % случаев соответствует нормативным требованиям к техническому тексту на русском языке, например:

User's Guide — *Руководство пользователя;*

Safety Instructions — *Правила техники безопасности;*

model number — *номер модели;*

serial number — *серийный номер;*

Cleaning and Servicing — *Очистка и обслуживание* [7].

Остальные случаи требуют лексико-синтаксической трансформации в подборе прагматических эквивалентов, например:

Caution for... — *Внимание!* вместо *Осторожно для;*

Product servicing — *Техническое обслуживание устройства* вместо *Обслуживание продукта;*

Operating Environment — *Условия эксплуатации* вместо *Рабочая среда;*

Your guides — *Руководство* вместо *Ваши гиды;*

Specifications — *Технические характеристики* вместо *Спецификации;*

Taking care of... — *Уход за* вместо *Заботиться о...;*

Requesting service — *Обращение за технической помощью* вместо *Запрос на обслуживание;*

Before you call — *Прежде чем обращаться за помощью* вместо *Прежде чем позвонить;*

For home use only — *Использовать только в бытовых целях* вместо *Только для домашнего использования.*

Таким образом, проблема жанровых нарушений в машинном переводе технической инструкции имеет самостоятельное значение при обсуждении вопросов качества перевода специальных текстов. Жанровые нарушения машинного варианта перевода технической инструкции уменьшают функциональную ценность текста оригинала, приводят к затруднению восприятия переведенного текста или к не предусмотренным оригиналом двусмысленностям. Представленные типы жанровых несоответствий на примере технической инструкции обуславливают необходимость углубленного изучения содержания и структуры текста машинного перевода и его сопоставления с нормативными положениями переводящего языка.

Лингвистический анализ жанровых нарушений машинного перевода на примере технической инструкции позволяет выработать следующие методические рекомендации по прагматической адаптации инженерно-технического текста:

— адаптация на лексическом уровне основана на применении приема контекстуальной замены слов и словосочетаний с применением узкоспециальных терминологических вариантов переводящего языка, стилистической нейтрализации экспрессивных слов, приема опущения стилистически контрастирующих языковых средств;

— следует выделить необходимость таких синтаксических преобразований, как трансформация косвенного вопроса в заголовках с использованием существительных и именных словосочетаний, грамматическая замена сказуемого в будущем времени на форму настоящего времени, замена придаточного предложения на отглагольное существительное с предлогом, опущение личных и притяжательных местоимений, сохранение деепричастия в составе предложений с неопределенно-личными конструкциями;

— коррекция автоматизированного перевода стандартных фраз технической инструкции требует преодоления синтаксического и лексического калькирования посредством подбора русскоязычных прагматически эквивалентных вариантов, традиционных для технической документации переводящего языка;

— сравнительный анализ вариантов машинного перевода, предложенных приложениями *Google translator*, *Yandex translator*, *Reverso Context*, показывает, что переводческие решения на основе искусственного интеллекта дифференцированно требуют редакторской правки в каждом из случаев перевода; отмечена более широкая лексическая

функциональность сервиса *Reverso Context*, выраженная в возможности подбора перевода отдельных слов с учетом контекстуальной конкретизации в комбинированном переводе, и частичная адекватность синтаксических решений перевода, преобладающая в результатах работы программ *Google translator* и *Yandex translator*; использование каждого из рассмотренных сервисов требует лингвистической коррекции для подготовки качественного перевода;

— автоматизированное межъязыковое преобразование текста технической инструкции требует жанровой адаптации текста перевода в аспекте прагматической эквивалентности с опорой на нормостилевые традиции переводящего языка. Преодоление жанровых нарушений технического перевода с использованием цифровых технологий может быть реализовано в форме комбинированного перевода, выполняемого при ведущей роли специалиста-переводчика.

Список литературы

1. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб.: Перспектива: Изд-во «Союз», 2008. 288 с.
2. Бреус Е. В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М.: Изд-во УРАО, 1998. 208 с.
3. Бузаджи Д. М., Гусев В. В., Ланчиков В. К., Псурцев Д. В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: Всероссийский центр переводов, 2009. 119 с.
4. Вашунина И. В., Ильина В. А., Маховиков Д. В., Нистратов А. А. Восприятие текста и его синтаксического, лексического и стилистического компонентов // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 1 (435). С. 39—46.
5. Рецкер Я. И. Пособие по переводу с английского языка на русский язык. М.: Просвещение, 1982. 159 с.
6. Смирнова В. Н. Обучение научно-техническому переводу в условиях электронной информационно-образовательной среды в строительном университете // Открытое образование. 2019. Т. 23. № 2. С. 4—13.
7. Смирнова В. Н., Павлова А. Д. Практические вопросы перевода инженерно-технической инструкции // Интернаука. 2017. Т. 2. № 3. С. 53—55.
8. Утробина А. А. Основы теории перевода. М.: Приор-издат, 2006. 144 с.
9. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (Лингвистический очерк). М.: Высшая школа, 1968. 416 с.
10. Яндекс Переводчик. URL: <https://translate.yandex.ru> (дата обращения 14.05.2021).
11. Google Переводчик. URL: <https://translate.google.ru> (дата обращения 14.05.2021).
12. Reverso Context. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения 14.05.2021).

Сведения об авторе

Смирнова Веста Николаевна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Гуманитарные дисциплины» Московского государственного университета технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первого казачьего университета), Пенза, Россия. vesta_smirnova@inbox.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 171—177.*

GENRE MISTAKES OF COMPUTER-BASED TRANSLATION OF THE TECHNICAL INSTRUCTION

V. N. Smirnova

*K. G. Razumovsky Moscow State University of technologies and management
(the First Cossack University), Penza, Russia. vesta_smirnova@inbox.ru*

The main types of genre mistakes encountered in the translation texts of the English technical instruction prepared with the help of modern digital systems are presented in the article. Theoretical approaches to stylistic adaptation of technical texts are described. Methodological recommendations for correcting functional and style inconsistencies and pragmatic adaptation of computer-based translation texts have been developed.

Most cases in the process of genre mistakes correction require syntactic transformations and lexical contextual replacement based on the Russian language traditions and terminology used in the technical texts. The priority of the pragmatic approach is the main orientation for the preparation of a high-quality translation of technical instructions. The conclusion about the leading role of the translator in the genre adaptation of machine generated translation texts of technical instructions is made.

Key words: *technical instruction, computer-based translation, genre mistakes, combined translation.*

References

1. Alekseeva I. S. (2008) Professional'ny trening perevodchika [Professional training of the translator]. St. Petersburg. 288 p. [in Russ.].
2. Breus E. V. (1998) Osnovy teorii i praktiki perevoda s russkogo yazyka na angliyskiy [Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English]. Moscow. 208 p. [in Russ.].
3. Buzadzhi D. M., Gusev V. V., Lanchikov V. K., Psurtsev D. V. (2009) Novyy vzglyad na klassifikatsiyu perevodcheskih oshibok [New view of translation errors classification]. Moscow. 119 p. [in Russ.].
4. Vashunin I. V., Ilyina V. A., Makhovikov D. V., Nistratov A. A. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (435), pp. 39—46 [in Russ.].
5. Retsker Ya. I. (1982) Posobiye po perevodu s angliyskogo yazyka na russkiy yazyk [Manual for translation from English into Russian]. Moscow. 159 p. [in Russ.].
6. Smirnova V. N. (2019) *Otkrytoye obrazovaniye*, vol. 23, no. 2, pp. 4—13 [in Russ.].
7. Smirnova V. N., Pavlova A. D. (2017) *Internauka*, vol. 2, no. 3, pp. 53—55 [in Russ.].
8. Utrobina A. A. (2006) Osnovy teorii perevoda [Fundamentals of the theory of translation]. Moscow. 144 p. [in Russ.].
9. Fyodorov A. V. Osnovy obshchey teorii perevoda [The basis of general theory of translation]. Moscow, 1968. 161 p. [in Russ.].
10. Yandex Translator, available at: <https://translate.yandex.ru> (accessed 14.05.2021).
11. Google Translate, available at: <https://translate.google.ru> (accessed 14.05.2021).
12. Reverso Context, available at: <https://context.reverso.net> (accessed 14.05.2021).

МОДИФИЦИРУЮЩАЯ СЕМАНТИКА РЕКВИЗИТАРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ РЕКЛАМНОМ ОБЪЯВЛЕНИИ

Н. Ф. Старыгина

Уральский государственный лесотехнический университет, Екатеринбург, Россия

Рассматриваются семантические особенности юридических реквизитов адресанта в русском рекламном туристическом объявлении, которые наряду с обязательными (нейминговыми и справочными) функционируют в конкретном, правдоподобном пространстве и при этом однозначно указывают на аксессуарные значения, допускающие ирреальные смыслы.

Ключевые слова: *туристический рекламный текст, семантическое пространство, пространство аутентичное, пространство ирреальное, адресант, юридические реквизиты.*

Современный туризм, который достиг колоссальных высот, включая тотальные человеческие ресурсы социального взаимодействия, при организации производства и потребления турпродукта предполагает вербальный коммуникативный контент. Именно он определенным образом влияет на развитие внутреннего, въездного и выездного туризма, наиболее динамично развивающегося явления XXI века.

Дополнительное содержание туристической информации для российского турбизнеса наиболее актуально для инкамингового туризма (то есть рецептивного туроперейтинга принимающей стороны, включая услуги размещения, питания и пр.) и оно целиком и полностью опирается на соцсети. Социальные медиа являются частью интерактивных средств массовой информации, одним из каналов коммуникации как отдельных пользователей (туристов), так и целых корпораций и компаний (туристических агентств, компаний) [1. С. 159].

Региональные турагентства (не исключая известных российских туроператоров) все чаще обращают внимание как на традиционные рекламные технологии, так и на креативные, нестандартные, способствующие продвижению турпродукта и активно влияющие на ответную реакцию потребителей-адресантов при выборе путешествия.

Базовым аспектом исследования рекламной туристической коммуникации является текст как «разновидность рекламного текста» [2. С. 495]. Вербальное наполнение туристического рекламного объявления понимается нами как нетипичный дискурс дескриптивных искомых положений, адаптированных в туристской сфере как

исключительно креативный продукт, ориентированный на конкретного адресата, продвигающий и позиционирующий при этом экскурсионные услуги. Последний предполагает триединство конститутивного блока в туристическом рекламном тексте: адресант (его нейминговые, справочные и юридические характеристики) — турпродукт (его фреймовая характеристика) — адресат (характеристика целевой аудитории), фигурирующее в семантическом пространстве, опираясь на функционально-семантические категории модальности, оценочности, количественности и качественности, конкретизируя пространственно-временные конструкты локативности, темпоральности. Последние наиболее ярко и неоднозначно представлены в качестве характеристики адресанта, в частности, в аспекте анализа юридической информации о нем.

Исследование полисемантического аспекта рекламного текста туристской сферы является для нас наиболее привлекательным и целесообразным, так как оно еще не было «предметом специального рассмотрения в научной отечественной и зарубежной литературе, но чрезвычайно важно для семантико-прагматической организации текстов этого вида» [13; 14. С. 77, 118].

Н. Панченко, опираясь на утверждение В. Дейка, раскрыла существенные характеристики конкретных ситуаций семантического пространства текста, учитывая при этом «контекстуальную информацию, извлекаемую из социокультурной и коммуникативной ситуации и базирующуюся на общих знаниях о мире» [11. С. 62].

Туристический рекламный текст, который мы исследуем в традиционных масс-медиа — газетах

и журналах, по-разному интерпретирует указанные характеристики вышеупомянутых пространственных конструктов, при этом его интегральная языковая парадигма актуализируется через богатейший материал, обеспечивающий восприятие и понимание ядерных лингвокультурных положений, нацеленных на организацию рейтинга турагентств для потенциальных и целевых потребителей рекламных посланий. После исследования пространственной структуры туризма в целом А. И. Зырянов представляет ее в виде элементов с выделением их типов, иерархии, видовой специализации. «Палитра видов туризма отражает спектр туристского сервиса и предоставляет хорошую возможность деления туристской сферы на отрасли. В пространственную структуру следует включить и другие компоненты: ресурсы, потоки, маршруты, уровень сервиса» [5. С. 171].

Дальнейшее исследование обнаружило, что туристический рекламный текст отображает как фактические, объективно существующие сведения об определенном турагентстве и оказываемых им услугах, так и сведения ирреальные, иллюзорные. Последние актуализируют функционально-стилистические характеристики, воздействуя тем самым на адресата за счет художественно-изобразительных средств (метафоры, эпитетов и пр.) [7. С. 2]. Такие акценты существенны для функционально-прагматических характеристик любого рекламного текста, в том числе для туристического объявления, но при этом Л. Н. Леденева подчеркивает рекламные языковые средства «фонетического, графического, лексического и синтаксического уровней» [9. С. 306].

Оценка наиболее известного и в то же время классического жанра печатного медианосителя — туристического объявления — обнаружила, что его ядерными компонентами являются рекламодатель, оказываемая туристская услуга и целевая аудитория, которые функционируют параллельно в двух пространствах: аутентичном (функционально-денотативном) и моделируемом (семантическо-прагматическом). Это определяет, с одной стороны, информационно-убеждающую, с другой — воздействующе-эмотивную функции текста рекламы.

По тематике нашего исследования представляется целесообразным рассмотреть особенности значимых юридических маркеров адресанта в рамках вышеупомянутых пространственных категорий, тем более что они с большей вероятностью могут определять имидж-формирующие

показатели, транслировать культурное богатство как туристического потенциала страны [4. С. 149].

Аутентичное пространство (др.-греч. αὐθεντικός — подлинный) понимается нами как единое мультилингвальное пространство сложной семантической структуры вербального рекламного контекста, которое можно интерпретировать как антропоцентричное, репрезентирующее картины внечеловеческой данности, их сущностные конструкты. Аутентичный мир есть внешняя, реально существующая социальная среда, представляющая альтернативу ирреальной, мифологизированной. В аутентичном пространстве зафиксированы предметные номинации всех структурных звеньев туристического рекламного объявления, в т. ч. и адресанта.

Анализ показал, что характерными особенностями «аутентичности» юридической информации, включающей реквизитарный блок в контекстах, являются зафиксированные законодательно-правовые маркеры, а именно реестр документов, номенклатура учреждения, авторизирующего лицензию/реестр на право осуществлять туристскую деятельность.

Ирреальный мир — «симулякр», «гиперреальный мир видимостей (фантомов сознания)», которые не имеют к реальности прямого отношения» [3. С. 86].

«Фантомное», мифологизируемое пространство юридических атрибутивов рекламодателя основывается, прежде всего, на упомянутых облигаторных константах (адресант/турпродукт/адресат), компилирующихся с акцессорными, но чрезвычайно важными для потребителя смыслами, которые обладают индивидуально-оценочным потенциалом. Последнее особенно результативно для туристического рекламного текста с позиции лексико-семантической характеристики, понимания и раскрытия смыслов «лексико-семантических групп, полей, их типологии» [10. С. 132].

Продолжая анализировать юридический контент адресанта, отмечаем чрезвычайную значимость законодательно-правовой базы в контекстах, определяющую ее социальную оценку, «действующие нормы, их соответствие требованиям законодательной техники и допустимости реализации в целях предупреждения неблагоприятных социальных, экономических, экологических и иных последствий от недобросовестной и некачественной рекламы» [6. С. 40]. Кроме этого, важна и необходима социальная защищенность туристского продукта, самого тура, его важнейших

составляющих: питания, размещения и пр. В связи с этим А. В. Ковалева считает, что необходима экспертная оценка качества рекламного продукта (в нашем случае — туристического), лингвистическая экспертиза и др., чтобы обеспечить социальную безопасность общества [8. С. 65].

Наши наблюдения показали, что к юридическим реквизитам адресанта в туристическом объявлении относится информация, необходимая для любого текста рекламы. Юридический блок представлен в виде реквизитов-атрибутивов, располагающихся в любых структурных компонентах рекламного текста, например, в коде — «важнейшему элементу, который придает рекламе законченный вид» [12. С. 133]. Более подробно юридические реквизиты представлены ниже.

Как свидетельствует законодательная база, правом на реализацию туристической сферы, обладают не только туроператоры и турагенты, но и турфирмы, идентифицированные в Едином государственном реестре юридических лиц (ЕГРЮЛ). Кроме этого, по материалам Федерального закона «О рекламе» (статья 5, п. 1, 3 «О недобросовестной и недостоверной рекламе») и Федерального закона «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», отмечаем, что в любых печатных рекламных медианосителях должны быть ссылки-указания на номер лицензии (до января 2007 г.), номер государственного реестра (с января 2007 г.), а также наименование органа, выдавшего лицензию/реестр на разрешение туристской деятельности [15. С. 6; 16].

Поскольку эти указания не являются ключевыми, центральными, по сравнению с другими обязательными характеристиками адресанта, они традиционно располагаются в угловых частях ТРТ, слева или справа (реже — сверху и внизу) от него.

Рисунки 1 и 2 демонстрируют юридические атрибуты с указанием (в верхней полосе контекста и внизу по горизонтали) номера лицензии и органа (обычно аббревиатура-акроним), который выдал лицензию (пример 1, 2).

Рисунок 3 (слева по горизонтали, внизу) демонстрирует указание номера лицензии и сертификации на соответствие туристской деятельности, а также наименования органа, выдавшего лицензию на разрешение туристской деятельности.

Рис. 1. Юридические атрибуты адресанта в туристическом рекламном тексте

 <p>ЕКАТЕРИНБУРГСКОЕ ТУРИСТИЧЕСКОЕ АГЕНТСТВО</p> <p>Екатеринбург, ул. Первомайская, 40, тел./ф.: 777-484, 658-659, 658-148, www.eta.sky.ru, e-mail: eta@sky.ru</p> <p>Лиц. ТД000643 МЕНЕДЖИ</p>	Египет	Шарм Эль Шейх, Хургада	11	авиа	Екатер.
	Таиланд	Бангкок, Паттайя, Пхукет	11	авиа	Екатер.
	Малайзия	о. Лангави, Луала-Лумпур	10	авиа	Екатер.
	Россия	Увильды, Усть-Качка	14-21	авто	Екатер.
	Россия	Куры, Обуховский, Нижние Серги	14-21	авто	Екатер.

Рис. 2. Юридические атрибуты адресанта в туристическом рекламном тексте

Рис. 3. Юридические атрибуты адресанта в туристическом рекламном тексте

Сопутствующими метками в туристических контекстах являются такие лексемы, как «сертификат» (до 2010 г.), «реклама» (с 2010 г.) [4, С. 6].

Рисунок 4 (слева, по вертикали, внизу), рисунок 5 (справа, по вертикали, сверху).

Как свидетельствует мониторинг всех контекстов, рекламодатели/турфирмы не всегда излагают подробный список необходимых законодательно-правовых номинаций: в 179 контекстах из 1000 не зафиксирован ни один из упомянутых элементов. В 830 — обнаружены такие звенья, как номер лицензии (реестра), название

организации, которая его выдает, номинации «реклама» («на правах рекламы» и т. д.).

Рис. 4. Юридические атрибуты адресанта в туристическом рекламном тексте

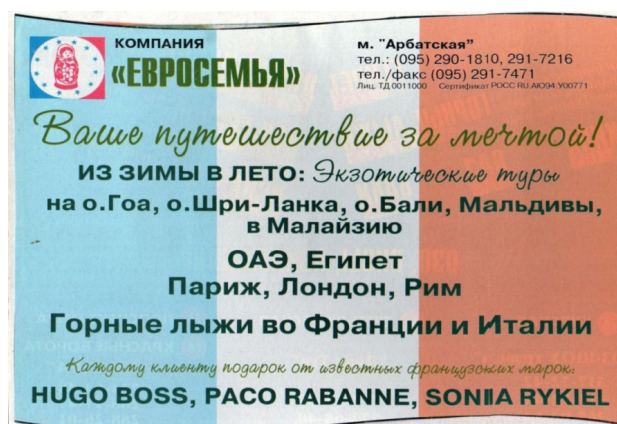

Рис. 5. Юридические атрибуты адресанта в туристическом рекламном тексте

Реквизитарный юридический блок в туристическом рекламном объявлении — чрезвычайно важный параметр в плане регулятивного престижа турагентства, потому что любой потенциальный клиент, будущий турист обязан знать, что он обратился в надежную фирму, которая обещает ему безопасный сервис и безопасное путешествие.

Однако нами было определено, что больше половины всех рекламодателей не указывают в печатных рекламных источниках весь список общепризнанных юридических номинативов.

Дальнейшее исследование обнаружило, что эмпирические характеристики ирреального пространства упомянутых юридических маркеров представлены в контекстах не всегда понятно, поэтому значение некоторых из них представляется двусмысленным.

Например, на рисунках 6 (справа, по вертикали) и 7 (там же) можно увидеть такие номинативно-аббревиатурные конструкции, представленные в кириллическом обозначении и числом/цифрой, как ЛО 59-01-001628, ТД 008186, МЭРТ РФ и пр.

Рис. 6. Юридические маркеры (вертикально, справа)

Рис. 7. Юридические маркеры (вертикально, справа)

Вышеупомянутые сокращения свидетельствуют о том, что денотативно-коннотативные агенты некоторых акронимов представляются поликодовыми, их ассоциативное поле достаточно противоречивое, в том числе для целевых групп («ЛО», «ТД»), их предполагаемые значения — лицензирующий орган, туристская деятельность).

Кроме этого, были зафиксированы сложные акронимы в контекстах: вероятно, первый компонент номинирует организацию, определяющую непосредственно реестр, его номер или номер лицензии туристского предприятия, второй компонент соотносится с локативными параметрами, указывает на конкретную топографическую территорию: «МЭРТ РФ»/«МЭРiТ РФ» (предполагаемые значения — Министерство экономического развития Российской Федерации / Министерство экономического развития и туризма Российской Федерации) и др.

Как показали данные анализа, юридические атрибуты, зафиксированные в некоторых контекстах, требуют тщательной переработки и правки, потому что их технические характеристики не совсем корректно эксплицируются в рекламных блоках: нечетко опечатана текстовая информа-

ция, малообъемные шрифтовые начертания, удаленность от центральной части сообщения и т. п.).

Понятно, что такое юридическое наполнение не является ключевым, основополагающим по сравнению с облигаторными, семантически заряженными характеристиками — презентацией самого турпродукта, но оно чрезвычайно важно для адресата в плане безопасности и надежности оказания услуги, тем более в сложившейся непростой современной ситуации, связанной с экономически нестабильным рынком в данной сфере деятельности.

Таким образом, характеристика юридических реквизитов адресанта в туристическом реклам-

ном тексте опирается на двухполюсное пространство: с одной стороны, это объективная и значимая информация для потребителя-туриста, с другой — по-разному им интерпретируемая, неясная. Для адресанта это наиболее важно, так как является его законодательной базой, а также предполагает имидж-формирующий контент, который должен актуализировать все сведения, отображающиеся в контекстах, обеспечивать полноценную достоверность фактов о предоставляемом турпродукте и своем бренде. Последнее является предметом нашего дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Амед-Устаева Д. М. Социальные сети как инструмент продвижения туристической услуги // Молодой ученый. 2019. № 16 (254). С. 159–161.
2. Асланова Д. М. Туристический текст как разновидность рекламного текста // Экономика и социум. 2021. № 2-1 (81). С. 495—498.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001. 174 с.
4. Гончарова Л. М. Непреходящие ценности: способы транслирования культурного богатства как туристического потенциала страны в рекламных текстах // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VII Междунар. науч.-практ. конф. (30 мая — 1 июня 2019 г.). Калининград, 2019. С. 149—151.
5. Зырянов А. И. Пространственная структура туризма (к статье С. А. Тархова «Пространственный подход в географии туризма» // Географический вестник. 2020. № 2 (53). С. 171—179.
6. Карягина А. В. Правовая экспертиза как фактор повышения качества законодательства о рекламе и рекламной деятельности в России // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014. № 2 (20). С. 40—42.
7. Киселева Ю. В. Функционально-стилистический аспект туристического рекламного текста // Инновации. Наука. Образование. 2017. № 5 (7). URL: <https://innovjourn.ru/nomer/7-nomer/> (дата обращения 26.10.2021).
8. Ковалева А. В. Экспертиза рекламного продукта как средство обеспеченности социальной безопасности // Society and security insights. 2018. Т. 1. № 1. С. 65—72.
9. Леденева С. Н. Функционально-прагматические свойства языковых средств рекламного дискурса // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 306—312.
10. Николаева М. Н. Типология лексико-семантического поля «Туризм» в тексте англоязычной туристической рекламы // Индустрия туризма: возможности, приоритеты, проблемы и перспективы. 2020. Т. 16. № S1. С. 132—140.
11. Панченко Н. Теория текста. URL: <http://www.https://booksonline.com.ua/view.php?book=100275&page=26> (дата обращения 27.10.2021).
12. Солтанбекова Г. А., Акимбекова Г. Ш., Акимкожаева Ш. К. Структурно-семантические особенности рекламных текстов // Интерпретация текста: лингвистические, литературоведческие и методические аспекты: материалы VIII Междунар. науч. конф. Чита: ЗабГУ, 2015. С. 132—134.
13. Старыгина Н. Ф. Способы воплощения «реального» турпродукта в рекламном туристическом тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 14. С. 77—82.
14. Старыгина Н. Ф. Нейминговые реквизиты адресанта в туристическом рекламном тексте // Инновационная наука и современное общество: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа: Аэтерна, 2015. Ч. 2. С. 118—120.
15. О рекламе: федер. закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ. М.: ОМЕГА-Л, 2006. 32 с.
16. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: федер. закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ. URL: <http://www.base.garant.ru/136248/> (дата обращения 27.10.2021).

Сведения об авторе

Старыгина Наталья Феликсовна — кандидат филологических наук, Уральский государственный лесотехнический университет. Екатеринбург. felixovna.711@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 178—183.*

MODIFYING SEMANTICS OF REQUISITE INFORMATION IN THE TOURIST ADVERTISEMENT

N. F. Starygina

Ural State Forestry University, Ekaterinburg, Russia, felixovna.711@mail.ru

The article discusses the semantic features of the legal details of the addressee in the Russian tourist advertisement, which along with obligatory (naming and reference) function in an objective, real space, but clearly indicate heterogeneous connotations that allow virtual meanings.

Keywords: *tourist advertising text, semantic space, authentic space, surreal space, addressee, legal details.*

References

1. Amed-Ustaeva D. M. (2019) *Molodoj uchenyj*, no. 16 (254), pp. 159—161 [in Russ.].
2. Aslanova D. M. (2021) *Ekonomika u sotsiy*, no. 2-1 (81), pp. 495—498 [in Russ.].
3. Baudrillard J. (2001) *Sistema veshchej* [System of things]. Moscow, Rudomino. 174 p. [in Russ.].
4. Gonharova L. M. (2019) *Neprekhodyashchiye tsennosti: sposoby translirovaniya kul'turnogo bogatstva kak turisticheskogo potentsiala strany v reklamnykh tekstakh* [Enduring values: ways of broadcasting cultural wealth as the country's tourism potential in advertising texts]. *Gymanitarnie tehnologii v sovremennom mire* [Humanitarian technologies in the modern world]. Kaliningrad. Pp. 149—151 [in Russ.].
5. Zyryanov A. I. (2020) *Geograficheskij vestnik*, no. 2 (53), pp. 171—179 [in Russ.].
6. Karyagina A. V. (2014) *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ekonomiki*, no. 2 (20), pp. 40—42 [in Russ.].
7. Kiseleva U. V. (2017) *Innovatsii. Nauka. Obrazovaniye*, no. 5 (7). URL: <https://innovjourn.ru/nomer/7-nomer/> (accessed 26.10.2021) [in Russ.].
8. Kovaleva A.V. (2018) *Society and security insights*, vol. 1. no. 1, pp. 65—72 [in Russ.].
9. Ledeneva S. N. (2017) *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (31), pp. 306—312 [in Russ.].
10. Nikolaeva M. N. (2020) *Industriya turizma: vozmozhnosti, priority, problemy i perspektivy*, vol. 16, no. S1, pp. 132—140 [in Russ.].
11. Panchenko N. *Teoriya teksta* [Theory of text], available at: <http://www.https://booksonline.com.ua/view.php?book=100275&page=26> (accessed 27.10.2021).
12. Soltanbekova G.A., Akimbekova G.S., Akimkozhaeva S.K. (2015) *Strukturno-semanticheski: osobennosti reklamnykh tekstov* [Structural and semantic features of advertising texts]. *Interpretaciya teksta: lingvisticheskie, literaturovedcheskie i metodicheskie aspekty* [Interpretation of the text: linguistic, literary and methodological aspects]. Chita, ZabGU Publ. Pp. 132—134 [in Russ.].
13. Starygina N. F. (2013) *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 14, pp. 77—82 [in Russ.].
14. Starygina N. F. (2015) *Neymingovyie rekvizity adresanta v turisticheskom reklamnom tekste* [Naming details of the addressee in the tourist advertising text]. *Innovazionnaja nayka i sovremennoe obshestvo* [Innovative Science and Modern Society]. Ufa, Aeterna. Pp. 118—120 [in Russ.].
15. (2006) *O reklame: Federalnij zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ*. Moscow, Omega-1, no. pp. 32—38 [in Russ.].
16. *Ob osnovah turistskoj deyatelnosti v Rossijskoj Federacii: Federalnij zakon ot 24.11.1996 № 132-FZ*, available at: <http://www.base.garant.ru/136248/> (accessed 27.10.2021) [in Russ.].

СИНОНИМИЯ ЛЕСОВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ (НА ПРИМЕРЕ НЕМЕЦКОГО, РУССКОГО И УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКОВ)

Г. А. Тилюлова

Ташкентский государственный аграрный университет, Ташкент, Узбекистан

Исследуются синонимические отношения, исторически сложившиеся в лесоводческой терминологии немецкого, русского и узбекского языков на основе каузального интенционального развития семантических, грамматических и словообразовательных систем генетически разнородных языков. Рассматривается деривация абсолютных и семантических субстантивных, отвербальных адъективных, гибридных и заимствованных синонимов с латыни и греческого языка, анализируются идентичные и отличительные аспекты синонимии трех языков. Проведена сопоставительная характеристика исконной, деривативной и синонимической терминологии ряда направлений лесоводческой лексики немецкого, русского и узбекского языков.

Ключевые слова: лесоводческая терминология, межъязыковая синонимия, исконные, заимствованные термины, абсолютные, семантические синонимы.

В языковой системе формы лексико-семантических отношений такие как ономимия, синонимия и гипонимия служат для обогащения словарного запаса и обеспечения функционального разнообразия речи. Как известно, языковая система, в частности, терминологическая, строится на парадигматических (ассоциативных), синтагматических и деривационных типах отношений между языковыми единицами. Этот языковой аспект в исследовательском плане все еще остается недостаточно изученным. По мнению Л. А. Новикова структуру парадигматических отношений составляют «...прежде всего синонимические, антонимические, полисемические, таксономические связи» [9. С. 3—7]. Л. А. Новиков четко сформулировал четыре парадигматических отношения, которые широко изучаются в терминологической системе.

О причинности и системности парадигматических связей О. В. Загоровская пишет следующее: «Парадигматические отношения — это отношения, связывающие элементы языка на основе общности по форме, смыслу или по тому и другому одновременно. Парадигматические отношения как отношения межлексического уровня постулируют отдельность слова в ряду сопоставимых с ним словесных единиц по принципам понятия, отраженным в лексическом значении слова, и по различиям формы слов» [2. С. 43]. Конечно, в синонимии большое значение имеет лексическое значение слова.

На сегодняшний день по видам лексико-семантических отношений в качестве научного обобщения выделяется статья Лотхара Лемница. «Ономазиологические словари и лексико-семантические принципы их составления» представляет собой серьезное научное обобщение семантических отношений в системе лексической парадигматики. В связи с тем, что статья написана «на основе работ Джона Лайонза, Стефана Ульмана, Хёрста Грейма, Чаффина Роджерса, а в изысканиях Джона Лайонза и Стефана Ульмана нашли своё отражение достижения славянского (русского) языкознания (в частности, работы Д. Н. Шмелёва и Ю. Д. Апресяна), ее можно назвать значимым трудом в европейской лингвистике в исследовании структуры лексико-семантических отношений» [8. С. 14]. По мнению Т. Н. Данькова, «...синонимия, особенно характерна для ранних этапов формирования терминологической системы, когда еще не произошел естественный (или искусственный) отбор лучшего термина и сосуществуют многие предложенные варианты терминологического наименования» [1. С. 32—46]. А. В. Крыжановская отмечает, что «использование синонимов нередко вызывает неуверенность в обозначении разными словами одного и того же понятия и приводит к затруднению взаимопонимания» [3. С. 17]. После проведения ряда исследований Д. С. Лотте утверждал, что «...в терминологии многозначность и синонимия вредны, следовательно, по мере возможности следует не

допускать их» [5. С. 21]. Исходя из вышесказанного, наличие синонимии в терминологии не является приемлемым явлением, и эта закономерность в русском языке превратилась в практически неукоснительное правило.

В контексте использования синонимии в научном стиле ее семантический код не допускает вариаций, тогда как в остальных стилях этот запрет не актуален. Данное общетеоретическое положение можно трансформировать в сферу лесоводческих терминов русского, немецкого и узбекского языков, являющихся объектом нашего сопоставительного исследования.

К настоящему времени исследования лесоводческих терминов в данных языках находятся на различной стадии своего развития. Если русская и немецкая лесоводческая терминология отличаются своей теоретической разработанностью, то узбекская лесоводческая терминология еще не была объектом специального научного исследования. Исходя из этого, остро стоит вопрос создания теоретической основы и исследования узбекской лесоводческой терминологии именно в сопоставительном аспекте, так как в формировании узбекской лесоводческой терминологии наблюдается непосредственное влияние русского и опосредованное воздействие немецкого языков. Лесоводческие термины представляют собой специфическую группу лексики, присущую только данной сфере и образующую единую парадигматическую систему.

При проведении сопоставительного исследования лексического состава лесоводческой терминологии трех указанных языков были отмечены случаи проявления многозначности и синонимии. Данные языковые явления встречаются при обозначении составных частей деревьев и кустарников, а также действий и статических состояний, связанных с ними.

Так, например, в профессиональной лексике лесоводов Узбекистана имеется термин «тоза кесиш» в русском языке он представлен в форме «очистная вырубка», в немецком языке имеется два понятия образующих синонимическую пару «*der Abräumungsschlag* и *der Abräumungsschieb*». Можно привести множество таких примеров. Однако синонимы в лексическом пласте языка, лишённые всяких различий, в большинстве случаев ликвидируются в процессе развития языка, который испытывает семантико-стилистические изменения [4. С. 124]. Сужение сферы использования одного из синонимических слов может

происходить в результате редкого использования этого слова в языке. Признание синонимии в терминологических системах свидетельствует о том, что природа синонимических отношений в языке и терминологии разные.

В синонимии смысловые отношения слов считаются определяющим их основным условием. Если определяющим основным условием является смысловое отношение слов, то это однозначность, близость или схожесть? М. М. Миртожиев отмечает, что синонимы делятся на два типа, которые различаются тем, в каком смысловом взаимоотношении находятся слова: 1) синонимы, где смысловые отношения слов основываются на одинаковости, являются абсолютными синонимами; 2) синонимы, где смысловые отношения слов основываются на полной тождественности, являются семантическими синонимами [7. С. 190—198]. В работах А. Мадвалиева они называются дублетными синонимами [6. С. 88]. По мнению А. Мадвалиева, «интернациональные термины, пришедшие в узбекский язык, разделяются на две группы: а) интернациональные термины, пришедшие в готовом виде из западноевропейских языков в русский язык и через него — в узбекский язык; б) термины, созданные на основе международных терминологических элементов, но на базе русского языка. При создании терминов этого последнего типа или в процессе принятия некоторых интернационализмов полукалькой препозитивные международные терминологические элементы сочетались с русскими словами и образовали группу слов отдельного типа — гибридные слова» [6. С. 49]. Поддерживая данное мнение, назовем такие слова «гибридными словами, состоящими из разноязычных элементов».

Лексико-семантические отношения, например, в синонимии терминов образуются из компонентов, включающих в себя одинаковый термин. Среди лесоводческих терминов особенно часто встречаются абсолютные термины.

Абсолютные субстантивные немецко-русские межъязыковые синонимы:

— *der Anbau* — зарубка, надрубка начало рубки, (кертик, кертма белги);

— *der Antrieb* — зарубка, надрубка начало рубки, (кертик, кертма белги);

— *der Anschnitt* — зарубка, надрез, (кертик, кертма белги);

— *der Einschnitt* — зарубка, надрез, (кертик, кертма белги).

Лексическое значение слов и словосочетаний «зарубки, надрезы на стволах деревьев».

Абсолютные вербальные синонимичные слова:

- abforsten — вырубать лес (дарахтни кесмоқ);
- ausholzen — вырубать лес (дарахтни кесмоқ);
- entholzen — вырубать лес (дарахтни кесмоқ).

Абсолютные адъективные синонимы:

- blattartig — листообразный (баргсимон);
- laubartig — листообразный (баргсимон);
- blattförmig — листообразный (баргсимон);
- blättrig — листообразный (баргсимон).

Вся лесоводческая лексика в статье взята из словарей [13; 14].

Результаты анализа показывают, что абсолютные синонимы с одинаковыми семантическими отношениями представлены одним словом в русском и узбекском языках и двумя и более словами в немецком языке.

М. К. Хакимова выражает мнение, что в синонимических рядах, состоящих из абстрактных прилагательных, дифференциация значений различается объемом данного понятия, а также степенью известности слов и сферой их применения [11. С. 26]. Данное мнение в определенном смысле очень правильно, так как точно показывает употребления имен прилагательных по отношению к людям и неживым предметам, сфере применения слова.

— Blumentragend — многоцветковый (сергул), blumenreich — многоцветковый (сергул);

— blütendoldig — зонтиконосный (тўпгулли), schirmförmig — зонтиконосный (тўпгулли).

Эти слова имеют одинаковое значение в русском и узбекском языках, но насчитывают ряд синонимов в немецком языке. Однако, это свидетельствует о том, что данные слова имеют одно значение, и у них общая сфера применения.

По мнению М. М. Миртожиева, лексические значения не бывают абсолютно равными [7. С. 198]. В семантических синонимах все семы лексических значений слов: архисема, интегральная сема, дифференциальная сема должны быть одинаковыми. Слова «корчевать», в немецкой лесоводческой лексике reuten (ковламоқ) и rotten (ковламоқ). Несмотря на то, что у двух глаголов разные формы, их семы одинаковые. Два глагола abforsten, anholzen означают рубить (дерево). Однако, если слово abforsten означает «срубить целое дерево», то anholzen — «удалять сучья», хотя семантически они близки друг к другу, они не образуют между собой семантическую синонимию. Дифференциальные семы лексического значения глагола abforsten — «срубить целое дерево», а дифференциальные семы лексического значения

глагола anholzen — «обрубание ветвей и сучков», при которой дерево не вырубается полностью, дерево продолжает расти, это означает только освобождение его от ненужных ветвей. В таком случае оба слова отличаются друг от друга. Значит, все семы в данных синонимичных словах не одинаковы. Из этого следует, что определенные лексические значения слов в составе семантических синонимов по ядерным семам бывают неодинаковыми.

Н. Н. Сперанская исследовала функционально-семантические особенности синонимов и антонимов, связанных с названиями деревьев [10. С. 12]. Существуют синонимичные термины для названия деревьев (дендронимов), учитывающие идентичные аспекты с каким-либо предметом, напр.: die Silberweide — ива белая, оқ тол; silber в переводе с немецкого на узбекский означает название металла «серебро» и die Weide «ива». Так как цвет серебра очень близок к белому цвету, то die Silberweide означает белую иву. При этом die Weißweide также означает белую иву. Следовательно, die Silberweide и die Weißweide являются семантическими синонимами. Синонимия составных терминов-синонимов характеризуется своей продуктивностью среди лесоводческих терминов. Только листопад находит свое выражение в следующих терминах на немецком языке: der Blätterfall, der Laubfall, der Laubabfall.

Р. Шаропова, изучая синонимию общественно-политической терминологии выделила две группы синонимов: 1. Синонимия исконных или образованных терминов. 2. Синонимия составных терминов [12. С. 16]. По этому образцу мы тоже выделили такой ряд синонимов в немецком, русском и узбекском языках.

Синонимия исконных терминов в названиях деревьев:

— die Quicke — die Quitze — рябина обыкновенная (четан);

— die Aspe — die Espe — осина (тоғтерак, ансол);

— die Ulme — der Rüster — вяз, ильм (қайрағоқ);

— die Kiefer — die Föhre — сосна (тоғ қарағайи);

— die Fahre — die Forle — сосна обыкновенная (оддий қарағай).

Синонимия исконных терминов в селекции лесоводства:

— die Blume — die Blüte — цветок (гул);

— das Blatt — das Laub — лист (барг).

Синонимия исконных терминов, связанных с названиями болезней, которые встречаются в деревьях:

— der Rost — der Schimmel — ржавчина (болезнь растений), занг касаллиги.

Синонимия исконных терминов, связанных с названиями вредителей деревьев:

— der Spinner — die Glucke — шелкопряд (ипак курти).

Синонимия образованных терминов в дендронимах:

— die Bergkiefer — die Alpenföhre — сосна горная (тоғ карағайи).

Синонимия образованных терминов по селекции:

— die Blumendolde — die Blütendolde — зонтик (тўпгул).

Синонимия образованных терминов, связанных с названиями болезней, которые встречаются в деревьях:

— die Bräune — die Braunfäule — бурая гниль (чириш).

Синонимия образованных терминов, связанных с названиями вредителей деревьев:

— die Holzkäfer — die Holzböcke — дровосеки усачи (мўйловдор қўнғизлар).

Синонимия составных терминов в дендронимах:

— gemeine Eberesche — wilde Spierling — рябина домашняя (оддий четан);
— stumpfblättriger Ahorn — weißer Ahorn — белый клён (ок заранг).

Синонимия составных терминов по селекции:
— echtes Eisenkraut — gebräuchliches Eisenkraut — вербена лекарственная (доривор тизимгул).

Синонимия составных терминов, связанных с вредителями деревьев:

— großer Kornrüsselkäfer — großer Fichtenrüsselkäfer — большой сосновый долгоносик (катта карағай узунтумшуғи).

Некоторые составные термины вступают в синонимические отношения (табл. 1).

Таблица 1

Синонимичный ряд составных лексем

№	Составной термин	Составной термин	На русском языке	На узбекском языке
1	ausgebuchtetes Blatt	ausgezwicktes Blatt	выемчатый лист	ўйиқ-ўйиқ барг
2	feinhaariges Blatt	flaumhaariges Blatt, weichhaariges Blatt	пушистый лист	майин барг
3	gegliedertes Blatt	gefiedertes Blatt	перистый лист	патсимон барг
4	wellenförmiges Blatt	welliges Blatt	волнистый лист	қат-қат барг

Следовательно, в немецком, русском и узбекском языках не наблюдаются лексические различия составных терминов, а наоборот, выявлено наличие похожих сторон. Сочетание прилагательных с существительными свидетельствует о том, что в двух чужих друг к другу языках очень много сходств.

В лесоводческой терминологии один из синонимов обычно является иноязычным заимствованием. Многие иностранные слова, термины были заимствованы, адаптированы, калькированы, переведены в русских и узбекских языках, став таким образом семантическими синонимами. Специалист без затруднений понимает и применяет подобные слова [15. С. 160]. Такой вид синонимии часто встречается среди лесоводческих терминов. Слова die Adaptation «адаптация, приспособление» — лексема латинского происхождения adaptatio, является немецким заимствованием, которое заимствовано в узбекский через русский язык. Термин хулем — «ксилема, древесина» — является немецким заимствованием из греческого хυλον через русский язык. Данный

термин впервые был использован в науке Карлом Нэгели в 1858 году [16. С. 368].

Международная терминология относится в основном к греческому и латинскому языкам, которые считаются классическими языками. Известно, что греческий и латинский языки являются частью древних индоевропейских языков. Их влияние на родственные языки, то есть на языки этой семьи, велико. Следовательно, основным источником международной лексики, возникшей в современных языках, являются греческий и латинский языки. В лесоводческой терминологии существуют такие термины, напр.:

— das Phloem — флоэма, «трубкообразная длиноволокнистая кора деревьев и растений, которая служит обмену органического вещества», взята из греческого phloios;

— латинские лексемы flora — флора, растительный мир, fauna — фауна, животный мир, являются немецкими заимствованиями через русский язык;

— die Xerophyten — ксерофитлар, взят из древнегреческих слов kseros — «сухой», phyton —

«растение» и означает «деревья и кустарники, приспособленные для выращивания в районах с сухим климатом, где не хватает влаги».

— die Hygrophyten — гигрофитлар, от греческого hygros влажный phytos растение, «не устойчивые к засухе растения, которые растут во влагообильных землях»;

— die Mesophyten — мезофитлар, «растения, приспособленные в среднеувлажненных почвах»;

— die Mikrospore — микроспора, от греческого micros малый spora семя, «орган размножения бесцветковых растений и некоторых одноклеточных живых существ»;

— die Myrte — от латинского myrtus — мирта, «вечнозеленое благоухающее кустарниковое растение»;

— der Parasitismus — паразитизм, от греческого parasitos — паразит, означает «существование одного организма за счет другого организма»;

— die Autogamie, Selbstbefruchtung — автогамия, от греческого autos — сам, gamos — пара, «самоопыление»;

— die Allogamie — Fremdbefruchtung, от греческого allos — чужой, gamos — пара — «опыление с помощью насекомых»;

— das Kambium — камбий, от латинского cambium — замена, «ткань под корой растений, которая состоит из делимых клеток»;

— die Isophene — изофенлар, изофены, черта (для особенностей начала любых фенологических фаз, виды растений составляют изофены или карты, также черты одновременно связывают их начальные точки), синонимичные термины;

— die Akklimatisation, die Akklimatisierung — акклиматизация; обозначает приспособление организмов к новым или изменившимся условиям, при котором они, пройдя все этапы развития, оставляют жизнеспособное потомство. Означает возможность акклиматизации культурных растений, а также деревьев. Не следует стараться заменять ряд слов, которые давно в оригинальной форме укоренились в русском и узбекском языках.

Названия кустарников, которые составляют наибольшие синонимические ряды в немецком языке (табл. 2).

Названия деревьев, которые составляют наибольшие синонимические ряды в немецком языке (табл. 3).

Таблица 2

Синонимический ряд дендронимии бузины

№	Немецкие названия кустарников	Русские названия кустарников	Узбекские названия кустарников	Латинские названия кустарников
1	Aalohrenbaum	Бузина	Маржон-дарахт	Sambucus nigra L.
2	Aalshornbaum			
3	Alhornbaum			
4	Flieder			
5	Fliederbaum			
6	schwarzer Holder			
7	Holler			

Таблица 3

Синонимический ряд дендронимии пушистой берёзы

№	Немецкие названия деревьев	Русские названия деревьев	Узбекские названия деревьев	Латинские названия деревьев
1	die Besenbirke	Берёза пушистая	Момик қайин	Betula pubescens Ehrh
2	die Haarbirke			
3	die Maieunbirke			
4	die Maieunbirke			
5	die Moorbirke			
6	die Maserbirke			
7	die Rauhbirke			
8	die Steinbirke			
9	die nordische Weißbirke			
10	die Winterbirke			

Если не использовать эффективно синонимию, которая, с точки зрения классического языкознания является негативным явлением для терминов, они могут выйти из оборота речи.

В немецком языке один из синонимичных терминов, обозначающих болезни деревьев, может выражаться сочетанием, а другой — термином из одного слова:

— lokale Epiphytotie — махаллий, эпифитотлар — Enphytotie энфитотлар (развитие лесных заболеваний в ограниченной территории);

— allgegenwärtige Epiphytotien — эпифитотлар, которые встречаются везде, Lanfototia — ланфитотлар (лесные заболевания, которые одновременно встречаются на обширных территориях);

— phytopathogene Nematoden — фитопатоген нематодлар — Phytohelminths фитогельментлар (возбудители некоторых заболеваний). Данные синонимичные термины включают элементы общих фитотерминов.

Названия лесных растений и вредителей употребляются наряду с международными латинскими эквивалентами. Причина употребления латинских эквивалентов заключается в том, что они известны и понятны для специалистов. Синонимы в составе лесоводческой терминологии имеют лексико-семантические связи.

Как в вышеприведенных анализах терминологические синонимы, однокомпонентные немецкие термины в русском и узбекском языках соответствуют однокомпонентным латинским эквивалентам, напр.: die Birke — берёза — қайин (Betula L.), der Taxusbaum — тисс — зарнаб (Taxus L.), die Berberitze — барбарис — зирк (Berberis L.), die Maiblume — ландыш — марваридгул (Convallaria L.), die Maikäfer — майский хрущ — тиллақўнғизлар (Anobiidae.), die Blattlaus — тля — барг шираси (Aphis L.).

Таким образом, синонимия широко распространена в лесоводческой терминологии, причём причины происхождения синонимов связаны с методами формирования терминологической системы. Это свойственно всем формам проявления синонимии, особенно начальным этапам формирования терминологической системы. Существующие до настоящего времени термины появились и являются на основе множества вариантов с естественным и искусственным отбором терминов,

предложенных специалистами. Еще один аспект: русские, узбекские и немецкие ученые, обогатившие науку своими идеями, стремились использовать в качестве термина слова общего (часто диалектного) происхождения узбекского, немецкого и русского языков, в результате чего в научной литературе появились названия растений, почв, лесных принадлежностей, видов лесов. По этим причинам, в некоторых областях лесоводства появился ряд синонимичных терминов, напр.: weicher Humus — мягкий гумус, у первого термина латинское происхождение: humus — почва, а второй компонент является немецким словом. В лесоводческой терминологии весьма широко используется слово der Waldtyp, которое означает разделение деревьев в лесу и в составе других растений по видам. На основе этого дано название каждому виду леса, напр.: Der Birkenwald — березняк (қайин ўрмони, қайинзор), das Eichenkrummholz — дубовый, кривой лес (эманзор, эман ўрмони), der Laubnadelwald — лиственно-хвойный лес (игнабаргли қандағоч ўрмони) и т. д. Слова der Wald, der Forst — лес (ўрмон), das Gebirge, der Berg — гора (тоғ) являются синонимами друг другом. В настоящем примере мы указали, что слова гора и лес (тоғ ва ўрмон) в немецком языке выражаются двумя словами и образуют синонимический ряд, а также в русском и узбекском языках этот термин применяется как словосочетание горный лес (тоғ ўрмони).

Результаты анализа показали, что синонимия широко используется в лесоводческой терминологии и что абсолютные синонимы с одинаковыми семантическими отношениями представлены одним словом в узбекском и русском языках и двумя и более словами в немецком языке. С другой стороны, семантические синонимы менее продуктивны в лесоводческой лексике. Кроме того, синонимические отношения составных терминов в немецком языке более продуктивны, чем в русском и узбекском языках. Большая часть иностранной лесоводческой лексики была ассимилирована с русского на узбекский без калькировки. Был также сделан вывод о том, что лесная терминология формировалась последовательным использованием латино-греческих терминов, заимствованных в узбекский через посредство русского языка.

Список литературы

1. Данькова Т. Н. Основные этапы формирования и развития русской сельскохозяйственной терминотерминосистемы // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. Воронеж: Науч. кн., 2008. Вып. 3. С. 32—46.
2. Загорская О. В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. 300 с.
3. Крыжановская А. В. Сопоставительное исследование терминологии современных русского и украинского языков: проблемы унификации и интеграции. Киев: Наукова думка, 1985. 204 с.
4. Лагутина А. В. Абсолютные синонимы в синонимической системе языка // Лексическая синонимия. М.: Наука, 1967. С. 121—129.
5. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: АН СССР, 1961. 157 с.
6. Мадвалиев А. Ўзбек терминологияси ва лексикологияси масалалари. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2017. 384 б.
7. Миртожиев М. М. Ўзбек тили семасиологияси. Тошкент: Мумтоз сўз, 2010. 288 б.
8. Ньматов Ҳ., Вохидова Н., Юнусова И. Лексик-семантик муносабатлар сўзни нутққа киритиш категорияси сифатида // Тилшуносликнинг долзарб масалалари. Тошкент, 2006. 244 б.
9. Новиков Л. А. Семантическое поле как лексическая категория // Теория поля в современном языкознании. Уфа: БГУ, 1991. Ч. 1. С. 3—7.
10. Сперанская Н. Н. Лесохозяйственная терминология: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984. 16 с.
11. Хакимова М. К. Ўзбек тилида абстракт номлар семантикаси: автореф. дис. ... филол. фан. докт. Ташкент, 2019. 26 с.
12. Шаропова Р. Ўзбек тили ижтимоий-сиёсий терминларининг семантик-структур хусусиятлари ва лексикографик талқини: автореф. дис. ... филол. фан. ном. Қарши, 2019. 16 с.
13. Немецко-русский сельскохозяйственный словарь. Около 110 000 терминов. М.: Русский язык, 1987.
14. Пасхин Н. Ф. Deutsch-russisches Forstwörterbuch. М.: Гослесбумиздат, 1959.
15. Buvat Roger. Phloem, Ontogeny, Cell Differentiation, and Structure of Vascular plants. 1989. 581 P. URL: <https://www.springer.com/gp/book/9783642736377> (дата обращения 19.08.2021).
16. Гулямова Г. Общеправовой тезаурус — фактор, обеспечивающий моносемантическую терминов // Вестник юридических наук. 2018. № 3. С. 158—162.

Сведения об авторе

Тилова Гавхар Абдахатовна — старший преподаватель кафедры языков Ташкентского государственного аграрного университета, Ташкент, Узбекистан. gavhar.tilovova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 184—191.

SYNONYMY OF FORESTRY TERMS (EXEMPLIFIED BY THE GERMAN, RUSSIAN AND UZBEK LANGUAGES)

G. A. Tilovova

Tashkent State Agrarian University, Tashkent, Uzbekistan. gavhar.tilovova@mail.ru

The article examines the synonymous relations that have historically developed in the forestry terminology of the German, Russian and Uzbek languages on the basis of the causal intentional development of semantic, grammatical and word-formation systems of genetically heterogeneous languages. Derivation of absolute and semantic substantive, verbal adjective, hybrid and borrowed synonyms from Latin and Greek is considered, identical and distinctive aspects of synonymy of the three languages are analyzed. A comparative characteristic of the original, derivative and synonymous terminology of a number of areas of forestry vocabulary of the German, Russian and Uzbek languages is carried out. Synonymy of the terms primitive, artificial and compound in German is found to be common among tree and shrub names (dendronyms), and inefficient in terms related to forest selection, forest entomology, forest phytopathology.

Keywords: *forestry terminology, interlingual synonymy, original, borrowed terms, absolute, semantic synonyms.*

References

1. Dan'kova T. N. (2008) Osnovnye etapy formirovaniya i razvitiya russkoy sel'skoxozjaystvennoy termino-sistemy [The main stages of the formation and development of the Russian agricultural terminology system]. *Sovremennye problem lingvistiki i metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v vuze i shkole* [Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language in universities and schools]. Voronezh, Nauch. kn. Issue 3. P. 32—46 [in Russ.].
2. Zagarovskaya O. V. (1990) Semantika dialektного slova i problemy dialektной leksikografii [Semantics of the dialect word and problems of dialect lexicography]. Moscow, AN SSSR. 300 p. [in Russ.].
3. Krizhanovskaya A. V. (1985) Sopostavitel'noe issledovanie terminologii sovremennyx russkogo i ukrain-skogo yazykov: problem unifikacii i integracii [Comparative study of the terminology of modern Russian and Ukrainian languages; problems of unification and integration]. Kiev, Naukova dumka. 204 p. [in Russ.].
4. Lagutina A. V. (1967) Absolyutnye sinonimy v sinonimicheskoy sisteme yazyka [Absolute synonyms in the synonymous language system]. *Leksicheskaya sinonimiya* [Lexical synonymy]. Moscow, Nauka. P. 121—129 [in Russ.].
5. Lotte D. S. (1961) Osnovy postroeniya nauchno-texnicheskoy terminologii [Fundamentals of building scientific and technical terminology]. Moscow, AN SSSR. 157 p. [in Russ.].
6. Madvaliev A. (2017) Uzbek terminologiyasi va leksikologiyasi masalalari. [Issues of Uzbek terminology and lexicology]. Tashkent, Uzbekiston milliy ensiklopediyasi. 384 p. [In Uzbek].
7. Mirtozhiev M. M. (2010) Uzbek tili semasiologiyasi. [Semasiology of the Uzbek language]. Tashkent, Mumtoz soz. 288 p. [In Uzbek].
8. Nematov H., Vohidova H., Yunusova I. (2006) Leksik-semantik munosabatlar sozni nutqqa kiritish kat-egoriyasi sifatida [Lexical-semantic relations as a category of word introduction]. *Tilshunoslikning dolzarb masalalari* [Current issues of linguistics]. Tashkent. 244 p. [In Uzbek].
9. Novikov L. A. (1991) Semanticheskoe pole kak leksicheskaya kategoriya [Semantic field as a lexical category]. *Teoriya polya v sovremennom yazykoznanii* [Field theory in modern linguistics]. Ufa, BSU. Part 1. P. 3—7. [in Russ.].
10. Speranskaya N. N. (1984) Lesoxozyaystvennaya terminologiya [Forestry terminology. Abstract of the-sis]. Leningrad. 16 p. [in Russ.].
11. Hakimova M. K. (2019) Uzbek tilida abstract nomlar semantikasi. [Semantics of abstract names in Uz-bek. Abstract of thesis]. Tashkent. 26 p. [In Uzbek].
12. Sharopova R. (2019) Uzbek tili izhtimoiy-siyosiy terminlarining semantic-struktur xususiyatlari va leksikografik talqini [Semantic-structural features and lexicographic interpretation of socio-political terms of the Uzbek language. Abstract of thesis]. Karshi. 16 p. [In Uzbek].
13. (1987) Nemetsko-russkiy selskoxozyaystvennyy slovar. Okolo 110 000 terminov [German-Russian Agri-cultural Dictionary. About 110,000 terms]. Moscow, Russkiy yazyk.
14. Pashin N. F. (1959) Deutsch-Russian Forstwörterbuch. Moscow, Goslesbumizdat.
15. Buvat Roger. (1989) Phloem. Ontogeny, Cell Differentiation, and Structure of Vascular plants. 581 p., available at: https://books.google.co.uz/books/about/Ontogeny_Cell_Differentiation_and_Struct.html?id=RH7wAAAAMAAJ&redir_esc=y (accessed 19.08.2021).
16. Gulyamova G. (2018) *Vestnik yuridicheskix nauk*, no. 3, pp. 158—162.

ОТРАЖЕНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ СКРЫТОГО СМЫСЛА КОЛЛОКВИАЛИЗМОВ-ЗООНИМОВ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ

А. В. Фалеева

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан

Рассматривается проблема отражения скрытого смысла названий некоторых представителей животного мира и связанных с ними понятий. Особое внимание уделено влиянию ассоциативных образов, гендерного фактора, лингвокультурологических предпосылок на формирование основной семантической нагрузки коллоквиализма. Автор характеризует переосмысление семантической нагрузки с позитивной или негативной оценкой в устойчивых сочетаниях с компонентом-зоонимом.

Ключевые слова: *коллоквиализм, разговорный пласт языка, зооним, коллоквиальная лексика, лексикографические источники, гендер.*

Актуальность темы исследования обуславливается возросшим интересом лингвистов всего мира к анализу и сбору данных по отдельным тематическим группам коллоквиализмов для своевременного изучения их влияния на установившиеся лингвистические стандарты. Образование новых слов и переосмысление значений уже имеющихся выражений в разговорной речи приводит к частичной, а иногда и полностью ложной трактовке коллоквиализмов, непониманию контекста. Широкомасштабное исследование английских разговорных коллоквиализмов с компонентом-зоонимом становится одной из ведущих проблем, требующей тщательного изучения в силу большого объема неохваченной информации.

Научная новизна исследования заключается в выявлении современного состояния коллоквиализмов-зоонимов на лексико-семантическом уровне разговорного английского языка с учетом данных, предоставляемых в рамках словарной дефиниции печатных и электронных словарей, в изучении скрытого смысла коллоквиальных слов и выражений при раскрытии влияния гендерных, национальных, лингвокультурологических, географических факторов в современных лексикографических источниках. Антропоцентрическое ориентирование исследования позволяет реализовать наиболее полное представление истинной лексикографической картины анализа и систематизации разговорных слов и выражений с компонентом-зоонимом в период нового вектора развития английского языка в качестве лингва франка.

В освещении темы исследования использованы описательный, системно-структурный, когнитивный, классификационный методы анализа.

Использование коллоквиализмов со скрытым смыслом позволяет образно, лаконично и метко выразить определенную информацию. При этом учитываются контекстуальные особенности, ситуативное использование, экстралингвистические факторы. В работе Т. М. Беляевой и В. А. Хомякова рассматриваются причины появления скрытого смысла в коллоквиальной лексике. Авторы отмечают, что различные слои общества, далекие от доминантной общественной группы, стремятся к самовыражению и создают оппозицию на уровне языковых средств выражения. Помимо этого, субкультуры посредством дифференциации субстандартной лексики от общепринятого языка пытаются скрыть информацию. Кроме всего вышeperечисленного, субстандартная лексика служит инструментом для экономии языковых средств и придает речи эмоциональную окраску [1. С. 47].

Разговорный английский язык насчитывает значительное количество коллоквиализмов-зоонимов со скрытым смыслом, что объясняется метафорическим переносом внешних параметров, поведения, качеств животных на человека и окружающую его действительность. В ходе анализа коллоквиализмов-зоонимов в лексикографических источниках были выявлены некоторые лексико-семантические особенности.

Основная семантическая нагрузка коллоквиализма-зоонима зачастую тесно связана с первичным общепринятым значением слова, с ассоциациями,

возникающими при проведении параллели между образом представителя животного мира и разговорным значением. Так, анализируя семантику слова *beast*, не включая в границы исследования коллоквиальное значение, выявляем толкование “дикий зверь” в качестве базового. При рассмотрении данного значения становится возможным выделение негативного оттенка в словах из указанной дефиниции. Приведем примеры нескольких синонимов к слову *дикий* для прогнозирования его возможного разговорного значения. Ср.: *неотесанный, жестокий, сатанический, грубый, безумный, первобытный, нелюдимый, неприрученный, ужасающий* и т.д. и соответствующие синонимы к слову *зверь* — *хищник, чудовище, изверг, живодер, садист* и т.д. Таким образом, данный анализ показал возможное прогнозирование семантики для разговорного значения слова с отрицательной оценкой. *Beast* в “Современном англо-русском словаре живого английского языка” С. В. Семиволковой подается в следующих значениях: “1. сексуальный маньяк”, 2. отвратительный предмет, 3. отвратительный тип, 4. дьявол (эвфемизм) [2. С. 840]. Все значения основываются в большей степени на базовом определении “дикий зверь”, вобрав отрицательную характеристику для описания одушевленных и неодушевленных понятий. Подобная характеристика справедлива относительно иных частей речи, образованных от *beast*. Ср.: *bestly* — прилагательное со значением “злой, отвратительный”. Другими примерами по ассоциативным признакам могут служить: *ferret* (“хорек”) в следующих значениях: “неутомимый искатель, неутомимый исследователь, добывать информацию” [2. С. 846] (ассоциация по основному роду занятий), *turtle* (“черепаха”): *turtles* — “перчатки”, *turtle neck* — “водолазка” [7] (ассоциация кожи черепахи с одеждой); *woodpecker* (“дятел”) — “автомат” (ассоциация по звуку) [2. С. 857], *pony* (“пони”) — “небольшая порция спиртного, 25 фунтов стерлингов” [8], *mouse* (“мышь”) — “мышка компьютера” [6] (ассоциация по размеру, перенос некоторых внешних параметров одушевленного животного на неодушевленный предмет); *mule* (“мул”) — “перевозчик наркотиков” (ассоциация с перевозками грузов, товаров) [10].

Ассоциации могут возникать по нескольким параметрам. Ср.: *weasel* (“горноста́й”) — “доносчик, доносить, выслеживать”, *weasel (and stoat) = coat* — “теплая куртка”, *weasel out* — “улизнуть”, *weasel word* — “дезинформация, обман” [2. С. 768].

Используются ассоциации с “теплой курткой” из-за меха животного, а также ассоциации, связанные с “выслеживанием и доносами”, ориентированные на способ охоты горноста́я при выслеживании жертвы, изменения цветового окраса меха животного в зимние и летние сезоны. Ассоциации со значением выражения *weasel word* — “дезинформация, обман” связаны с так называемым смертельным танцем горноста́я. При этом задействуется гипнотическое действие, когда животное с помощью обманных движений приближается к жертве, неожиданной нападения. Таким образом, различные ассоциации, связанные с внешним видом, образом жизни, повадками животных рожают несколько значений и увеличивают количество фраз, употребляемых с компонентом-зоонимом в коллоквиализмах. Другим примером может служить *bug* (“маленький жук, насекомое”) со значениями “инфекционное заболевание”, “скрытый микрофон для подслушивания” [11].

Переосмысление семантической нагрузки в позитивную или негативную сторону становится частым лингвистическим явлением в английской разговорной речи в силу двойственного, субъективного подхода при описании человеческих качеств, внешности. Так, фразовый глагол *beaver away* со значением “напряженно работать, вкалывать” [2. С. 840] и существительное *eager beaver* — “выскачка, чрезмерно старательный работник” [2. С. 840], хотя и содержат общий компонент *beaver* (“бобр”), но противоположны по оценке труда. Возможность таких вариаций в положительной/отрицательной оценке объясняется, главным образом, позицией человека. Так, если человек сам привык работать длительное время, он будет положительно оценивать и других людей, придерживающихся подобного графика работы, не вкладывая отрицательные характеристики подобно “выскачке” при описании жизненной стези. Однако, лица, придерживающиеся другого ритма жизни, не смогут понять подобного рвения к работе. Они будут в негативном ракурсе воспринимать чуждые им жизненные приоритеты. Данный анализ носит прагматический характер. Рассмотрение исключительно традиционных подходов к лингвистическому анализу позволяет положительно оценить семантическую вариацию в сторону положительных или отрицательных оценок по причине расширения границ значения, активного пополнения лексического пласта разговорного английского языка новыми словами, увеличения возможности описания предметов, явлений или

субъектов с использованием одних образов, раскрытия их различных характеристик в контексте, наслоения экстралингвистических причин, открытия границ для широкого лингвистического анализа семантического взрыва среди коллоквиализмов.

Хотя значение большинства коллоквиализмов становится возможным определить с помощью ассоциативного анализа, накопленного общего кругозора, однако раскрытие скрытой семантики некоторых коллоквиальных слов и выражений требует знаний всех значений, контекста и ситуации в целом. Так, *sparrow fart* выступает в двух значениях: “1. рассвет; 2. послеобеденный отдых” [2. С. 645]. Как видно из вышеприведенных значений, данный коллоквиализм может обозначать разный отрезок времени. Без наличия контекста становится невозможным определить точное время, подразумеваемое автором. Ср. также: *monkey* (“обезьяна”) — “25 фунтов стерлингов, 500 фунтов стерлингов или долларов” [2. С. 429].

Рассмотрение синонимических наименований представителей животного мира позволяет определить схожесть или противоположность семантики коллоквиализмов. Ср.: *pig* (“свинья”) — “обжора”, “отвратительный тип”, “трудная задача”, “полицейский”, “бронированная машина” [2. С. 490], *swine* (“свинья”) — “хам” [2. С. 856], *hog* (“боров”) — “одержимый человек”, “старая машина/мотоцикл” [2. С. 849]. Компонент “машина” присутствует в коллоквиализмах *pig* и *hog* с той разницей, что *pig* служит для описания машин специального назначения, а в *hog* превалирует возрастной показатель “изношенности”. Коллоквиализм же *swine* не включает значение “машина”, а используется в качестве критической оценки поведения человека (“хам”).

Коллоквиализмы с компонентом-зоонимом могут употребляться как в полной, так и в сокращенной форме для экономии языковых средств, при желании говорящего не отягощать речь длинными словами. Ср.: *scorpion/scorp* (“скорпион”) — “житель Гибралтара” [2. С. 569], *tit* [от *titmouse* (“синица”)] — “ничтожный, презираемый человек” [2. С. 716].

Количество значений коллоквиализмов-зоонимов и коллоквиальных выражений может варьироваться в зависимости от лингвистических и экстралингвистических причин: а) длительности употребления слова, заимствований из других языков, ограниченных рамок употребления слов, б) ареала обитания, от количественных показателей (т.е. принадлежит ли данный вид к редким, вымершим, многочисленным животным), от некото-

рых принципов классификаций (дикие/домашние, малоизвестные животные), гендерной принадлежности и т.д. Становится закономерным, что виды животных, издавна известные человеку, приобретут в ходе длительного временного отрезка больше значений и выражений, нежели представители животного мира, недавно пополнившие язык. Ср.: *turkey* (“индюшка”) — “1. символ нелепости, 2. презираемый человек, ничтожество, 3. неудача, 4. ирландец”, *turkey farmer* — “неудачливый бизнесмен”, *turkey shoot* — “легкое дело, раз плюнуть”, *cold turkey* — “1. резкий отказ, 2. болезненные последствия резкого отказа от наркотиков, 3. пьяный”, *talk (cold) turkey* — “говорить резко и откровенно, прямо говорить о деле” [2. С. 857]. Новые виды животных-гибридов такие, как *liger*, *zebroid* не приобрели коллоквиальные значения. Для некоторых классов животных становится возможным заранее прогнозировать отрицательный оттенок в разговорном значении. Так, класс насекомых чаще всего ассоциируется у людей с чем-то неприятным, мелким, опасным, за исключением некоторых представителей. Ср.: *gnat's piss* (“мошка”) — “слабое невкусное пиво, пойло” [10], *louse* (“вошь”) — “отвратительный тип”, “очень плохой, паршивый” [11], *nit/nitwit* (“гнида”) — “1. дурак, 2. презираемый человек” [5], *roach* (“таракан”) — “очень некрасивая женщина”, “распутная женщина”, “отвратительный человек”, “полицейский”, “марихуана”, “сигарета или окурки сигареты с марихуаной” [13; 2. С. 542—543]; *slug* (“слизень”) — “1. толстый человек, 2. презираемый человек, 3. небольшая рюмочка с алкогольным напитком (на один глоток)” [10], *slug nutty* — “обалдевший (от ударов по голове)”, *get a slug* — “быть убитым”, *feed a slug* — “убить” [2. С. 617], *tick* (“клещ”) — “ничтожный человек” [2. С. 709], *worm* (“червяк”) — “ничтожный, презираемый человек” [12]. Отнесение животных к хищникам или травоядным позволяет включить/исключить такие понятия, как “агрессия/миролюбие”, “опасность/безопасность” и т.д. в преобладающем числе случаев. Ср. подачу значений с пометами *infml.*, *coll.* в нескольких словарях: *shark* (“акула”) — “1. опасный жулик, 2. безжалостный эксплуататор, хищник” [2. С. 586], “2. человек (например, ростовщик), использующий чужие неудачи для личной выгоды, 3. человек необычайно опытный в определенной деятельности: карточная акула” [3], “человек нечестный в бизнесе” [4]; *sheep* (“овца”) — “робкий человек” [2. С. 855], “тот, кто делает то же самое, что и все, не задумываясь об этом” [9].

Следует отметить, что не только компонент-зооним, но и другие слова в составе коллоквиального выражения несут определенную семантическую нагрузку коллоквиализма. Например, в случае с *green-ass* скрытый смысл зеленого цвета привносит значение “неопытности”, *pink rats/pink elephant/pink mice* — “галлюцинации” [2. С. 494], в *lard-ass* — компонент *lard* со значением “свиное сало, свиной жир” идентифицирует “толстого человека” [12]. Коллоквиализм *Jackass* в словаре Wiktionary используется не только при описании “глупого”, но также “грубого человека” [13], что свидетельствует о наслоении сразу двух семантических характеристик, привносимых словом *ass*. Ср. многообразие скрытого смысла коллоквиализмов-зоонимов, оказывающее эффект расширения семантической нагрузки слов и выражений с компонентом *ass* (“осел”):

а) дурак, глупый (о человеке): *jackass*, *asshole*¹, *dumb-ass* (*dumb-assed*). Ср.: “Oh, Barry, your mate is such an ass, why do you trust him!?” (Ох, Барри, твой напарник такой дурак, как можно ему доверять!?) [2. С. 28]; “Hey, asshole, what are you doing in my garden” (Эй, дурак, ты что делаешь у меня в саду?) [2. С. 29]; б) подхалим, подхалимство: *ass-kiss* [а также: *ass-lick*, *arse-kiss* ср. также паронимическую контаминацию со словом *arse* “ягодицы, задняя часть животного” [11]), *arse-lick*, *ass-kissing*, *ass-kisser*. Ср.: *Mary’s mum is ass-kissing the teacher, so Mary is the teacher’s pet* (Мамаша Мэри подлизывается к учительнице, поэтому Мэри ходит в любимчиках) [2. С. 29]; в) неопытный человек: *green-ass(ed)*, *raggedy-ass(ed)*. Ср.: *Shut up, Murray, he’s too green-ass to listen to such crap!* (Заткнись, Мурри, он еще слишком зелёный, чтобы слушать такую гадость!) [2. С. 291]; г) презираемый, ничтожный: *sad-ass(ed)*, *half-ass(ed)*, а также: *have one’s ass in a sling* “иметь неприятности”, *my ass!* “черт побери!”, *work (run, etc.) line’s ass off* “стараться”. Ср.: “If you’re not here by lunch, you’re to have your ass in a sling” (Если ты не появишься к обеду, у тебя будут большие неприятности!). “Look in the binoculars, someone’s going to steal my car, in my ass!” (Смотри в бинокль, сейчас мою машину украдут, чёрт побери!). “She’s running her ass off to get the qualification by June” (Она из кожи вон лезет, чтобы получить диплом в июне) [2. С. 29] и т. д.

В отдельных случаях один из коллоквиализмов-зоонимов может служить наименованием

¹ В случае с этим словом имеет место также паронимическая контаминация, см. <https://www.etymonline.com/search?q=asshole>

для другого представителя животного мира или части его тела с целью создания неординарного авторского подхода для привлечения внимания слушателей/читателей, для создания юмористического эффекта. Ср.: *roof rabbit* — “кот” [2. С. 854], *mountain chicken* — “ножки гигантской жабы (деликатес)” [2. С. 843].

Некоторые животные привносят лингвокультурологическую характеристику в семантику разговорного языка. Так, *bear* ассоциируясь с русской язычной нацией, в связи с широким распространением данного представителя животного мира на территории России, выступающего героем сказок и т. д., используется для описания русского человека. Некоторые образы становятся общепринятыми не только в одном, но и двух и более языках. Ср. общие образы для русского и английского языка: *squirrel* (“белка”) — “запасливый человек, откладывает на черный день” [13], *ostrich* (“страус”) — “опасливый человек” [10], *parrot* (“попугай”) — “подражатель” [3], *rat* (“крыса”) — “негодяй, отвратительный человек, доносчик, предатель” [9] и т. д. Не только названия животных, но и названия частей тела могут становиться символическим обозначением того или иного понятия в нескольких языках. Ср.: *antlers/horn* (“рога”) — это символ измены жены мужу, распространен как в английском, так и в русском языке. Знания в области истории, географии отдельных стран позволяют определить связь коллоквиализма-зоонима с конкретной тематической группой. Ср.: *kangaroo* — “тюремный надзиратель, незаконный судья”, *kangaroo court* — “самосуд”, *kangaroo = screw* — “тюремный надзиратель” [2. С. 364]. Семантика *kangaroo* не случайно ассоциируется с тематикой тюрьмы. Кенгуру — это животное, обитающее в Австралии (место, куда раньше ссылали заключенных). Другим примером может служить *kiwi* — птица, обитающая на территории Новой Зеландии. В качестве коллоквиализма *kiwi* выступает в следующих значениях: “1. новозеландские войска; 2. пехота” [2. С. 850].

При рассмотрении гендерных характеристик коллоквиализмов-зоонимов нами были выявлены следующие особенности:

1. Названия животных, различающихся по мужскому и женскому полу, типа: *buck* (“самец оленя”), *vixen* (“лисица”) и т. д. обычно употребляются с тем же половым разграничением при описании внешности, характера, манеры поведения человека. Ср.: *buck* — “любезный мужчина”, *bucko* — “энергичный мужчина” [2. С. 117] (*stud* семантически синонимичен *buck*, обозначая

“любовоеобильного мужчину, бабника” [2. С. 675]), *vixen* — “скандальная, вздорная женщина, мегера” [2. С. 857]. A Florentine woman controlled access to the chastity belt with a key to protect herself against the unwanted attention of Florentine bucks (Флорентийская женщина контролировала доступ к поясу целомудрия при помощи ключа, чтобы уберечь себя от нежеланного внимания флорентийских ухажеров) [2. С. 117]. Некоторые коллоквиализмы-зоонимы подобного типа являются индивидуально авторскими образованиями. Ср.: *tomcat* со значением “охотник за женщинами” [2. С. 721] (о мужчине) из “The Life and Adventures of a Cat” (Willoughby Mynors).

2. Часто при образовании выражений со значением “беременная” используется предлог *in* в названиях детенышей животных. Ср.: *in calf* (“теленочек”) [7], *in foal* (“жеребенок”) [4], *in pup* (*puppy* — “щеночек”) [13]; *in pig* (*pig* — “свинья”, “поросенок”) [5]. Все из вышеприведенных примеров являются эвфемистическими образованиями. Эвфемизмы широко распространены в разговорной речи с целью замаскировать, смягчить, скрыть значение некоторых слов и словосочетаний. Однако употребление эвфемизма оставляет возможность для расшифровки толкования.

Современная разговорная английская речь в большинстве случаев характеризуется словами и выражениями с негативным оттенком, вульгарными словосочетаниями и эвфемизмами, что объясняется повышенными требованиями, предъявляемыми к человеку в XXI веке в плане работы, распределения обязанностей в семье, усиления ритма жизни и т. д. Данные тенденции не могут обойти лексическую сторону языка. Поэтому изменения положительных характеристик на негативные становятся не отклонением от нормы, а систематической особенностью коллоквиальной системы английского языка. Ср.: собака испокон веков символизирует преданного друга человека. Однако семантика внушительной базы коллоквиализмов с компонентом *dog* стала переосмысливаться в негативную: *dog* — “негодяй”, “предатель, доносчик, плохой товарищ”, “бездельник”, *dog-face* “уродливый человек”, что свидетельствует о потере понятий дружбы, преданности среди молодого поколения. Ср.: *That dog did what he usually does — betrayed us* (Этот негодяй поступил как обычно — заложил нас) [2. С. 193].

При образовании коллоквиализмов-зоонимов со значением “человеческий ребенок” было зафиксировано не только использование наимено-

вания детенышей животных типа *kid* (“козленок”) (а также: *kiddie, kiddo, kiddy*), но и любых других представителей животного мира маленького размера. Ср.: *haddock* — “пикша (“мелкая треска”)”, *haddock (and cod) = sod* — “проказник, резвый ребенок” [2. С. 301]. “You cheeky little haddock, what have you done with your new trousers!” (Ах ты маленький проказник, что ты сделал со своими новыми брючками!) [2. С. 301].

Рекламная индустрия с целью привлечения большего внимания аудитории к определенной продукции использует коллоквиальные слова и выражения как наиболее яркие средства передачи информации, с сильной эмоционально-экспрессивной окраской. В составе словаря *Urban Dictionary* был выявлен коллоквиализм-зооним с компонентом *chicken*. Ср.: *chicken of the sea* [8]. Данный коллоквиализм со значением “тунец” (“консервированный продукт, употребляемый в пищу”) представляет один из брендов компаний Северной Америки.

Совмещение в рамках разговорного выражения двух представителей животного мира, связанных между собой или относящихся к разным видам, способствует повышению экспрессивности коллоквиализмов. Ср.: *cock and bull* — “небылица” [4].

В ходе анализа коллоквиализмов с компонентом-зоонимом мы выявили следующие тематические группы:

1. Поведение в обществе / в отношениях с другим полом: *canary* — “легкодоступная женщина” [2. С. 132], *cock (cocksman)* — “распутный мужчина”, *cocky man* — “задорный, задиристый мужчина” [2. С. 843], *cuckoo* — “любовоеобильный мужчина” [2. С. 844], *poodle fucker* — “мужчина — охотник за богатыми женщинами (альфонс)” [2. С. 853], *monkey man* — “послушный муж” [2. С. 851], *lounge lizard* — “альфонс” [2. С. 850] и т. д.

2. Возрастной показатель с оговорками внешней привлекательности/непривлекательности, поведения: *catty* — “немолодая привлекательная женщина, жена” [2. С. 138], *kitty* — “привлекательная молодая женщина”, *chick* (а также: *chikie, chicklet, chiclet*) — “1. молодая привлекательная девушка”, “2. молодая неопытная девушка легкого поведения” [2. С. 144], *crow* — “некрасивая немолодая женщина” [2. С. 844], *old goat* — “развратный немолодой мужчина” [2. С. 848], *trout* — “старая уродливая женщина” [2. С. 734], *quail* (“перепелка”) — “привлекательная молодая женщина” [2. С. 854], *dolly bird* — “молодая

и привлекательная модница” [2. С. 195] и т. д. Ср.: “Is this catty with him his mum, d’ya recon?” (Как ты думаешь, эта бабёнка с ним — его мамаша, что ли?) [2. С. 138]. “We are not in a competition here with those chicks in the gym” (Мы не собираемся соревноваться здесь в спортзале с этими пигалицами) [2. С. 144]. “Bring your dolly bird around for dinner with us” (Приводи к нам на ужин свою красотку) [2. С. 195].

Bird чаще употребляется в основном значении по отношению к женскому полу, либо к мужчине с нетрадиционной ориентацией.

3. Свадьба и связанные с ней мероприятия и события: *horse and carriage = marriage* — “женитьба” [2. С. 327], *hen silver / hen brass* — “подарки и пожелания невесте” [2. С. 849], *stag* (“олень”) *party* — “мальчишник накануне свадьбы” [2. С. 660], *hen night* — “девичник” [2. С. 314]. Ср.: There is a little about the format of an average English wedding that would seem odd or unfamiliar to a visitor from any other modern Western: we have the usual stag and hens nights! (Мы, похоже, гораздо больше увлечены мальчишниками и девичниками, которые часто бывают более затяжными и веселыми, чем сама свадьба) [2. С. 314]. Интерес в данном случае представляют различные образы животных (т. е. “олень” — для мальчишника и “курица” — для девичника), выбранные для описания вечеринок у парней и девушек перед свадебным мероприятием. Сочетания слов *cock party* и *cock night* формируют новые коллоквиализмы, не связанные со свадьбой. Ср.: *cock party* — “сбор большого количества представителей мужского пола на ограниченной территории” [8] и *cock night* — “ночь, проводимая в чисто мужской компании за просмотром фильмов” [8] и т. д. Во избежание ошибок в употреблении коллоквиализмов с компонентом-зоонимом необходимо уточнить то или иное разговорное слово в лексикографическом источнике. В случае самостоятельной замены коллоквиализма с компонентом-зоонимом мужского пола на женский (и наоборот, женского пола на мужской) может возникнуть не аналогичное значение, а совершенно другое слово или выражение с новой семантикой.

4. Нация, место проживания (географические наименования): *turkey* — “ирландец”, [2. С. 569]; *rat trap = jap* — “японец” [2. С. 854], *herring-choker* — “житель Скандинавии или Канады” [2. С. 315], *Herring Pond* — “Атлантический океан” [2. С. 315], *Pig Island* — “1. Австралия, 2. Новая Зеландия” [2. С. 852], *pigtail* — “китаец” [2. С. 492], *frog* (а также: *Frog, froggee, froggie,*

froggy, Froggy) — “француз” [2. С. 248], *moose* — “корейнка, японка” [2. С. 248] и т. д. Ср.:

— I like her!

— She’s a moose! How can you like her?

— Мне она нравится!

— Это же корейнка! Как она может тебе нравиться? [2. С. 431].

5. Профессия, работа, род занятий и связанная с данными понятиями деятельность: *fly* — “молодой пилот” [3], *bird dog* — “полицейский, детектив” [2. С. 74], *hooper* — “профессиональный танцор” [2. С. 324], *kangaroo = I. jew* — “букмекер (на скачках)”, *kangaroo = II. screw* — “тюремный надзиратель” [2. С. 364], *swallow* — “женщина-шпион, совращающая сотрудников с целью получения от них конфиденциальной информации” [2. С. 682] и т. д. Ср.: “The hoofers are back this year earlier than usual — your favourite show “Strictly Come Dancing” starts next week!” (В этом году плясуны возвращаются раньше, чем обычно: ваша любимая передача “Только приглашение к танцу” возобновляется на следующей неделе!) [2. С. 324].

6. Одежда: *monkey suit* — “официальный мужской вечерний костюм” [2. С. 429], *penguin suit* — “1. мужской вечерний костюм, 2. костюм астронавта” [2. С. 483], *donkey jacket* — “рабочая куртка”. Ср.: “Today’s the LML dinner night and Central London is full of men in monkey-suits from Moss Brass” (Сегодня официальный ужин Лондонской биржи металлов, и весь центральный Лондон наводнили мужчины в одинаковых черных вечерних костюмах, взятых напрокат) [2. С. 429] и т. д.

7. Виды причесок: *duck-arse (dock arse, duck’s ass, duck’s anatomy, duck’s behind, duck lull)* — “утиный хвостик” (“мужская прическа — торчащие вверх волосы на затылке”) [2. С. 205], *pig-tail* — “тонкая косичка, крысиный хвостик”, *bird’s nest* — “лохматая прическа” и т. д. Ср.: “Hey, lad, you, with the duck’s arse, I’m talking to you!” (Эй, парень, ты, с модной причёской, я с тобой разговариваю!) [2. С. 205].

8. Время и связанные с ним понятия: *a dog’s* (“собака”) *age* — “давно, долго” [2. С. 194], *donkey’s years* (“осел”) — “давно”, *cock linnet = minute* — “минута, мгновение” [2. С. 196] и т. д.

Таким образом, формирование скрытого смысла значений коллоквиализмов с компонентами названий представителей животного мира носит осознанный характер. Заложенные на протяжении конкретного отрезка времени ассоциативные образы, этимологические особенности,

лингвокультурологические предпосылки, фонетическое оформление, контекстуальное и ситуативное использование, гендерные параметры, стереотипные представления, авторские новообразования, субъективный взгляд отдельных субкультур, возрастных групп, уровень образования,

заимствования, процессы глобализации на уровне языка и т. д. оказывают влияние на пополнение разговорного пласта английского языка новыми словами и формируют на основе уже существующих слов и выражений совершенно новые коллоквиальные значения.

Список литературы

1. Беляева Т. М., Хомяков В. А. Нестандартная лексика английского языка: монография. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 136 с.
2. Семиволкова С. В. Современный англо-русский словарь живого английского языка. М.: Астрель, 2010. 896 с.
3. Dalglish G. Random House Webster's Dictionary of American English. NY: Random House, 1997. 868 p. URL: <https://www.thefreedictionary.com/> (дата обращения 31.01.2021).
4. Hawker, S. Pocket Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013. — 1104 p. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения 25.01.2021).
5. Hornby A. S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 1539 p. URL: <https://www.lexico.com/en> (дата обращения 22.01.2021).
6. McIntosh C. Cambridge Advanced Learner's Dictionary. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009. — 1852 p. URL: <http://dictionary.cambridge.org>, (дата обращения 25.01.2021)
7. Merriam Ch., Merriam G. The Merriam-Webster Dictionary. Springfield: Merriam-Webster, 2004. — 939 p. URL: <https://www.merriam-webster.com/>, (дата обращения 9.04.2021).
8. Peckham A. Urban Dictionary. Kansas: Andrews McMeel Publishing, 2005. 343 p. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения 25.01.2021).
9. Rundell M. Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners of American English. London: Palgrave Macmillan, 2005. 1664 p. URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения 23.01.2021).
10. Sinclair J. Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. London: HarperCollins Publishers, 2018. 1904 p. URL: <http://www.collinsdictionary.com> (дата обращения 29.03.2021).
11. Stein J. Random House Webster's Unabridged Dictionary. NY: Random House, 1997. 2230 p. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения 22.02.2021).
12. Summers D. Longman Dictionary of Contemporary English. München: Longman, 2000. 1668 p. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения 03.02.2021).
13. Wiktionary [Network literature]. URL: <https://ru.wiktionary.org/> (дата обращения 25.01.2021).

Сведения об авторе

Фалеева Анастасия Вадимовна — докторант Самаркандского государственного института иностранных языков. Самарканд, Узбекистан. faleyevanastya97@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 192—199.*

REFLECTION OF THE LEXICAL AND SEMANTIC FEATURES OF THE HIDDEN MEANING OF COLLOQUIALISMS-ZOONYMS IN LEXICOGRAPHIC SOURCES

A. V. Faleyeva

Samarkand State Institute of Foreign Languages, Samarkand, Uzbekistan. faleyevanastya97@mail.ru

The article deals with the problem of reflecting the hidden meaning of the names of some representatives of the animal world and related concepts. Special attention is paid to the influence of associative images, gender factor, linguocultural preconditions on the formation of the main semantic load of colloquialism. The author examines the prediction of the semantics of colloquialisms with hidden meaning of representatives of the animal world by drawing a parallel between the behavior of an animal, its external characteristics, attribution to

a certain species/class (predator, herbivore, insect, bird), associations with images from fiction. The author characterizes the rethinking of the semantic load in positive or negative side in stable combinations with the zoonym component. The article presents a brief classification of colloquialisms-zoonyms.

Keywords: *colloquialism, the spoken layer of the language, zoonym, colloquial vocabulary, lexicographic sources, gender.*

References

1. Belyaeva T. M., Homiyakov V. A. (1985) Nestandardnaya leksika anglijskogo yazyka [Non-standard lexis of the English language]. Leningrad, Leningrad Univ. Publ. 136 p. [in Russ.].
2. Semivolkova S. V. (2010) *Sovremennyj anglo-russkij slovar zhivogo anglijskogo yazyka* [Modern English-Russian Dictionary of Alive English]. Moscow, Astrel. 896 p. [in Russ.].
3. Dalgish G. (1997) Random House Webster's Dictionary of American English. NY, Random House. 868 p. Available at: <https://www.thefreedictionary.com/> (accessed 31.01.2021).
4. Hawker S. (2013) Pocket Oxford English Dictionary. Oxford, Oxford Univ. Press. 1104 p. Available at: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (accessed 25.01.2021).
5. Hornby A. S. (2000) Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford, Oxford Univ. Press., 1539 p. Available at: <https://www.lexico.com/en>, accessed 22.01.2021.
6. McIntosh C. (2009) Cambridge Advanced Learner's Dictionary. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 1852 p. Available at: <http://dictionary.cambridge.org> (accessed 25.01.2021).
7. Merriam Ch., Merriam G. (2004) The Merriam-Webster Dictionary. Springfield, Merriam-Webster. 939 p. Available at: <https://www.merriam-webster.com/> (accessed 9.04.2021).
8. Peckham A. (2005) Urban Dictionary. Kansas, Andrews McMeel Publishing. 343 p. Available at: <https://www.urbandictionary.com/> (accessed 25.01.2021).
9. Rundell M. (2005) Macmillan English Dictionary: For Advanced Learners of American English. London, Palgrave Macmillan. 1664 p. Available at: <https://www.macmillandictionary.com/> (accessed 23.01.2021).
10. Sinclair J. (2018) Collins COBUILD Advanced Learner's English Dictionary. London, HarperCollins Publishers. 1904 p. Available at: <http://www.collinsdictionary.com> (accessed 29.03.2021).
11. Stein J. (1997) Random House Webster's Unabridged Dictionary. NY, Random House. 2230 p. Available at: <https://www.dictionary.com/> (accessed 22.02.2021).
12. Summers D. 2000 Longman Dictionary of Contemporary English. München, Longman. 1668 p. Available at: <http://www.ldoceonline.com> (accessed 3.02.2021).
13. Wiktionary [Network literature]. Available at: <https://ru.wiktionary.org/> (accessed 25.01.2021).

СТРУКТУРА ОПИСАНИЯ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТЕЙ В РУССКО- И КИТАЙСКОЯЗЫЧНОМ ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ ОПИСАНИЯ ВЕЛИКОЙ КИТАЙСКОЙ СТЕНЫ)

Инь Цзысюань

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

В рамках исследования проводится анализ структуры описания достопримечательностей на русском и китайском языках. Цель статьи — проанализировать способы и структуру описания достопримечательностей в русско- и китайскоязычном дискурсе на примере описания Великой Китайской стены. В качестве материалов исследования были выбраны путеводители по Великой Китайской стене, представленные в электронной форме. Автором приводится краткая характеристика различий между предоставлением информации на русском и китайском языках. Особое внимание было обращено на использование дедукции в русско- и индукции в китайскоязычном дискурсе при описании достопримечательности. При этом также отмечается линейное и нелинейное повествование как отличительные характеристики двух дискурсов, основанные на особенностях лингвокультуры.

Ключевые слова: *дискурс, туристический дискурс, достопримечательность, описание, структура, анализ, лингвокультура, русский язык, китайский язык.*

Под влиянием своеобразной географической среды, истории развития, социальной структуры русский и китайский народы сформировали разные стили жизни, поведенческие критерии, эстетические ценности, способы мышления и языковые стандарты. Однако развитие культурных, экономических, политических и социальных связей между двумя государствами постепенно сближает двустороннее сотрудничество, которое выражается в активизации процесса туристических обменов. Как наиболее важные средства человеческого общения, китайский и русский языки имеют свои отличительные особенности с точки зрения лингвистики, речевого стиля, языковых и эстетических стандартов, немаловажную роль выполняют и лингвокультурные особенности, отражающиеся в способах формулирования и передачи информации. В данном исследовании дискурс и текст рассматриваются как синонимы, поскольку при анализе используются интернет-ресурсы, в которых представлены тексты. Однако учет экстралингвистических факторов при анализе позволяет нам говорить о том, что мы исследуем именно дискурс в сфере туризма.

В туристическом дискурсе особое место занимают путеводители, которые наряду с рекламой, экскурсионным дискурсом содержат информацию о достопримечательностях. В современных реалиях они могут быть представлены как в бумажном, так и в электронном формате. При этом «содержание путеводителей связано с исторически-

ми и культурными особенностями Китая, равно как и их восприятием носителями русского языка» [4. С. 3]. Способы формирования образов достопримечательностей в путеводителях являются интересными объектами для изучения с точки зрения лингвистики. Мы считаем, что важную роль играет и структура их описания, которая имеет определенную специфику в зависимости от языка, на котором передается информация, языковой личности автора и сложившихся стандартов в описании.

Цель настоящей статьи — проанализировать способы и структуру описания достопримечательностей в русско- и китайскоязычном дискурсе на примере описания Великой Китайской стены.

Китайский и русский языки принадлежат к разным языковым семьям и демонстрируют наиболее заметные различия в лингвистической структуре на лексическом, синтаксическом и текстовом уровнях. Как утверждают многие лингвисты и переводчики, их структуры дискурса «более сложные и продуманные, чем в других языках» [3. С. 14]. По мнению ученых, дискурс — это высший уровень, в котором отражается культура нации. Таким образом, первоочередное внимание необходимо уделить изучению структур дискурса в двух лингвокультурах.

Анализ туристического дискурса на двух языках показал, что на русском языке он построен по принципу дедукции, то есть наиболее общая

информация помещается в начале текста, затем подкрепляется описанием конкретных деталей, примерами и т. д. В китайском описании чаще используется индукция: сначала описываются примеры или конкретные факты, а затем делается обобщение или вывод.

Так, в русскоязычном путеводителе туристического оператора «China Travel» сначала приводится краткая информация о Великой Китайской стене для того, чтобы дать читателю возможность сформировать о ней общее представление: «Великая Китайская стена является самым длинным сооружением из когда-либо построенных человеком. В древние времена стена спасала государство от набегов кочевников. Сегодня она является главной достопримечательностью страны. Стену каждый год посещает около 50 000 000 туристов» [2] Далее детально рассматриваются особенности стены, история ее строительства и интересные факты. Текст заканчивается предложением туроператора услуг по организации экскурсии.

В путеводителе на китайском языке описание Великой Китайской стены начинается не с общей информации о достопримечательности, а с других объектов, которые можно увидеть на экскурсии: «Терракотовые воины, древние храмы и здания династии Мин — все это можно найти на территории всемирно известной достопримечательности Цзюйонггуань» (在举世闻名的居庸关地标的范围内, 可以找到兵马俑、古庙和明代建筑。) [6]. Это связано с тем, что каждый житель Китая имеет общее представление о Великой Китайской стене в отличие от иностранных туристов. Особое внимание необходимо обратить на название достопримечательности — Цзюйонггуань. Оно описывает не всю Великую Китайскую стену, а только ее участок. Далее в путеводителе описывается история строительства, которая подкрепляется интересными фактами. Однако самая важная для туриста информация, выраженная в советах по посещению конкретных мест на территории Великой Китайской стены, находится в конце текста.

Таким образом, текст на русском языке начинается с общей информации, определения, в котором подчеркиваются основные особенности Великой Китайской Стены, а остальная часть текста сосредоточена на их детальном описании. Такой прием направлен на движении от общего к частному.

В китайском дискурсе наоборот: обобщающее предложение, содержащее основную идею, располагается в конце.

Русскоязычный текст, в отличие от китайскоязычного, обычно развивается линейно. С. Дингсу утверждает, что описание достопримечательностей на русском языке зависит от последовательного изложения автором собственной точки зрения [5. С. 81]. Однако в китайском описании, напротив, «часто используется изменчивая точка зрения, основой которой является жизненный опыт составителя текста» [5. С. 83]. Под точкой зрения в данном случае подразумевается прием «организации описания путем направления внимания читателя к последовательному усвоению информации, что является эквивалентом перспективы в живописи» [5. С. 87].

Разница во взглядах может способствовать различию текстовых структур между описаниями достопримечательностей на китайском и русском языках. Так, для носителей русского языка текст должен развиваться линейно. В противном случае он будет труден для понимания или нелогичен. Поэтому необходимо принимать во внимание важность учета культурных различий.

В тексте на китайском языке автор приводит информацию относительно истории создания Великой Китайской стены, продолжительности экскурсии, затем возвращается к описанию истории достопримечательности. Очевидно, что текст развивается нелинейно, поскольку последующее предложение не всегда связано с предыдущим.

Важное отличие между русским и китайским языком заключается в том, что в текстах на русском языке подчеркивается гипотаксис, в то время как на китайских — паратаксис. Гипотаксис представляет собой способ построения сложного предложения, при котором синтаксическая связь выражается с помощью относительных местоимений, союзов и иных служебных слов. Напротив, паратаксис предполагает отсутствие формальных средств связи, с помощью которых определяется логическая последовательность предложения. Гипотаксис характеризует русский синтаксис, который некоторые лингвисты описывают как большое дерево с большим количеством ветвей и листьев, поскольку сложное предложение состоит из множества простых. Китайский синтаксис, основой которого является паратаксис, описывается как «волны, набегающие на бескрайнее море» или «бамбук без ветвей». Необходимо отметить, что носители русского языка чаще используют больше союзов ввиду аналитического склада ума и, таким образом, лучше понимают отношения между языковыми единицами, в то время как китайцы,

которые склонны мыслить холистически, могут не указывать на логическую взаимосвязь элементов предложения.

Благодаря паратаксису китайский язык изобилует предложениями без подлежащих. Такое явление связано с традиционной китайской культурой. Древние китайцы считали человека субъектом, а вселенную — объектом. Данная идея отражается и в китайском языке. При этом русский язык всегда имеет четкий логический порядок и целостную структуру (подлежащее необходимо в большинстве случаев).

Незнание особенностей передачи информации или игнорирование их при переводе может серьезно влияет на качество текста и его понимание. В качестве примера можно привести следующее описание Великой Китайской стены:

长城东起于沿着渤海湾的海埠, 山海关, 西至甘肃省的嘉峪关, 跨越了中国16个省, 直辖市, 自治区, 它有六千多公里长(在中国一公里相当于两里)因而得名«万里长城» [8] *(Великая китайская стена начинается от перевала Шаньхайгуань, морского порта на побережье залива Бохай на востоке, до перевала Цзя Юйгуань в провинции Ганьсу на западе. Великая китайская стена охватывает 16 провинций, городов и автономных районов Китая. Длина Великой Китайской стены составляет более 6000 км (в Китае один километр равен двум ли). Отсюда Великая Китайская стена называется «Стена длиной в десять тысяч ли»).*

Определить подлежащие «至», «跨越» и «得» в китайском предложении несложно в свете его контекста. Однако визуализированный текст, механически скопированный с шаблонных предложений на китайском языке, кажется неестественным по структуре и использованию простых и коротких предложений на русском. Мы предлагаем следующий перевод отрывка: «Великая Китайская стена берет свое начало в перевале Шаньхайгуань и морском порту на побережье залива Бохай и заканчивается на территории перевала Цзя Юйгуань в провинции Ганьсу. Великая Китайская стена охватывает 16 провинций, городов и автономных районов Китая. Ее длина составляет более 20 тыс. км или 10 тыс. ли. Отсюда и название “Стена длиной десять тысяч ли”».

Таким образом, мы можем говорить о том, что описание достопримечательностей на русском и китайском языках отличаются не только грамматикой, но в большей степени самой структурой построения, которая складывается под влиянием различных моделей мышления и культурных осо-

бенностей. В целом китайцы более склонны мыслить нелинейно и уделять много внимания выражению субъективного настроения или чувств с помощью языковых форм. Носители русского языка используют тексты с логическим порядком и систематической структурой [1. С. 4].

Влияние культуры на описание достопримечательностей в настоящее время практически не изучено, однако мы можем проанализировать, как религиозная принадлежность, философские предпочтения влияют на создание текстов. Так, конфуцианство, даосизм и буддизм, совместимые друг с другом, образуют единую философскую систему, выделяющую такие идеи, как «天人合一» (буквально «небо и человек образуют единое целое») и «一阴一阳谓之道» (взаимодополняемость дуализма), что способствовало формированию китайской культуры. Китайцы склонны придерживаться нейтрализации, гармонизации конкретной мысли, выраженной в предложениях. Это оправдывает частое использование возвышенных выражений и параллельных структур в китайских туристических текстах, поскольку удовлетворяет эстетические вкусы китайцев и, следовательно, вызывают у них интерес к совершению экскурсии по Великой Китайской стене: «Великая Китайская стена Мутяньюй имеет долгую историю и находится в 70 километрах от Пекина. Это одна из самых известных достопримечательностей Китая. Великая Китайская стена Мутяньюй окружена горами с большим количеством растительности. Окружающая экологическая среда и красивые пейзажи находятся на всех участках Великой Китайской стены. Великая Китайская стена Мутяньюй богата пейзажами и красивой архитектурой. Территория оборудована канатной дорогой, горкой Шибидэ, а также культурным выставочным центром “Great Wall”» [7].

Введение ряда изящных прилагательных в сочетании с субъективными ощущениями писателя используется для выражения точки зрения составителя текста, и в то же время для читателей изображен пейзаж Великой Китайской стены, который вдохновляет своим прекрасным видом.

Нет сомнений в том, что параллельные структуры и возвышенные выражения, в основном обозначенные «четырёхзначным соединением» иероглифов, имеют существенное значение для успешного знакомства китайцев с туристическими направлениями, поскольку этот стиль полностью отвечает их эстетическим вкусам. Тем не менее, носителю русского языка очень трудно оценить

такой стиль изложения. При их прямом переводе в предложении появляется много лишних повторов или изложений одной и той же мысли разными способами. Жителям России нелегко понять такие повторяющиеся выражения, не говоря уже о том, чтобы представить себе красивые пейзажи.

Ранее в исследовании указывалось, что носители русского языка обладают аналитическим и дедуктивным мышлением. Они стремятся к точности в деталях и верят «фактам» больше, чем цитатам. Напротив, индуктивное мышление китайцев основывается на предустановленной концепции. Поскольку китайские туристы верят в авторитет известных людей, интерес к посещению того или иного места, как правило, стимулируется заявлениями знаменитостей. Именно поэтому в китайских туристических текстах так много цитат. В пример можно привести описание Великой Китайской стены на участке Мутяньюй: «Многие иностранные лидеры, такие, например, как Б. Обама, Б. Клинтон, Т. Блэр и др. посещали Мутяньюй. Цинь Фэнь, главный герой известного фильма “Если ты один 2”, сделал предложение своей возлюбленной на участке Мутяньюй Великой Китайской стены, в результате чего данная достопримечательность стала еще популярнее» [7].

Приведенные выше примеры типичны для описаний достопримечательностей на китайском языке. Цитирование стихов, отрывков известных произведений и цитат знаменитостей помогает усилить очарование живописных мест и произвести более глубокое впечатление на китайских читателей. Однако такой подход, эффективный в китайской аудитории, не подходит для носителей русского языка.

Кроме того, в китайских туристических текстах широко используются риторические приемы, такие как сравнение, метафора, гипербола, повторение, параллелизм и персонификация. Благодаря таким способам появляется возможность придать высказываниям необходимую яркость. В некоторых случаях они применяются отдельно, но нередко можно увидеть несколько риторических приемов, используемых в одном и том же туристическом тексте с намерением описать достопримечательность более увлекательно и привлекательно, чем она есть на самом деле. В пример можно привести следующее описание Великой Китайской стены с информационного сайта Baike Baidu: «万里长城自构筑的那天起,就成为中华民族大一统的象征,2000多年来,任何人都没有能从认识上割裂万里长城,因而也就无法割裂中华民族。长城

对中国人来说,是意志、勇气和力量的标志,象征着中华民族的伟大意志和力量。《义勇军进行曲》的长期传唱,使长城在人们心目中已升华为勤劳、智慧、百折不挠、众志成城、坚不可摧的民族精神和意志,增强了中华民族的自豪感、自信心和爱国热情» [9] (Великая стена почти сразу стала символом великого воссоединения китайской нации. На протяжении более 2000 лет никто не смог ее разрушить и сломить народный дух. Великая стена для китайского народа является символом великой воли и силы нации. В гимне Китайской Народной Республики присутствует следующая строчка: «Вставай, кто рабства больше не хочет! Своими кровью и плотью построим нашу новую Великую стену!»). Именно представляет стену как символ нерушимого национального духа, воли и патриотического энтузиазма.) 长城作为中华民族的象征,在历史的进程中自然形成,并在中国人民反对帝国主义侵略的斗争中,特别是在全民族的反对日本帝国主义的侵略斗争中被世人所认同,所接受。面对民族的生死存亡,象征国防和民族统一的长城自然提升为整个中华民族的象征,唤起整个民族的抗战意识。年的长城抗战震惊中外,揭开了抗日战争史上最初的壮烈一页,“誓与长城共存亡”成为抗日将士们的共同誓言。长城在军事实用功能逐渐消退,文化精神作用不断增强的双向历史演进中,美学魅力日益明显,一方面不断地向世界展示着中华民族智慧和创造能力,另一方面也在展示人类的坚强意志和雄伟气魄。长城不仅是中华民族的象征,而且也是人类文明的象征,地球和平的象征,全人类都将从这份宝贵的文化遗产中得到益处。[9] (Великая стена как символ и гордость китайской нации отражает борьбу китайского народа против империалистической агрессии. В годы войны Китая с Японией стена символизировала национальное единство и порыв к защите родины. Именно поэтому «Китай и Стена — единое целое» стала главным лозунгом борьбы с врагом. Именно поэтому Великая Стена упоминается в гимне Китайской Народной Республики как главная ценность страны и всего народа. В настоящее время оборонительная функция Стены постепенно снижается, в то время как усиливается ее культурная и духовная роль в жизни каждого китайца. Она отражает историческую эволюцию народа, эстетическое очарование его культуры, а также мудрость и творческие способности. Великая стена является не только символом китайской нации, но и символом человечества, символом мира на земле и стойкости человеческого духа.)

Различия в описаниях достопримечательностей на русском и китайском языках ярко

демонстрируют особенности не только языковых систем, но и способов мышления, традиций в передаче информации. Именно поэтому прямой перевод китайских текстов на русский язык не всегда достигнет цели. При составлении описаний достопримечательностей необходимо учитывать целый комплекс требований, одним из важных является учет особенностей лингвокультуры.

Список литературы

1. Авагян А. Р., Королев А. В. Особенности текстов туристического дискурса // Сервис plus. 2020. Т. 14. № 1. С. 3—10.
2. Великая Китайская стена. URL: <https://www.chinatravel.ru/countries/china/sights/pekin/great-wall-china/> (дата обращения 20.09.2021).
3. Руженцева Н. Б., Антонова Ю. А. Межнациональный дискурс: к проблеме описания (российско-китайские дискурсивные практики) // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 9—16.
4. Сатюкова В. А. Специфика отражения лингвокультуры в текстах туристических путеводителей // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2018. № 2. С. 1—6.
5. Dingxu S. Topic and Topic-Comment Constructions in Chinese Language // The Hong Kong Polytechnic University Bulletin. 2015. № 7. P. 76—92.
6. Great Wall of China: Vacation Travel Guide. URL: <https://www.expedia.com/hk/Great-Wall-Of-China-Beijing.d6126871.Place-To-Visit?pwaLob=wizard-package-pwa> (дата обращения 20.09.2021).
7. The Great Wall as a must-visit. URL: <https://www.xinmedia.com/atricle/171683> (дата обращения 23.09.2021).
8. The Great Wall of China Guide. URL: <https://www.travelking.com.tw/tourguide/scenery100973.html> (дата обращения 22.09.2021).
9. 长城 (世界文化遗产-中国古代第一军事工程) — Великая стена (всемирное культурное наследие — первый военный проект в Древнем Китае). URL: <https://baike.baidu.com/item/%E9%95%BF%E5%9F%8E/14251#10> (дата обращения 23.09.2021)

Сведения об авторе

Инь Цзысюань — аспирант кафедры, русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета, Челябинск, Россия. 1363332326@qq.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 9 (455). Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 200—205.

THE STRUCTURE OF SIGHTS DESCRIPTION IN THE RUSSIAN AND CHINESE DISCOURSES (ON THE EXAMPLE OF THE DESCRIPTION OF THE GREAT WALL OF CHINA)

Yin Zixuan

South Ural State University, Chelyabinsk, Russia. 1363332326@qq.com

Within the framework of this study, the analysis of the structure of descriptions of attractions in Russian and Chinese is carried out. The purpose of the article is to analyze the methods and structure of the description of sights in Russian and Chinese-language discourse using the example of the description of the Great Wall of China. Guidebooks on the Great Wall of China, presented in electronic form, were selected as research materials. The author provides a brief description of the differences between the provision of information in Russian and Chinese. Particular attention was paid to the use of deduction in Russian and induction in Chinese-language discourse when describing a sight. At the same time, linear and non-linear narration is also noted as the distinctive characteristics of the two discourses, based on the peculiarities of linguistic cultures.

Key words: *discourse, sightseeing, description, structure, analysis, linguoculture, Russian, Chinese.*

References

1. Avagjan A. R., Korolev A. V. (2020) *Servis plus*, vol. 14, no. 1, pp. 2—8 [in Russ.].
2. Velikaja Kitajskaja stena [The Great Wall of China], available at: <https://www.chinatravel.ru/countries/china/sights/pekin/great-wall-china/> (accessed 20.09.2021) [in Russ.].
3. Ruzhenceva N. B., Antonova Ju. A. (2012) *Politicheskaja lingvistika*, no. 3, pp. 9—16 [in Russ.].
4. Satjukova V. A. (2018) *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, no. 2, pp. 1—6 [in Russ.].
5. Dingxu S. (2015) *The Hong Kong Polytechnic University Bulletin*, no. 7, pp. 76—92.
6. Great Wall of China: Vacation Travel Guide, available at: <https://www.expedia.com/hk/Great-Wall-Of-China-Beijing.d6126871.Place-To-Visit?pwaLob=wizard-package-pwa> (accessed 20.09.2021) [in Chinese]
7. The Great Wall as a must-visit, available at: <https://www.xinmedia.com/atricle/171683> (accessed 23.09.2021) [in Chinese].
8. The Great Wall of China Guide, available at: <https://www.travelking.com.tw/tourguide/scenery100973.html> (accessed 22.09.2021) [in Chinese].
9. 长城 (世界文化遗产-中国古代第一军事工程) [Great Wall (World Cultural Heritage-The First Military Project in Ancient China)], available at: <https://baike.baidu.com/item/%E9%95%BF%E5%9F%8E/14251#10> (accessed 23.09.2021) [in Chinese]

ПРИМЕНЕНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ВЫДЕЛЕНИЯ РЕЛЕВАНТНЫХ ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Д. К. Шер

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются основные области применения качественных методов для изучения лингвистических явлений на примере психолингвистического эксперимента. Выделены качественные методы для решения специфических задач по выделению экстралингвистических факторов: экспертный опрос, контент-анализ, классификация, градуирование, сопоставительный и сравнительный анализ, ранжирование, формализация, эксперимент и наблюдение. Раскрываются возможности качественных методов относительно элиминирования нерелевантных экстралингвистических факторов и выделения релевантных, в особенности доминирующих факторов. Представлены три наиболее часто встречающихся сценария при решении вышеупомянутых проблем, и рассмотрены различные способы построения гипотез в рамках данных сценариев. Отмечена неразрывная связь между научной истиной, качественными и количественными методами в лингвистике.

Ключевые слова: *экстралингвистические факторы, качественные методы, политический дискурс, контраст, речевое воздействие, сценарии, научная истина.*

В статье мы попытаемся частично решить проблему научной истины в отношении изучения экстралингвистических факторов с помощью качественных методов. Относительно научной истины Эрих Фромм отмечал: «Однако у многих <...> крайне наивное представление о научном методе. <...> оно сводится к упованию, что если собрать факты, затем подвергнуть их количественной обработке <...>, то обязательно откроешь новую теорию. <...> будто истинность теории зависит от возможности ее экспериментальной проверки другими исследователями при условии получения одних и тех же результатов» [10]. Не отрицая всю ценность количественной обработки, мы видим необходимым оценивать важность различных экстралингвистических факторов и их влияния на лингвистические факторы, в первую очередь, качественными методами для того, чтобы избежать последующих недостоверных выводов.

В связи с этим полагаем, что неотъемлемой частью лингвистического исследования должен стать анализ взаимосвязи между двумя видами факторов: лингвистическими и экстралингвистическими — и силу этой взаимосвязи.

В статье делается попытка описать достаточно универсальный рабочий инструмент, включающий в себя поэтапные инструкции для прохождения через наиболее встречаемые в дискурс-анализе сценарии; попытка найти адекватные и эффективные способы применения ка-

чественных методов для выделения релевантных экстралингвистических факторов на примере базы данных, полученной в ходе проведения психолингвистического эксперимента.

Мы рассмотрим методы на их способность разрешить следующие три сценария:

- 1) нахождение основного экстралингвистического фактора, который может влиять на лингвистический;
- 2) нахождение совокупности лингвистических факторов, которые могут влиять на лингвистический;
- 3) нахождение экстралингвистических факторов, которые могут превратить исследование в несостоятельное.

В данной статье рассматриваются следующие качественные методы: экспертный опрос, контент-анализ, классификация, градуирование, сопоставительный и сравнительный анализ, ранжирование, формализация, эксперимент и наблюдение.

Экспертный опрос является достаточно эффективным методом быстрого определения основных трендов и разработки первоначальных гипотез и характеризуется универсальностью [11; 12; 13]. Данный метод способен непосредственно решать все три сценария. Например, мы исследуем силу речевого воздействия контраста в политическом дискурсе. На основе предыдущего опыта группа экспертов может сравнить и проанализировать

определенные высказывания с контрастом и без и умозрительно оценить силу их речевого воздействия, а также предположить при каком или каких экстралингвистических факторах эта сила воздействия могла варьироваться. В отличие от исследователя, который сфокусирован только на цели своего исследования, они могут делать догадки или предположения, впоследствии изменяющие точку зрения исследователя или добавляющие новые гипотезы для проверки. Например, спичрайтеры Саратовской областной думы отметили, что есть особенности аудитории, которые они учитывают при подготовке речей общероссийского уровня и речей на определенных локациях в области, где они тяготеют к использованию предложений с простой синтаксической структурой. Отсюда возникла необходимость проверки гипотезы о том, действительно ли в простых предложениях контраст будет иметь наибольшее воздействие, а также гипотезы, что экстралингвистический фактор пространства может влиять на выбор речевой стратегии. В группу экспертов представляется необходимым включать спичрайтеров известных политиков, самих политиков и успешных ораторов с большой аудиторией.

Другой качественный метод, который распространен и чаще всего используется в комбинации с другими методами — контент-анализ [3; 7; 9]. Представляется логичным, что экспертный опрос предполагает контент-анализ до и после. До экспертного опроса необходимо определиться с основным набором экстралингвистических факторов в политическом дискурсе. После экспертного опроса можно уточнить, какие экстралингвистические факторы реализации контраста имеют место в действительности, насколько сильно влияние экстралингвистических факторов при реализации контраста на разных языковых уровнях и т. д. Например, в ходе контент-анализа речей объемом более 200 000 слов мы пришли к выводу, что основными, точнее наиболее часто встречающимися, экстралингвистическими факторами реализации контраста именно в политическом дискурсе являются социальные, психологические, собственно-политические, экстралингвистические факторы пространства и времени. Если контрастные фрагменты дискурса относятся к речам, произнесенным в сильно отличающихся по размеру пространствах, то желательно такие фрагменты не анализировать вместе, а если анализировать, то с учетом этого экстралингвистического фактора. Полагаем, что контент-анализ может успешно решать сценарий 3 о несостоятельности

выводов и в комбинации с другими методами эффективен для остальных двух сценариев.

Кроме вышеуказанной информации, зачастую при подготовке экспертного опроса используется метод классификации. Данный метод исключительно полезен при решении комплексных задач, таких как определение эффективности контраста при наличии экстралингвистических факторов, и может значительно обогатить знания о составляющих лингвистического явления. Например, для изучения контраста была составлена бинарная классификация, а для изучения экстралингвистических факторов многофасетная классификация, где, например, социальные экстралингвистические факторы могут быть классифицированы на принадлежность к социальному классу, социальные потребности, количество адресатов речи, социальные задачи исторического периода и социальная и политическая активность. Следует отметить, что при классификации экстралингвистических факторов необходимо учитывать конкретную цель и задачи, а также масштаб и возможности исследования. Сам по себе метод классификации не может помочь ни в одном сценарии по идентификации наиболее и наименее релевантных экстралингвистических факторов, но в совокупности с контент-анализом и полномасштабным изучением существующей литературы по вопросу может отсеять нерелевантные экстралингвистические факторы и, наоборот, выделить доминирующий экстралингвистический фактор, кардинально изменяющий силу речевого воздействия, т. е. найти частичное решение для всех трех сценариев.

Метод градуирования является действенным в случае постепенного нарастания или убывания градуированных величин или степеней качества [1; 4; 5] и особенно в случае, если предполагается последующая статистическая обработка. При достаточной степени градации статистический анализ дает максимально точные и информативные результаты. Так, при наличии 3 градаций у 2 переменных, необходимо исследовать 6 взаимоотношений. Количество так называемых размещений без повторов вычисляется по формуле:

$$A_n^k = \frac{n!}{(n-k)!},$$

где k — число градаций, n — число переменных, а знак $!$ обозначает факториал¹:

¹Емелин А. Задачи по комбинаторике. Примеры решений. URL: http://mathprofi.ru/zadachi_po_kombinatorike_primery_reshenij.html

При методе градуирования могут использоваться образование шкалы градаций, нулевое измерение и т. д. Например, в нашем исследовании мы градуировали экстралингвистический фактор пространства: радиостудия, телестудия, университет, официальная трибуна, стадион/площадь; фактор политических задач: глобальные, локальные, личные. Градуирование само по себе, так же, как и классификация, не предлагает решение сценариев, однако может способствовать инсайтам по экстралингвистическим факторам реализации контраста в совокупности с другими качественными методами и наряду с классификацией является необходи-

мым анализом для составления матриц с целью последующей статистической обработки.

Создав две матрицы: одну с градуированными экстралингвистическими факторами в исследуемых политических речах, а другую с характеристиками контраста тех же самых речей, мы сопоставили характеристики контраста с экстралингвистическими факторами и обнаружили следующие устойчивые зависимости: сложность контрастных предложений уменьшается, во-первых, с увеличением пространства, во-вторых, с увеличением социальной и политической активности (см. табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление несубъектных экстралингвистических факторов и характеристик контраста

Несубъектные экстралингвистические факторы → Речь↓	Пространство	Характеристика контраста → Речь↓	Сложность контрастных предложений
I	Стадион	I	1,36
II	Площадь	II	8,00
IV	Университет	IV	9,30
VIII	Телестудия	VIII	7,00
IX	Телестудия	IX	9,00

В таблице 1 имеются данные, которые не соответствуют нормальному распределению. Это показание к проведению дисперсионного анализа на большом объеме данных.

Тем не менее с помощью сопоставительного и сравнительного анализа возможно предварительно решить сценарии 1 и 2. На наш взгляд, сценарий 3 не может быть решен посредством данных видов анализа. При сопоставлении и сравнении мы можем оценить тенденции, проследить взаимосвязи, но умозрительно оценить тотально доминирующий экстралингвистический фактор представляется крайне затруднительным, поскольку в реальности всегда есть разброс данных, значительность которого необходимо оценить количественно.

В процессе сопоставительного анализа был использован метод ранжирования, который заключается в расположении собранной базы данных в определенной последовательности, обычно убывания или нарастания показателей [6]. Были проведены пять сортировок составленных матриц по возрастанию показателей экстралингвистических факторов (часть одной из них приведена в таблице 1).

Благодаря ранжированию мы можем наглядно представить тенденции и зависимости. Интересно, что по своей комбинаторной сути метод ранжирования, относящийся к качественным, сходен с методами ортогонального и косоугольного вращения в рамках факторного анализа, которые являются количественными.

Для решения всех трех сценариев может применяться два типа наблюдения: сплошное и выборочное. Сплошным называют наблюдение, при котором исследованию подвергаются все единицы изучаемой совокупности, в то время как при выборочном наблюдении — только часть единиц такой совокупности. Наиболее энергозатратным и не менее эффективным методом считаем выборочное наблюдение. В нашем исследовании изучались высказывания с контрастом, их воздействие на аудиторию, которое оценивалось как визуально, так и по рейтингам социальных агентств. В частности, выборочное наблюдение помогло выделить изначально неочевидный экстралингвистический фактор реализации контраста — интенсивность связи с историей, в основном, общества. Под историей общества имеется в виду временной континуум, в котором это общество

находится. В ходе наблюдения было замечено, что политики зачастую опираются не только на события далекого прошлого, но и на недавние события: неделю, месяц назад и т. п. Используя выборочную историю как основу для анализа, сравнения, контраста, политики манипулируют аудиторией, фактически ограничивая схему поведения адресатов речи и подводя их к одному, на их взгляд, единственно правильному пути, решению, действию и т. п.

Последний качественный метод, который хотелось бы рассмотреть, — это формализация. В процессе выборочного наблюдения мы могли сделать следующие записи по каждой речи: *акцент в речи на патриотические чувства, где президент «становится» одним из жителей России; долгая история взаимоотношений с МИД; безделье чиновников должно быть наказано, т. к. привело к кризису; критика ситуации в стране, сложившейся за последние 20 лет; апеллирование к таким общественным идеалам, как честные выборы, гражданское движение, борьба с коррупцией* и др. В результате было получено множество различных пропозиций, связанных с историей. Исходя из посылов адресантов, мы сделали вывод, что они в разной степени опираются на связь с историей, и такая характеристика была названа интенсивностью. Была проведена определенная формализация. Ее можно представить в следующем виде:

$$X_i = \sum \frac{A_{int} + D_{hist}}{N_{wpd(1+n)}},$$

где X_i — общий параметр интенсивности связи с историей общества всей совокупности фрагментов политического дискурса, A_{int} — количество найденных связей, D_{hist} — количество исторических данных, $N_{wpd(1+n)}$ — количество слов в каждом последующем фрагменте дискурса. Параметр D_{hist} остается неидентифицированным. Его можно

было бы описать через приведенные аргументы «за» и «против», значение которых увеличивает отдаленность во времени и пространстве:

$$D_{hist} = (pos - neg) \sqrt[3]{t_0 - t_{ev}},$$

где pos — количество исторических данных «за» аргумент, neg — количество исторических данных «против» аргумента, t_0 — год, в котором данный фрагмент политического дискурса произносился, t_{ev} — год, в котором произошел исторический факт. Следует признаться, что с одной стороны, формализация — визуальный способ представить лингвистическое явление в его экстралингвистическом контексте, а с другой стороны, в представленных формулах может оказаться большое множество неучтенных экстралингвистических факторов. В результате мы не можем утверждать, что метод формализации может сам по себе решать вышеупомянутые сценарии.

Подводя итоги, хотелось бы заключить, что качественные методы в состоянии решить один из краугольных вопросов научной истины в отношении исследования лингвистических явлений, в частности, влияние на них экстралингвистических факторов. Исследование с помощью качественных методов является неотъемлемым этапом исследования дискурса и должно включать в себя определение релевантных и доминирующих экстралингвистических факторов для конкретного вида дискурса. Качественные методы являются бесценным источником знания о лингвистическом явлении, а также отдельно или в совокупности подготавливают большие объемы данных к количественной обработке. Последняя подтверждает или опровергает гипотезы, которые были выдвинуты после качественного анализа взаимосвязи между двумя видами факторов: лингвистическими и экстралингвистическими.

Список литературы

1. Бондаренко М. В. Градуальность как свойство лексики и основание для построения лексической парадигмы: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001. 138 с.
2. Демкина Я. Ю. Сравнительный анализ методик исследования политического дискурса // Дискурс. 2021. № 7 (3). С. 89—102.
3. Забело Т. В. Лингвистическая специфика политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 24 с.
4. Колесникова С. М. Градуирование и квантификация в современном русском языке // *Studia Slavica, Hung.* 601. 2015. С. 1—10.
5. Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 424 с.

6. Конопелько И. П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка: моногр. Воронеж: РИТМ, 2019. 226 с.
7. Оношко О., Борозинец Д. Контент-анализ как метод определения политической картины мира эксперта-политолога (на примере Н. В. Сунгуровского) // *Via in Tempore. История. Политология*. 2020. № 47 (1). С. 170—177.
8. Палагина О. И. Сопоставительный анализ лингвистических характеристик языка переводов (на материалах английского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 264 с.
9. Романова Т. В. Современный политический дискурс: специфика и методика анализа // *Respectus Philologicus*. 2007. № 11. С. 56—67.
10. Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. М.: АСТ, 2000. 448 с.
11. Dahlberg S. Web-based expert surveys. The opportunities for conducting web-based elite expert surveys // *QoG WORKING PAPER SERIES*. Göteborg, 2007. 6 p.
12. Ikart E. M. Survey questionnaire survey pretesting method: an evaluation of survey questionnaire via expert reviews technique [Electronic resource] // *Asian Journal of Social Science Studies*. 2019. Т. 4. № 2. С. 1—17.
13. Maestas C. Expert surveys as a measurement tool: Challenges and new frontiers // *The Oxford Handbook of Polling and Survey Methods*. New York: Oxford University Press, 2016. Pp. 583—608.

Сведения об авторе

Шер Денис Карлович — соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета. sher_denis@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 9 (455). *Philology Sciences. Iss. 126. Pp. 206—211.*

IMPLEMENTING QUALITATIVE METHODS IN THE IDENTIFICATION OF RELEVANT EXTRALINGUISTIC FACTORS OF SPEECH INFLUENCE

D. K. Sher

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. sher_denis@mail.ru

This article features the results of psycholinguistic experiment and focuses on the main areas of linguistic research where qualitative methods can be applied. There has been made an attempt to single out the most practical qualitative methods for solving specific linguistic problems, such as expert survey, content analysis, classification, grading, matching and comparative analysis, ranging, formalization, experiment, and observation. The strengths and limitations of qualitative methods in eliminating relevant extralinguistic factors, especially those that are dominating discourse, have been considered in the article. The paper suggests three most frequent scenarios within the scope of the above-mentioned research and gives a variety of examples of how hypotheses can be put forward within these scenarios. It is accentuated in the article how scientific truth, qualitative, and quantitative methods contribute to significant results.

Key words: *extralinguistic factors, qualitative methods, political discourse, contrast, linguistic manipulation, scenarios, scientific truth.*

References

1. Bondarenko M. V. (2001) Gradual'nost' kak svojstvo leksiki i osnovanie dlja postroenija leksicheskoy paradigmy [Graduality as a lexical property and foundation for building a lexical paradigm. Thesis.] Voronezh. 138 p. [in Russ.].
2. Demkina Ja. Ju. (2021) *Diskurs*, no. 7 (3), pp. 89—102 [in Russ.].
3. Zabelo T. V. (2012) Lingvisticheskaja specifika politicheskogo diskursa [Linguistic peculiarities of political discourse. Abstract of thesis]. Moscow. 24 p. [in Russ.].

4. Kolesnikova S. M. (2015) *Studia Slavica, Hung.* 601, pp. 1—10. [in Russ.].
5. Kolesnikova S. M. (1999) *Kategorija gradual'nosti v sovremennom russkom jazyke* [Graduality category in modern Russian language. Thesis.]. Moscow. 424 p. [in Russ.].
6. Konopel'ko I. P. (2019) *Sopostavitel'nyj analiz v issledovanii i prepodavanii jazyka* [Comparative analysis in language teaching studies]. Voronezh: OOO «RITM». 226 p. [in Russ.].
7. Onopko O., Borodinetz D. (2020) *Via in Tempore. Istorija. Politologija*, № 47 (1). Pp. 170—177 [in Russ.].
8. Palagina O. I. (2008) *Sopostavitel'nyj analiz lingvisticheskikh harakteristik jazyka perevodov (na materialah anglijskogo i russkogo jazykov)* [Comparative analysis of linguistic features in the language of translation works in English and Russian. Thesis.]. Moscow. 264 p. [in Russ.].
9. Romanova T. V. (2007) *Respectus Philologicus*, no. 11, pp. 56—67 [in Russ.].
10. Fromm Je. (2000) *Velichie i ogranichennost' teorii Frejda* [Greatness and Limitations of Freud's Thought.]. M.: AST. Pp. 21—48. [in Russ.].
11. Dahlberg S. (2007) *Web-based expert surveys. The opportunities for conducting web-based elite expert surveys // QoG WORKING PAPER SERIES.* Göteborg. 6 p.
12. Ikart E. M. (2019) *Asian Journal of Social Science Studies*, vol. 4(2), pp. 1—17.
13. Maestas C. (2016) *Expert surveys as a measurement tool: Challenges and new frontiers // The Oxford Handbook of Polling and Survey Methods.* New York: Oxford University Press. Pp. 583—608.